

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-0445 Print
ISSN 2712-8946 Online

ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**ИСТОРИЯ,
ПЕДАГОГИКА,
ФИЛОЛОГИЯ**

VESTNIK

OF SAMARA UNIVERSITY

**HISTORY,
PEDAGOGICS,
PHILOLOGY**

ТОМ 29 • №1 • 2023 ГОД

ISSN 2542-0445
Подписной индекс 78535

ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Том 29 № 1

VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY
HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

Vol. 29 No. 1

2023

ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ
VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA. ISTORIA, PEDAGOGIKA, FILOLOGIA
VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY. HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, с 2003 г.
С 1 декабря 2015 г. журнал включен в новый Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 23.06.2017 – с новым названием.

Тематика журнала:

- исторические науки и археология (специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5),
- педагогические науки (специальности: 5.8.1; 5.8.7),
- языкознание (специальности: 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Журнал издается с 1995 г. Выходит 4 раза в год.

Миссия журнала – распространение в России и за рубежом новых научных идей и результатов оригинальных исследований в области истории, педагогики и языкознания как базовых наук гуманитарного цикла, обладающих традиционными эвристическими взаимосвязями, создающими особый синергетический исследовательский эффект как в освоении новых тенденций развития этих наук, так и в раскрытии особенностей различных языков, истории, культуры, традиций образования в России и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Цели и задачи журнала: привлечение в журнал авторитетных авторов; публикация результатов оригинальных научных исследований (статьи, обзоры, рецензии и отзывы на научную литературу) в области исторических, педагогических наук и языкознания; создание условий для развития и укрепления интеграции российских и зарубежных ученых в сфере социально-гуманитарных исследований; продвижение журнала на российском и международном рынке, в том числе путем расширения возможностей распространения и индексирования научных работ в основных базах данных в России и за рубежом.

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор:

В.А. Конев, д-р филос. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Заместители главного редактора:

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Ответственный секретарь:

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,
ул. Акад. Павлова, 1.

Тел. +7(846) 3345406

Е-mail: murzinova.tatjana@yandex.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Издатель: Самарский университет

Центр периодических изданий Самарского университета

Адрес издателя: 443086, Российская Федерация,

Самарская обл., г. Самара,

Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Выпускающий редактор *Т.А. Мурзинова*

Литературное редактирование, корректура

Т.А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Л.Н. Законова

Информация на английском языке

М.С. Стрельников

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-67842 от 28.11.2016 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Объединенном каталоге

«Пресса России» 78535

ISSN 2542-0445

Прежнее название – Вестник Самарского государственного университета, ISSN 1810-5378. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-12398 от 19.04.2002 выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,
Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Подписано в печать 17.04.2023. Выход в свет 20.04.2023.

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 27,5.

Тираж 200 экз. (первый завод – 30 экз.). Заказ №

© Самарский университет, 2023

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY. HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY
VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA. ISTORIJA, PEDAGOGIKA, FILOLOGIJA
ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (Samara University)

Indexing in databases: eLIBRARY.RU RSCI CYBERLENINKA LAN CROSSREF

The Journal is included by the HAC in the list of leading scientific magazines and editions, published in the RF, since 2003. On December 1, 2015, the journal is included in the new List of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published, from 23.06.2017 with the new title.

Remit of the journal:

- **historical sciences and archaeology** (specialities: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5),
- **pedagogical sciences** (specialities: 5.8.1; 5.8.7),
- **linguistics** (specialities: 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Journal is published since 1995. It is published quarterly.

The mission of the journal is to disseminate in Russia and abroad new scientific ideas and the results of original research in the field of history, pedagogics and linguistics as the basic sciences of the humanitarian cycle, which have traditional heuristic relationships that create a special synergistic research effect both in mastering new trends in the development of these sciences and in revealing the features of various languages, history, culture, educational traditions in Russia and in the countries of near and far abroad.

Aims and objectives of the journal: attraction of authoritative authors to the journal; publication of the results of original scientific research (articles, surveys, reviews and reports on scientific literature) in the field of historical and pedagogical sciences and linguistics; creating conditions for the development and strengthening of integration of Russian and foreign scientists in the field of social and humanitarian research; promotion of the journal in the Russian and international markets, including by expanding the possibilities of disseminating and indexing scientific papers in the main databases in Russia and abroad.

All articles are reviewed in the program «AntiPlagiat» and double-blind peer-reviewed by the leading scientists in accordance with remit and specialities of the journal.

Chief editor:

V.A. Konev, Dr. of Philosophical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Deputy chief editors:

P.S. Kabytov, Dr. of Historical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

T.I. Rudneva, Dr. of Pedagogical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

N.A. Ilyukhina, Dr. of Philological Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Executive editor:

E.L. Dubman, Dr. of Historical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Postal address of editorial office:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 3345406

E-mail: murzinova.tatjana@yandex.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Publisher: Samara University.

Center of Periodical Publications of Samara University,

Address Publisher: Room 312b, building 22a, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

Commissioning editor *T.A. Murzinova*

Literatory editing, proofreading

T.A. Murzinova

Computer makeup, dummy

L.N. Zakonova

Information in English

M.S. Strelnikov

The Certificate on registration of means of mass-media **III № ФС 77-67842** as of 28.11.2016 is given by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Subscription index in the United catalog «Press of Russia» 78535

ISSN 2542-0445

The former title – Vestnik of Samara State University, ISSN 1810-5378. The certificate on registration of mass media **III № 77-12398** as of April 19, 2002, was issued by the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Passed for printing 17.04.2023. The publication 20.04.2023. Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print. Print. sheets 27,5.

Circulation 200 copies (first printing – 30 copies). Order №

© Samara University, 2023

This is an open access content distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

Главный редактор

В.А. Конев, д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры философии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Редакционная коллегия

История

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой российской истории (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация); профессор (Поволжский филиал Института истории РАН, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры российской истории (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **ответственный секретарь**

С.И. Ковальская, д-р ист. наук, профессор кафедры истории Казахстана (Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Алматы, Казахстан)

В.В. Кондрашин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории (Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация)

Б.У. Меннинг, доктор истории, профессор (Университет Канзаса, Лоренс, США)

Д.А. Редин, д-р ист. наук, доцент, заместитель директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Российская Федерация)

А. Знаменский, д-р философии по истории, профессор, профессор исторического факультета (Университет Мемфиса, Теннесси, США)

Педагогика

В.П. Бездухов, д-р пед. наук, профессор, чл.-корр. Российской академии образования, кафедра педагогики (Самарский социально-гуманитарный университет, Самара, Российская Федерация)

А. Мантарова, д-р социол. наук (Институт изучения обществ и знания, София, Болгарская академия наук, Болгария)

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики профессионального образования (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Л.К. Раицкая, д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и психологии (Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация)

В.А. Капранова, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой педагогики (Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Республика Беларусь)

Филология

С.И. Дубинин, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и массовой коммуникации (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

И. Клюканов, PhD, профессор коммуникации (Восточный Вашингтонский университет, Чини, США)

Б. Питерс, д-р филос. наук, помощник профессора по связям с общественностью (Колледж искусств и науки Генри Кенделла, Талса, США)

А.А. Харьковская, канд. филол. наук, профессор, профессор кафедры английской филологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

А. Эббингхауз, д-р филол. наук, почетный профессор (Баварский университет Юлиуса-Максимилиана, Вюрцбург, Германия)

Г. Синекопова, PhD, профессор (Восточный Вашингтонский университет, Чини, США)

Д.С. Храмченко, д-р филол. наук, доцент по специальности «Германские языки», профессор кафедры английского языка № 4 (Московский государственный университет международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация)

Л.Б. Карпенко, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Н.А. Туникова, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка (Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация)

Chief editor

V.A. Konev, PhD in Philosophy, professor, Honored worker of science of RF, professor of Department of Philosophy (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial board

History

P.S. Kabytov, PhD in History, professor, Honored worker of science of RF, head of the Department of Russian History (Samara National Research University, Samara, Russian Federation); Volga Region branch of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

E.L. Dubman, PhD in History, professor, professor of the Department of Russian History (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **executive secretary**

S.I. Kovalskaya, PhD in History, professor of the Department of Kazakhstan History (Eurasian National University, Almaty, Kazakhstan)

V.V. Kondrashin, PhD in History, chief research officer, head of the Center of Economic History (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B.W. Menning, PhD in History, professor (University of Kansas, Lawrence, USA)

D.A. Redin, PhD in History, assistant professor, deputy head (Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University; Institute of History and Archeology of The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation)

A. Znamenski, PhD in History, full professor of the Faculty of History (University of Memphis, Tennessee, USA)

Pedagogy

V.P. Bezdukhov, PhD in Pedagogics, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, Department of Pedagogics (Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation)

A. Mantarova, Dr. of Sociological Sciences (Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)

T.I. Rudneva, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

L.K. Raitskaya, PhD in Pedagogics, professor of the Department of Pedagogics and Psychology (MGIMO, Moscow, Russian Federation)

V.A. Kapranova, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Pedagogy (Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus)

Philology

S.I. Dubinin, PhD in Philology, professor, head of the Department of German Philology (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N.A. Ilyukhina, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

I. Klyukanov, PhD, professor of Communication (Eastern Washington University, Cheney, USA)

B. Pifers, PhD in Philosophy, assistant professor of Communication (Henry Kendall College of Arts and Sciences, Tulsa, USA)

A.A. Khar'kovskaya, Candidate of Philological Sciences, professor, professor of the Department of English Philology (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

A. Ebbinghaus, Doctor of Philological Sciences, honorary professor (Julius-Maximilians University of Würzburg, Würzburg, Germany)

G. Sinekopova, PhD, professor of Communication (Eastern Washington University, Cheney, USA)

D.S. Hramchenko, PhD in Philology, assistant professor on the specialty «German Languages», professor of English Language Department № 4 (MGIMO, Moscow, Russian Federation)

L.B. Karpenko, PhD in Philology, professor of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N.A. Tupikova, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language (Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Бусыгин А.Е. Российская государственная образовательная политика: в какой степени она содействует становлению новой социальной реальности?	8
Кабытов П.С., Конев В.А., Соловьева С.В., Кондрашин В.В., Данилов В.Н., Любичанковский С.В. Дискуссия по поводу статьи Бусыгина А.Е. «Российская государственная образовательная политика: в какой степени она содействует становлению новой социальной реальности?»	21
Иноземцев И.Н. Динамика сети эвакогоспиталей Пензенской области в годы Великой Отечественной войны	31
Учватов П.С. Роль Советов министров АССР во «всенародном обсуждении» проекта Конституции СССР 1977 г. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской республик)	38
Тюрин В.А. Самарские вице-губернаторы второй половины XIX в.: властные полномочия, социокультурная характеристика	46
Евпалов В.В. Самарское общество в период двоевластия	53
Рыбин Д.В. Переписка Анатолия Федоровича Кони с либеральными юристами как источник по политическим настроениям легалистов в 1860–1910 гг.	61

ПЕДАГОГИКА

Соловьева С.В. Преподаватель университета в ситуации тотальной неопределенности	67
Сысоева Е.Ю. Безопасное педагогическое общение: этико-речевой аспект	77
Виноградова Г.А. Факторы эффективности жизнедеятельности студенческой молодежи	83
Ежков Д.О., Соловова Н.В. Универсальные компетенции специалиста по управлению персоналом	89
Вандышева Л.В. Социально-медицинское волонтерство в непрофильном вузе	95
Саматеева М.З. Формирование патриотического сознания студенческой молодежи	104
Luganskaya Ye.V., Suslova A.Yu. Taking the Lessons Learned During Online Education Back into the Classroom	109

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Багдасаров А.Р., Быченко А.А. К проблеме специальной методики преподавания близкородственных языков (на материале хорватского и сербского языков)	116
Lipgart A.A., Vishnyakova O.D. Functional stylistics and vertical context	125
Бородулина Е.С. Эволюция применения деформации при переводе художественного текста: диахронический аспект и подходы к интерпретации (на материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр»)	137
Архипова И.В. Мультипликативные и итеративные девербативы как средство таксисной актуализации (на материале немецкого языка)	145
Дмитриева Т.В. Действие закона аналогии в окказиональном словообразовании (на материале лирики Е.А. Евтушенко и А.А. Вознесенского)	152
Блинова Ю.А. Прецедентные имена как способ семиотизации культуры в дискурсе современной немецкой литературы	159
Резникова Е.В. Концепт «круг» в славянской языковой картине мира (на примере русского и польского языков)	166
Дерюгина Д.А., Илюхина Н.А. Возможности метонимии в обозначении лица в разговорной речи	174
Первухина С.В. Осознанность контекста в электронном формате диалога	181
Andreeva M.I., Gaynutdinova D.Z., Galiakhmetova A.T. Semantic and lexical specifics of the emotives, nominating sadness in English	188
Алексеев А.Б. Пьеса Б. Шоу «Пигмалион» в аспекте интердискурсивности	197

РЕЦЕНЗИИ

Аргамонова Л.М. Наполняя историческое знание личной и народной памятью: о новых публикациях трудов А.Н. Минха	205
Дубинин С.И. Рецензия на монографию: Bonwetsch B. Mit und ohne Russland. Eine familiengeschichtliche Spurensuche. Essen: Klartext-Verlag, 2017. 168 S. ISBN 978-3-8375-1770-5 = Бонвеч Б. С Россией и без нее / пер. с нем. Л. Башкиной. Москва: Издательство «ИстЛит», 2019. 240 с. ISBN 978-5-6042416-0-8	210
Пантелеева Л.М. «Женское» в эпистолярном наследии. Рецензия на книгу: Лингвоперсоналогические портреты жительниц Северного Прикамья на основе региональных эпистоляриев первой половины XX века: Материалы и исследования / Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова; науч. ред. Л.Л. Мазитова. Соликамск, РТО СГПИ филиал ПГНИУ: ООО «Типограф», 2022. 199 с.	214

CONTENTS

HISTORY

Busygin A.E. Russian state educational policy: in what way does it contribute to the formation of the new social reality?	8
Kabytov P.S., Konev V.A., Solovyova S.V., Kondrashin V.V., Danilov V.N. Discussion about the article by Busygin A.E. «Russian state educational policy: in what way does it contribute to the formation of the new social reality?»	21
Inozemtsev I.N. Dynamics of the network of evacuation hospitals in the Penza region during the Great Patriotic War	31
Uchvatov P.S. Role of Councils of Ministers of ASSR in the «nationwide discussion» of the Draft Constitution of the USSR of 1977 (on the materials of the Mari, Mordovian and Chuvash Republics)	38
Tyurin V.A. Samara vice-governors of the second half of the XIX century: powers, socio-cultural characteristics	46
Evpalov V.V. Samara society in the period of dual power	53
Rybin D.V. Correspondence of Anatoly Fedorovich Koni with liberal lawyers as a source on the political sentiments of legalists in 1860–1910	61

PEDAGOGY

Solovyova S.V. University professor in a situation of total uncertainty	67
Sysoeva E.Yu. Safe pedagogical communication: ethical and speech aspect	77
Vinogradova G.A. Factors of the efficiency of the life of students	83
Ezhkov D.O., Solovova N.V. Universal competencies of an HR specialist	89
Vandyshcheva L.V. Socio-medical volunteering in a non-profile university	95
Samateeva M.Z. Formation of patriotic consciousness of student youth	104
Luganskaya Ye.V., Suslova A.Yu. Taking the Lessons Learned During Online Education Back into the Classroom	109

LINGUISTICS

Bagdasarov A.R. Bychenko A.A. On the problem of special methods of teaching closely related languages (on the material of Croatian and Serbian languages)	116
Lipgart A.A., Vishnyakova O.D. Functional stylistics and vertical context	125
Borodulina E.S. Use of deformation in the translation of a literary text: the diachronic aspect and interpretation approaches (on the material of the novel «Jane Eyre» by Ch. Bronte)	137
Arkhipova I.V. Multiplicative and iterative deverbatives as a means of taxis actualization (based on the German language)	145
Dmitrieva T.V. Action of the law of analogy in occasional word formation (based on the lyrics by E.A. Evtushenko and A.A. Voznesensky)	152
Blinova Yu.A. Precedent names as a way to semiotize culture in modern German fictional discourse	159
Reznikova E.V. Concept «circle» in the Slavic language picture of the world (based on the material of Russian and Polish)	166
Deryugina D.A., Ilyukhina N.A. Possibilities of metonymy in the designation of a person in colloquial speech	174
Pervukhina S.V. Context awareness in the electronic format of dialogue	181
Andreeva M.I., Gaynutdinova D.Z., Galiakhmetova A.T. Semantic and lexical specifics of the emotives, nominating sadness in English	188
Alexeyev A.B. B. Shaw's play «Pygmalion» in the perspective of interdiscursivity	197

REVIEWS

Artamonova L.M. Filling historical studies with personal memory and folk memory: new publications of the works by A.N. Minh	205
Dubin S.I. Review of the monograph: Bonwetsch B. Mit und ohne Russland. Eine familiengeschichtliche Spurensuche. Essen: Klartext-Verlag, 2017. 168 S. ISBN 978-3-8375-1770-5 = Bonwetsch B. With and without Russia / translated from German by L. Bashkina. Moscow: Izdatel'stvo «IstLit», 2019, 240 p. ISBN 978-5-6042416-0-8	210
Panteleeva L.M. «Female» in the epistolary heritage. Review on the book: Logunova N.V., Mazitova L.L. Linguopersonological portraits of the female resident of the Northern Prikamye on the basis of regional epistolaries of the first half of the XX century: Materials and research; Mazitova L.L. (Ed.). Solikamsk: RTO SGPI filial PGNIU: OOO «Tipograf», 2022. 199 p.	214

ИСТОРИЯ HISTORY

DOI: 10.18287/2542-0445-2022-29-1-8-20

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(470)

Дата поступления: 18.11.2022
рецензирования: 20.12.2022
принятия: 10.03.2023

Российская государственная образовательная политика: в какой степени она содействует становлению новой социальной реальности?

А.Е. БусыгинИнститут социально-политических исследований РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: busygin.andrei@gmail.com

*Привет Европе! Азии – поклон!
Урал, граница двух миров, – мой дом.
Проездом здесь бывают те и эти.
Но разве проживешь чужим умом?*

Николай Белаяев. 1983 год

Ищите за границей сведения, а не образцы.
Ортега-и-Гассет, 1944 год

Аннотация: В статье на основе используемых документов приводятся свидетельства невысокого качества массового советского образования в последние два десятилетия существования Советского Союза и вскрываются причины данного явления. Цель предлагаемого исследования состоит в том, чтобы на основе анализа состояния советской (впоследствии российской) образовательной системы начиная с 70-х годов XX века, а также ряда решений органов государственной власти России выявить как сильные, так и слабые стороны отечественного образования и выработать определенные рекомендации по его совершенствованию. Тем самым прослеживается процесс становления образовательной политики новой России и намечаются пути совершенствования образовательной системы для ее более полного содействия становлению новой социальной реальности. Анализ сложившейся в стране ситуации позволяет считать, что к настоящему времени государственная образовательная политика способствовала формированию новой системы образования. Но данная сложившаяся система, развивающаяся в реалиях окружающей ее действительности, вынуждена была «повторить» всю совокупность не только позитивных, но и отрицательных негативных характеристик создавшей ее среды. Предпринимаемые попытки воздвигнуть барьеры на пути последних, позволяющие, по расчетам их создателей, образовательной системе защититься от плохого влияния окружающей среды, как, например, введение ЕГЭ, как защиты от коррупции, оказались неэффективными. Все попытки сделать этот экзамен более совершенным не привели к желаемому результату. В итоге выяснилось, что традиционные методы проверки знаний выпускников отечественных школ дают лучший эффект. По нашему мнению, вывод может быть только таким: изолированное совершенствование образовательных учреждений не может быть успешным без оздоровления среды, в которой они существуют. А такое оздоровление в настоящее время необходимо на основе полного задействования в практике принципов ответственности и доверия: ответственности власти перед обществом, ответственности гражданина перед законом, ответственности членов общества друг перед другом. Тогда возобладают и принцип взаимного доверия. Только при этих условиях сможет сложиться эффективная образовательная система, содействующая становлению новой социальной реальности.

Ключевые слова: новая социальная реальность; образовательная политика; система образования; образование как общественное благо; рынок образовательных услуг.

Цитирование. Бусыгин А.Е. Российская государственная образовательная политика: в какой степени она содействует становлению новой социальной реальности? // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 8–20. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-8-20>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Бусыгин А.Е., 2023

Андрей Евгеньевич Бусыгин – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН, 119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, 6.

SCIENTIFIC ARTICLE

Дата поступления: 18.11.2022
рецензирования: 20.12.2022
принятия: 10.03.2023

Russian state educational policy: in what way does it contribute to the formation of the new social reality?

A.E. Busygin

Institute of Socio-Political research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
E-mail: busygin.andrei@gmail.com

Abstract: Based on the documents used, the article provides evidence of the low quality of mass Soviet education in the last two decades of the existence of the Soviet Union and reveals the reasons for this phenomenon. The purpose of the proposed study is to, based on an analysis of the state of the Soviet (later Russian) educational system, starting from the 70-ies of the XX century, as well as a number of decisions of Russian state authorities, to identify both strengths and weaknesses of domestic education and to develop certain recommendations for its improvement. Thus, the process of formation of the educational policy of the new Russia is traced and ways are outlined for improving the educational system for its fuller contribution to the formation of a new social reality. An analysis of the current situation in the country suggests that by now the state educational policy has contributed to the formation of a new education system. But this established system, developing in the realities of the reality surrounding it, was forced to «repeat» the entire set of not only positive, but also negative characteristics of the environment that created it. The attempts made to erect barriers in the way of the latter, according to the calculations of their creators, allowing the educational system to protect itself from the bad influence of the environment, such as the introduction of the Unified State Examination as a protection against corruption, turned out to be incapacitated. All attempts to make this exam more perfect did not lead to the desired result. As a result, it turned out that traditional methods of testing the knowledge of graduates of domestic schools give the best effect. In our opinion, the conclusion can only be this: the isolated improvement of educational institutions cannot be successful without improving the environment in which they exist. And such a recovery is now necessary on the basis of the full implementation in practice of the principles of responsibility and trust: the responsibility of the authorities to society, the responsibility of a citizen to the law, the responsibility of members of society to each other. Then the principle of mutual trust will prevail. Only under these conditions an effective educational system can be formed that contributes to the formation of a new social reality.

Key words: new social reality; educational policy; education system; education as a public good; educational market and educational services.

Citation. Busygin A.E. Russian state educational policy: in what way does it contribute to the formation of the new social reality? *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 8–20. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-8-20>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Busygin A.E., 2023

Andrey E. Busygin – Doctor of Economics, professor, principal researcher, Institute of Socio-Political research of the Russian Academy of Sciences, 6, Fotieva Street, Moscow, Russian Federation.

Введение

В 60-е годы XX века в мире поднялась первая волна научно-технической революции. В развитых странах мира, которые стремились закрепить за собой первенство в научно-технической гонке, в данной связи немедленно обратили особое внимание на сложившиеся к тому времени системы образования с тем, чтобы их усовершенствовать, сделать более гибкими и эффективными, способными в наилучшей степени соответствовать новым требованиям. При этом специалисты из США, Канады, Японии и стран Западной Европы принялись за изучение опыта СССР, который во второй половине 50-х – начале 60-х годов совершил рывок в космос – это, по мнению многих, несомненно, свидетельствовало о высокой эффективности советской системы образования.

После первой волны научно-технической революции последовали, сменяя друг друга, и другие. Научно-техническая революция постепенно переросла в научно-технологическую, индустриальная экономика трансформировалась в «экономику знаний», что потребовало дальнейшего совершенствования образовательных систем.

Сегодня мир вступил в эпоху, когда современные информационные технологии, постепенно ох-

ватывающие практически все сферы жизни людей, меняют окружающий нас мир настолько глубоко, что понятие «становление новой социальной реальности» стало уже привычным не только для ученых-исследователей, но и для широких слоев населения многих стран. Более того, эти технологии меняют не только окружающий человека мир, под их воздействием меняется и сам человек. Идет работа над созданием искусственного интеллекта. При этом спорным остается вопрос: станет ли этот искусственный интеллект «копией» человека, его создающего, то есть его помощником, или более могущественным соперником? То, что еще совсем недавно относилось к сфере фантастики (по мнению многих, даже не научной) становится (или в ближайшие десятилетия станет) реальностью.

Россия претендует сегодня если не на лидерство в научно-технологической гонке, то наверняка на одно из призовых мест в международном научно-технологическом соревновании. При этом качеству образовательной системы закономерно уделяется особое внимание: реализуется Национальный проект «Образование», одной из целей которого является вхождение Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования.

Цель данной статьи – на основе анализа состояния советской (впоследствии российской) образовательной системы начиная с 70-х годов XX века, некоторых решений органов государственной власти России выявить как сильные, так и слабые стороны отечественного образования и выработать некоторые рекомендации по его совершенствованию. Из содержания статьи станет понятным, почему именно с 70-х годов автор решил начать свой анализ.

Основная часть

О состоянии советской образовательной системы, сложившейся к концу 80-х годов XX века

Принято считать, что советская образовательная система была лучшей в мире. Она якобы обладала неоспоримыми преимуществами по сравнению с аналогичными системами других развитых стран, и только в 90-е годы, после развала Советского Союза, утратила многие из своих положительных черт. Такая оценка состояния образования в советском прошлом многократно повторяется на протяжении уже многих лет. Вот и В.Д. Ливанов, ныне ректор МФТИ, а в 2012–2016 гг. министр образования и науки Российской Федерации, в интервью «Российской газете» сказал, что, «к сожалению, российское высшее образование, как и наука, сильно потеряло в 90-е годы прошлого века. Сейчас, уверен, Россия встала на путь восстановления своей научной репутации, репутации своих университетов» (Российская газета 2021). Но соответствует ли действительности высокая оценка системы образования в СССР, даваемая в настоящее время? Автор данной статьи считает это большим преувеличением и в доказательство своей позиции обращается к документам¹.

Важнейший из них – материалы Пленума ЦК КПСС по вопросам образования, который состоялся в феврале 1988 года. Стенограмма обсуждения вопроса повестки дня Пленума, а также аналитические материалы, подготовившиеся к Пленуму, ныне хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ. Д. 331, 332, 339; 99–108). Материалы Пленума в то время не получили широкого общественного резонанса, так как были засекречены (рассекречена стенограмма была лишь в феврале 1994 года. С того времени менее десяти исследователей ознакомились с рассекреченной стенограммой). Тогда все внимание общества было приковано к речи М.С. Горбачева, с которой он выступил на Пленуме после обсуждения вопросов образования. В этой речи генеральный

секретарь говорил о необходимости углублять перестройку, переходить к расширению демократических процессов, о готовящейся XIX партийной конференции, которая должна все эти вопросы обсудить. Еще многим запомнился Пленум тем, что именно на нем Б.Н. Ельцин был освобожден от обязанностей кандидата в члены Политбюро и с «партийного Олимпа» был низвергнут на должность первого заместителя председателя Госстроя СССР (должность министра). После февраля 1988 года течение политических событий ускорилося, всем стало не до образования – его проблемы надолго отошли на задний план, показались мелочью на фоне грандиозных сдвигов, которые в конечном счете привели к гибели КПСС и Советского Союза.

Почему же были засекречены материалы февральского, 1988 года Пленума ЦК КПСС? Наверняка потому, что уж слишком неприглядная картина вырисовывалась при внимательном взгляде на советскую среднюю и высшую школу. Советские люди по определению должны были иметь уверенность в том, что наша система образования самая лучшая, самая передовая, самая прогрессивная. Это придавало оптимизм. Боялись, видимо, партийные начальники, что, если советских людей-оптимистов проинформировать о том, что мы имеем на самом деле, они превратятся в пессимистов. Вот и засекретили. И мифу о том, что отечественная система образования – лучшая в мире, была обеспечена долгая жизнь.

Надо отметить, что выступления участников Пленума были и острыми, и осторожными одновременно, что соответствовало тогдашнему времени – устремленность в будущее сочеталась с привычными, ставшими традиционными подходами. В частности, Е.К. Лигачев в докладе на Пленуме (а он был основным докладчиком по вопросу перестройки средней и высшей школы) сказал: «Сейчас, как и раньше... рабочий класс – это главная сила ускорения развития страны, движитель общественных преобразований...» Эта мантра об особой роли рабочего класса повторялась тогда постоянно. И опять Лигачев ее повторил, хотя ясно же было, что мир изменился, что экономика, основанная на индустрии, уходит в прошлое, что будущее за экономикой знаний, и это будущее в мире уже наступило! И тогда уже было ясно, что экономику знаний создает не рабочий класс, а ученые и «белые воротнички» – «креативный класс». Это только Советский Союз цеплялся за прошлое и тянул за собой весь «соцлагерь». Собственно говоря, и Пленум состоялся именно потому, что наше отставание от передовых стран становилось все более заметным. Очень осторожно на Пленуме об этом говорили, но именно осторожно, не акцентируя на этом внимания. Акцент был сделан на необходимости перестройки советской школы, которая отстает от перестройки в других сферах, на том, что мы «должны прибавить в работе в сфере образования».

¹ Следует отметить, что многие важные этапы отечественной образовательной политики автору данной статьи знакомы не только по документам и по опыту работы в вузах, но и «даны в ощущениях» в периоды работы: в должности заведующего отделом науки и учебных заведений Татарского обкома КПСС в 1987–1990 гг., заместителем министра культуры России в 2006–2013 гг., ректором крупного негосударственного вуза «Российский университет кооперации» в 2015–2017 гг.

Итак, миф о лучшей в мире системе образования в СССР жил и процветал. В Послании Президента Федеральному Собранию, оглашенном 30 марта 1999 года, было сказано: «Отечественную систему образования всегда отличали высочайший уровень, фундаментальность и широта». Вроде как признали, что это в 90-е годы мы откатились от достигнутых высот, а ранее все было хорошо. В Послании 2005 года Президент сказал: «Главная задача – не потерять высокое качество образования». Знакомившиеся с Посланием Президента 2008 года узнали, что «решающую роль в формировании нового поколения профессиональных кадров должно сыграть возрождение российской образовательной системы. Ее прежние успехи были признаны во всем мире». На этот раз было признано, что систему образования, которой был нанесен огромный урон в 90-х годах (что ясно без доказательств), надо возрождать. Но тезис о ее прежних успехах прозвучал опять!

Какие же успехи советской системы образования были признаны во всем мире? Е.К. Лигачев в докладе на Пленуме сказал, в частности: «Анализ образования семи передовых стран мира (США, Японии, Англии, Франции, ФРГ, Канады и СССР), проведенный экспертами ЮНЕСКО (среди них не было ни одного из соцстран [Мол, данные объективные, никто на экспертов не давил! – А. Б]), показал, что, по качеству преподавания основных дисциплин, советская школа занимает ведущее место (2–4)». Но при этом продолжил: «Однако это отражение сегодняшней, а точнее, вчерашней картины. Мировая школа в целом делает огромный качественный рывок вперед. Появилась опасность отставания. Это тревожная реальность». Уж если секретарь ЦК сказал об отставании как тревожной реальности, значит, действительно слова о том, что «появилась опасность отставания» надо понимать как «выявилось опасное отставание». Лигачев же не сказал, в каком году ЮНЕСКО проводило анализ образования семи ведущих стран!

На Пленуме и говорили о тревожной реальности. Говорили о том, что наблюдается колоссальный дефицит интеллигентности у учителя, о том, что последние два десятилетия, а может быть, и дольше, «наш учитель формировался из числа далеко не лучших выпускников средней школы». А что касается учеников, то они не знания хотят приобрести, а аттестаты, дипломы, «бумажку, галочку». Критиковали состояние дел в высшей школе, говорили о нарастании в вузах провинциализма, о появлении «захолустных вузов, осуществляющих расширенное воспроизводство культурно-образовательной отсталости». Характеризуя ситуацию в высшей школе, министр высшего образования СССР Г.А. Ягодин сказал: «Документы, дипломы, личные листки, аттестаты, характеристики – опять бумаги – существенно потеснили знания, способности и умение».

Приведем еще некоторые факты из архивных материалов о подготовке к Пленуму и из стенограммы его заседаний.

Провели инспекцию в десяти вузах. В результате выявили, что центральная из проблем – это качество подготовки специалистов, которое сегодня уже не может удовлетворить. Причины этого закладываются в школе. Проведенные контрольные работы в 70 вузах, которыми были охвачены около 20 тысяч первокурсников, показали, что большинство студентов не подтверждают знаний, показанных ими же на вступительных экзаменах. При этом многие – от 17 до 70 % – просто-напросто неграмотны. Е.К. Лигачев в докладе своем отметил, что в школах две трети учеников учатся на тройку.

В.И. Купцов – начальник Главного управления преподавания общественных наук Минвуза СССР – на одном из совещаний рассказывал о том, как выпускник философского факультета университета на заданный ему вопрос отвечал, что в Советском Союзе живет 30 млн человек, а другой ответил – 800 млрд человек. Приведя эту информацию, В.И. Купцов воскликнул: «Это же университет! Это же совершенно невероятная вещь!»

Еще раз сошлемся на министра высшего образования СССР Г.А. Ягодина. Выступая на Пленуме, он привел такой пример: в Брянском политехническом институте студент выпускного курса не мог назвать основные свойства ни чугуна, ни стали.

В России традиционно считали нашим преимуществом фундаментальное математическое образование. В Послании Президента Федеральному Собранию 2012 года об этом было упомянуто. А вот на февральском Пленуме 1988 года президент Академии наук СССР Г.И. Марчук сказал о том, что школьные учебники по математике были приняты без должного обсуждения и экспериментальной проверки и преподавание соответствующего предмета было заведено в тупик. Уж кого-кого, а академика Г.И. Марчука никак нельзя обвинить в очернении тогдашней действительности! Он правдиво говорил о том, что наболело, чего нельзя было более терпеть!

На февральском Пленуме ЦК 1988 года в докладе Е.К. Лигачева было сказано о том, что за последние 20 лет было открыто 154 вуза и до сих пор в 84 из них – всего один или два доктора наук, профессора, а в 8 – ни одного! В Послании Президента Федеральному Собранию 2013 года (25 лет спустя!) отмечено, что сегодня как в столицах, так и в регионах много вузов, которые не отвечают современным требованиям. В последние годы Рособнадор основательно прочистил эти завалы, но почти 30 лет упущено!

А материальная база образования? В 1988 году отмечалось, что нет ни одного вуза в стране, материально-техническая база которого была бы в норме. Причем и тогда признавали, что это наши внутренние нормы, изначально заниженные и не соответствующие мировым стандартам. Ситуация еще более усугубилась в 90-е годы, когда учреждения образования, как среднего, так и высшего, были брошены на произвол судьбы и выживали как могли.

Итак, даже краткий обзор материалов Пленума ЦК КПСС, состоявшегося в феврале 1988 года, рисует неприглядную картину советской образовательной системы. Из этого следует, что отставание советского, а впоследствии и российского образования от передового мирового уровня началось не в 90-е годы прошлого века, а значительно раньше.

В чем причина этого? Недостаток финансирования и невнимание к вопросам развития материально-технической базы учебных заведений? Несомненно! Но есть причина более глубокая, вернее, речь идет о причинах, корни которых кроются в существовавшем тогда социально-политическом строе. Не углубляясь в детали, лишь схематически намечая контуры этих двух причин, отметим следующее.

Первое. Отсутствие у руководства страны понимания путей и тенденций развития современного общества и, как следствие, недооценка роли образования в его модернизации. Слепая вера в преимущества социалистического строя, надежда на то, что эти «преимущества» сами выведут СССР на передовые рубежи научно-технического прогресса. Игнорирование научных исследований гуманитарного профиля (экономических, социологических, политологических и т. п.), проводимых зарубежными учеными, которые надо было бы использовать. Вместо этого занимались критикой «буржуазных и ревизионистских теорий». Справедливости ради надо отметить, что понимание тупиковости такой позиции существовало не только в научной среде, но и в кругах партийного и государственного руководства, но это понимание «погоды не делало». Откровенный разговор о недостатках советской системы образования на Пленуме ЦК КПСС состоялся слишком поздно.

Второе. Социальная апатия, охватившая общество, прежде всего молодежь, в «годы застоя». Причина апатии – утрата доверия к политическому руководству, пропагандировавшему «коммунистические идеалы», а на деле стремившемуся обеспечить себе привилегии, пусть не столь существенные (особенно на современный взгляд), но недоступные остальным членам общества. Отсюда – стремление молодых людей не к знаниям, а к документу (диплому, аттестату, свидетельству), якобы подтверждающему наличие знаний.

Следует отметить, что советская образовательная система до 60-х годов XX века находилась на подъеме и обеспечивала постоянно растущий приток в отрасли народного хозяйства ученых, грамотных инженеров и специалистов. Советское образование служило примером: запуск СССР первого искусственного спутника Земли в октябре 1957 года привел к пересмотру американской системы образования. Результатом стало принятие Конгрессом США в 1958 году Закона об образовании в целях национальной обороны [Крымская 2017, с. 210]. Высоко оценивал качество советского образования Чарльз Перси Сноу в своей брошюре «Две культуры и научная революция», изданной в 1959 году

и отнесенной к сотне самых влиятельных книг послевоенного периода [Сноу 1973, с. 44–46]. Качество образования в Советском Союзе в те годы обеспечивал не только высокий уровень преподавания (планка которого была задана еще в предреволюционный период), но и мощная, воспитанная в молодежи тяга к получению знаний.

Но постепенно эта передовая система образования деградировала вместе с обществом, стремление молодежи к знаниям ослабело.

О состоянии постсоветской образовательной системы и формировании основ российской образовательной политики

Все недостатки советской системы образования последних лет существования СССР были унаследованы новой Россией – решения февральского Пленума ЦК КПСС, предусматривавшие работу по их устранению, выполнены не были – не до этого было!

Для того чтобы в рамках краткой статьи охарактеризовать состояние отечественной образовательной системы и шаги по формированию образовательной политики новой России, обратимся к ежегодным Посланиям Президента Федеральному Собранию. Эти документы представляют интерес по трем причинам.

Во-первых, это документ практический, обрисовывающий насущные задачи развития государства и общества на годовую и среднесрочную перспективу, но в рамках общей долгосрочной стратегии развития.

Во-вторых, каждое Послание Президента Федеральному Собранию – это результат огромной аналитической, мыслительной работы, проделанной многими коллективами, обладающими самой глубокой и широкой информацией о состоянии страны, о всех тенденциях мирового межгосударственного развития. В написании Посланий Президента участвуют институты РАН, другие научные коллективы, органы государственной власти. Материалы к Посланиям направляют аппарат Правительства, профильные министерства и ведомства, органы власти субъектов Федерации, Государственная дума и Совет Федерации, подразделения Администрации Президента, общественные организации. Содержание каждого Послания характеризует степень осознания властными структурами стоящих перед страной проблем и политический выбор, который сделан властью.

Во-третьих, каждое ежегодное Послание Президента, хотя и адресовано палатам Федерального Собрания, является, несомненно, документом пропагандистским, «пиаровским», направленным на то, чтобы завоевать поддержку и понимание аудитории, оказать на нее влияние. Аудитория в данном случае – все граждане России, а также заинтересованные круги за рубежом – политическое руководство зарубежных стран и бизнес-элиты, соперники и союзники, соотечественники-доброжелатели и откровенные противники.

Итак, как в ежегодных Посланиях Президента Федеральному Собранию ставились насущные вопросы совершенствования отечественной образовательной системы?² Разумеется, анализ постановки вопросов образования надо вести в тесной связи с вопросами развития науки и технико-технологического прогресса (неотделимых от высшей школы), что и делается автором.

На всем протяжении 1990-х годов в Посланиях Президента страны практически ничего не говорилось о стратегии образовательной политики, которой в те трудные для Российского государства годы просто-напросто не существовало. Отмечалась сложная ситуация, в которой оказались вузы и вся система образования в целом, делались попытки выявить некоторые позитивные моменты, которые, как выяснилось позже, часто таковыми не оказывались. Ситуация изменилась лишь на рубеже 1999–2000 гг.

Первое Послание Президента России в соответствии с Конституцией России, принятой в 1993 году, под названием «Укрепление Российского государства» было оглашено 24 февраля 1994 года. Один из важнейших тезисов Послания звучал так: «Укрепление российской государственности немислимо без развития науки, смысл которого сейчас предельно ясен: нужна естественная интеграция науки в новые рыночные условия». И далее: «Именно интеллект, воплощаемый в том числе и в высоких технологиях технотронного века, служит решающим источником стремительного промышленного и сельскохозяйственного роста. Без приоритетного развития фундаментальных научных исследований этот решающий источник иссякнет или ослабит свое действие. Требуется... постоянная государственная поддержка всемирно признанного центра фундаментальных научных исследований – Российской академии наук (понимаемой как система научных институтов)... Не преуменьшая значения широкого международного сотрудничества, надо создать все условия (заработная плата, оборудование, библиотеки) для того, чтобы наши ученые работали эффективно у себя на Родине».

Двадцать семь лет назад были сказаны слова, актуальные и сегодня, когда проблема оттока научных кадров за рубеж далеко не решена. Да и государственная поддержка Российской академии наук впоследствии получила своеобразные формы, не нашедшие поддержки среди широких слоев научной общественности.

Далее в Послании 1994 года говорится: «Не менее сложная ситуация и в высшей школе. Из вузов России уходят молодые преподаватели, падает престиж этой профессии, резко ухудшилось социально-экономическое положение научно-педагогических и исследовательских кадров...» Конституция жесткая, но правдивая. Однако никаких задач по улучшению социально-экономического

положения вузовских работников поставлено не было из-за неимения на это средств. Вместо этого было предложено «расширить уже имеющиеся формы и интеграцию науки и высшего образования. Речь идет о принципиально новых формах взаимодействия науки с вузами – о создании научно-образовательных комплексов, о подготовке совместных научных программ и проектов, учебников для школ и вузов» (РГАНИ). Предполагалось, что научные учреждения и вузы самостоятельно будут искать оптимальные пути создания научно-образовательных комплексов, но это осталось тогда не более чем благим пожеланием: для продукции таких комплексов нужен был потребитель, а при общем спаде производства найти его было практически невозможно. Потому и комплексы не создавались.

В Послании было правильно подчеркнуто, что «Системе высшего образования надо придать больше устойчивости». Для придания такой устойчивости было предложено на приоритетных началах финансировать региональные научно-образовательные программы. Также прозвучал призыв к действенному участию местных бюджетов в решении вопросов развития материальной базы и социальной защиты студентов и работников высшей школы. Предложение в те годы было абсолютно нереализуемым: нищенские бюджеты субъектов Федерации были к этому не готовы! А еще одно утверждение Послания того года звучит весьма лукаво. Выглядит оно так: «Централизованное финансирование школы из госбюджета стало объективным тормозом ее развития». На первый взгляд, все правильно: школы разные, расположены в разных местностях, разных населенных пунктах, и логично было бы финансировать их из местных бюджетов. Но местные бюджеты были обескровлены еще больше, чем государственный бюджет, – они были практически пусты! Таким образом, школы предлагалось отпустить на «кормление» за счет родителей учеников!

Следующее ежегодное Послание Президента «О действенности государственной власти в России» было оглашено 16 февраля 1995 года. В нем констатировалось, что высшая школа выполняет нравственно-образовательные функции, осуществляет подготовку специалистов и проводит научные исследования «на фоне серьезных трудностей из-за недостаточного и нерегулярного финансирования. В результате резко сократились закупки учебного и научного оборудования, издание учебников и научной литературы, практически свернуто строительство новых учебных корпусов и развитие материально-технической базы».

В Послании отмечались и позитивные сдвиги. Говорилось об интеграции университетов в международную систему образования и науки. Действительно, в те годы вузы начали самостоятельно стремиться завязать партнерские отношения с зарубежными университетами, которые в ряде случаев получали от своих правительств или различ-

² Тексты всех Посланий Президента Федеральному Собранию выложены в сети Интернет.

ных благотворительных фондов финансирование на эти цели.

В Послании было уделено внимание процессу создания вузовских технопарков и их роли в формировании инновационной среды. В 1992–1995 гг. в вузах России было создано свыше 40 технопарков, а Государственный комитет по высшему образованию утвердил первую межвузовскую научно-техническую программу «Технопарк». Госкомитет и представил для включения в Послание Президента информацию о вузовских технопарках. Это действительно было позитивное развитие начинания нескольких университетов, которое возникло в СССР при содействии зарубежных партнеров еще до 1990 года и продолжает развиваться по настоящее время [Лурье 2013, с. 3–16]³.

В Послании 1995 года также отмечалось, что при вузах создаются учебные центры, предназначенные для подготовки и переподготовки менеджеров и других специалистов в области наукоемкого предпринимательства. Но эта вузовская инициатива к обучению студентов никакого отношения не имела – вузам надо было зарабатывать, чтобы как-то финансово поддержать преподавательский состав. Вот учебные центры, в которых подрабатывали преподаватели, и создавались.

23 февраля 1996 было оглашено Послание Президента «Россия, за которую мы в ответе». В этом Послании вопросам образования было уделено мало внимания. О высшем образовании не было сказано, только о среднем и только позитивное: мол, ушел в прошлое идеологический догматизм, и возникло разнообразие форм в среднем образовании, появились колледжи, лицеи, школы с эстетическим уклоном, гуманитарные, математические. «Гораздо больше, чем ранее, – было сказано в Послании, – школа ориентирована теперь на индивидуальные способности, склонности детей и подростков. Исчезает нивелировка – и учеников, и учителей». Заявление бодрое, оптимистичное, но – приукрашивающее действительность. В самом деле, некоторые школы переименовывались в лицеи, в гимназии, но отток учителей из школ не сократился, государственное финансирование осуществлялось с перебоями, а разнообразие форм обеспечивалось за счет родителей учеников, имеющих далеко не равные возможности. В итоге возросла дифференциация школ по уровню передаваемых ученикам знаний.

Представители всех сфер занятости в производственной и непроизводственной сферах обычно внимательно знакомятся с Посланиями Президента и обращают внимание на каждое упоминание их профессии: ждать ли улучшения их положения? В 1997 году работников образования ждало разочарование: в Послании, озаглавленном «Порядок во власти – порядок в стране», о проблемах образования не было сказано ни слова. Случай редкий.

³ Впрочем, есть сомнения, что эти цифры корректны и сопоставимы с оценкой объема рынка образования в США.

Зато 17 февраля 1998 года в очередном Послании Президента прозвучало: «Критическая масса нерешенных проблем накопилась в сфере образования и охраны детства». Президент не счел нужным конкретизировать, о какой критической массе проблем идет речь, но поставил задачу: «Ожидаю, что до конца года будут ведены государственные стандарты в системе общего школьного образования, налажен контроль качества всех видов образования». Задача более чем своевременная! Разнообразии форм образования, ориентация на индивидуальные склонности учащихся, трудности с кадровым обеспечением школ, квалифицированными учителями – все это привело к снижению уровня среднего образования. Это немедленно дало о себе знать на вступительных экзаменах в вузы: первокурсникам приходилось сначала давать возможность получить те знания, которые они недополучили в школах, и лишь потом переходить к программам высшего образования. Понятно, что вслед за снижением уровня среднего образования неизбежно снизился и уровень высшего. Между тем в том же Послании Президента было сказано о том, что «в центр внимания экономической политики ставится задача экономического роста. Главное, было сказано в Послании, чтобы количественное увеличение экономических показателей привело к изменению всех сторон социальной жизни: ощутимому повышению благосостояния людей, улучшению социального самочувствия, расцвету образования, науки, культуры». Вопросы повышения качества образования становились все более и более актуальными, а оно продолжало снижаться!

В следующем, 1999 году в очередном Послании был сделан акцент на необходимость развития высокотехнологичных отраслей, «тех отраслей, продукция которых способна быть конкурентноспособной на мировом рынке XXI века».

И в данной связи было отмечено: «Одна из определяющих черт наступающего тысячелетия – бурное развитие новейших производств и глобальная информационная революция. Наука и технология, обеспечивающие стратегические предпосылки экономического роста, а следовательно, и улучшение качества жизни, сейчас превращаются в решающий фактор дальнейшего развития любой страны».

Важнейшее условие развития науки и технологий – это прежде всего образование: обществу и государству нужны инженеры, техники, научные работники. Вот и было отмечено в этом Послании, что «безусловным достижением можно считать небывалое еще в России число студентов высших учебных заведений – 246 человек на 10 тысяч населения». При том низком качестве образования, которое в то время обеспечивали вузы, это весьма сомнительное достижение, что стало понятно всем буквально через несколько лет.

Среднее образование продолжало находиться в упадке. Если в Послании 1994 года была выдвигалась

нута задача не финансировать школы из государственного бюджета, это, мол, «тормоз развития школы», то к 1999 году получили результат, которые и следовало ожидать: «Бездействие властей приводит к хроническому недостатку финансирования, к росту социальной напряженности среди преподавателей. В среднем задержка с выплатой заработной платы учителям составляет порядка 2,5 месяца, а в отдельных регионах, таких как Бурятия, Удмуртия и Свердловская область, она превышает эту отметку. На сегодня задолженность ликвидирована только в 9 регионах Российской Федерации».

Бюджетных средств катастрофически не хватало на самое насущное. Поэтому, хотя и говорилось в Послании, что политика России должна ориентироваться на доступность образования для каждого человека; что надо сохранить качество образования и усилить его гуманистическую направленность; сделать систему образования мобильной, более восприимчивой к переменам, – несмотря на эти правильные слова, главная задача была иной, и она была поставлена в этом же Послании: «Продолжить работу по сокращению и рационализации расходных статей бюджета. Важной задачей является дальнейшая реализация программы экономии государственных расходов». Но, так как ситуация в области образования становилась все более тревожной, социальная напряженность среди преподавателей росла, в Послание было включено следующее поручение: «Учитывая ключевую роль системы образования в подготовке интеллектуального и духовного потенциала России, Правительству и Федеральному Собранию следует безотлагательно принять федеральную программу развития образования, отвечающую современным требованиям. Ее цель – вернуть уважение к учителю, обеспечить людям этой профессии достойные условия жизни». Программа – это бюджетные деньги, которых катастрофически не хватало. Поэтому в Послании упомянули о том, что «совершенствование организационно-экономических механизмов жизнеобеспечения системы образования – общая задача властей всех уровней. Давно пора сделать шаг к разработке механизмов стимулирования внебюджетного финансирования». Внебюджетные средства – это средства спонсоров и доходы от самостоятельной деятельности образовательного учреждения. В 90-е годы получить и то, и это было достаточно трудно. Если вузы как-то могли самостоятельно зарабатывать, то школам приходилось рассчитывать только на спонсоров. Таковыми являлись в первую очередь родители учеников. При общем падении жизненного уровня населения получить такие средства могли единицы школ.

В очередном Послании Президента России, оглашенном 8 июля 2000 (первое Послание Президента В.В. Путина), опять был почти дословно повторен важный тезис Послания предыдущего года: «Мы не имеем право “проспать” разворачи-

вающуюся в мире информационную революцию». И далее: «Мы продолжаем жить в условиях прогрессирующего экономического отставания... Мы проигрываем в конкуренции на мировом рынке, все более и более ориентирующемся на инновационные сектора, на новую экономику – экономику знаний и технологий». Что касается образования (и здравоохранения), было наконец-то признано, что формально эти сферы бесплатны, а на деле – платны!

Таким образом, Послание 2000 года обозначило генеральный курс на преодоление отставания в технологической сфере, в темпах экономического роста, в развитии инноваций, на создание экономики знаний. Об этом было заявлено еще в Послании 1999 года, но сказано об этом было как бы умозрительно, применительно к характеристике наступающего тысячелетия – так же умозрительно, как и в Послании 1994 года. Формулировки, содержащиеся в Послании 2000 года, которыми описывалось отставание России в сфере технологий, были более мобилизующими, ставили конкретную задачу – положить этому конец!

При этом был сформулирован новый подход к месту образовательной сферы в обществе: «В эпоху глобализации и новых технологий это не просто социальная сфера, это вложение средств в будущее страны, в котором должны участвовать и компании, и общественные организации, и граждане – все без исключения, кто заинтересован в качественном образовании наших детей».

В Послании 1999 года была только упомянута проблема платности образования (формально – бесплатное, а на деле платное) и более о сфере образования ничего не было сказано.

Конкретизация проблемы платности образования появилась в следующем Послании, оглашенном 3 апреля 2001 года. В данной связи можно отметить, что это было первое Послание Президента, в котором четко обозначались некоторые важные направления образовательной политики Российского государства, соответствующие задачам создания нового технологического уклада. В предыдущие годы в Посланиях Президента об образовательной политике по сути дела ничего не говорилось: признавалось, что государству надо поддерживать образование, что качество его нужно сохранить, не допускать его снижения, но обо всем этом говорилось достаточно декларативно и вне связи с постановкой задачи создания экономики знаний.

В Послании 2000 года впервые было сказано о том, что «темпы развития современных экономики, науки, информационных технологий требуют перехода к непрерывному, в течение всей жизни образованию». Констатировалось, что в образовании постоянно вовлечено более четверти населения страны. С одной стороны, это много, с другой – «совершенно недостаточно». Тезис очень важный! Непрерывное образование на протяжении всей жизни объективно заставляет переосмыслить проблему платности и бесплатности обучения.

Начиная с этого Послания все чаще Президентом в последующих обращениях к Федеральному Собранию подчеркивается необходимость расширения действия экономических механизмов в сфере образования. Президент сказал: «Образование не может ориентироваться только на бюджетное распределение ресурсов. Плата за обучение стала во многих случаях нормой жизни. Однако этот рынок остается непрозрачным, и это – нелегальный рынок... Официальная бесплатность образования при его фактической, но скрытой платности возвращает и учеников, и преподавателей. Мы должны четко разграничить сферы бесплатного образования, сделав доступ к нему справедливым и гарантированным, и платного, дав ему адекватную правовую основу».

Когда в Послании Президента 2000 года была поставлена задача разработать государственные образовательные стандарты, было подчеркнуто, что «эти стандарты должны стать основой подушевого финансирования предоставляемых образовательных услуг».

Если в 2000 году введение государственных образовательных стандартов связывалось в первую очередь с расчетами подушевого финансирования, то спустя несколько лет (в Послании 2004 года) было сделано важное уточнение: образовательные стандарты должны предусматривать, чтобы содержание отечественного образования соответствовало самым высоким мировым стандартам.

С 2001 года в Посланиях год за годом звучит тема повышения качества образования – среднего, профессионального и высшего. Ставится задача сформировать независимую систему аттестации и контроля качества образования. И также постоянно акцент делается на конкурентоспособности многих сфер. Вот фраза из Послания 2003 года: «Конкурентоспособным должно быть у нас все – товары и услуги, технологии и идеи, бизнес и само государство, частные компании и негосударственные институты, предприниматели и государственные служащие, студенты, профессора, наука и культура».

В Послании 2006 года сказано: «России нужна конкурентоспособная образовательная система. В противном случае мы столкнемся с реальной угрозой отрыва качества образования от современных требований».

А вот из Послания 2008 года: «Решающую роль в формировании нового поколения профессиональных кадров должно сыграть возрождение российской образовательной системы. Ее прежние успехи были признаны во всем мире. С передовых позиций мы уже “откатились”. И это становится самой серьезной угрозой нашей конкурентоспособности».

В этой статье уже говорилось о том, что в Послании 1999 года безусловным достижением было названо большое число российских студентов в высших учебных заведениях. А вот цитата из Послания 2004 года: «Массовый охват высшим обра-

зованием сопровождается снижением уровня преподавания. При этом по сравнению с советским периодом почти утроился прием в вузы, и число поступающих в них фактически сравнялось с числом выпускников средних школ. Ну кому это надо? И при таком количестве дипломированных специалистов у нас сохраняется дефицит квалифицированных кадров, остро необходимых стране».

В 2011 году в Послании Президента было сказано: «Моду по-прежнему определяют не классические и исследовательские университеты, а, к сожалению, сотни третьесортных институтов». В этом году и была запущена программа оптимизации структуры высшего образования. Если в 2006 году в России насчитывалось 1314 университетов и более полутора тысяч филиалов, то к 2017 году вузов стало вдвое меньше, а количество филиалов сократилось на 65 % [Послание Президента РФ 2011]. Работа была проведена крайне нужная, хотя многими сотрудниками вузов она была воспринята болезненно. Это и естественно: многие потеряли рабочие места, которые их кормили, но для страны они были не только не нужны, но и вредны, так как профанировали высшее образование.

За последние 20 лет в Посланиях Президента Федеральному Собранию ставились и другие программные задачи в рамках постепенно формулируемой образовательной политики. Скажем о важнейших из них.

Во-первых, это предоставление возможности талантливой молодежи поступать в вузы в соответствии с уровнем знаний независимо от имущественного положения родителей (Послание 2004 г.). Для этого ставилась задача создания абсолютно прозрачной и объективной оценки знаний при поступлении, воссоздания в широких масштабах подготовительных отделений в вузах. Высшие учебные заведения были ориентированы на адресное предоставление стипендий, выдачу образовательных кредитов, на заключение договоров обязательной отработки (или на возврат денег, полученных в кредит на обучение).

Во-вторых, интегрирование образования и научной деятельности. В Послании 2004 года декларировалось, что развитие вузовской науки и крупных научно-образовательных центров должно стать приоритетной задачей. В Послании 2011 года говорилось о необходимости продолжения создания сети современных вузов, которые отвечают мировым стандартам как по качеству образования, так и по уровню проводимых научных исследований. Задача более тесного единения высшего образования и научных исследований ставилась в Послании Президента многократно.

В-третьих, усиление практической направленности образования (Послание 2004 года). В Послании 2012 года было сказано о возрождении инженерных школ. В данной связи в Послании следующего, 2013 года говорилось о важности работы высших технических учебных заведений – вузов, которые создавались бы на базе крупных

промышленных предприятий. Главным принципом было названо обучение на реальном производстве, когда теория подкрепляет практические навыки. Через год в Послании опять прозвучало: «К сожалению, мы по-прежнему обучаем значительную часть инженеров в вузах, которые давно оторвались от реальной производственной базы».

В-четвертых, сбалансированное пространственное развитие сферы образования. В Послании 2012 года констатировалось: «Сегодня найти работу с достойной заработной платой, как правило, можно только в столицах или сырьевых регионах, получить качественное образование и медпомощь – в нескольких крупных городах».

В данной связи в Послании этого года сказано: «Было бы правильно, чтобы приоритетную поддержку получили те вузы, которые работают в регионах, сотрудничают с крупнейшими предприятиями регионов, вместе с ними продвигают научные исследования и разработки, чьи выпускники уже в период учебы связывают свое будущее с тем местом, где они живут и учатся».

Была поставлена задача именно в таких вузах открывать больше дополнительных бюджетных мест, а государству оказать поддержку программам таких университетов, создать условия, чтобы в их финансировании принимал участие и бизнес.

Наконец, в-пятых: государство начало исходить из того, что образование на всех его уровнях должно быть вписано в систему рыночных отношений. В отечественное законодательство об образовании была включена норма, согласно которой образовательная система была отнесена к сфере услуг. Все более широкое распространение получило понятие «рынок образовательных услуг».

Таким образом, анализ Посланий Президента Федеральному Собранию за все время их существования показывает, что до 2000 года осознанной образовательной политики России не существовало. В 90-е годы в Посланиях Президента об образовании говорилось многое из того, что люди хотели услышать: о необходимости сохранения высокого статуса образования в обществе, о важности его государственной поддержки, о важности труда учителя и т. п. Но реально на образовательную сферу обращали явно недостаточно внимания. Советская образовательная система (а иной не было!), и так имевшая серьезные недостатки, в этот период времени слабела, можно сказать – разрушалась. Основы российской образовательной политики были выработаны в 2000–2011 годы. В этот же период времени постепенно начиналась и ее реализация, которая продолжилась в последующее время.

Российская образовательная политика сегодня

Перечень поручений по итогам заседания Президиума Государственного Совета, состоявшегося 25 августа 2021 года, предусматривает исключение из российского законодательства об образовании понятия «образовательная услуга».

Впервые Президент В.В. Путин употребил словосочетание «образовательные услуги» в Посла-

нии Федеральному Собранию 2000 года. Об образовательных услугах второй раз в документе самого высокого политического уровня сказал Президент Д.А. Медведев (в Послании 2013 года) в таком контексте: «Мы должны значительно нарастить экспорт качественных образовательных услуг, создать условия для получения образования в российских вузах для иностранных граждан и наших соотечественников, прежде всего из государств СНГ».

Как только в России заговорили об «образовательных услугах», профессиональное педагогическое сообщество приняло это новшество в штыки. И до последнего дня только ленивый крайне негативно не высказывался в адрес этого понятия. Кому, де, пришло в голову считать, что образование – это не услуга, а общественное благо, как-вым оно было всегда и всегда должно таковым и оставаться?

Политическое руководство страны приняло это к сведению, и вот в Послании 2014 года прозвучало: «Образование, здравоохранение, система социальной помощи должны стать подлинным общественным благом». Но это прозвучало всего лишь как декларация. В законодательстве было закреплено понятие «образовательные услуги», и словосочетание «рынок образовательных услуг» стало общеупотребительным.

Наконец, спустя двадцать лет решили законодательство изменить. Ожидается, что формулировка «оказание платных образовательных услуг» будет заменена на «обучение на возмездной основе»; фраза «платные образовательные услуги» на «образование по договорам об обучении на возмездной основе», а формула «оказание государственных услуг» на «государственные гарантии». Что это даст и насколько это важно?

Следует подчеркнуть, что для западного менталитета нет ничего негативного в словосочетании «образовательные услуги», равно как и в понятии «рынок образовательных услуг». Именно в западноевропейских странах и в США находится большее число лучших университетов современного мира, а среднее образование в этих странах имеет уровень, позволяющий выпускникам школ обучаться в этих университетах. И все это в условиях рынка. В России же всего два слова – «образовательные услуги», введенные в законодательство и проникшие в общественное сознание, наделали много бед: учителей унижало то, что они, оказывается, не учат, а оказывают «услугу». Родители учеников стали устраняться от воспитания детей, так как считали, что это дело школы – оказывать им услугу в обучении и воспитании. Они же в случае неуспеваемости своих детей предьявлять претензии не к ним, а к учителям, которые плохо оказывают свои услуги. Школьные администраторы настаивали на том, что учитель не должен наказывать учеников за нерадивость. Многие чиновники поняли так, что если учитель оказывает услугу, то оплачивать ее должны родители

учеников. Нерадивые студенты повернули все в свою пользу: если образование, которое они получают, – это услуга, то можно учиться кое-как; это же им услуга оказывается, а сами они с их низким уровнем знания совершенно ни при чем. Власть же примерно 20 лет настаивала на использовании понятия, содержание которого воспринималось общественным сознанием совершенно иначе, чем в западных странах.

Вот в этом, как представляется, главная причина неприятия совершенно нормального понятия «образовательные услуги» в российском обществе. Это словосочетание попало на иную культурную почву и, вместо того чтобы приносить плоды, превратилось в сорняк, который пришлось выпалывать.

На рынке образовательных услуг в отношении между собой вступают равноправные ответственные партнеры, каждый из которых извлекает из этих партнерских отношений свою выгоду, которая в конечном счете оборачивается выгодой для всего общества. Это и дает основание считать, что образование – это не только услуга, но и общественное благо – одно другому не противоречит! Точнее, образование является безусловным общественным благом, но образовательные учреждения могут оказывать (и оказывают в том числе) безвозмездные или платные образовательные услуги. Причем в странах с развитыми рыночными отношениями это общественное благо имеет денежное выражение, так как объем образовательных услуг оценивается в денежных единицах. Например, по некоторым расчетам, в 2019 году размер рынка всех образовательных услуг в США составил 1,62 трлн долларов [На США надвигается кризис]. Появились данные о том, что Российский сегмент рынка образования закончил 2019 год на отметке в 50 млрд долларов [Обзор рынка образования].

Простая для понимания истина о возможности количественно оценить объем общественного блага путем измерения объема образовательных услуг оказалась искаженной в сознании большинства россиян.

Хорошо, если бы проблема совершенствования отечественного образования решалась внесением изменений в законодательство. Однако изменения должны быть внесены в сознание людей, а на это потребуется немалое время. В советское время, как представляется, недостатки социально-политической системы с присущим ей патернализмом особого советского типа и привели к снижению планки ответственности молодых людей за уровень их знаний, получаемых в образовательных учреждениях. Причем это явление не изжито до сих пор! И сегодня большинство молодых людей стремятся получить высшее образование. Причем многих из них интересуют не знания сами по себе, а факт получения диплома, свидетельства об окончании вуза. Поэтому такое большое число академических задолженностей у студентов, заказов на написание курсовых и дипломных работ: объявле-

ния о готовности написать такую работу на заказ открыто размещаются в Интернете, на фонарных столбах на улицах, примыкающих к вузам, передаются из «уст в уста». При таком положении дел нельзя подготовить даже «квалифицированного потребителя», не говоря уже о специалистах, способных сделать вклад в технологические прорывы.

В России, разумеется, есть элитные вузы, готовящие специалистов высокого класса. Но среди сотен и сотен высших учебных заведений их всего несколько десятков. Они участвовали в проекте «5-100», целью которого являлась «максимизация конкурентной позиции группы ведущих российских университетов на глобальном рынке образовательных услуг и исследовательских программ»⁴. Этот проект завершен, на его смену пришла более широкая программа «Приоритет-2030». Она должна способствовать сбалансированному развитию науки и высшего образования во всех регионах страны, повышению роли университетов в социально-экономическом и научно-техническом развитии регионов России в целом, сокращению разрыва между вузами [«Проект 5-100»].

В данной статье нет необходимости останавливаться на характеристике только что упомянутых проекта и программы – о них уже многое сказано. Здесь хотелось бы только подчеркнуть, что в условиях ограниченности ресурсов, которые можно направить на высшее образование, сосредоточение внимания на ограниченном числе ведущих вузов и концентрация финансовых средств, направляемых на их развитие, являются единственно возможным первым шагом в сторону совершенствования всей системы высшего образования. Важно при этом, чтобы был достигнут реальный результат в виде выпуска из вузов хорошо подготовленных специалистов-профессионалов, а не отдельные показатели типа индекса цитирования (такого показателя, как показывает практика, легко достичь различными манипуляциями, не имеющими ничего общего с реальными итогами научной работы). Достижение такого результата потребует времени. Еще большего времени потребует подтягивание других сотен вузов к уровню, близкому к единичным элитным. Сегодня после проведенной вынужденной, но необходимой работы по оптимизации количества высших учебных заведений возможности для молодежи получить высшее образование уменьшились (как на бюджетной, так и на платной основе). Но с учетом роста рождаемости и постепенного увеличения числа молодых людей прием в вузы неизбежно должен в будущем расти. Кроме того, переход к новому технологическому укладу неизбежно предьявит спрос на растущее число специалистов с высшим образованием. И кроме того, потребности в переквалификации,

⁴ Следует иметь в виду, что перечень поручений по итогам заседания Президиума Государственного Совета, состоявшегося 25 августа 2021 года, предусматривает исключение из российского законодательства об образовании понятия «образовательная услуга».

рост числа желающих получать новые профессии, которых будет все больше и больше, заставят вузы расширять спектр платных образовательных услуг (именно такое словосочетание уместно здесь привести).

Нет сомнения в том, что отечественная образовательная политика с тем, чтобы адекватно отвечать на вызовы современности, движется в верном направлении, но медленно и зигзагами. Это приводит к потере времени и пока не обеспечивает России конкурентных преимуществ в международном соревновании за качество образования.

Важно подчеркнуть, что положение в сфере образования неразрывно связано с положением в стране в целом. Как движется вперед страна, так развивается и система образования. Это заметил еще в прошлом веке испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет. Он писал в книге «Миссия университета», впервые опубликованной в 1944 году: «Принцип образования: школа, как естественный государственный институт, гораздо больше зависит от общественной атмосферы, в которую она погружена, чем от искусственной педагогической атмосферы в ее стенах. Только когда давление обеих атмосфер уравнивается, школа станет хорошей. Вывод: даже если английское среднее образование и немецкий университет совершенны, их все же невозможно перенять, поскольку они являются только одной из частей целого. Объемлющая их реальность – это страна, которая их создает и поддерживает» [Ортега-и-Гассет Х. 2005, с. 26–27]. Это чрезвычайно важная мысль! Каждое высшее (как, впрочем, и среднее) учебное заведение современной России является частичкой общества со всеми его позитивными и негативными чертами. Все, что заимствуется за рубежом в образовательной сфере, должно быть укоренено на отечественной почве, принято и понято студентами и их родителями, профессорами и преподавателями, будущими работодателями молодых людей, покидающими аудиторию вузов.

Заключение

Итак, школа, университет всегда «погружены» в окружающую реальность. Образовательные учреждения в СССР, существовавшие в застойной атмосфере 70-х годов, неизбежно деградировали, о чем откровенно было сказано в 1988 году на партийном форуме. Развал системы образования в 90-е годы происходил в атмосфере развала экономики бывшего Советского Союза, всего обще-

ственного строя, многих нравственных устоев общества. По мере восстановления российской государственности началось возрождение (а во многих частях и создание заново) системы образования.

О Национальном проекте «Образование» было объявлено в сентябре 2005 года, через 27 лет после того, как на самом высоком государственном уровне заговорили о серьезных недостатках в системе отечественного образования! И многие из этих недостатков не устранены до сих пор! Получается так, что качество образования в стране (и, как следствие, качество подготавливаемых специалистов) начало падать в семидесятые годы прошлого века, в годы так называемого «застоя». Поняли это лет примерно через пятнадцать, а то и больше. Как раз в то время, как другие развитые страны, наоборот, повернулись лицом к образованию. В России же качество образования продолжало падать все 90-е годы! Срок падения (или нахождения образования на неприемлемо низком уровне) можно определить более чем в 30 лет! Это колоссальный промежуток времени, за который были выпущены миллионы недоучек из средних школ и сотни тысяч липовых специалистов из вузов!

К сегодняшнему дню государственная образовательная политика привела к созданию новой системы образования. Но эта система, существующая в объемлющей ее реальности, не может не «повторять» всех как положительных, так и негативных характеристик окружающей среды. Делаются попытки возвести барьеры, которые позволили бы образовательной системе защититься от плохого влияния. Один из таких барьеров – введение ЕГЭ как защита от коррупции. Но, несмотря на постоянное совершенствование, этот экзамен все же гораздо более несовершенен, чем традиционные методы проверки знаний выпускников отечественных школ.

Вывод может быть только таким: изолированное совершенствование образовательных учреждений не может быть успешным без оздоровления среды, в которой они существуют. А такое оздоровление сегодня необходимо на основе полного задействования в практике принципов ответственности и доверия: ответственности власти перед обществом, ответственности гражданина перед законом, ответственности членов общества друг перед другом. Тогда возобладает и принцип взаимного доверия. Только при этих условиях сможет сложиться эффективная образовательная система, содействующая становлению новой социальной реальности.

Материалы исследования

РГАНИ – *Российский Государственный архив новейшей истории*. Ф. 5. Оп. 101. Д. 331, 332, 339; 99–108.

Российская газета 2021 – *Российская газета*. 2021. № 209 (8560). 14 сентября.

Библиографический список

Крымская 2017. – *Крымская А. С.* Первый советский спутник как ускоритель реформы американского образования: к 60-летию исторического события // *Новейшая история России*. 2017. № 3 (20). С. 209–222. DOI: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2017.315>.

Лурье 2013 – *Лурье Е.А.* Университетские технопарки: время признания // *Инновации*. 2013. № 5 (175). С. 3–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitetskie-tehnoparki-vremya-priznaniya>.

На США надвигается кризис – *На США надвигается кризис* в сфере образования. URL: <https://vc.ru/finance/149540-na-ssha-nadvigaetsya-krizis-v-sfere-obrazovaniya>.

Обзор рынка образования – *Обзор рынка образования* в 2020 году. URL: <https://vc.ru/education/189869-obzor-rynka-obrazovaniya-v-2020-godu>.

Ортега-и-Гассет 2005. – *Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета. Минск: БГУ, 2005. 104 с. URL: http://abuss.narod.ru/study/su/ortega_university.pdf.

Послание Президента РФ 2011 – *Послание Президента РФ* Федеральному Собранию от 22.12.2011. URL: <https://www.facebook.com/groups/1833074790168091/permalink/2201274503348116>.

«Проект 5-100» – «Проект 5-100» умер, да здравствует «Приоритет-2030»? URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/proekt-5-100-umer-da-zdravstvuet-prioritet-2030.htm>.

Сноу 1973 – *Сноу Ч.П.* Две культуры. Москва: Прогресс, 1973, 140 с. URL: <https://djvu.online/file/M3xqXNWtc0CBc>.

References

Krymskaya 2017 – *Krymskaya A.S.* (2017) The First Soviet Sputnik as an Impetus to the Reform of American Education: On the 60th Anniversary of this Historic Event. *Modern History of Russia*, no. 3 (20), pp. 209–220. DOI: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2017.315>. (In Russ.)

Lurie 2013 – *Lurie E.A.* (2013) University technoparks: the time of recognition. *Innovations*, no. 5 (175), pp. 3–16. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitetskie-tehnoparki-vremya-priznaniya>. (In Russ.)

Ortega y Gasset 2005 – *Ortega y Gasset J.* (2005) The mission of the university. Minsk: BGU, 104 p. Available at: http://abuss.narod.ru/study/su/ortega_university.pdf. (In Russ.)

Snow 1973 – *Snow C.P.* (1973) The Two Cultures. Moscow: Progress, 140 p. Available at: <https://djvu.online/file/M3xqXNWtc0CBc>. (In Russ.)

Education market overview – *Education market overview in 2020*. Available at: <https://vc.ru/education/189869-obzor-rynka-obrazovaniya-v-2020-godu>. (In Russ.)

Ortega y Gasset 2005 – *Ortega y Gasset J.* (2005) The mission of the university. Minsk: BGU, 104 p. Available at: http://abuss.narod.ru/study/su/ortega_university.pdf. (In Russ.)

Presidential address 2011 – *Presidential address* to the Federal Assembly as of December 22, 2011. Available at: <https://www.facebook.com/groups/1833074790168091/permalink/2201274503348116>. (In Russ.)

Project 5-100 – *Project 5-100* is dead, long live Priority 2030? URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/proekt-5-100-umer-da-zdravstvuet-prioritet-2030.htm>. (In Russ.)

Snow 1973 – *Snow C.P.* (1973) The Two Cultures. Moscow: Progress, 140 p. Available at: <https://djvu.online/file/M3xqXNWtc0CBc>. (In Russ.)

Дискуссия по поводу статьи Бусыгина А.Е. «Российская государственная образовательная политика: в какой степени она содействует становлению новой социальной реальности?»

П.С. Кабытов

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>,
Researcher ID (Web of Science): S-2272-2016. Scopus ID: 57194763364

В.А. Конев

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vakonev37@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8264-5782>

С.В. Соловьева

Самарский государственный университет путей сообщения, г. Самара,
Российская Федерация; Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: metaphisica2@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1642-2000>

В.В. Кондрашин

Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: vikont37@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7552-9265>

В.Н. Данилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация
E-mail: danilovvik@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2080-7736>

С.В. Любичанковский

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация.
E-mail: svlubich@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8349-1359>

Аннотация: В статье представлена дискуссия по поводу статьи доктора экономических наук, профессора Андрея Евгеньевича Бусыгина по проблеме эволюции высшего образования в России с советских времен, организованная редакционной коллегией журнала. В связи с возможным разворотом системы российского высшего образования от болонского процесса к более привычной советской системе важно продумать и оценить возможные риски, плюсы и минусы с историческим экскурсом в эту проблему. Сейчас тема развития системы высшего образования актуальна и востребована, особенно остро она касается молодого поколения и представителей высшей школы.

Ключевые слова: эволюция высшего образования; новая российская государственность; российская система образования; образовательная политика; качество образования; экономика знаний; болонская система высшего образования; советская система высшего образования.

Цитирование. Кабытов П.С., Конев В.А., Соловьева С.В., Кондрашин В.В., Данилов В.Н., Любичанковский С.В. Дискуссия по поводу статьи Бусыгина А.Е. «Российская государственная образовательная политика: в какой степени она содействует становлению новой социальной реальности?» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 21–30. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-21-30>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Кабытов П.С., Конев В.А., Соловьева С.В., Кондрашин В.В., Данилов В.Н., Любичанковский С.В., 2023

Петр Серафимович Кабытов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация г. Самара, Московское шоссе, 34.

Владимир Александрович Конев – Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, кафедра философии гуманитарных наук, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация г. Самара, Московское шоссе, 34.

Светлана Владимировна Соловьева – заведующая кафедрой философии и истории науки, Самарский государственный университет путей сообщения, 443066, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, 2В; профессор кафедры управления человеческими ресурсами, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Виктор Викторович Кондрашин – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра экономической истории, член Совета Федерации Федерального Собрания РФ в 2015–2017 гг., Институт российской истории РАН, 117292, Российская Федерация, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Виктор Николаевич Данилов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83 Е.

Сергей Валентинович Любичанковский – доктор исторических наук, профессор, почетный работник сферы образования России, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, 446014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19.

SCIENTIFIC ARTICLE Submitted: 25.12.2022
Revised: 27.01.2023
Accepted: 10.03.2023**Discussion about the article by Busygin A.E. «Russian state educational policy: in what degree it corresponds to the formation of new social reality?»****P.S. Kabytov**Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>,
Researcher ID (Web of Science): S-2272-2016. Scopus ID: 57194763364**V.A. Konev**Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: vakonev37@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8264-5782>**S.V. Solovyeva**Samara State Transport University, Samara, Russian Federation;
Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: metaphisica2@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1642-2000>**V.V. Kondrashin**Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
E-mail: vikont37@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7552-9265>**V.N. Danilov**Saratov State University, Saratov, Russian Federation
E-mail: danilovvik@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2080-7736>**S.V. Lyubichankovsky**Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation
E-mail: svlubich@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8349-1359>

Abstract: The article presents a discussion about the article by Doctor of Economics, professor Andrei Evgenievich Busygin on the problem of the evolution of higher education in Russia since Soviet times, organized by the editorial board of the journal. In connection with the possible turn of the Russian higher education system from the Bologna process to the more familiar Soviet system, it is important to think over and evaluate the possible risks, pros and cons with a historical digression into this problem. Now the topic of the development of the higher education system is relevant and in demand, it is especially acute for the younger generation and representatives of higher education.

Key words: evolution of higher education; new Russian statehood; Russian education system; educational policy; quality of education; knowledge economy; Bologna system of higher education; Soviet system of higher education.

Citation. Kabytov P.S., Konev V.A., Solovyova S.V., Kondrashin V.V., Danilov V.N., Lyubichankovsky S.V. Discussion about the article by Busygin A.E. «Russian state educational policy: in what degree it corresponds to the formation of new social reality?». *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 21–30. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-21-30>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Kabytov P.S., Konev V.A., Solovyova S.V., Kondrashin V.V., Danilov V.N., Lyubichankovsky S.V., 2023

Peter S. Kabytov – Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Vladimir A. Konev – Honored scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophical Sciences, professor, Department of Philosophy of the Humanities, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Svetlana V. Solovyova – head of the Department of Philosophy and History of Science, Samara State Transport University, 2b, Svobody Street, Samara, 443066, Russian Federation; professor of the Department of Human Resource Management, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Viktor V. Kondrashin – Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Center of Economic History, member of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation in 2015–2017, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19, Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117292, Russian Federation.

Viktor N. Danilov – Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of National History and Historiography, Saratov State University, 83E, Astrakhanskaya Street, Saratov, Russian Federation.

Sergey V. Lyubichankovsky – Doctor of Historical Sciences, professor, Honorary worker of education of Russia, head of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, 19, Sovetskaya Street, Orenburg, 446014, Russian Federation.

Вступительное слово**П.С. Кабытов**

доктор исторических наук, профессор

Уважаемый читатель! Вы только что ознакомились со статьей доктора экономических наук профессора Андрея Евгеньевича Бусыгина, который любезно согласился опубликовать свой научный труд на страницах нашего журнала. В статье дан анализ эволюции высшего образования в нашей

стране в период становления новой российской государственности. Реализация реформ системы высшего образования, которые начались во второй половине 80-х гг. XX века и продолжились в новейший период, во многом оказались неэффективными. И вновь перед властью и обществом стоят вопросы: какой должна быть система высшего образования; следует ли слепо следовать болонской системе или творчески использовать опыт советской системы высшего образования? Вольно или

невольно автор статьи акцентирует внимание на этих дискуссионных вопросах.

Но, вероятно, необходимо представить читателям нового автора нашего журнала, который имеет большой опыт преподавательской и научной работы в высших учебных заведениях, а также административной и управленческой деятельности. Работая в высших учебных заведениях, он, что называется, на собственной практике испытал все перипетии реформирования высшего образования.

Андрей Евгеньевич окончил в 1969 г. отделение истории историко-филологического факультета Казанского государственного университета; в 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию по специальности политэкономика. В университете он прошел все ступени педагогической деятельности, работал ассистентом, старшим преподавателем, доцентом: в 1992 г. ему были присуждена ученая степень доктора экономических наук, а затем присвоено ученое звание профессора по кафедре экономической теории и политики. В 1987–1981 гг. преподавал экономическую теорию в университете Аддис-Абебы (Эфиопия). В 1999–2004 гг. А.Е. Бусыгин учился в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации и получил квалификацию: юрист по специальности «Юриспруденция».

В 1991–1992 гг. он работал доцентом кафедры экономической теории МГТУ им. Н.Э. Баумана. В 1992–1994 гг. был избран на должность профессора Российской академии управления (1992–1994 гг.). В 1992 г. проходил стажировку по специальности экономический менеджмент в Йоркском университете (Канада). В 1994–2009 гг. читал лекции в Российской академии государственной службы (ныне РАНХ и ГС), в Дипломатической академии при МИД России, в Санкт-Петербургском университете культуры. С марта 2018 г. работал главным научным сотрудником Института социально-политических исследований Российской Академии наук. Подготовил свыше 10 кандидатов экономических наук. Андрей Евгеньевич является автором 2 монографий, многих научных статей по проблемам интенсификации производства, экономики, сферы культуры и образования.

Многие годы А.Е. Бусыгин посвятил службе в региональных и высших структурах исполнительной власти Российской Федерации. В годы перестройки заведывал отделом науки и учебных заведений Татарского обкома КПСС, работал в отделе национальной политики ЦК КПСС, помощником главного редактора газеты «Правда» академика И.Т. Фролова.

В 1994–2013 гг. А.Е. Бусыгин находился на государственной службе: работал первым заместителем руководителя аппарата Совета Федерации, занимал высшие должности государственной службы в Администрации Президента РФ, работал в Правительстве Московской области, заместителем министра культуры и массовых коммуникаций России, а затем заместителем министра культуры Российской Федерации.

Помимо того, А.Е. Бусыгин в 2013–2015 гг. руководил Федеральным государственным бюджетным учреждением культуры «Музей-усадьба “Архангельское”», а в 2015–2017 гг. был ректором Российского университета кооперации.

Как видим, автор знает все перипетии реформирования высшего образования не только по документальным источникам. В его статье сформулированы концептуальные положения, которые в настоящее время особенно актуальны и носят дискуссионный характер. А потому редколлегия журнала обратилась к ведущим специалистам с просьбой принять участие в дискуссии. На нашу просьбу откликнулись главный редактор журнала «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология», доктор философских наук, профессор Владимир Александрович Конев; доктор философских наук, профессор Светлана Владимировна Соловьева (Самарский университет); доктор исторических наук профессор, руководитель центра экономической истории Института российской истории РАН Виктор Викторович Кондрашин; доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, региональной истории и археологии Саратовского государственного университета Виктор Николаевич Данилов; доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета Сергей Валентинович Любичанковский. Как нам представляется, разработка новой реформы высшего образования должна идти при взаимодействии власти и общества и непременно с участием вузовского сообщества Российской Федерации.

О мифе «лучшая советская система образования» и о месте образования в культуре

В.А. Конев

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор

С.В. Соловьева

доктор философских наук

Проблема образования относится к одной из самых чувствительных для всех тех, кто готов выйти из сиюминутности консьюмеризма и сервильности, культивируемых обществом массового потребления. Статья Андрея Евгеньевича Бусыгина «Российская государственная образовательная политика: в какой степени она содействует становлению новой социальной реальности?» вопрошает и отвечает на вызов времени. Деконструируя социальный миф о лучшем в мире советском образовании, автор включается в научную дискуссию о существовании современного образования.

Хотелось бы высказать некоторые соображения, возникающие в отношении поставленной проблемы. Советское образование было проектом с фундаментальными основаниями – это основания культуры Просвещения, для которой наука,

понятая как естествознание, базирующееся на математике (Кант: «В науке столько истины, сколько в ней математики»), и образование, понятое как установка на силу и власть знания как ведущего инструмента истории и общественного действия человека, стали культурными доминантами, определяющими направленность общественного развития. Советское образование реализовало идею проекта Просвещения в ее совершенной форме.

Образование стало действительно массовым и широкодоступным. Советская Россия унаследовала от царской России страну, в которой подавляющая часть населения была просто неграмотной. И это нужно было быстро преодолеть, чтобы встать вровень с европейскими странами. С другой стороны, Советский Союз нуждался в индустриальной революции, которая требовала инженеров и квалифицированных рабочих. На формирование инженерных кадров была ориентирована вся система образования в советской цивилизации – преобладание в средней школе дисциплин естественно-математического цикла, быстрый рост вузов технического профиля и рост выпускников инженерного профиля. Если в 1928/29 учебном году было 26 высших технических учебных заведений, то в 1931/32 году их уже 245; прием во вузы в 1929 году – 22,9 тыс. студентов, в 1932 году – 114,5 тысячи. Эти установки образования создали те условия, которые позволили стране реализовать атомный проект и уже в 1957 году запустить искусственный спутник Земли, а тогдашний соперник СССР Соединенные Штаты Америки ответили на это принятием «Закона об образовании в интересах национальной обороны» и докладом министра образования США «Нация в опасности».

И это не миф, а реальность, потому что образование отвечало требованиям культуры и общества.

Мифом «лучшее советское образование» становится в конце прошлого столетия, когда образование начало давать сбои. В порядке дискуссии хотелось бы оспорить тезис автора о причинах истощения мифа о лучшем советском образовании. Сложившаяся система образования перестала удовлетворять общество к последней трети XX века не потому, что государственное управление образованием было не эффективно в силу низкого финансирования. Не потому, что не так или не тому учили, плохо готовили кандидатов, докторов наук, профессуру и пр. Кризис случился в силу того, что просвещенский проект ушел в прошлое, он перестал удовлетворять требованиям нового исторического этапа развития общества и культуры. Новому миру стало нужно другое среднее образование, другой университет, другая наука.

Как на этот кризис просвещенческого проекта ответила система управления российским образованием? Реформой образовательных и научных институтов, переходом от образования, ориентированного на передачу знаний, к модели образования, ориентированного на формирование компетенций. Старая знаниевая модель образования

теперь разрушена, осуществляется переход на новую модель формирования компетенций, где и замеры, и критериальные оценки должны быть иными. Если знание можно легко проверить и оценить через тестирование или опрос, то создание системы проверки и оценки компетенций найдется еще в состоянии становления, проб и ошибок. Печально знаменитые ФОС (фонд оценочных средств компетенций) – головная боль всех преподавателей вузов.

В управлении образованием формально все еще доминирует старый советский подход – связь должности и квалификации, хотя реально и неявно он разрушается. Свидетельства: стимулируется привлечение практиков и работодателей к реализации образовательных программ всех уровней; ужесточаются требования к соискателям получения ученых степеней и званий. Этому поспособствовала реформа диссертационных советов. Ее негативные последствия представлены в аналитическом отчете, составленном на основании открытых данных, – там убедительно показано, что внедрение новых норм в работу диссоветов не принесло нужных эффектов [Губа, Соколов, Соколова 2019; Губа, Соколов, Соколова 2020; Губа, Цивинская 2020]. Данные убеждают, что реформа не привела ни к росту качества диссертационных исследований, ни к сокращению количества защит в области «слабых» наук (социально-гуманитарный цикл) при увеличении защит из области «сильных» наук (естественно-научных и технических отраслей знания). Что же получено? Усиление контроля, увеличение жесткости требований, поддержка старого (пришедшему к нам из XVIII–XIX века!) мифа о «слабости» социально-гуманитарных наук.

Неудачи в реформировании российской науки и образования способствуют сохранению мифа об образцовости системы советского образования, а его фундаментальные установки настолько прочно вросли в систему государственного управления образованием, что даже ужесточение самых разных требований вплоть до принудительности к конфигурированию нового типа университета («предпринимательского университета») не дают ожидаемых результатов. Мы все еще не изжили миф о лучшем в мире образовании, поэтому продолжаем наступать на те же грабли, наивно полагая, что перелицовка системы подарит желанные плоды...

Решение проблемы образования связано с пониманием исторического смысла существующей культуры. Концепты и ценности рациональности, универсализма, прогресса уходят в прошлое. Старые институты, включая образовательные, «по гамбургскому счёту» уже не способны удерживать силу влияния из-за отсутствия соответствующего культурного контекста. Проект Просвещения если не уничтожен, то, по крайней мере, претерпевает глубокий кризис. Современная культура выстраивает свои смыслы и ценности не вокруг истины,

за которую отвечает наука, а вокруг идеи креативности и оригинальности. Монолог истины и учителя, который вещал ее, стоя у классной доски, или с кафедры, заменяется диалогом, соревнованием, стремлением заявить о себе. Диалог и соревнование постоянно порождают неожиданные ситуации, требующие от человека способности реагировать на случай, на неожиданность. Это и ставит перед образованием необходимость формирования таких способностей человека, которые создают необходимый ресурс свободного креативного действия личности.

Жизнь в ситуации неопределенности, текучести, постоянного реформирования и перемен подрывает ту культуру предписаний, нормирования, этического и рационального регулирования, которая существовала до сих пор. Просветительскими идеями уже не увлечь ни школьников, ни студентов, которые если не сейчас, то через десять лет станут акторами другой социальности, иной культуры. Молодежь все меньше доверяет институтам образования (школа, колледж, университет), все больше уходит за знаниями и навыками в медиа (образовательные, развлекательные, рекламные платформы). В процесс образования включаются институты, которые еще не получили официальной легитимности, но уже реально конкурентоспособны на ниве просвещения. Наиболее технологичные компании (типа Сбера) активно внедряют гейминг в процедуру найма сотрудников из поколения «зумеров», а не традиционное собеседование, на которое они могут просто не пойти.

Как в эпоху Просвещения система образования, основанная на классно-урочной системе, созданной великими педагогами того времени, стала базисом возникновения и развития индустриального общества и культуры Нового времени, культуры модерна, так и современная система образования должна создать такую систему общения учителя и ученика (профессора и студента), которая будет базисом развития для современной культуры и общества, когда искусственный интеллект становится главной производительной силой.

Рынок труда, новые социальные институты уже не ориентированы на высоко обученного, наполненного фундаментальными знаниями работника. Обществу важен работник, способный жить в состоянии постоянных изменений, неопределенности, быть таким же «текущим» как современность (З. Бауман), чтобы всегда соответствовать требованиям ситуации – в производстве, в общении, в принятии решений.

Конечно, образование по сути своей консервативно, оно создает и укрепляет «свай» традиций, раскрывает фундаментальные опоры культуры. Через образование, особенно школьное, передается преимущественно сформированный и «испытанный временем» набор знаний, базовых навыков мышления и социального действия. На всех уровнях образования необходимо соблюсти меру между новациями и признанными парадигмами.

Школа не может отказаться от заучивания таблицы умножения, хотя у каждого школьника есть калькулятор в телефоне. Но наличие гаджетов не может не изменить методiku этого «заучивания». Внедрение в процесс образования информационных технологий и электронной техники не могут не изменить конфигурацию отношения учитель-ученик (профессор-студент). Здесь огромное поле проблем новых методик. И эти проблемы более или менее успешно решаются.

Но главная проблема – не новые методики, а направление образования – формирование креативных способностей человека, а это значит воспитание личности. Конечно, образование всегда включало в себя воспитание, но, вспомним, оно всегда «вертелось» вокруг соблюдения дисциплины. Воспитание в современной системе образования должно лидировать по отношению к обучению. Потенциал креативных способностей локализован в культуре. Ценности и традиции своей культуры всегда были и остаются абсолютным началом любого значимого действия человека. Поэтому предметом современного образования должно стать не передача знаний, а приобщение учащихся всех рангов к ценностям отечественной и мировой культуры. Именно в контакте с ценностями человек обнаруживает самого себя. «Науку может всякий изучить — один с большим, другой с меньшим трудом, — замечал Шопенгауэр. — Но от искусства (заметим в скобках, от контакта с ценностями вообще. — В. К., С. С.) получает каждый столько, сколько он сам в состоянии дать».

Второй важной гранью современного образования должно стать развитие у студентов (школьников) критического мышления, которое формирует способности человека к анализу и выявлению оснований деятельности в любой сфере – научной, культурной, социальной, экзистенциальной. Так понятое критическое мышление усиливает укорененность человека в традиции, в культуре, раскрывая их основания и показывая их «связанность».

В истории отечественного образования были прецеденты именно такой ориентации – это «Школа диалога культур» в Кемерово, это Физматшкола в Академгородке (Новосибирск), это опыт ФИЗТЕХа и Новосибирского университета.

И последняя реплика – лидером образования всегда были университеты.

Думаем, что поиск разумной мерности в соотношении преподавание–наука–воспитание–предпринимательство (о последнем мы сейчас не говорили) имеет окказиональный характер и будет решаться каждым конкретным университетом. В состоянии общества исторического поиска каждый университет будет искать собственную мерность в указанном соотношении, и тем самым будет обретать собственное уникальное лицо как культурной институции, готовящей человека и культуру будущего.

Конечно, успехи образования зависят и от уровня его финансирования, но все-таки главная

составляющая его успеха – правильно выбранная стратегия образования. Думаем, что руководителям образования в Российской Федерации нужно больше интересоваться *опытом* работы учителей и преподавателей вузов, чем контролем за тем, как составлены планы работы, РПД и ФОСы.

Размышления после прочитанной статьи профессора А.Е. Бусыгина о российском образовании

В.В. Кондрашин

доктор исторических наук, профессор

Впечатление тяжелое с горьким осадком, прежде всего потому, что все, что написано в статье о советской школе, противоречит моему жизненному опыту... Я учился в конце 1970-х гг. в обычной городской общеобразовательной школе, а затем на историко-филологическом факультете Пензенского государственного педагогического института имени В.Г. Белинского. Сам в первой половине 1980-х гг. молодым специалистом работал в школе, как и многие мои сокурсники. Но не думал, что у нас мало интеллигентности, или большинство из нас плохо подготовлены к этой миссии с профессиональной точки зрения. То же самое можно сказать и о школе, которая располагалась в «тяжелом» городском районе, с «тяжелым контингентом» учащихся. Как мы любили химию, историю! Какие у нас были интересные учителя! Но, возможно, мне и моим школьным друзьям повезло, и то, о чем написал вышеназванный автор было в других школах и городах страны: малоинтеллигентные учителя, плохие учебники по математике и т. п.

Поэтому убежден, профессор А.Е. Бусыгин явно «перегнул» насчет общей оценки состояния советского образования.

Второй недостаток статьи, не позволяющий мне, как научному работнику, согласиться с концептуальными оценками ее автора, – это однотипная источниковая база, или, если сказать жестче, тенденциозный отбор многочисленных и однотипных источников: извлечения из выступлений участников февральского 1988 г. Пленума ЦК КПСС и посланий Президента РФ. Неужели этого достаточно при анализе столь сложной темы?!

Также автор пренебрег принятой в научной среде этикой – знакомства читателей с другими мнениями по рассматриваемой проблеме коллег, серьезных знатоков темы, то есть, не дал «историографии проблемы». А каковы аргументы его оппонентов? Или их нет вообще?

По существу его главного вывода о «деградации» советской системы образования из-за «застойной атмосферы» можно привести массу фактов, опровергающих этот вывод из сферы науки, культуры, производства. Например, в 1980-е гг. Пензенский часовой завод в моей родной Пензе осуществлял совместное производство часов «Заря» со швейцарской фирмой. А это требовало соответствующего уровня подготовки специалистов.

В то же время нельзя отрицать и негативных явлений того времени в советском народном образовании: идеологизация, формализм, заорганизованность. Но то, что это перекрывало во много раз – добротная предметная подготовка учащихся, сильная профессиональная система образования, обеспечивавшая рабочими и другими специальностями народное хозяйство страны. Сейчас его нет вообще! В этом же ряду сохранение здоровья учащихся за счет качественного школьного питания, организации досуга и отдыха.

И наконец, главное, о чем профессор Бусыгин забыл... Доступность образования в СССР, обеспечивавшая всем его гражданам социальный лифт в соответствии с их способностями. В частности, я – сын токаря и колхозницы, стал доктором, профессором, руководителем научного подразделения ведущего института РАН. А какова сейчас «цена» образования для основной массы населения страны?!

К вопросу о дискуссии по поводу развития высшего образования в Российской Федерации

В.Н. Данилов

доктор исторических наук, профессор

В последнее время в связи с новыми для России вызовами геополитического характера в публичном пространстве одним из заметных стал вопрос о состоянии высшего образования в стране. Особенно активно его начали обсуждать после того, как 6 июня 2022 года Минобрнауки России заявило об исключении всех российских вузов из Болонской системы, о чем Болонская группа объявила еще 11 апреля. Многие представители вузовской общественности расценили этот факт как отрывшуюся возможность возвращения к опыту и традициям российской/советской высшей школы. Поскольку, по словам ректора МГУ В.А. Садовниченко, не свойственные для России системы образования, в том числе Болонская, способствовали снижению качества образования в стране. В этой связи для меня, как историка, встает вопрос не столько о возможности каких-либо решительных возвратных движений (элементарно: «дважды в одну и ту же реку нельзя войти»), сколько об адекватности оценки состояния высшего образования в предшествующий введению Болонской системы период, прежде всего, в последние советские десятилетия.

Считаю и с каждым годом все больше убеждаюсь в этом, что в СССР была создана действительно лучшая государственная система образования, в том числе и высшего образования, призванная охватить все без исключения слои населения. Только в этом случае ее можно сравнивать с образовательными системами в других больших странах в аналогичные периоды. В тех же США, а именно с ними мы долгое время сравнивали себя, в 1975 г. более 60 % заведений являлись частными, где

оплата за обучение доходила до 4 тыс. долларов за год, что настраивало на соответствующее отношение к учебе, чтобы в будущем оправдать эти затраты. Но такая система высшего образования на Западе стала строиться изначально и не была характерна для России, где государственные вузы всегда абсолютно доминировали, а в советское время по известным причинам оказались единственными. Отсюда неизбежно в СССР при увеличении массовости, а это общемировая тенденция в XX веке, все более увеличивалось количество студентов с недостаточной (или низкой) мотивацией к получению знаний, а не просто дипломов об окончании какого-нибудь вуза. Если в 1960/61 учебном году численность студентов вузов в СССР на 1000 человек населения составляло 111 человек (в РСФСР – 124), то в 1970/71 учебном году уже 188 человек (в РСФСР – 204), в 1980/81 – 196 (в РСФСР – 219) человек. К тому же подавляющее число студентов получали стипендию, на которую весьма скудно, но можно было существовать. Стипендиальная система перестала восприниматься как социальная поддержка, а рассматривалась в качестве неотъемлемого обязательства государства перед данной категорией населения. К 1970-м гг. уже практически не было людей, которые в 1930–1940-е гг. по независящим от них обстоятельствам не могли получить высшее образование, и стремились с высоким уровнем сознательности за результаты это сделать через обучение на вечерних и заочных отделениях. Тем не менее число студентов на этих отделениях, где объективно качество обучения было более низким, росло более высокими темпами, чем на дневных отделениях. Так, число студентов дневных отделений вузов с 1950 по 1987 г. увеличилось в 3,2 раза, то на заочных отделениях – в 4,3 раза, а на вечерних – даже в 21 раз.

Говоря об увеличении числа лиц, обучающихся в вузах в последние советские десятилетия, безусловно, следует иметь в виду то обстоятельство, что постепенно усиливалась социальная роль высшего образования в нашей стране. Сначала оно было, наряду со средством обеспечения квалифицированными кадрами различных сфер жизни, базой для социального лифта, а потом при реализации программы перехода ко всеобщему среднему образованию служило своеобразным «накопителем», отсрочивавшим появление на рынке труда и общественном пространстве части молодого поколения, еще социально и профессионально не зрелой, но со скрытым протестным потенциалом. Это, кстати, стало главным побудительным мотивом обеспечения после студенческих волнений 1968 г. в западных странах большей доступности высшего образования. Но главной причиной увеличения массовости высшего образования в России этот фактор станет уже в 1990-х гг. Отсюда, как представляется, и переход к двухуровневой системе, где бакалавриат в массовом порядке должен был в основном социализировать вышедшую

из общеобразовательной школы молодежь, а магистратура – готовить высококвалифицированных специалистов.

Разумеется, постоянно растущая массовость высшего образования в нашей стране в последние советские десятилетия не могла не вести к понижению качества среднестатистического выпускника вуза, но это вовсе не означало, что в те годы не обеспечивался «постоянно растущий приток в отрасли народного хозяйства ученых, грамотных инженеров и специалистов». За 20 лет, с 1960 по 1980 г., численность студентов, обучавшихся в вузах группы «промышленность и строительство», увеличилась в два с лишним раза, с 873 тыс. до 2088 тыс. Другое дело, что немногие из них потом работали на прорывных направлениях научно-технического прогресса. В этом отношении подготовка инженерных кадров соответствовала тому технологическому укладу, который существовал в нашей стране в 1970–1980-е гг., а он действительно отставал от передовых мировых образцов. В условиях действий различных импортных ограничений со стороны Запада СССР для выравнивания уровней технологического развития могли лишь рассчитывать на внутренние резервы. К сожалению, во второй половине 1960-х гг. советское руководство отказалось от реализации ряда перспективных научно-технических проектов, в частности от Общегосударственной автоматизированной системы (ОГАС), разработанной учеными под руководством академика В.М. Глушкова, которая еще в 1970-е гг. могла дать, не меняя социальную сущность производственных отношений, серьезный толчок к развитию цифровых технологий.

Также следует понимать неизбежность существования в любой стране и в любое время вузов разного качественного уровня. У всех на слуху, к примеру, Оксфордский и Кембриджский университеты в Великобритании, Гарвардский, Йельский и Принстонский университеты и Массачусетский технологический институт в США, но в этих же странах есть сотни университетов и институтов не очень-то высокого уровня. Сотрудничество в 2000-е гг. Саратовского госуниверситета с университетами Колорадо (США) и Дуйсбург-Эссен (ФРГ) меня убедило в этом. Существование слабых и открытие новых университетов и институтов, зачастую не обеспеченных нужными кадрами, в советское время обуславливалось целым рядом факторов: экономических, социальных, демографических, политических и т. д. С общественно-политической точки зрения пользы в этом было больше чем вреда, особенно это касалось национальных республик. Другое дело, когда в 1990-е гг. стали в спешке преобразовывать провинциальные пединституты в университеты, открывать в районах филиалы заурядных вузов. В последнем случае ничего, кроме сиюминутных локальных коммерческих интересов, данная акция не преследовала, хотя она и помогла многим рядовым преподавателям выживать в непростых условиях того времени.

Вряд ли с исторической точки зрения следует придавать большое значение Февральскому (1988 г.) пленуму ЦК КПСС. Необходимо понимать, что он проходил в условиях не просто стремления тогдашней советской верхушки к реформированию страны, но и, как сейчас выясняется, курса на коренное изменение общественно-политического строя. Свообразными вехами до этого в данном отношении были Январский (1987 г.) пленум по кадровым вопросам, принявшим решения по дальнейшим политическим действиям, и Июльский (1987 г.) пленум по вопросам экономики. В те годы развернулась безудержная критика по всем направлениям прошлого и настоящего страны, где было трудно вычленить рациональное звено для конкретных практических действий сообразно существующим внутренним и внешним реалиям. Все западное, в том числе и в образовательной системе, стало превозноситься до небес. В этом отношении вспоминается свое пребывание во втором полугодии 1987 г. на ФПК МГУ, когда для слушателей в экстренном порядке было организовано несколько спецкурсов, показывавшим западные образовательные системы. Уже тогда нас убеждали в преимуществах ЕГЭ, бакалавриата и магистратуры, в необязательности чтения систематических курсов. Назначенный в 1986 г. главным редактором «Учительской газеты» В.Ф. Матвеев организовал на ее страницах масштабную дискуссию под категоричным лозунгом «нам надо перестроить школу». Активно включился в нее новый министр высшего и среднего специального образования СССР Г.А. Ягодин, который не просто искал изъяны в советской школе, но и в качестве образца предлагал взять японскую систему образования, в центре которой якобы стоит личность ученика и студента, и которая помогла случиться «японскому чуду» в экономике. Министр не только декларировал свои либеральные идеи, но и сообразуясь с ними вводил в вузах странные вещи. Например, были введены рейтинговые оценки преподавателей: студенты определяли лучших профессоров и лекторов. Доходило до смешного: нам ставили оценки за галстуки и пиджаки. Г.А. Ягодин отменил начальную военную подготовку в школах и стал сворачивать военные кафедры в университетах, уменьшил объем преподавания обществоведческих дисциплин, все что сейчас необходимо в срочном порядке восстанавливать. И в этом отношении только стоит приветствовать недавнее решение о значительном увеличении аудиторных занятий в вузах на преподавание обязательного курса «История России», с наполнением его патриотическим содержанием.

В ближайшие годы, как мне представляется, предстоит осторожная, но последовательная работа по разбору всех «завалов», возникших за последние тридцать с лишним лет в отечественной системе высшего образования. Для начала хотелось бы, чтобы не так часто менялись федеральные образо-

вательные стандарты, что приводит к перманентному написанию новых ООП и рабочих программ, надо бы остановить реализацию пресловутой «дорожной карты» в отношении постоянно растущего соотношения контингента студентов к преподавательскому составу, что ведет к снижению качества обучения и возможности омоложения педагогических коллективов. Ну а в целом надо идти в направлении того, чтобы вуз был действительным очагом культуры в самом широком смысле этого слова. Условия для достижения этого лучше всего относительно общеобразовательной школы, но они применимы и для вузов, сформулировал выдающийся педагог В.А. Сухомлинский. «Школа становится подлинным очагом культуры лишь тогда, – настойчиво подчеркивал он, – когда в ней царят 4 культа: культ Родины, культ человека, культ книги и культ родного слова».

Всегда ли наши совещания адекватно отражают реальность? К вопросу о методологии использования исторических источников

С.В. Любичанковский

доктор исторических наук, профессор

С большим интересом и удовольствием прочел статью доктора экономических наук, профессора, авторитетного ученого и крупного государственного деятеля Александра Евгеньевича Бусыгина, в которой дан глубокий анализ развития нашей российской образовательной системы с позднесоветского периода до наших дней.

Соглашаясь со многими тезисами уважаемого автора и признавая его правоту в том, что кризисные явления в нашей школе начались уже в эпоху «застоя», мне бы хотелось тем не менее вступить в дискуссию относительно степени доверия к такому важному историческому источнику, как материалы Пленума ЦК КПСС по вопросам образования, состоявшегося в феврале 1988 г. Заслужено А.Е. Бусыгина является в том числе и введение в широкий научный оборот этого интереснейшего материала (изначально он был засекречен, а впоследствии, будучи рассекреченным, просто не привлекал внимания исследователей ввиду появления более «кричащих» проблем, требующих анализа). Однако, как историку, мне очевидно, что сделанные на этом собрании выводы следует воспринимать с определенной долей критики, как, собственно, и любой другой исторический источник. В данном случае следует учесть следующие основные факторы, которые могли влиять на характер выступлений и должны влиять на наш последующий анализ.

Во-первых, важно учитывать, что любая общественная система всегда развивается путем преодоления накопившихся в ней под влиянием внешней среды установок развития, которые меняются и на которые так или иначе система должна реагировать. Поэтому сама критика накопившихся

недостатков в позднесоветской системе общего образования не должна служить основанием для того, чтобы охарактеризовать саму систему как находящуюся в кризисе. Здесь надо разбираться в масштабах проблем, однако само их наличие не является чем-то экстраординарным. Уверен, что и в 1950-х гг., которые в мире рассматриваются как признанная победа советского образования, если бы такой Пленум был проведен, мы бы услышали не меньше негатива от руководящих работников, поскольку проблема обеспечения всеобщего бесплатного доступа к школе на ее старших ступенях тогда решена не была, материально-техническое оснащение школ было хуже, чем во времена «застоя», идеологическое давление было на порядок тяжелее. Сам факт того, что власть, проводя Пленум 1988 г., признавала эти проблемы, говорит о том, что система была достаточно жизнеспособной и сохраняла перспективы развития.

Во-вторых, задачей Пленума 1988 г. изначально было обсуждение именно проблемы системы образования, что не могло не обусловить сосредоточение выступающих именно на проблемах, а не на достоинствах системы. Критика имеющихся недостатков со стороны руководящих работников вполне ожидаемо могла быть заостренной и несколько преувеличенной, поскольку в нашей российской бюрократической реальности уже давно работает принцип «проси больше, тогда, возможно, дадут сколько надо». Ведомства, занимающиеся просвещением, были заинтересованы в сгущении красок, поскольку не могли не понимать, что это может позволить привлечь в свою систему дополнительные ресурсы.

В-третьих, ряд названных на Пленуме проблем в том виде, в котором они были зафиксированы работниками профильных министерств, напротив, могли способствовать в будущем развитию кризиса системы образования. Так, педализация общей низкой качественной успеваемости («выпускаем троешников») и постановка задачи решить эту проблему в будущем приведет к тому, что учителя вынуждены будут массово завышать оценки, и уже не только двойки, но и тройки ставить станет «неприлично», от справедливых учителей система начнет избавляться. Мы сегодня живем в такой системе, когда отчисление за неуспеваемость является ЧП, и виноватым в нем всегда является педагог. В итоге на бумаге у нас качественная успеваемость растет. Но является ли этом решением проблемы? Конечно, нет, это показатель глубокого кризиса. Таким образом, низкая качественная успеваемость в 1970–1980-е гг., отмеченная на Пленуме, может трактоваться как здоровая ситуация наличия справедливой системы оценивания в образовании, тем более в историческом контексте перехода к массовой полностью бесплатной школе, когда система

вынуждена была учить до 10 класса всех без исключения.

В-четвертых, приведенные на Пленуме примеры о незнании выпускниками даже вузов элементарных сведений о своей стране и мире носят характер иллюстрации. Таковых иллюстраций полон интернет и сегодня, применительно к молодежи и нашей страны, и других крупных и развитых держав. Видимо, такого рода выпускники всегда будут иметь место. Тут уместна аналогия с болезнями – они тоже всегда будут присущи человечеству, как бы не была развита медицинская служба. Однако здесь важен вопрос масштаба – удастся ли болезнь купировать или она перерастает в пандемию. В позднее советское время в системе образования, на наш взгляд, признаков «пандемии» не наблюдалось, в отличие от последующих эпох, включая, к сожалению, и современную, которая формально соответствует всем базовым критериям эффективности.

В-пятых, критика тезиса о «лучшей в мире» советской системе образования невозможна без сравнительного анализа ситуации в образовательных системах других ведущих стран. Какими бы не были проблемы советского образования, но если в системах-конкурентах проблем было не меньше или они носили более принципиальный характер, тезис о «лучшей в мире» массовой советской школе все равно является правомерным. Это ведь тезис не об идеальности системы, а о том, что она лучше многих других аналогичных зарубежных систем.

Все сказанное мною выше ни в коем случае не означает, что в позднесоветской системе образования и воспитания не было проблем. Они, конечно же, имели место, причем очень серьезные. И в отношении падения авторитета педагога в обществе, и в отношении вымывания мужчин из школьных педагогических коллективов, и в отношении нарастающего очковтирательства по формальным критериям. Мы говорим о том, что использовать итоговые выводы данного совещания нужно осторожно, так как они могут быть поняты только с учетом конкретно-исторического контекста. При этом Андрей Евгеньевич совершенно прав, когда в своей статье указывает на то, что тезис о «лучшей в мире» системе советского образования в умах современного обывателя превратился в бездумное идеализирование предшествующего опыта, что чрезвычайно вредит адекватному пониманию эволюции российской образовательной системы. Предшествующий опыт нельзя ни идеализировать, ни очернять, а материалы Пленума 1988 года следует, на наш взгляд, рассматривать как один из важных исторических источников, требующий, как и любой другой источник, внутренней и внешней критики.

Библиографический список

Бусыгин 2023 – *Бусыгин А.Е.* Российская государственная образовательная политика: в какой степени она содействует становлению новой социальной реальности? // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 8–20. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-8-20>.

Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ – *Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ* разных лет. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages>.

Губа, Соколов, Соколова 2019 – *Губа К.С., Соколов М.М., Соколова Н.А.* Реформа диссертационной индустрии в России. Санкт-Петербург: ЦИАНО ЕУСПб, 2019. 24 с. URL: <https://ciase.ru/wp-content/uploads/2019/12/regul-final.pdf>.

Губа, Соколов, Соколова 2020 – *Губа К.С., Соколов М.М., Соколова Н.А.* Динамика диссертационной индустрии в России: 2005–2015 г. Изменил ли новый институциональный трафарет академическое поведение? // Экономическая социология. 2020. Т. 21, № 3. С. 13–46. DOI: <http://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-3-13-46>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dhlblr>.

Губа, Цивинская 2020 – *Губа К.С., Цивинская А.О.* Мониторинг эффективности образовательных организаций как источник данных о российском высшем образовании // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24, № 2. С. 121–130. DOI: <http://doi.org/10.15826/umpa.2020.02.018>. EDN: <https://www.elibrary.ru/elpuwq>.

References

Busygin 2023 – *Busygin A.E.* (2023) Russian state educational policy: in what degree it corresponds to the formation of new social reality? *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 8–20. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-8-20>. (In Russ.)

Presidential addresses to the Federal Assembly – Presidential addresses to the Federal Assembly of different years. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages>. (In Russ.)

Guba, Sokolov, Sokolova 2019 – *Guba K.S., Sokolov M.M., Sokolova N.A.* (2019) Reform of the dissertation industry in Russia. Saint Petersburg: TsIANO EUSPb, 24 p. Available at: <https://ciase.ru/wp-content/uploads/2019/12/regul-final.pdf>. (In Russ.)

Guba, Sokolov, Sokolova 2020 – *Guba K.S., Sokolov M.M., Sokolova N.A.* (2020) The dynamics of dissertation industry in Russia, 2005–2015. Did new institutional templates change academic behavior? *Journal of Economic Sociology*, vol. 21, no. 3, pp. 13–46. DOI: <http://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-3-13-46>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dhlblr>. (In Russ.)

Guba, Tsivinskaya 2020 – *Guba K.S., Tsivinskaya A.O.* (2020) The Survey of HEIs Performance as a Data Source on Higher Education in Russia. *University Management: Practice and Analysis*, vol. 24, no. 2, pp. 121–130. DOI: <http://doi.org/10.15826/umpa.2020.02.018>. EDN: <https://www.elibrary.ru/elpuwq>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 947. 085

Дата поступления: 08.11.2022
рецензирования: 20.12.2022
принятия: 10.03.2023

Динамика сети эвакуогоспиталей Пензенской области в годы Великой Отечественной войны

И.Н. Иноземцев

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация
E-mail: Kerskij@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3883-2526?lang=ru>

Аннотация: В статье на основе анализа регионального архивного материала подробно рассматривается динамика развертывания на территории Пензенской области эвакуационных госпиталей в 1941–1945 гг. Рассмотрены особенности развития структуры их коечного фонда, определены основные места дислоцирования и размещения. Проведенный анализ позволил выделить в развитии региональной базы тыловых эвакуогоспиталей следующие хронологические этапы: 1) 22 июня – июль 1941 г.; 2) июль 1941 – начало 1942 гг.; 3) февраль – октябрь 1942 г.; 4) ноябрь 1942 – начало 1944 гг.; 5) начало 1944 – июнь-июль 1945 гг.; 6) второе полугодие 1945 г. Сделан вывод о том, что динамика развертывания эвакуогоспиталей определялась прежде всего изменением оперативно-стратегической обстановки и изменением линии фронта и лишь затем возможностями регионального здравоохранения. Путем сопоставления местных данных с данными о численности эвакуогоспиталей в других поволжских регионах установлена чрезмерно высокая степень мобилизационной нагрузки, возложенной на систему здравоохранения Пензенской области, которая изначально обладала незначительными отраслевыми ресурсами. Определено, что структура коечного фонда в годы войны развилась в сторону углубления его специализации в первую очередь за счет увеличения числа специализированных хирургических коек. Подавляющее большинство эвакуогоспиталей дислоцировались в населенных пунктах, расположенных на территории районов Пензенской области, обладающих необходимой социальной и железнодорожной инфраструктурой.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Пензенская область; эвакуогоспитали; госпитальная база; коечная сеть; дислокация.

Цитирование. Иноземцев И.Н. Динамика сети эвакуогоспиталей Пензенской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 31–37. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-31-37>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Иноземцев И.Н., 2023

Иван Николаевич Иноземцев – аспирант кафедры истории России и методики преподавания истории, Пензенский государственный университет, 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 08.11.2022
Revised: 20.12.2022
Accepted: 10.03.2023

Dynamics of the network of evacuation hospitals in the Penza region during the Great Patriotic War

I.N. Inozemtsev

Penza State University, Penza, Russian Federation
E-mail: Kerskij@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3883-2526?lang=ru>

Abstract: Based on the analysis of regional archival material, the article examines in detail the dynamics of the deployment of evacuation hospitals in the Penza region in 1941–1945. The features of the development of the structure of their bed fund are considered, the main places of deployment and placement are determined. The analysis made it possible to identify the following chronological stages in the development of the regional base of rear evacuation hospitals: 1) June 22 – July 1941; 2) July 1941 – early 1942; 3) February – October 1942; 4) November 1942 – early 1944; 5) early 1944 – June–July 1945; 6) second half of 1945. It is concluded that the dynamics of the deployment of evacuation hospitals was determined, first of all, by a change in the operational-strategic situation and a change in the front line, and only then by the capabilities of regional health care. By comparing local data with data on the number of evacuation hospitals in other regions of the Volga region, an excessively high degree of mobilization load was placed on the healthcare system of the Penza region, which initially had insignificant sectoral resources. It was determined that the structure of the bed fund during the war years developed towards deepening its specialization, primarily due to an increase in the number of specialized surgical beds. The vast majority of evacuation hospitals were located in settlements located on the territory of the regions of the Penza region, which have the necessary social and railway infrastructure.

Key words: Great Patriotic War; Penza region; evacuation hospitals; hospital base; bed network; dislocation.

Citation. Inozemtsev I.N. Dynamics of the network of evacuation hospitals in the Penza region during the Great Patriotic War. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 31–37. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-31-37>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Inozemtsev I.N., 2023

Ivan N. Inozemtsev – postgraduate student of the Department of History of Russia and Methods of Teaching History, Penza State University, 40, Krasnaya Street, Penza, 440026, Russian Federation.

Введение

Проблематика обеспечения раненых и больных воинов Красной Армии медицинской помощью в тылу традиционно занимала заметное место в числе вопросов истории Великой Отечественной войны. В условиях проведения Россией специальной военной операции на Украине и нарастания других геополитических угроз она приобретает еще большую остроту, что обуславливает необходимость проведения научной рефлексии.

Региональная специфика развертывания в Пензенской области сети тыловых эвакуогоспиталей, в этой или иной степени, уже входила в предметную область научного интереса исследователей, преимущественно, профессиональных медиков. Так, краткие статистические сведения об общем количестве эвакуогоспиталей, являющиеся результатом первичной репрезентации архивного материала, содержат работы Л.М. Забежинского, Д.П. Ванчинова, В.С. Година, Г.П. Шалдыбина, С.Н. Кузичкина [Забежинский 1968; Ванчинов 1980; Годин, Шалдыбин 1985; Кузичкин 2020].

Значительный вклад в разработку проблематики внес В.А. Томилов. В исследованиях автора, посвященных деятельности эвакуогоспиталей Среднего Поволжья, которые особенно ценны содержанием медико-прикладной составляющей, также акцентируется внимание на развертывании госпитальных баз в регионах Среднего Поволжья (Томилов 1993). Автор, выделяя несколько этапов данного процесса, делает обоснованный вывод о том, что формирование эвакуогоспиталей в Среднем Поволжье зависело от складывающейся общей обстановки на фронте [Томилов 1995].

Ценные справочные данные о количестве, размещении, профилизации и сроках функционирования эвакуогоспиталей Пензенской области, основанные на обобщении документов центральных, регионального и местных архивохранилищ, представлены в издании «В тылу герои не забыты», подготовленном активистами пензенского регионального отделения ООД «Поисковое движение России» [В тылу герои... 2019].

Итак, анализ накопленных в литературе сведений о формировании и развитии госпитальной базы Пензенской области в 1941–1945 гг. позволяет констатировать, что, несмотря на наличие обобщающих работ, для общей картины итогов научных изысканий по теме характерна недостаточная глубина ее проработки. Об этом, например, уже свидетельствует отсутствие единого мнения среди авторов по вопросу о масштабах развернутой сети

(количество эвакуогоспиталей у разных авторов варьируется от 64 до 90). Как видим, сложившаяся в историографии ситуация также обуславливает необходимость дополнительной разработки заявленной проблематики.

Основой организации оказания медицинской помощи раненым являлась принятая в Красной армии система поэтапного лечения с эвакуацией по назначению. Она предполагала последовательное оказание раненым и больным медицинской помощи, начиная с первой медицинской помощи на поле боя и заканчивая исчерпывающей специализированной помощью в тыловых эвакуогоспиталях для контингентов, лечение которых не могло быть завершено в госпитальных базах действующей армии (армейских или фронтовых лечебных учреждений).

Одним из районов развертывания крупнейшей госпитальной базы стало Среднее Поволжье. Прежде всего, это было связано с наличием развитых транспортных коммуникаций, инфраструктуры и медицинской сети. Вполне закономерно, что Пенза, являвшаяся крупным железнодорожным узлом уже с конца XIX в., с началом войны приобретала статус важнейшего звена в системе эвакуационных перевозок. Однако на фоне других регионов Поволжья, обладающих достаточно развитой сетью лечебных и научно-медицинских учреждений, базой для подготовки врачебных кадров, Пензенская область представляется менее подготовленной к мобилизационным нагрузкам. Например, если в 1940 г. коечный фонд Саратовской области составлял 9737 койки, Татарской АССР – 10 500 коек, в Куйбышевской – 6 347 коек, то в Пензенской области – лишь 3 751 койка [Ванчинов 1980, с. 194] (ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 167. Л. 2–2 об.).

Этим были обусловлены более низкие показатели развертывания эвакуогоспиталей, предусмотренные мобилизационным планом для Пензенской области. Если в Саратовской области было предусмотрено развертывание 36 госпиталей на 12 300 коек, в Татарской АССР – 15 эвакуогоспиталей на 8690 коек, в Куйбышевской области – 14 эвакуогоспиталей на 5 100 коек, то в Пензенской – лишь 6 эвакуогоспиталей на 2100 коек: ЭГ №№ 1648, 1649, 1650, 1651 (г. Пенза), 1312 (г. Кузнецк), 1690 (г. Сердобск) [Петров 2016, с. 150; Томилов 1995, с. 6] (ГАПО. Ф. Р-1320 Оп. 1. Д. 265. Л. 2).

Анализ динамики развертывания сети эвакуогоспиталей

С началом войны Пензенский облздравотдел активно включился в работу по выполнению до-

военного мобилизационного плана. Однако, поражения Красной армии в начале войны, продвижение линии фронта вглубь страны и постоянный рост числа раненых потребовали значительного увеличения госпитальной коечной сети в тыловых регионах, в связи с чем, в июле и ноябре 1941 г. вышли распоряжения СНК и Наркомздрава СССР, предписывающие дополнительно развернуть к 1 января 1942 г. еще 11 040 (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 891. Л. 1).

Следует отметить, что в годы войны эвакогоспитали формировались по линиям Наркомата здравоохранения, Наркомата обороны и некоторая часть – по линии Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС). Однако в Пензенской области основная нагрузка по развертыванию госпитальной базы легла на органы Наркомата здравоохранения.

Организация новых госпиталей и увеличение числа больничных коек выявили ряд проблем материального характера. Если госпитали, организованные в порядке основного плана, имели всю необходимую материально-хозяйственную базу, то развертывание дополнительных плановых госпиталей во многом осложнялось отсутствием медицинского оборудования, санитарно-хозяйственного имущества или материалов для ремонта отведенных под госпитали помещений (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 289. Л. 2).

В связи с этим, к концу 1941 г. Пензенскому облздравотделу фактически удалось развернуть 6 эвакогоспиталей на 2100 коек (по довоенному мобилизационному плану) и дополнительно 25 эвакогоспиталей на 7500 штатных коек и 1200 времен-

ных в порядке уплотнения, т. е. всего 10 800 коек вместо 13 140 коек, предусмотренных плановыми заданиями. Из числа имеющихся эвакогоспиталей в систему ВЦСПС в 1941 г. было передано 2 эвакогоспитала на 600 коек: ЭГ № 2772 (Дом отдыха, пос. Ахуны) и ЭГ № 2776 (Дом отдыха, пос. Сура) (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 891. Л. 4). Кроме того, 1 ноября 1941 г. в систему Наркомздрава был принят и развернут госпиталь Наркомата обороны № 998 (г. Пенза) на 500 коек (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 283. Л. 23).

В итоге на 1 января 1942 г. в Пензенской области дислоцировалось 32 эвакогоспитала, подведомственных НКЗ и ВЦСПС, мощностью в 11 300 коек. В целом динамика развертывания эвакогоспиталей на территории Пензенской области в военные годы представлена на рис. 1.

Успешное наступление советских войск на Московском направлении в конце 1941 г. – начале 1942 г. потребовало дополнительной реэвакуации лечебных учреждений из районов глубокого тыла. Так, в течение 1942 г. в Пензенскую область из союзных Республик было принято и развернуто 10 госпиталей на 4000 коек (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 891. Л. 3).

Возросшие летом 1942 г. санитарные потери определили необходимость дополнительного развертывания эвакогоспиталей. Так, во исполнение постановлений ГКО от 23 апреля и 8 июля 1942 г. на территории Пензенской области было дополнительно развернуто 4 240 коек в порядке уплотнения и сформировано 4 госпиталя на 3 080 штатных коек (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 891. Л. 2). Пик числа одновременно развернутых госпиталей был

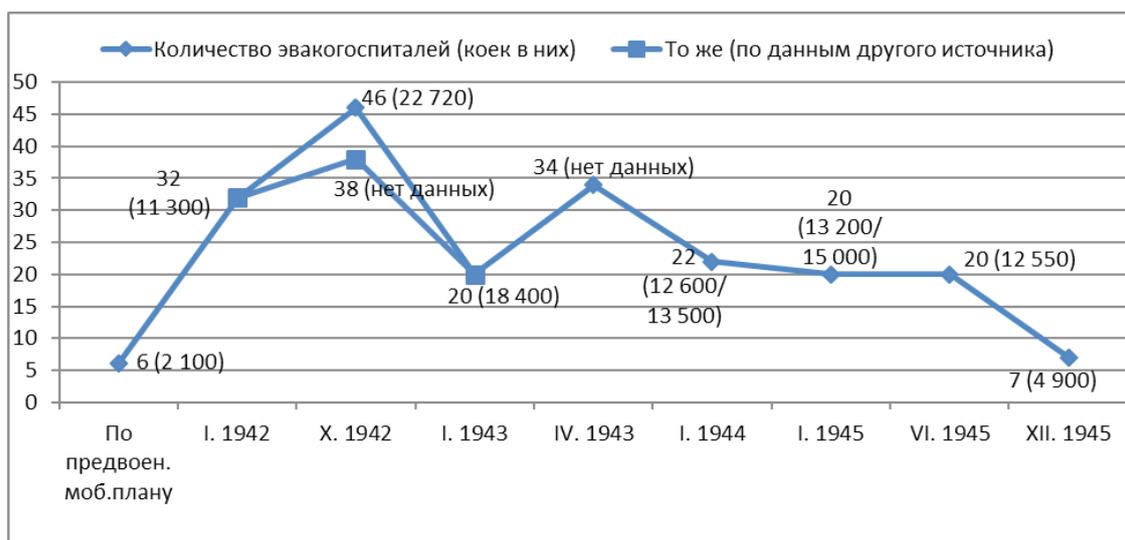

Рисунок 1 – Динамика численности эвакогоспиталей НКЗ и ВЦСПС на территории Пензенской области в годы Великой Отечественной войны¹

Figure 1 – Dynamics of the number of evacuation hospitals of the NKZ and the All-Union Central Council of Trade Unions in the Penza region during the Great Patriotic War

¹ Рассчитано и составлено на основе обобщения данных: ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 289. Л. 1. Д. 891. Л. 2–4, Д. 893. Л. 1–3. Д. 913. Л. 2, 19, 37, 38; ГАПО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 977. Л. 1; Двойные показатели числа коек указаны при расхождении данных в различных источниках.

достигнут осенью 1942 г. Так, к концу октября в области по различным данным дислоцировалось от 38 до 46 госпиталей мощностью до 22 720 коек (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 461. Л. 21; Д. 893. Л. 1).

Тяжелая боевая обстановка, сложившаяся в районе Сталинграда, потребовала, вместе с тем, усиления фронтовых и армейских госпитальных баз, которое во многом осуществлялось за счет передачи эвакогоспиталей из системы наркомата здравоохранения вместе с оборудованием и квалифицированными специалистами. Так, согласно приказу НКО СССР и НКЗ СССР от 24 октября 1942 № 00225/520, в течение ноября 1942 г. 26 эвакогоспиталей (4220 коек) Пензенской области были переданы НКО и в срочном порядке передислоцированы на Сталинградском направлении (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 891. Л. 4).

Как отмечают Н.Г. Иванов, А.С. Георгиевский, О.С. Лобастов, в период наступательной операции советских войск под Сталинградом затрудненная железнодорожная эвакуация обусловила возможность ограничить до минимума эвакуацию раненых в глубокие тыловые районы и получить более или менее приемлемые результаты лечения непосредственно во фронтовых и армейских госпитальных базах [Иванов, Георгиевский, Лобастов 1985, с. 173].

Таким образом, на 1 января 1943 г. в области состояло 20 госпиталей на 12 960 штатных и 5440 временных коек (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 893. Л. 3).

Несмотря на значительные сложности, в частности, особенно остро сказывалась нехватка специального медицинского оборудования, которое было увезено переданными в НКО госпиталями, в соответствии с постановлениями ГКО от 2 января и 7 марта 1943 г. продолжилось развертывание новых эвакогоспиталей (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 891. Л. 1). Лишь благодаря активной помощи местных советских и партийных организаций и мобилизации всех внутренних ресурсов к 15 апреля 1943 г. удалось увеличить сеть эвакогоспиталей до 34 (ГАПО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 977. Л. 1). Всего же в 1943 г. облздравотделом было сформировано еще 18 госпиталей на 7 800 штатных коек и 300 временных коек развернуто в порядке уплотнения (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 891. Л. 2).

Дальнейшее рассмотрение развития госпитальной базы Пензенской области необходимо осуществлять с учетом наличия определенных расходов в данных о движении коечного фонда эвакогоспиталей в 1943–1944 гг., содержащихся в документальных источниках 1.

С целью дальнейшего усиления госпитальных баз действующей армии постановлением ГКО от 2 января 1943 г. из Пензенской и Саратовской об-

ластей передавалось 25 000 коек [Томилов 1995, с. 22]. Всего в течение 1943 г. органы здравоохранения Пензенской области передали НКО 8 госпиталей, коечная мощность которых составляла по одним данным – 2700 коек, по другим – 4060 коек (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 893. Л. 1; Д. 891. Л. 4).

В связи с образованием 19 января 1943 г. Ульяновской области, к которой отошли Барановский и Николаевский районы, в подчинение Ульяновского облздравотдела перешел ЭГ № 1337/2906 на 400 коек (с. Канадей Николаевского р-на). Кроме того, до конца 1943 г. были реэвакуированы в западные союзные Республики 5 эвакогоспиталей мощностью от 2200 до 2 000 коек. Расформировано 2 госпиталя на 900 штатных и 5 440 временных коек. В итоге к началу 1944 г. госпитальная база Пензенской области включала 22 эвакогоспиталей мощностью, по разным данным, от 12 600 коек (12 000 – в системе НКЗ, 600 – ВЦСПС) до 13 500 коек (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 891. Л. 3; Д. 893. Л. 1).

На заключительном этапе войны сеть эвакогоспиталей Пензенской области стабилизируется. Так, по данным основного отчета о работе эвакогоспиталей за 1941–1945 гг., в течение 1944 г. в западные районы страны передислоцировано 2 госпиталя на 600 коек, а в конце года в порядке уплотнения развернуто 2 100 временных коек (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 891. Л. 2–4). Кроме того, в дополнительных материалах к отчету также содержатся сведения о расформировании в 1944 г. 900 коек (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 893. Л. 1). Таким образом, по состоянию на январь 1945 г. в области находилось 20 эвакогоспиталей на 13 200–15 000 коек (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 893. Л. 1; Д. 913 Л. 2; Рассчитано автором по: ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 891. Л. 2–4).

Касательно развития госпитальной сети в 1945 г. источники дают идентичную информацию. Активный процесс расформирования госпиталей начинается лишь после окончания войны. Если на конец июня 1945 г. в области состояло 20 эвакогоспиталей на 12 550 коек (18 госпиталей НКЗ на 11 950 коек и 2 госпиталя ВЦСПС на 600 коек), то к 1 декабря их число сократилось до 7 госпиталей (3200 штатных и 1700 временных коек) (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 891. Л. 4.; Д. 893. Л. 2–3; Д. 913. ЛЛ. 19, 37,38).

Таким образом, на территории Пензенской области в разные военные годы в общей сложности располагалось 64 эвакогоспиталей системы НКЗ и ВЦСПС коечной мощностью в 32 820 коек. Подавляющее большинство этих госпиталей – 53 (82,8 %) эвакогоспиталей на 20 480 штатных коек и 7840 временных коек в порядке уплотнения, были сформированы на месте Пензенским областным отделом здравоохранения. Кроме того, из других регионов было принято и развернуто 10 передислоцированных госпиталей на 4000 коек, принято от НКО – 1 госпиталь на 500 коек (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 891. Л. 4).

¹ См.: ГАПО Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 891. – «Отчет о работе госпиталей Пензенской области за период с 1 июля 1941 по июль 1945 гг.»; Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 893. – дополнительные «Материалы к отчету о работе госпиталей за период с июля 1941 по июль 1945 гг.».

Сопоставление приведенных данных с данными о численности эвакогоспиталей в других поволжских регионах указывает на крайне высокую степень мобилизационной нагрузки, возложенной на систему здравоохранения Пензенской области, начавшую формироваться лишь накануне войны. Так, в военный период более мощные тыловые госпитальные базы были сформированы только в Саратовской области (74 эвакогоспиталя) и Татарской АССР (68 эвакогоспиталей). 54 эвакогоспиталя функционировали в Куйбышевской и Ульяновской областях, 17 – в Чувашской АССР, 13 – Мордовской АССР, 1 – в Марийской АССР [Томилов 1995, с. 23; Бирюкова 1995, с. 30].

Развитие специализации коечного фонда эвакогоспиталей

Рассматривая развитие сети эвакогоспиталей, следует кратко сказать о специализации их коечного фонда, которая не была постоянной в различные военные годы и зависела как от контингента поступающих раненых, так и от мобилизационных возможностей региональных органов здравоохранения. Если на начальном этапе войны предусматривалось развертывание, главным образом, общехирургических и общетравматологических коек, то уже с 1942 г. заметное место в структуре коечного фонда стали занимать койки для оказания специализированной помощи. Так, с 1942 по 1945 г. их доля выросла с 15,6 до 34,2 %, прежде всего, за счет хирургических. Если в 1941–1942 гг. наибольшее число специализированных хирургических коек приходилось на челюстно-лицевые, то в 1943–1945 гг. – на протезные и восстановительные (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 428. Л. 20). Организация специализированных коек осуществлялась как путем развертывания новых специализированных госпиталей и специализированных отделений (палат), так и их созданием на базе общехирургических и общетерапевтических эвакогоспиталей в основном в г. Пензе.

Всего из 53 эвакогоспиталей, развернутых непосредственно Пензенским областным отделом здравоохранения, один госпиталь полностью специализировался на лечении туберкулезных больных (ЭГ № 4582), один был развернут как инфекционно-терапевтический (ЭГ № 1650), 13 хирургических госпиталей имели терапевтические и специализированные отделения и 38 госпиталей являлись чисто хирургическими с профилем по локализации ранений (ГАПО Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 889. Л. 2).

Следует отметить, что в тылу страны также выделялись специализированные госпитали для обслуживания военнопленных. Так, в 1944–1945 гг. в Пензенской области для лечения раненых и больных военнопленных было передано 5 эвакогоспиталей: ЭГ № 2738 (Кузнецк), 2741 (Нижний Ломов), 2916 (Пачелма), 2917 (Кузнецк), 5903 (с. Махалино Кузнецкого р-на), коечная мощность

которых на 1 июня 1945 г. составляла 2900 штатных и 2100 временных коек (ГАПО. Ф. Р-1320. Д. 913. Л. 18).

Места дислокации и размещения эвакогоспиталей

Для успешного лечения раненых и больных военнов важнейшее значение имела их своевременная эвакуация из действующей армии. Раненые поступали в госпитальные базы тыла в основном с военно-санитарных поездов и санитарных летучек с разными сроками с момента ранения, с разными видами ранений и в разном состоянии.

С целью ускорения и облегчения доставки раненых в эвакогоспитали их развертывание осуществлялось в населенных пунктах, расположенных в непосредственной близости к железнодорожным магистралям. Из рассмотренных архивных данных следует, что в разные периоды развертывания, более 70 % имеющихся эвакогоспиталей размещались в районах и районных центрах области (ГАПО. Ф.р-1320. Оп. 1. Д. 718. Л. 10; Д. 289. Л. 2; Д. 913. Л. 3–4). Наиболее крупными центрами сосредоточения эвакогоспиталей, как правило, расположенными вдоль линии железной дороги, являлись: г. Пенза, с. Беково и Бековский р-н, Бессоновский р-н, Городищенский р-н, с. Каменка, с. Трескино Колышлейского р-на, г. Кузнецк и Кузнецкий р-н, с. Нечаевка (ст. Симанщина) Мокшанского р-на, г. Нижний Ломов, Никольский р-н, с. Пачелма, г. Сердобск и Сердобский р-н, Терновский р-н.

Другим критерием размещения эвакогоспиталей было наличие подходящих зданий. Они должны были обладать просторными помещениями и необходимой коммунальной инфраструктурой. В Пензенской области формирование эвакогоспиталей в большинстве случаев также проходило на базе школ и других учебных заведений (ФЗУ, техникумы, ясли). Это было особенно характерно для Пензы. Так, на базе образовательных учреждений города были развернуты ЭГ № 998, 1042, 1648, 1649, 1651, 3530, на базе Дома колхозника – ЭГ № 1650, Дома партпросвета – ЭГ № 2771, общежития завода № 740 – ЭГ № 3530 и др. [В тылу герои... 2019, с. 390–392].

На втором месте по частоте размещения находились объекты гражданского здравоохранения. Несмотря на то что они являлись наиболее удобными для развертывания госпиталей, передать все больницы под госпитали, объективно, было невозможно, как в силу ограниченного количества лечебных учреждений в районах следования железнодорожного транспорта, так и в силу необходимости сохранения довоенной системы медицинского обслуживания гражданского населения. Так, например, под госпитальные были переданы койки в больницах п. Башмаково (ЭГ № 2737 и 2773) с. Головинщино (ЭГ № 5902), пгт. Земетчино (ЭГ № 4402), пос. Золотаревка (ЭГ № 3455, 4647), с. Каменка (ЭГ № 3289), г. Кузнецка (ЭГ № 1312) и др. [В тылу герои... 2019, с. 398–405].

Лишь незначительная часть эвакуогоспиталей области разворачивались на базе общежитий, административных зданий, учреждений культуры. Так, например, койки ЭГ № 2774 (г. Кузнецк) размещались в зданиях общежития и столовой обувной фабрики, ЭГ № 5903 (с. Махалино) в жилых помещениях колхоза и колхозном клубе [В тылу герои... 2019, с. 401].

Необходимо отметить, что в связи с нехваткой необходимых помещений, нередко эвакуогоспитали размещали сразу в нескольких зданиях, расположенных на значительном расстоянии друг от друга, что, безусловно, создавало определенные трудности в их облуживании. Так, ЭГ 1650 (г. Пенза) размещался в шести отдельных зданиях удаленных друг от друга на 0,5 – 1,5 км (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 290. Л. 2).

Для улучшения санитарно-бытовых условий и повышения качества лечения, по возможности, происходило передислоцирование госпиталей внутри области, нередко, в здания выбывших эвакуогоспиталей. Так, во исполнение решения Пензенского облисполкома № 33 от 30 июня 1943 г., из Иссы и Трескина в г. Кузнецк в помещения выбывшего госпиталя НКО № 1312 были передислоцированы и объединены в один эвакуогоспитали № 2917 и № 5337 (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 718. Л. 35).

Заключение

Итак, в рассматриваемый период перестройка сети здравоохранения была связана с решением военно-оборонных задач. С началом войны на систему здравоохранения Пензенской области, находящейся в стадии становления, легла тяжелая нагрузка по развертыванию мощной сети эвакуогоспиталей, динамика развертывания и специализация коечного фонда которых, определялись актуальной оперативно-стратегической обстановкой.

С целью ускорения и облегчения эвакуации раненых формирование новых госпиталей происходило в населенных пунктах, расположенных вдоль линии железных дорог, преимущественно на базе наиболее подходящих объектов социальной инфраструктуры (образовательных и медицинских учреждений).

Проведенный анализ позволил выделить в развитии госпитальной базы региона следующие хронологические этапы:

1. 22 июня – июль 1941 г. Развертывание эвакуогоспиталей в соответствии с довоенным мобилизационным планом. Формировались в установленные сроки, в достаточно хорошо оборудованных зданиях, с наличием установленного комплекса медицинского и санитарно-хозяйственного имущества.

2. Июль 1941 – начало 1942 гг. Значительное увеличение коечной сети, как за счет формиро-

вания новых лечебных учреждений, так и за счет развертывания временных коек в порядке уплотнения. Обусловлено продвижением линии фронта вглубь страны и ростом санитарных потерь, при которых преобладала эвакуация раненых за пределы фронтов и передислокация госпиталей из западных районов страны в восточные.

В первое полугодие войны органами здравоохранения Пензенской области было развернуто наибольшее число госпиталей, чем в последующие годы – 31 эвакуогоспиталь (58,5 %) (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 891. Л. 3). Такое развитие находилось в рамках общесоюзной тенденции. Так, из 2990 тыловых эвакуогоспиталей (1 340 400 коек), сформированных за военные годы, 76 % были возвращены в 1941 г. [Иванов, Георгиевский, Лобастов 1985, с. 168].

3. Февраль – октябрь 1942 г. Рост коечной сети за счет формирования новых эвакуогоспиталей и развертывания госпиталей, реэвакуированных из восточных регионов глубокого тыла, с целью их приближения к фронту.

4. Ноябрь 1942 – начало 1944 гг. В значительной мере на развитии госпитальной базы Пензенской области отразился общесоюзный процесс расширения армейских и фронтовых госпитальных баз за счет передачи эвакуогоспиталей НКЗ и их передислокации во фронтовые районы. Если на январь 1942 г. фронтовые и армейские госпитали РККА сосредотачивали лишь 35,8 % всей коечной сети, то к сентябрю 1942 г. – 51,7 %, а в январе 1944 г. уже 65,2 %. За годы войны в различные районы было передислоцировано 50 % сформированных эвакуогоспиталей, для усиления госпитальных баз фронтовых и прифронтовых районов были переданы 30 % тыловых эвакуогоспиталей [Иванов, Георгиевский, Лобастов 1985, с. 172; Томилов 1995, с. 5].

В Пензенской области этот процесс начался с передачи в ноябре 1942 г. 26 эвакуогоспиталей НКЗ в систему НКО и их передислокации на Сталинградском направлении. Всего же в 1942–1943 гг. из числа эвакуогоспиталей НКЗ, дислоцировавшихся в регионе, было передано в НКО 34 госпиталя, передислоцировано из области – 6 госпиталей (ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 891. Л. 3–4). Вместе с тем после передачи эвакуогоспиталей в НКО, в 1943 г. последовало формирование новых эвакуогоспиталей НКЗ, сопровождавшееся значительными сложностями материального характера и кадровыми проблемами.

5. Начало 1944 – июнь-июль 1945 гг. Стабилизация госпитальной базы Пензенской области, незначительное сокращение сети за счет передислокации эвакуогоспиталей в западные республики СССР и расформирование коек.

6. Второе полугодие 1945 г. Активное расформирование эвакуогоспиталей.

Материалы исследования

ГАПО – Государственный архив Пензенской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

Томилов 1993 – Томилов В.А. Организация работы эвакогоспиталей Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 07.00.10. Пенза, 1993. 20 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30231676>.

Библиографический список

Бирюкова 1995 – Бирюкова С.Б. Работа эвакогоспиталей Мордовии в 1941-1945 гг. // Вестник Мордовского университета. 1995. № 4. С. 30-33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabota-evakogospitalej-mordovii-v-1941-1945-gg>.

Ванчинов 1980 – Ванчинов Д.П. Военные годы Поволжья: (1941-1945). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 325 с.

В тылу герои... 2019 – В тылу герои не забыты. История эвакуационных госпиталей на территории Пензенской области в годы Великой Отечественной войны / Л.В. Казакова, К.В. Кривулин, В.М. Матюшин, С.Н. Мельников. Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. 414 с. URL: <http://km-penza.ru/v-tylu-geroi-ne-zabyty-istoriya-evakuacionnyx-gospitalej-na-territorii-penzenskoj-oblasti-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny>.

Годин, Шалдыбин 1985 – Годин В.С., Шалдыбин Г.П. Ради жизни и здоровья людей // Пензенская область в годы Великой Отечественной войны. Саратов; Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1985. С. 60–68.

Забезжинский 1968 – Забезжинский Л.М. Здравоохранение Пензенской области за 50 лет Советской власти: материалы к истории. Саратов; Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1968. 128 с.

Иванов, Георгиевский, Лобастов 1985 – Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Ленинград: Медицина, 1985. 304 с.

Кузичкин 2020 – Кузичкин С.Н. Здравоохранение Пензенской области в годы Великой Отечественной войны // Пензенское краеведение. 2020. № 3–4 (35–36). С. 12–15. URL: https://dl.liblermont.ru/DL/December_20/Penzenskoe_kraevedenie_№3-4_2020.pdf/download/Penzenskoe_kraevedenie_№3-4_2020.pdf.

Петров 2016 – Петров В.В. Деятельность эвакогоспиталей на территории Саратовской области в годы Великой Отечественной войны // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6, № 1. С. 150–152. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25861914>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vtyirz>.

Томилов 1995 – Томилов В.А. Медицина Среднего Поволжья – фронту: монография. Пенза, 1995. 117 с.

References

Biryukova 1995 – Biryukova S.B. (1995) The work of evacuation hospitals in Mordovia in 1941-1945. *Mordovia University Bulletin*, no 4, pp. 30–33. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabota-evakogospitalej-mordovii-v-1941-1945-gg>. (In Russ.)

Vanchinov 1980 – Vanchinov D.P. (1980) War years of the Volga region: (1941–1945). Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 325 p. (In Russ.)

In the rear, heroes... 2019 – Kazakova L.V., Krivulin K.V., Matyushin V.M., Mel'nikov S.N. (2019) *In the rear, heroes are not forgotten. The history of evacuation hospitals in the Penza region during the Great Patriotic War*. Penza: Izd-vo PGU, 414 p. Available at: <http://km-penza.ru/v-tylu-geroi-ne-zabyty-istoriya-evakuacionnyx-gospitalej-na-territorii-penzenskoj-oblasti-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny>. (In Russ.)

Godin, Shaldybin 1985 – Godin V.S., Shaldybin G.P. (1985) For the sake of life and health of people. In: *Penza region during the Great Patriotic War*. Saratov; Penza: Privolzh. kn. izd-vo, pp. 60–68. (In Russ.)

Zabezhinskiy 1968 – Zabezhinskiy L.M. (1968) Health care of the Penza region for 50 years of Soviet power: materials for history. Saratov; Penza: Privolzh. kn. izd-vo, 128 p. (In Russ.)

Ivanov, Georgiyevskiy, Lobastov 1985 – Ivanov N.G., Georgiyevskiy A.S., Lobastov O.S. (1985) Soviet healthcare and military medicine in the Great Patriotic War of 1941–1945. Leningrad: Meditsina, 304 p. (In Russ.)

Kuzichkin 2020 – Kuzichkin S.N. (2020) Health care of the Penza region during the Great Patriotic War. *Penzenskoe kraevedenie*, no. 3–4 (35–36), pp. 12–15. Available at: https://dl.liblermont.ru/DL/December_20/Penzenskoe_kraevedenie_№3-4_2020.pdf/download/Penzenskoe_kraevedenie_№3-4_2020.pdf. (In Russ.)

Petrov 2016 – Petrov V.V. (2016) Activity of evacuation hospitals on the territory of the Saratov region during the Great Patriotic War. *Bulletin of Medical Internet Conferences*, vol. 6, no. 1, pp. 150–152. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25861914>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vtyirz>. (In Russ.)

Tomilov 1995 – Tomilov V.A. (1995) *Medicine of the Middle Volga region – to the front: monograph*. Penza, 117 p. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(47).084.9:353

Дата поступления: 20.01.2023
рецензирования: 23.02.2022
принятия: 10.03.2023

Роль Советов министров АССР во «всенародном обсуждении» проекта Конституции СССР 1977 г. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской республик)

П.С. Учватов

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Российская Федерация
E-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>

Аннотация: В статье поднимаются некоторые аспекты осуществления на региональном уровне «всенародного обсуждения» проекта советской Конституции «развитого социализма» 1977 г. На примере Советов министров трех автономных республик Поволжья – Марийской, Мордовской и Чувашской АССР рассматриваются действия региональных властей по проведению в жизнь установок вышестоящих органов и учету поступавших критических заявлений, обращений и жалоб советских граждан. С этой целью в качестве основной источниковой базы научной работы привлекались неопубликованные документы из Государственного архива Республики Марий Эл, Государственного исторического архива Чувашской Республики, Центрального государственного архива Республики Мордовия. В их число вошли постановления Советов министров автономных республик, справки и отчеты организационно-инструкторских отделов Советов министров по рассмотрению обращений граждан, переписка с органами власти и др. При обработке данных материалов использовались метод контент-анализа, историко-системный, сравнительно-исторический методы. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что, несмотря на формализованный характер «всенародного обсуждения», оно несло в себе не только сугубо идеологическую функцию, но и решало достаточно значимую практическую задачу по установлению обратной связи между властью и обществом. Советы министров АССР собирали и анализировали сведения по критическим обращениям граждан, поступавшим в подведомственные органы власти и учреждения, а затем принимали меры по решению многих хозяйственных, бытовых и социальных проблем, волновавших советских людей.

Ключевые слова: Конституция СССР 1977 г.; автономная республика РСФСР; исполнительные и распорядительные органы власти; Советы министров АССР; обращения; заявления; жалобы; «всенародное обсуждение» проекта Конституции; советское общество.

Цитирование. Учватов П.С. Роль Советов министров АССР во «всенародном обсуждении» проекта Конституции СССР 1977 г. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской республик) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 38–45. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-38-45>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Учватов П.С., 2023

Павел Сергеевич Учватов – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник – заведующий отделом региональных исследований и этнологии, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.01.2023
Revised: 23.02.2023
Accepted: 10.03.2023

Role of Councils of Ministers of ASSR in the «nationwide discussion» of the Draft Constitution of the USSR of 1977 (on the materials of the Mari, Mordovian and Chuvash Republics)

P.S. Uchvatov

Research Institute of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia, Saransk, Russian Federation
E-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>

Abstract: The article raises certain aspects of organizing the «nationwide discussion» of the Draft Soviet Constitution of «Developed Socialism» of 1977 at the regional level. Using as example of the Councils of Ministers of three autonomous republics of the Volga region – the Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republics, the actions of the regional governments to implement the directives of higher authorities and take into register critical applications,

appeals and complaints of Soviet citizens. For this purpose, unpublished documents from the State Archive of the Republic of Mari El, the State Historical Archive of the Chuvash Republic, and the Central State Archive of the Republic of Mordovia were used as the main source of scientific work. These included resolutions of the Councils of Ministers of the Autonomous Republics, certificates and reports of the organizational and instructor departments of the Councils of Ministers on consideration of citizens' appeals, correspondence with authorities, etc. When processing these materials, the method of content analysis, historical-systemic, comparative-historical methods were used. Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that despite the formalized nature of the "nationwide discussion", it carried not only a purely ideological function, but also solved a rather significant practical task of establishing a feedback between the authorities and society. The Councils of Ministers of the ASSR collected and analyzed information on citizens' critical appeals received by subordinate agencies, and then took measures to solve many economic, domestic and social problems that worried the Soviet people.

Key words: Constitution of the USSR of 1977; Autonomous Republic of the RSFSR; executive and administrative authorities; Councils of Ministers of ASSR; appeals; applications; complaints; «nationwide discussion» of the Draft Constitution; Soviet society.

Citation. Uchvatov P.S. Role of Councils of Ministers of ASSR in the "nationwide discussion" of the Draft Constitution of the USSR of 1977 (on the materials of the Mari, Mordovian and Chuvash Republics). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 38–45. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-38-45>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Uchvatov P.S., 2023

Pavel S. Uchvatov – Candidate of Historical Sciences, principal researcher – head of the Department of Regional Studies and Ethnology, Research Institute for the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, 3, Leo Tolstoy Street, Saransk, 430005, Republic of Mordovia.

Введение

Рассмотрению писем, жалоб и обращений граждан, поступавших в органы власти, всегда придавалось большое значение со стороны официальной советской идеологии. Для государства эта форма обратной связи служила не только средством получения сигналов с мест о наличии тех или иных проблем, но и возможностью продемонстрировать «подлинный демократизм» советского строя, где каждый гражданин обладал возможностью вносить собственные предложения и, таким образом, влиять на процесс выработки решений. Несмотря на явную преувеличенность в советской пропаганде и даже эфемерность реального влияния предложений трудящихся на действия органов власти, изучение вопроса о взаимодействии советского государства и «простого человека» представляет значительный интерес, и прежде всего в регионах, на уровне которых данный аспект все еще остается исследованным не в полной мере. Хотя к настоящему времени и существует довольно много научных работ, в том числе региональных исследователей, посвященных феномену «писем во власть», в большей части этих трудов, как правило, затрагивается только первая половина XX в. В то же время вопросы коммуникации между властью и обществом в послевоенные десятилетия, особенно в период так называемого позднего социализма являются недостаточно разработанными, хотя в последнее время к ним также возрастает интерес со стороны ученых-историков [Абракова 2010; Анисимов 2021; Гушин 2018; Попова 2016; Попова 2020; Савин, Деннингхаус 2017].

В контексте указанной проблематики можно обратиться к деятельности Советов министров (правительств) трех соседних республик Поволжья – Марийской, Мордовской и Чувашской АССР, которые занимались, в том числе, рассмотрением писем советских граждан. Данная статья посвя-

щена их работе, связанной с анализом заявлений и жалоб по различным проблемам экономического и социально-культурного развития, поступавших в связи с масштабным идеологическим и политическим событием – обсуждением проекта Конституции «развитого социализма» 1977 г.

Известно, что непосредственно перед принятием Основного Закона СССР было организовано его «всенародное обсуждение», которое само по себе являлось «значимым инструментом пропаганды и идеологического контроля» [Медушевский 2014, с. 89]. По всей стране проходили собрания коллективов и советско-партийного актива, на которых выдвигались разного рода предложения, в советские органы власти поступали письма и обращения, призванные продемонстрировать «всенародное одобрение» предлагаемого проекта. В рамках статьи не преследуются цели дать развернутую хронологию событий, предшествовавших принятию Конституции, поэтому лишь кратко напомним события финального этапа разработки проекта, предшествовавшие введению в действие нового Основного Закона страны. Официально этот процесс подошел к своей завершающей стадии 24 мая 1977 г. на пленуме ЦК партии, который в целом одобрил представленный Конституционной комиссией проект и рекомендовал Президиуму Верховного Совета СССР вынести его на «всенародное обсуждение» (КПСС в резолюциях и решениях... Т. 13, с. 191). 27 мая Президиум Верховного Совета СССР, в свою очередь, рассмотрел проект и вынес его на широкое обсуждение, таким образом реализовав рекомендации пленума. Фактически обсуждение началось с 4 июня, когда проект Конституции был опубликован во всех центральных и региональных газетах. Обсуждение длилось на протяжении четырех месяцев, и 3 октября очередной пленум ЦК КПСС, обсудив вопрос о проекте Конституции, в основном

его одобрил вместе со всеми внесенными дополнениями, уточнениями и поправками (КПСС в резолюциях и решениях... Т. 13, с. 217). По результатам обсуждения были уточнены и дополнены 110 статей проекта, а также была добавлена еще одна новая статья (Седьмая сессия ВС СССР IX созыва, с. 7), но этот формальный показатель не должен вводить в заблуждение; исследователями справедливо признается, что «всемирное обсуждение» было призвано скорее придать легитимность Конституции, нежели способствовать внесению каких-либо значимых изменений в проект, разработанный в недрах аппарата ЦК КПСС [Пугачёв 2015, с. 22]. Основной Закон был принят и введен в действие на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. (Седьмая сессия ВС СССР IX созыва, с. 471).

Организация обсуждения проекта Основного Закона СССР в автономных республиках

В Марийской, Мордовской и Чувашской АССР мероприятия, связанные с обсуждением проекта Конституции, утверждались совместно Президиумами Верховных Советов и Советами Министров автономных республик. Поскольку система власти была централизованной, а инициатива «всемирного обсуждения» исходила «сверху», нет смысла перечислять здесь аналогичные меры, принимавшиеся высшими органами государственной власти и управления всех трех республик. В качестве примера приведем мероприятия, утвержденные совместным постановлением Президиума Верховного Совета и Совета министров Мордовской АССР (ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 478. Л. 186). 10 июня 1977 г. было проведено инструктивное совещание руководящих работников министерств, ведомств, исполкомов районных и городских Советов совместно с Мордовским обкомом КПСС, посвященное организации «всемирного обсуждения» проекта Основного Закона. В соответствии с установками, полученными на этом совещании, схожие мероприятия проводились и на местном уровне в срок до 20 июня. В течение июня также обеспечивался перевод проекта Конституции на национальные языки с изданием соответствующих брошюр. Само «всемирное обсуждение» включало несколько этапов, начиная от сессии Верховного Совета автономной республики, затем – сессий районных, городских, сельских и поселковых Советов и, наконец, собраний граждан по месту жительства и в трудовых коллективах. Все высказанные населением замечания направлялись в организационные отделы Совета министров и Президиума Верховного Совета республики, а после выделения конкретных просьб и предложений, их обобщения и анализа – в Конституционную комиссию (ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 478. Л. 187–188). Стоит отметить, что по схожему принципу впоследствии проходило и обсуждение проектов сначала Конституции РСФСР, а затем – автономных республик.

От властей требовалось показать всеобщую заинтересованность советского общества в обсуждении проекта и поистине всенародный характер будущей Конституции СССР, ведь в роли ее творца должен был выступить весь советский народ. Поэтому собрания граждан по обсуждению проекта Основного Закона в республиках организовывались очень быстро. Так, по состоянию на 20 июня 1977 г., то есть по прошествии всего нескольких недель после вынесения проекта на обсуждение, в Марийской АССР прошло 213 собраний в трудовых коллективах предприятий, строек, колхозов и совхозов, а также по месту жительства граждан, в которых приняло участие около 10 тыс. человек и выступило 764 докладчика (Марийская правда. 1977. 24 июня).

Высшие органы власти и управления автономных республик оперативно контролировали ход «всемирного обсуждения». От работников аппарата и руководителей Советов министров требовалось осуществлять регулярные выезды на места – как для ознакомления с ходом обсуждения проекта Конституции, так и для личного участия в нем. Для большего эффекта отдельные вопросы, связанные с организацией обсуждения, выносились и детально рассматривались на заседаниях Советов министров либо Президиумов Верховных Советов АССР. Например, после одного из таких случаев 15 июля 1977 г. Совет министров Мордовской АССР принял постановление «О ходе всемирного обсуждения проекта Конституции СССР в Темниковском районе» (ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 507. Л. 70). 25 июля Совет министров Марийской АССР рассмотрел вопрос «О работе исполкома Новоторъяльского районного Совета депутатов трудящихся по организации обсуждения проекта Конституции Союза Советских Социалистических Республик» (ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 10. Д. 468. Л. 68–69). Подготовленные организационно-инструкторскими отделами Советов министров справки рассылались во все райисполкомы, поскольку отмеченные в них недостатки в организации обсуждения Конституции имелись во многих районах (ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 10. Д. 468. Л. 69). При этом исполкомы районных и городских Советов направляли в столицу своей автономной республики сведения о ходе обсуждения проекта раз в 10 дней (ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 478. Л. 190), а республиканские органы власти, в свою очередь, должны были информировать вышестоящие советские и партийные инстанции.

От министерств, ведомств, рай(гор)исполкомов требовалось своевременно рассматривать поступающие от граждан предложения и жалобы, реагировать на недостатки и упущения в работе советских и хозяйственных органов. Кроме того, декларировалось повышение персональной ответственности должностных лиц разных уровней за принятие мер по заявлениям трудящихся (ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 478. Л. 190–191).

Нужно отметить, что хотя гражданам и предоставлялась возможность высказать свои замеча-

ния по проекту Конституции, многие критические обращения, поступавшие в Советы министров АССР, касались не только и не столько содержания проекта как такового, а различных недостатков в хозяйственной и социально-культурной жизни на местах, либо являлись довольно отвлеченными рассуждениями общего характера, в которых не указывались конкретные проблемы и предложения. Как уже указывалось, серьезные изменения проекта Конституции, незадолго до того уже получившего одобрение на пленуме ЦК КПСС, в результате «всенародного обсуждения» были в принципе невозможны, хотя со стороны населения и могли вноситься предложения по изменению некоторых аспектов государственной системы [Стрекалов, Фокин 2020, с. 166–167]. Более того, еще до окончания обсуждения проекта властями фактически признавалось, что он не вызвал у населения никаких существенных возражений. «В Марийской АССР этот документ также встречен повсюду с большим подъемом и единодушным одобрением. Именно так заявили тысячи и тысячи людей нашего края на митингах и собраниях актива...» – писала официальная газета Марийского обкома партии, Верховного Совета и Совета министров Марийской АССР 18 июня 1977 г. (Марийская правда. 1977. 18 июня). Со стороны же Советов министров АССР работа по проведению обсуждения проекта Конституции по большей части сводилась к сбору и анализу заявлений, жалоб и обращений граждан по разнообразным текущим хозяйственным и социально-культурным вопросам, то есть осуществлялся вид деятельности, которым Советы министров и подведомственные им органы власти и так регулярно занимались. Не случайно при утверждении мероприятий по «всенародному обсуждению» проекта Конституции министерствам и ведомствам предписывалось «сосредоточить внимание на улучшении практической деятельности трудовых коллективов, советских и хозяйственных организаций на актуальных вопросах, волнующих людей, на устранении недостатков в работе» (ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 478. Л. 190). Однако в данном случае этот процесс осуществлялся более масштабно и приобретал ярко выраженную политическую составляющую. «Обсуждение проекта Конституции СССР вышло далеко за рамки ее текста, вылилось в открытый, действительно всенародный разговор о важнейших вопросах нашей жизни», – говорил первый секретарь Марийского обкома партии В.П. Никонов на IX пленуме Марийского обкома КПСС 27 февраля 1978 г. (Марийская правда. 1978. 1 марта), почти дословно повторяя фразу из доклада Л. И. Брежнева, произнесенную на седьмой внеочередной сессии Верховного Совета СССР девятого созыва (Седьмая ВС СССР IX созыва, с. 13).

Таким образом, хотя советские граждане и не могли реально повлиять на изменение государственного и общественного устройства, благодаря

«всенародному обсуждению» проекта Основного Закона у них появилась хорошая перспектива привлечь внимание властей к разного рода недоработкам и проблемам регионального и локального значения. Шанс их успешного разрешения значительно повышался, так как партийные органы власти и Советы министров автономных республик относились к ним с особым вниманием, обязывая министерства, ведомства, районные и городские исполкомы принимать «дополнительные меры» по критическим предложениям и замечаниям, высказанным населением при обсуждении проекта Основного Закона (ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 485. Л. 160). Например, в городе Волжске Марийской АССР благодаря принятым мерам по рассмотрению обращений граждан быстро удалось построить и отремонтировать более 8600 кв. м дорог и тротуаров, улучшить уличное освещение, открыть новые автобусные маршруты, оборудовать детские площадки (ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 10. Д. 472. Л. 130). Весьма уместным в этом плане является замечание И.Н. Стрекалова и А.А. Фокина, указывающих на то, что «всенародное обсуждение» проекта Конституции выполняло роль механизма взаимодействия органов власти и советского общества, причем работавшего для обеих сторон: «Власть со своей стороны стремилась мобилизовать население; такие мобилизационные компании в СССР проводились регулярно... Различные группы населения, в свою очередь, старались использовать возможность коммуникации с властью для решения собственных проблем» [Стрекалов, Фокин 2020, с. 164].

Характер жалоб и обращений граждан по хозяйственным и социально-экономическим проблемам. Принятие мер по их разрешению

Большинство писем, а также критических предложений, заявлений и жалоб, высказанных гражданами на собраниях коллективов либо по месту жительства, сначала направлялись в нижестоящие органы власти, а затем оттуда поступали в правительства автономных республик. Там они ставились на учет и подвергались анализу, а на их основе составлялись обобщенные справки и иные материалы, которые рассылались Советами министров в подчиненные органы и учреждения для устранения отмеченных в них недостатков. Среди наиболее распространенных обращений граждан по различным вопросам экономического, социального и культурного развития можно выделить несколько характерных групп.

– Жалобы, касающиеся предоставления жилья и различных жилищных проблем, составляли значительную часть всех поступающих в Советы министров обращений. «Если выделить из общей массы вопросы, высказанные трудящимися при обсуждении Конституции, то наибольшее число их было именно по жилью», – признавал первый секретарь Марийского обкома партии В.П. Никонов (Марийская правда. 1978. 1 марта). В основ-

ном в правительства республик поступали просьбы о выделении нового жилья и предоставлении отдельных благоустроенных квартир, улучшении имеющихся жилищных условий – советские люди, проживавшие в ветхих домах и бараках, стремились переселиться в новые квартиры (ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 547. Л. 183).

– Вопросы, касавшиеся состояния дорог и транспортного обслуживания населения также признавались в автономных республиках довольно острыми. В Марийской АССР в ходе «всенародного обсуждения» проекта Конституции люди жаловались на отсутствие благоустроенных автостанций, плохие условия труда водителей автобусов, низкий уровень культуры обслуживания пассажиров (Марийская правда. 1978. 1 марта). Иногда высказывались предложения об улучшении работы транспортной системы в отдельных районах и населенных пунктах. Например, один из жителей д. Выша Zubovo-Полянского района Мордовской АССР внес предложение об открытии автобусного движения, которое должно было связать деревню с районным центром. Совет министров Мордовской АССР передал решение этого вопроса Мордовскому транспортному управлению и Zubovo-Полянскому райисполкому (ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 488. Л. 328).

– Обращения по поводу системы торговли и общественного питания (в том числе жалобы на перебои в торговле хлебом и другими продуктами первой необходимости, на плохой ассортимент товаров и др.). Так, житель г. Саранска В.М. Баранов обратился в Пролетарский райисполком столицы Мордовской АССР с просьбой об увеличении количества магазинов по продаже хлебобулочных изделий и молочных продуктов, затем это обращение было передано в аппарат Совета министров. Правительство Мордовской АССР поручило решить этот вопрос Министерству торговли республики и Пролетарскому райисполкому г. Саранска (ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 488. Л. 326).

– Обращения по поводу недостатков в аграрной сфере включали достаточно широкий круг вопросов, в том числе использование удобрений, техники, семян, кормов, предоставление земельных участков для личного подсобного хозяйства и др. Много предложений вносилось касательно увеличения производства сельскохозяйственной продукции, повышения ее качества (Марийская правда. 1978. 1 марта).

– Просьбы о благоустройстве общественных территорий, жалобы на работу коммунальных организаций (в том числе на антисанитарию, низкое качество содержания улиц и т. д.). Примером может служить предложение, внесенное одним из жителей г. Саранска – по его мнению, райисполкомы должны были применять более строгие меры по отношению к лицам, ответственным за содержание дворовых территорий города в антисанитарных условиях. Это обращение было рассмотрено Советом министров Мордовской АССР

и направлено для исполнения Саранскому горисполкому, райисполкомам столицы республики и Министерству здравоохранения Мордовской АССР (ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 488. Л. 327).

– Жалобы, касавшиеся проблем в социально-культурной сфере. Например, поступали письма о строительстве новых и ремонте существующих школьных зданий, оснащении их инвентарем, просьбы о выделении транспорта для подвоза детей и т. д. По вопросам культуры вносились предложения о строительстве и ремонте сельских клубов, библиотек, об устранении недостатков в их работе. В заявлениях по вопросам медицинского обслуживания высказывались жалобы на отдаленность некоторых больниц от сел и деревень, трудности в приобретении лекарственных средств, медленное развитие сети лечебно-профилактических учреждений (ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 547. Л. 185).

– Замечания и предложения по поводу улучшения деятельности советских и хозяйственных органов и учреждений, вопросов управления. Например, Советами министров отмечались предложения о переводе республиканских промышленных предприятий и организаций в двойное подчинение – соответствующих министерств и местных Советов. Со стороны населения высказывались критические замечания по поводу организации планирования, снятия министерствами с производства «нужных людям дешевых изделий», повышения цен «под видом расширения ассортимента» и др. (ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 539. Л. 174). Другой вид заявлений и просьб был связан с недостатками в повседневной деятельности местных органов власти: справедливые нарекания вызывала слабо поставленная работа Советов депутатов и их исполкомов по улучшению торгового, бытового, медицинского и культурного обслуживания населения, координации расположенных на подведомственной им территории предприятий. Люди жаловались на «волокиту», «формально-бюрократическое» отношение, бездействие при рассмотрении их просьб в исполкомах местных Советов, организациях и учреждениях. Так, при обсуждении проекта Конституции СССР капитан речного порта Калининского района Чувашской АССР В.П. Федоров выступил по поводу длительного разрешения жалоб граждан местными властями. Районный Совет отреагировал на это выступление: в августе 1977 г. им было принято постановление «О состоянии и мерах по улучшению рассмотрения писем, заявлений и жалоб трудящихся в районе», а в феврале 1979 г. исполком райсовета докладывал в Совет министров Чувашской республики о том, что было сделано по этому вопросу (ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 27. Д. 439. Л. 67).

Кратко стоит выделить и обращения граждан, в которых высказывалось одобрение существующего строя. Управление делами Совета министров Мордовской АССР отмечало в аналитической записке «О письмах граждан, поступивших в Со-

вет Министров Мордовской АССР в 1977 году»: «В письмах... приводились примеры высокой политической и трудовой активности трудящихся, вызванной... обсуждением и принятием новой Конституции СССР» (ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 547. Л. 180). Как правило, это были абстрактные размышления без конкретных предложений, однако такие письма широко использовались для демонстрации высокого интереса к проекту Конституции и его «всенародной поддержки». Некоторые из них публиковались в советской печати. Тракторист колхоза «За мир» Оршанского района Марийской АССР М. Краев писал: «Проект Конституции отражает глубокие перемены за последние 40 лет. Изменился рабочий класс, иными стали крестьянство, трудовая интеллигенция... Мне, уже пожилому человеку, и моим сверстникам очень бросается в глаза все то новое, что входит в нашу жизнь» (Марийская правда. 1977. 7 июня).

Общая численность критических заявлений и жалоб по улучшению работы на различных участках хозяйственного и культурного строительства, рассмотренных Советами министров автономных республик в ходе «всенародного обсуждения» проекта Конституции СССР, доходила до нескольких тысяч. Так, Совет министров Чувашской АССР отмечал, что при обсуждении проекта Основного Закона в советские органы Чувашии поступило 2824 замечаний и предложений по вопросам хозяйственного и культурного строительства (в том числе 1758 – высказанных на общих собраниях граждан, 1066 – на сессиях местных Советов) (ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 27. Д. 439. Л. 2–3). Каждое из них подлежало учету, по нему принимались меры Советом министров, исполнительными и распорядительными органами, исполкомами рай(гор)советов. Следует сделать пояснение, что эти данные нельзя путать с цифрами по общему количеству предложений и уточнений, высказанных в ходе «всенародного обсуждения», которые достигали нескольких десятков тысяч (Марийская правда. 1978. 1 марта; Советская Мордовия. 1977. 19 ноября). Поскольку далеко не все из обращений граждан содержали конкретные жалобы и просьбы, по которым требовалось принять меры, Советы министров АССР занимались далеко не всеми из них.

Контроль над решением многих проблем, поднятых населением, продолжал осуществляться уже после принятия Основного Закона. Некоторым заявлениям и жалобам Советы министров придавали особенно большое значение – например, это касалось тех вопросов, которые поднимались депутатами местных Советов, передовиками производства и т. д., то есть людьми, мнение которых высоко ставилось партийно-государственной идеологией. Так, 14 апреля 1978 г. Совет министров Чувашской АССР направил записку в адрес министра просвещения республики Н. Г. Счетчикова с указанием рассмотреть просьбу избирателей Асхвинского сельского Совета Канашского района об ускорении строительства школ. Просьба была

высказана бригадиром одного из колхозов Канашского района Чувашской АССР, Героем Социалистического Труда М. З. Зиновьевой во время прошедшего обсуждения проекта Конституции СССР, поэтому на ней был сделан особый акцент. Совет министров Чувашской АССР предложил министру просвещения сообщить о принятых мерах в срок до 1 июля, и 30 июня министерство отчиталось о проделанной работе по данному вопросу (ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 27. Д. 439. Л. 27–28).

Примером контроля Совета министров республики над рассмотрением замечаний и жалоб, высказанных гражданами в ходе обсуждения проекта Конституции, может также служить постановление Правительства Марийской АССР от 26 декабря 1977 г. «О реализации исполкомом Волжского городского Совета народных депутатов предложений и замечаний трудящихся, поступивших в ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР» (ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 10. Д. 472. Л. 130–132). В целом Совет министров высоко оценивал работу Волжского горисполкома, отмечая, что городскими властями, как и требовалось, были утверждены организационные мероприятия по реализации поступивших предложений граждан с указанием конкретных сроков и ответственных лиц. 34 предложения к концу года уже были выполнены, еще 14 – переданы плановым органам и профильным министерствам для учета при разработке планов развития на будущие годы. Совет министров указывал и на отдельные недостатки (несколько поверхностный анализ поступивших обращений, медленная реализация некоторых критических замечаний, отставание по срокам строительства ряда объектов и др.), на необходимость устранения которых было обращено внимание Волжского исполкома, министерств и ведомств республики.

К весне 1978 г. значительная часть мероприятий по критическим замечаниям граждан, взятых на контроль Советами министров, была выполнена. Председатель Правительства Чувашской АССР Л.П. Прокопьев, отчитываясь по проделанной работе по рассмотрению замечаний граждан, отмечал, что по состоянию на 15 марта 1978 г. Советом министров и подчиненными ему органами власти Чувашской республики были приняты меры по 1358 поступивших предложений и обращений (ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 27. Д. 439. Л. 2–3). Невыполненными к тому времени оставались, как правило, просьбы, для реализации которых требовался более длительный срок.

Заключение

Несомненным представляется «парадный характер» обсуждения проекта Основного Закона СССР, которое преследовало цель показать «горячую поддержку» и участие в принятии Конституции всего советского народа. В то же время обсуждение выполняло, и довольно успешно, иные функции, а именно коммуникации общества

с властью. Население высказывало собственные замечания по отдельным вопросам экономического и социально-культурного развития страны, а также направляло в органы власти жалобы на разнообразные местные проблемы. Можно еще раз подчеркнуть, что благодаря состоявшемуся «всенародному обсуждению» проекта Конституции «развитого социализма» советские граждане получили удобную возможность для обращения в Советы министров АССР, министерства, ведомства, исполкомы Советов депутатов с наиболее злободневными, требующими реакции со стороны властей проблемами.

Советы министров автономных республик, с одной стороны, не обладали самостоятельностью в принятии решений касательно проведения «всенародного обсуждения» и лишь претворяли в жизнь указания вышестоящих партийных и советских органов. В этом плане они выполняли техническую функцию. Однако, с другой сторо-

ны, их значение и организаторскую роль в работе с жалобами советских граждан также не следует принижать. Занимая центральное положение в системе исполнительных и распорядительных органов власти АССР, Советы министров выступали в качестве координирующих центров, в которые стекались письма, поступающие в министерства, организации, учреждения, исполкомы местных Советов, предприятия, совхозы и колхозы. Аппараты правительств (в первую очередь, организационно-инструкторские отделы) подвергали анализу критические обращения и заявления граждан, затем обобщали их и, что было еще важнее – контролировали работу подведомственных советских и хозяйственных органов по реализации соответствующих мер. Таким образом, Советы министров автономных республик играли довольно важную роль в установлении обратной связи между властью и населением, что должно было способствовать повышению стабильности советского общества в целом.

Материалы исследования

ГА РМЭ – Государственный архив Республики Марий Эл.

ГИА ЧР – Государственный исторический архив Чувашской Республики.

КПСС в резолюциях и решениях... Т. 13 – КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 13. 1976–1980. Москва: Политиздат, 1986. – 510 с.

Марийская правда – Марийская правда.

Седьмая сессия ВС СССР IX созыва – Внеочередная седьмая сессия Верховного Совета СССР (девятый созыв). 4–7 октября 1977 г.: стенографический отчет. М.: Издание Верховного Совета СССР, 1977. 524 с.

Советская Мордовия – Советская Мордовия.

ЦГА РМ – Центральный государственный архив Республики Мордовия.

Библиографический список

Абракова 2010 – Абракова Т.А. «Письма во власть» трудящихся 1966–1976 гг. о социальных вопросах развития Горьковского края // Клио. 2010. № 3 (50). С. 101–105. URL: <https://naukarus.com/pisma-vo-vlast-trudyaschihsya-1966-1976-gg-o-sotsialnyh-voprosah-razvitiya-gorkovskogo-kraya>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15488592>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nayjet>.

Анисимов 2021 – Анисимов К.Г. Репрезентация власти в письмах населения в газету «Кировская правда» во второй половине 1960-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 158–174. DOI: <http://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.032>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vmdbli>.

Гущин 2018 – Гущин А.А. Жалобы и обращения граждан по жилищно-бытовым вопросам как элемент повседневности советского общества в 1950–1980-х гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 1 (45). С. 78–88. DOI: <http://doi.org/10.21685/2072-3024-2018-1-8>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xwoxyt>.

Медушевский 2014 – Медушевский А.Н. Конституция «развитого социализма»: откуда взялся принцип руководящей роли партии? // Общественные науки и современность. 2014. № 3. С. 84–97. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21715936>. EDN: <https://www.elibrary.ru/shflrb>. (In Russ.)

Попова 2020 – Попова О.Д. Учет и контроль как механизм решения экономических проблем общества в сознании граждан периода «перестройки» (по материалам «писем во власть») // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 15–28. DOI: <http://doi.org/10.37482/2687-1505-V059>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uanpsv>.

Попова 2016 – Попова О.Д. «В ЦК те же помещики и капиталисты...»: восприятие советскими людьми социального неравенства в СССР в 1960-е годы // Новый исторический вестник. 2016. № 2 (48). С. 72–81. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26643952>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wlbhvh>.

Пугачёв 2015 – Пугачёв А.Н. О «воле народа» при подготовке проекта конституции // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2015. № 3 (194). С. 20–26. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26223225>. EDN: <https://www.elibrary.ru/twlxue>.

Савин, Деннингхаус 2017 – *Савин А.И., Деннингхаус В.* «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху // *Россия XXI*. 2017. № 6. С. 118–141. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32484210>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tdpmyv>.

Стрекалов, Фокин 2020 – *Стрекалов И.Н., Фокин А.А.* «Каждая строчка проекта новой Конституции проникнута заботой и советском человеке»: представления о справедливости и морали в обсуждении проекта Конституции 1977 г. // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 460. С. 164–172. DOI: <http://doi.org/10.17223/15617793/460/20>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uliafj>.

References

Abrikova 2010 – *Abrikova T.A.* (2010) «Letters to power» by the working people about social issues of development of the Gorky region in 1966–1976. *Klio*, no. 3 (50), pp. 101–105. Available at: <https://naukarus.com/pisma-vo-vlast-trudyaschihsya-1966-1976-gg-o-sotsialnyh-voprosah-razvitiya-gorkovskogo-kрая>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15488592>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nayjet>. (In Russ.)

Anisimov 2021 – *Anisimov K.G.* (2021) Representation of the Authorities in Letters to the *Kirovskaya Pravda* Newspaper in the Late 1960s. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, vol. 23, no 2, pp. 158–174. DOI: <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.032>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vmdbli>.

Gushchin 2018 – *Gushchin A.A.* (2018) Public complaints and appeals on living conditions as an element of the Soviet daily life in 1950–1980. *University Proceedings. Volga Region. Humanities*, no. 1 (45), pp. 78–88. DOI: <http://doi.org/10.21685/2072-3024-2018-1-8>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xwoxyt>. (In Russ.)

Medushevsky 2014 – *Medushevsky A.N.* (2014) The Constitution of «developed socialism»: where did the leading role of the Party come from? *Social Sciences and Contemporary World*, no. 3, pp. 84–97. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21715936>. EDN: <https://www.elibrary.ru/shflrb>. (In Russ.)

Popova 2020 – *Popova O.D.* (2020) Accounting and Control as Mechanisms for Solving Economic Problems as Viewed by Russian Citizens of the Perestroika Era (Based on the Analysis of Letters to the Authorities). *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, no. 6, pp. 15–28. DOI: <http://doi.org/10.37482/2687-1505-V059>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uapnsv>. (In Russ.)

Popova 2016 – *Popova O.D.* (2016) «There are the Same Landowners and Capitalists in the Central Committee...»: The Soviet People's Perception of Social Inequality in the USSR in 1960s. *The New Historical Bulletin*, no. 2 (48), pp. 72–81. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26643952>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wlbhvv>. (In Russ.)

Pugachev 2015 – *Pugachev A.N.* (2015) About the «will of the people» in the drafting of the Constitution. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence*, no. 3 (194), pp. 20–26. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26223225>. EDN: <https://www.elibrary.ru/twixue>. (In Russ.)

Savin, Dönninghaus 2017 – *Savin A.I., Dönninghaus V.* (2017) «Letters to power» as religious dissidence modus in Brezhnev era. *Russia XXI*, no. 6, pp. 118–141. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32484210>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tdpmyv>. (In Russ.)

Strekalov, Fokin 2020 – *Strekalov I.N., Fokin A.A.* (2020) «Every Line of the Draft of the New Constitution Is Imbued with Concern for Soviet People»: Ideas of Justice and Morality in the Discussion 164 of the 1977 Draft Constitution. *Tomsk State University Journal*, no. 460, pp. 164–172. DOI: <http://doi.org/10.17223/15617793/460/20>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uliafj>. (In Russ.)

Самарские вице-губернаторы второй половины XIX в.: властные полномочия, социокультурная характеристика

В.А. Тюрин

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vad.im@inbox.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3003-9892>

Аннотация: Статья посвящена изучению места и роли должности вице-губернатора в системе губернского административного управления и реконструкции социокультурного портрета самарских вице-губернаторов II половины XIX в. Актуальность изучаемой темы определяется особым значением анализа кадрового состава губернского аппарата управления как важнейшей составной части всей системы имперской государственности. Губернаторы и вице-губернаторы являлись главными проводниками и исполнителями имперского курса и представителями власти монарха, что имело огромное значение в силу обширности и неоднородности имперского пространства. В данной статье рассматриваются обязанности, функции и полномочия вице-губернаторов, схемы их назначения, основные направления деятельности. На основе анализа архивных документов и опубликованных источников были изучены биографии и основные этапы служебной карьеры одиннадцати самарских вице-губернаторов второй половины XIX в.: М.П. Жданова, Г.С. Аксакова, А.И. Котляревского, С.П. Ушакова, А.А. Панчулидзева, В.Д. Левшина, В.В. Лукошкова, А.Г. фон-Бринкмана, А.С. Брянчанинова, А.П. Роговича, К.А. Баяснова. Изучение биографических сведений позволило составить социальный портрет вице-губернаторов, который включает следующие параметры: средний возраст вступления в должность вице-губернатора, уровень образования, чин при вступлении в должность, срок службы в должности, дальнейшее продолжение карьеры. При анализе цифровых данных, были проведены сравнения с аналогичными работами по всем европейским губерниям и губерниям уральского региона. Таким образом, проведенное исследование показало, что большинство самарских вице-губернаторов были образованными чиновниками, обладающими необходимым опытом административной деятельности и становившимися достойными губернаторами в иных регионах Российской империи.

Ключевые слова: Самарская губерния; вице-губернатор; губернатор; биография; социальный портрет; гражданская служба; чиновничество; государственное управление.

Цитирование. Тюрин В.А. Самарские вице-губернаторы второй половины XIX в.: властные полномочия, социокультурная характеристика // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 46–52. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-46-52>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Тюрин В.А., 2023

Вадим Александрович Тюрин – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 21.12.2022
Revised: 23.01.2023
Accepted: 10.03.2023

Samara vice-governors of the second half of the XIX century: powers, socio-cultural characteristics

V.A. Tyurin

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: vad.im@inbox.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3003-9892>

Annotation: The article is devoted to the study of the place and role of the post of vice-governor in the system of provincial administration and the reconstruction of the socio-cultural portrait of Samara vice-governors of the second half of the XIX century. The relevance of the topic under study is determined by the special significance of the analysis of personnel composition of the provincial administrative apparatus as the most important component of the entire system of imperial statehood. Governors and vice-governors were the main conductors and executors of the imperial course and representatives of the power of the monarch, which was of great importance due to the vastness and heterogeneity of the imperial space. This article discusses the duties, functions and powers of vice-governors, the schemes for their appointment, the main activities. Based on the analysis of archival documents and published sources, the biographies and main stages of service career of eleven Samara vice-governors of the second half of the XIX century were studied: M.P.

Zhdanov, G.S. Aksakov, A.I. Kotlyarevsky, S.P. Ushakov, A.A. Panchulidzev, V.D. Levshin, V.V. Lukoshkov, A.G. von-Brinkman, A.S. Bryanchaninov, A.P. Rogovich, K.A. Balyasnov. The study of biographical information made it possible to compile a social portrait of the vice-governors, which includes the following parameters: the average age of taking office as a lieutenant governor, the level of education, the rank upon taking office, the term of office, and further career continuation. When analyzing digital data, comparisons were made with similar works in all European provinces and the provinces of the Ural region. Thus, the conducted research showed that most of the Samara vice-governors were educated officials with the necessary experience in administrative activities and became worthy governors in other regions of the Russian Empire.

Key words: Samara province; vice-governor; governor; biography; social portrait; civil service; bureaucracy; public administration.

Citation. Tyurin V.A. Samara vice-governors of the second half of the XIX century: powers, socio-cultural characteristics. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 46–52. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-46-52>. (In Russ.)

Information about the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Tyurin V.A., 2023

Vadim A. Tyurin – Candidate of Historical Sciences, associate professor, Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation, Samara, Moscow highway, 34.

Введение

Проблема изучения кадрового потенциала чиновников губернских администраций Российской империи имеет несомненное значение, на руководителях губернских учреждений в силу их обширных полномочий держалось взаимодействие центральной и региональной властей, иными словами, обеспечивалась прочность властной вертикали.

Исследования персонального состава губернских администраций XIX – начала XX вв. в поволжско-уральской историографии, с одной стороны, являются хорошо проработанным исследовательским сюжетом [Семенова, Любичанковский 2006; Гарбуз 2015; Тюрин 2018], с другой стороны, присутствуют определенные лакуны. Систематически не были изучены чиновники ранга вице-губернаторов и ниже, не были даны персональные характеристики по некоторым губерниям.

Целью данного исследования является изучение полномочий и социокультурного портрета вице-губернаторского корпуса Самарской губернии второй половины XIX в. Нижней хронологической границей является 1851 г., дата создания Самарской губернии. Верхней хронологической границей является рубеж веков, что позволяет рассмотреть первую половину состава вице-губернаторов Самарской губернии, а в последующих исследованиях дать характеристику вице-губернаторов губернии периода заката Российской империи, выявить отличия, особенности в сравнении двух галерей портретов. При этом в работе представлена попытка показать жизненный путь самарских вице-губернаторов, рассмотреть типичные характеристики их собирательного социокультурного портрета.

Основная часть

Должность вице-губернатора имела важное значение в системе местного управления России конца XIX – начала XX веков. Вице-губернатор являлся вторым лицом в губернской администрации и осуществлял непосредственное руководство

губернским правлением – высшим и ключевым учреждением в аппарате управления губернией. Премьер-министр и одновременно министр внутренних дел П.А. Столыпин в циркулярном письме губернаторам от 10 августа 1910 г. подчеркивал, что в губернском правлении «сосредоточены наиболее серьезные дела местного управления» (НСБ РГИА. Л. 319).

Во главе губернского правления стоял губернатор, являясь его председателем на основании статьи 264 Свода законов Российской империи. Однако непосредственное руководство губернским правлением осуществлял вице-губернатор. Вице-губернатор нес прямую ответственность за деятельность губернского правления и располагал широкими полномочиями в отношении его сотрудников. Согласно «Свода губернских учреждений» (издания 1892 г.) вице-губернатор имел следующие обязанности: «1) быть непосредственным помощником и сотрудником начальника губернии по всем частям управления оною; 2) имеет ближайший и ответственный надзор по всем частям губернского правления, наблюдая вообще за делопроизводством, благоустройством и порядком в целом правлении и, в особенности, в канцелярии присутствия и частях ее; 3) заступать временно вместо начальника губернии каждый раз, когда губернатор почему-либо не управляет губернией, или, не слагая с себя звания, выедет из губернского города» (СЗРИ, ст. 496–501, с. 60). Вице-губернатор решал своей единоличной властью следующие вопросы: организация работы губернского правления, в том числе вопросы его финансирования; исполнение предписаний и требований разных учреждений (в том числе обнародование законов, Высочайших повелений, судебных приговоров); назначение, увольнение, перемещение и отпуск канцелярских служащих и подведомственных ему учреждений (СЗРИ, ст. 496–501, с. 60–61).

Являясь вторым в губернии чиновником, вице-губернаторы имели широкий спектр обязанностей помимо руководства правлениями. Вице-губернатор выполнял множество ответственных поручений губернатора, нередко начальники губерний

делегируют своим заместителям часть своих обязанностей [Блинов 1905, с. 172].

Кроме того, вице-губернатор осуществлял по поручению начальника губернии важнейшую функцию ревизии отдельных структурных единиц губернского аппарата власти, в ряде случаев ревизии были внезапны и вскрывали значительные злоупотребления.

Рассмотрим структуру и функции учреждений, находящихся под руководством вице-губернатора. Губернские правления в Российской империи состояли из общего присутствия и канцелярии. В общем присутствии помимо начальника губернии и вице-губернатора входили лица, возглавлявшие отдельные подразделения губернского правления: губернский инженер по строительному отделению, губернский врачебный инспектор по врачебному отделению, губернский землемер, а также два советника. Строительное отделение насчитывало четыре человека, врачебное – три человека [Адрес-календарь 1888, с. 58]. Анализ журналов заседаний общего присутствия показывает, что вопросы в самарском губернском правлении решались Общим присутствием правления, коллегиально. Решенные в Общем присутствии дела содержат подписи вице-губернатора и двух его советников. Иногда ставилась подпись делопроизводителя. Довольно часто вместо одного из обязательных членов заседал другой чиновник, замещающий отсутствующего, – губернский врачебный инспектор, инженер или архитектор вместо советника, советник за – вице-губернатора (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 341. Л. 1).

Коллегиальный способ решения вопросов на деле мог быть подчинен весом губернаторской власти, но иногда реализовывался полностью. Так об этом пишет в своих воспоминаниях констромской вице-губернатор (1868–1878 гг.), в последствии самарский губернатор (1878–1891 гг.) А.Д. Свербеев: «Старший советник Н.К. Смирнов человек способный и неглупый, пользуясь доверием губернатора ... предложил мне решать все дела в полном с ним согласии, рассчитывая таким образом получить большинство голосов ... Я же ответил ему, что предпочитаю поступать всегда по закону» [Классика 2019, с. 148].

Представляет интерес механизм назначения на должность вице-губернатора. В Департаменте общих дел МВД ежегодно заводилось особое, секретное дело «о кандидатах в вице-губернаторы» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 46. 1899 г. Д. 4; Оп. 46. 1904 г. Д. 198), где накапливались прошения чиновников на эту должность, их формулярные списки. В кадровом вопросе МВД очень внимательно относилось к мнению губернаторов. В 1878 г. министр внутренних дел А.Е. Тимашев разослал губернаторам секретный циркуляр, предлагая прислать сведения о возможных кандидатах на должности губернаторов, вице-губернаторов. Министр просил подробных конфиденциальных характеристик, «не умалчивая о недостатках» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 78. Л. 1). Выполняя просьбу министра,

губернаторы предлагали характеристики на 1–2 губернских чиновников, так, самарский губернатор П.А. Бильбасов рекомендовал в вице-губернаторы председателя губернской земской управы П.С. Крылова, а симбирский губернатор Н.П. Долгово-Сабуров – начальника своей канцелярии Карташева (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 78. Л. 14, 59).

Результатом данной переписки являлся внушенный сводный список лиц, находящихся в резерве для данной должности, согласно которому и производился назначения. Особо отметим тот факт, что при итоговом назначении вице-губернатора в ту или иную губернию мнение местного губернатора не учитывалось. Среднее время нахождения на должности вице-губернатора составляло 3–5 лет, эта должность являлась своеобразным «трамплином» для продвижения на высокие должности. В преобладающем количестве случаев, работа в должности вице-губернатора расценивалась Министерством внутренних дел практической подготовкой к назначению на должность губернатора.

В период 1851–1896 гг. в Самарской губернии сменилось 11 вице-губернаторов: М.П. Жданов (1851–1855 гг.), Г.С. Аксаков (1855–1858 гг.), А.И. Котляревский (1858–1861 гг.), С.П. Ушаков (1861–1867 гг.), А.А. Панчулидзе (1867–1870 гг.), В.Д. Левшин (1870–1872 гг.), В.В. Лукошков (1872–1874 гг.), А.Г. фон-Бринкман (1875–1888 гг.), А.С. Брянчанинов (1888–1891 гг.), А.П. Рогович (1891–1895 гг.), К.А. Балясный (1895–1896 гг.).

Первым самарским вице-губернатором стал действительный статский советник, литератор **Михаил Павлович Жданов** (годы жизни: 1810–1877). Известен он своими «Путевыми записками по России, в двадцати губерниях» [Жданов 1843], что указывает на его способности и багаж знаний. В 1851–1855 гг. М.П. Жданов участвует в формировании административного аппарата Самарской губернии, в 1855–1864 гг. он продолжил службу вице-губернатором Харьковской губернии.

Вторым самарским вице-губернатором был **Григорий Сергеевич Аксаков** (годы жизни: 1820–1891), оренбургский дворянин, сын русского писателя С.Т. Аксакова. Аксаков окончил Санкт-Петербургское Императорское училище правоведения, с 1843 г. – зам. председателя палаты гражданского суда Владимира, и. д. оренбургского, симбирского прокурора. В 1852–1853 гг. – оренбургский вице-губернатор, в чине коллежского советника. В 1855–1858 гг. Аксаков служил самарским вице-губернатором, под руководством губернатора К.К. Грота. Этот период стал одним из самых успешных в развитии губернии. Г.С. Аксаков проявил высокие административные способности, трудолюбие, что в дальнейшем позволило ему стать уфимским губернатором (1861–1867 гг.) и самарским губернатором (1867–1872 гг.), тайным советником [Почетные граждане... 2008, с. 11–14].

Г.С. Аксаков четырежды был удостоен «высочайшего благоволения» императора Александра II: за открытие Самарского окружного суда, за «порядок, чистоту и благоустройство города» во вре-

мя визита императора Александра II в Самару (29.08.1871), за успешную деятельность по взиманию окладных сборов, за расквартирование войск. В 1873 г., по ходатайству Самарской городской думы, указом Александра II становится почетным гражданином г. Самара. В честь Г.С. Аксакова были учреждены 10 именных стипендий (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 870).

В 1858–1861 гг. самарским вице-губернатором служил статский советник **Андрей Иванович Котляревский** (годы жизни: 1826–1895), выпускник Санкт-Петербургского Императорского училища правоведения (1846 г.). Карьера этого чиновника развивалась по гражданскому ведомству, после службы в Самаре, многие годы он входил в состав Московской судебной палаты (1866–1891 гг.) (Воронеж 2013).

В 1861–1867 гг. самарским вице-губернатором был **Сергей Петрович Ушаков** (годы жизни: 1828–1894). Происходил он из дворян Тамбовской губернии, отец – генерал-майор П.С. Ушаков. Современники считали Ушакова незаконным сыном императора Николая I [Вересаев 1961, с. 47]. Окончил Пажеский корпус (1846 г.), участвовал в Венгерском походе 1847 г., после чего оставил военную службу. В 1852–1858 гг. служил чиновником по особым поручениям при московском военном губернаторе. В 1861 г. Ушаков был назначен самарским вице-губернатором, в чине статского советника. Активно и деятельно участвовал в управлении губернией, при нем сменились три самарских губернатора (А.А. Арцимович, Н.П. Мансуров, Б.П. Обухов). Учреждение первого в империи Земского собрания (1864 г.) – во многом результат его деятельности. Дальнейшая его карьера была очень успешна, он служил губернатором Уфимской губернии (1867–1873 гг.), Тульской губернии (1873–1887 гг.). В дальнейшем – сенатор (с 1886 г.), тайный советник, Почетный гражданин г. Тула [Правительствующий сенат, с. 49].

Пятым самарским вице-губернатором, в 1867–1870 гг., был саратовский дворянин **Алексей Александрович Панчулидзе** (годы жизни: 1819–1888). Примечательно, что его дед, А.Д. Панчулидзе, был саратовским губернатором, отец, А.А. Панчулидзе, – пензенским губернатором.

А.А. Панчулидзе окончил Михайловское артиллерийское училище, служил в артиллерии, выйдя в отставку, в 1855 г. был избран на высокий пост саратовского предводителя дворянства. В 1867–1870 гг. продолжил службу самарским вице-губернатором, в чине статского советника. Под руководством самарского губернатора Г.С. Аксакова участвовал в реализации «великих реформ» в Самарском крае. Логичным этапом его дальнейшей карьеры была служба в 1870–1875 гг. черниговским губернатором (Тюстин 2012, с. 101–102).

В 1870–1872 гг. самарским вице-губернатором служил **Владимир Дмитриевич Левшин** (годы жизни: 1834–1887). Левшин начал службу в Министерстве государственных имуществ, участвовал в подготовке к изданию «Списков населенных мест

Российской империи» (1862 г.). В 1868 г. получил высокое место управляющего государственными имуществами в Пермской губернии. Проявив себя в этой должности, в 1870 г. Владимир Дмитриевич был назначен на пост самарского вице-губернатора (в чине статского советника), в 1872 г. переведен вице-губернатором в Воронежскую губернию. Традиционным продолжением карьеры, после получения вице-губернаторского опыта, явилось назначение уфимским губернатором (1876–1880 гг.), затем ярославским губернатором (1880–1887 гг.). На посту ярославского губернатора В.Д. Левшин много занимался сохранением древностей края и культурно-просветительной деятельностью [Ярославские губернаторы].

Седьмым самарским вице-губернатором был **Василий Викторович Лукошков**. Он окончил Императорское училище правоведения, начал гражданскую службу в 1863 г. В 1872–1874 гг. являлся самарским вице-губернатором при губернаторе Федор Дмитриевич Климове. Известно, что Ф.Д. Климов был смещен со своей должности из-за протестов земской общественности, что не могло повлиять и на карьеру В.В. Лукошкова. Действительно карьера его развивалась не быстро, в 1880–1885 гг. он служил оренбургским вице-губернатором. В 1885–1892 гг. – вполне успешно находился на посту Пермского губернатора, способствуя промышленному и культурному развитию этого края. Значительным событием его губернаторства стало открытие движения поездов от г. Перми до г. Тюмени в 1887 г. – «Уральская железная дорога». Был пожалован в чин тайного советника (Аленчикова 2006, с. 116–117).

Наибольший срок в должности самарского вице-губернатора (13 лет) провел воронежский дворянин **Александр Германович фон-Бринкман** (годы жизни: 1835–1899). В молодости проявил способности к военной службе, был преподавателем Воронежского Михайловского кадетского корпуса (1861–1863 гг.), астраханским вице-губернатором (1858–1861 гг.), старшим чиновником особых поручений при Воронежском губернаторе (1870–1872 гг.). Примечателен длительный период его самарского вице-губернаторства (1875–1888 гг.) и вновь астраханского вице-губернаторства (1888–1899 гг.). В Самаре фон-Бринкман стал близким другом губернатора А.Д. Свербеева, чем видимо и объясняется нетипично долгий период нахождения в должности. Дневники губернатора А.Д. Свербеева содержат немало упоминаний его имени [Классика 2019]. С 1885 г. – действительный статский советник (Воронеж 2013).

В 1888–1891 гг. на посту самарского вице-губернатора находился вологодский дворянин **Александр Семенович Брянчинов** (годы жизни: 1843–1910). Окончив Николаевское кавалерийское училище, до 1872 г. он нес службу в Кавалергардском полку. Длительное время проживал в своем вологодском имении, был уездным предводителем дворянства, но в 1888 г. получил чин статского советника и назначение вице-губернатором в Са-

марскую губернию. Три года он прослужил под руководством губернатора А.Д. Свербеева, но в результате масштабного голода 1891 г. А.Д. Свербеев был снят, а на его место назначен А.С. Брянчанинов [Кабытов, Тюрин 2017]. Нетипичное для российской административной традиции продолжение службы в той же губернии связано, скорее всего, с кризисом управления регионом. В обстановке бедствия власть не решилась назначить на губернаторскую должность «пришлого» губернатора. В общей сложности в Самарской губернии А.С. Брянчанинов проведет 16 лет на должности вице-губернатора и губернатора. На этих постах Брянчанинов проявил себя эффективным администратором, особенно показательным было стремительное экономическое развитие края. В знак признания заслуг, в 1904 г., тайный советник, гофмейстер Двора Брянчанинов, получил назначение в Санкт-Петербург, став членом Государственного Совета. В 1905 г. Городская Дума единогласно присвоила ему звание почетного гражданина г. Самара [Почетные граждане... 2008].

Десятым самарским вице-губернатором служил московский дворянин **Алексей Петрович Рогович** (годы жизни: 1858–1935). В 1881 г. он окончил юридический факультет Московского университета, был чиновником особых поручений при черниговском губернаторе, советником правления в Эстлянской губернии. В 1891–1895 гг. занимал пост самарского вице-губернатора, при губернаторе А.С. Брянчанинове. Следующим назначением А.П. Роговича был пост управляющим канцелярией Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора. В дальнейшем карьера А.П. Роговича достигла значительных высот. В 1899–1902 гг. – ковенский губернатор, в 1905–1906 гг. – ярославский губернатор, с 1906 г. – гофмейстер, тайный советник, сенатор. С 1906 г. товарищ обер-прокурора Священного Синода. В 1912–1917 гг. А.П. Рогович входил в состав Государственного Совета (ЦГАСО. Ф.1. Оп. 1. Д. 4101. Л. 1–4 об.).

Завершает период второй половины XIX в. самарское вице-губернаторство полтавского дворянина **Константина Александровича Баляснова** (годы жизни: 1860–1917). Балясный окончил Полтавский кадетский корпус, начал службу в Преображенском лейб-гвардейском полку, в 1884 г. стал адъютантом великого князя Сергея Александровича. В 1889 г. Баляснов покинул военную службу и начал гражданскую, в департаменте уделов. В 1895 г. Балясному был пожалован чин коллежского советника и назначение на пост самарского вице-губернатора, при губернаторе А.С. Брянчанинове. Под руководством Баляснова значительно улучшилась деятельность губернской типографии и издательское дело в губернии. Реализуя типичную схему должностного продвижения вице-губернаторов, уже в 1896–1901 гг. Балясный продолжил службу полтавским вице-губернатором, в 1901–1902 гг. – вилениским вице-губернатором,

в 1902–1906 гг. – орловским губернатором (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4369. Л. 7 об.).

Обобщенные, преобладающие характеристики приведенных выше биографических сведений (часть сведений впервые вводится в научный оборот) позволяют составить собирательный социальный портрет 11 самарских вице-губернаторов второй половины XIX в. Средний возраст вступления в должность вице-губернатора лежал в пределах 32–48 лет и составил 37,8 года. В возрасте 32–37 лет – 7 человек, 38–43 лет – 2 человека, 44–48 лет – 2 человек. Это согласуется с выводами Н.Л. Семеновой, С.В. Любичанковского по Оренбургской губернии [Семенова 2019].

Уровень образования самарских вице-губернаторов характеризуется такими данными: 5 из 11 (46 %) чиновников получили военное образование, 4 (36 %) – высшее юридическое, по 2 чиновникам информации не имеется. Отметим более высокую долю военного образования (около 50 %), чем приведенная П.А. Зайончковским по европейским губерниям (около 30 %), и гораздо высокий уровень образованности самарских вице-губернаторов в целом. По подсчетам П.А. Зайончковского, в середине XIX в. 32,2 % вице-губернаторов европейской России имели высшее образование, 32,2 % получили домашнее образование [Зайончковский 1978, с. 161]. Данные по самарским вице-губернаторам существенно выше, а упоминания домашнего образования отсутствуют вовсе.

Чины самарских вице-губернаторов при вступлении в должность показывают довольно однородную картину. Пять чиновников вступили в должность статскими советниками (V класс), двое – коллежскими советниками (VI класс). Отметим определенное расхождение с данными П.А. Зайончковского, который подсчитал, что половина вице-губернаторов европейских губерний в 1903 г. находились в IV классе [Зайончковский 1978, с. 215]. В Самарской губернии и губерниях Урала вице-губернаторы в чине действительного статского советника (IV класс) были абсолютным исключением [Любичанковский 2006, с. 202].

Средний стаж работы в должности самарского вице-губернатора составил 3,9 года, у подавляющего большинства он составлял 2–3 года. Итоговую цифру увеличила «аномалия» вице-губернатора фон-Бринкман, 13 лет прослужившего вице-губернатором в Самаре, 14 лет в Астрахани и так и не ставшего губернатором. Исключив фон-Бринкмана из статистики, получаем средний стаж работы 3 года, что меньше общероссийских показателей.

Столь малый срок службы вице-губернаторов позволяет выдвинуть предположение, что Самарская губерния выступала в качестве своеобразного трамплина для получения административного опыта и дальнейшего, возможно уже predeterminedного в высоких кабинетах, возвышения. 5 чиновников (Аксаков, Ушаков, Панчулидзе, Брянчанинов, Рогович) из 11 (46 %), сразу после недолгого

пребывания вице-губернатором в Самаре, стали губернаторами. Еще 3 (Левшин, Лукошков, Бялясников) получили новое вице-губернаторское назначение, но потом также стали губернаторами. Высказанная гипотеза подтверждается тем, что 8 из 11 (73 %) изученных чиновников впервые стали вице-губернаторами именно в Самаре, 6 из 11 (55 %) после этого продолжили службу вице-губернаторами в другой губернии. Возможно Самара расценивалась Санкт-Петербургом как спокойное место начала большой карьеры. При этом, все вице-губернаторы к своему назначению имели достаточный административный опыт.

Действительно, 5 из 11 (46 %) самарских вице-губернаторов достигли значительных высот в своей карьере. Г.С. Аксаков – тайный советник, почетный гражданин г. Самара; С.П. Ушаков – тайный советник, сенатор, почетный гражданин г. Тула; В.В. Лукошков – тайный советник; А.С. Брянчанинов – тайный советник, член Государственного Совета, почетный гражданин г. Самара; А.П. Ро-

гович – тайный советник, сенатор, товарищ обер-прокурора Синода, член Государственного Совета.

Заключение

Таким образом, важность вице-губернаторской должности состояла в непосредственном руководстве ключевым и обширным по своей деятельности административным учреждением губернии – губернским правлением. Типичный портрет самарского вице-губернатора второй половины XIX выглядел следующим образом: потомственный дворянин в возрасте от 32 до 40 лет, с военным или высшим юридическим образованием (в равных долях), V или VI класса службы. Все рассмотренные персоналии имели управленческий опыт. В должности самарского вице-губернатора они проводили в среднем около 3-х лет, получая следующее назначение вновь вице-губернатором или губернатором другой губернии. В 73 % случаев самарский вице-губернатор II половины XIX становился губернатором.

Материалы исследования

Аленчикова 2006 – *Аленчикова Н.Д.* Лукошков Василий Викторович: 1885–1892 // Популярная энциклопедия Пермского края: сб. полезных краевед. сведений. Пермь, 2006. Т. 1.

Воронеж 2013 – *Воронежская военно-историческая энциклопедия* / сост. А.Н. Юрасов. Воронеж: Кварта, 2013.

НСБ РГИА – *Научно-справочная библиотека Российского государственного исторического архива*. Коллекция печатных записок. ПЗ 481.

СЗРИ – *Свод Законов Российской империи*. Изд. 1892 г. Т. 2.

Тюстин 2012 – *Тюстин А.В., Шишкин И.С.* Пензенская персоналия: биограф. словарь. Москва, 2012. URL: <http://www.penzahroniki.ru/index.php/spravochnik/147-penzenskaya-personaliya>.

ЦГАСО – *Центральный государственный архив Самарской области*.

Библиографический список

Адрес-календарь 1888 – *Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1889 год*. Самара, 1888. 382 с. URL: http://old.libsmr.ru/show_preview2?name=Адрес-календарь+и+памятная+книжка+Самарской+губернии+на+1889+год&id=8C25CDDDB-D7B2-4CF3-9EBE-C3C6808DB539.

Блинов 1905 – *Блинов И.А.* Губернаторы. Историко-юридический очерк. Санкт-Петербург, 1905. 366 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/10802>.

Вересаев 1961 – *Вересаев В.В.* Собрание сочинений: в 5 т. Воспоминания. Т. 5. Москва, 1961. 550 с. URL: <https://traumlibrary.ru/book/veresaev-ss05-05/veresaev-ss05-05.html>.

Гарбуз 2015 – *Гарбуз В.Г.* Социокультурный облик высшей провинциальной бюрократии в Поволжье в начале XX века // Вестник Пензенского государственного университета. 2015. № 2 (10). С. 4–8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-oblik-vysshey-provintsialnoy-byurokratii-v-povolzhie-v-nachale-hh-v>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24097645>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uhioaz>.

Жданов 1843 – *Жданов М.П.* Путевые записки по России, в двадцати губерниях: С.-Петербургской, Новгородской, Тверской [и др.] Михаила Жданова. Санкт-Петербург, 1843. 214 с. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/216623>.

Зайончковский 1978 – *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. Москва, 1978. 288 с. URL: http://militera.lib.ru/enc/0/pdf/zayonchkovsky_pa01.pdf.

Кабытов, Тюрин 2017 – *Кабытов П.С., Тюрин В.А.* Личные документы самарского губернатора А.Д. Свербеева // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23, № 3. С. 25–30. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30779753>. EDN: <https://elibrary.ru/zxojun>.

Классика 2019 – *Классика самарского краеведения*. Антология. Вып. 6. Дневники и воспоминания самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербеева / сост.: П.С. Кабытов, М.В. Батшев, Э.Л. Дубман, В.А. Тюрин, А.А. Мякотин; под науч. ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, М.М. Леонова. Самара: ООО «Слово», 2019. 268 с. URL: <https://repo.ssau.ru/bitstream/Monografii/Klassika-samarskogo-kraevedeniya-Vyp-6-Dnevnik-i-vozpominaniya-samarskogo-gubernatora-Aleksandra-Dmitrievicha-Sverbeeva-79703/1/Кабытов%20П.С.%20Классика%20самарского%20краеведения%202019.pdf>.

Любичанковский 2006 – *Любичанковский С.В.* Вице-губернаторский корпус Урала в конце XIX – начале XX в. (социокультурная характеристика) // *Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки.* 2006. № 41. С. 193–206. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/23125/1/iurg-2006-41-17.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=11676415>. EDN: <https://elibrary.ru/jvnkav>.

Почетные граждане... 2008 – *Почетные граждане* города Самары XIX – XX веков: Биографический справочник. Самара: ООО Круиз, 2008. 232 с., ил. URL: https://archive.samregion.ru/info_act/publications/01.01.2008/all/1/16852.

Правительствующий сенат 1911 – *Правительствующий сенат.* Список сенаторов / Н.А. Мурзанов. Санкт-Петербург: Сенат. тип., 1911. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003781793/.

Семенова, Любичанковский 2019 – *Семенова Н.Л., Любичанковский С.В.* Оренбургский вице-губернаторы в первой половине XIX века: функции, полномочия, персональный состав и факторы карьеры // *Новый исторический вестник.* 2019. № 1 (59). С. 20–41. URL: https://nvestnik.su/2019_1/59.pdf.

Тюрин 2018 – *Тюрин В.А.* Самарское губернское правление: создание и деятельность во второй половине XIX в. // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки.* 2018. Т. 18, № 2. С. 32–35. DOI: <http://doi.org/10.14529/ssh180205>. EDN: <https://elibrary.ru/ytzbat>.

Ярославские губернаторы – *Ярославские губернаторы.* 1777–1917 / В.М. Марасанова, Г.П. Федюк; отв. ред. А.М. Селиванов. Ярославль, 1998. URL: <https://yarwiki.ru/article/1195/yaroslavskie-gubernatory-1777-1917>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21294446>. EDN: <https://elibrary.ru/rxzqpn>.

References

Address-calendar 1888 – *Address-calendar* and memorial book of the Samara province for 1889. Samara, 382 p. Available at: http://old.libsmr.ru/show_preview2?name=Адрес-календарь+и+памятная+книжка+Самарской+губернии+на+1889+год&id=8C25CDDDB-D7B2-4CF3-9EBE-C3C6808DB539. (In Russ.)

Blinov 1905 – *Blinov I.A.* (1905) Governors. Historical and legal essay. Saint Petersburg, 366 p. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/10802>. (In Russ.)

Veresaev 1961 – *Veresaev V.V.* (1961) Collected works: in 5 volumes. Memoirs. Vol. 5. Moscow, 550 p. Available at: <https://traumlibrary.ru/book/veresaev-ss05-05/veresaev-ss05-05.html>. (In Russ.)

Garbuz 2015 – *Garbuz V.G.* (2015) Sociocultural image of the highest provincial bureaucracy in the Volga region at the beginning of the XX century. *Vestnik of Penza State University*, no. 2 (10), pp. 4–8. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-oblik-vysshey-provintsialnoy-byurokratii-v-povolzhie-v-nachale-hh-v>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24097645>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uhioaz>. (In Russ.)

Zhdanov 1843 – *Zhdanov M.P.* (1843) Travel notes in Russia, in twenty provinces: St. Petersburg, Novgorod, Tver [et al.] by Mikhail Zhdanov. Saint Petersburg, 214 p. Available at: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/216623>. (In Russ.)

Zayonchkovsky 1978 – *Zayonchkovsky P.A.* (1978) The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century. Moscow, 288 p. Available at: http://militera.lib.ru/enc/0/pdf/zayonchkovsky_pa01.pdf. (In Russ.)

Kabytov, Tyurin 2017 – *Kabytov P.S., Tyurin V.A.* (2017) Personal documents of the Samara governor A.D. Sverbeev. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 23, no. 3, pp. 25–30. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30779753>. EDN: <https://elibrary.ru/zxojun>. (In Russ.)

Classics of Samara local history 2019 – *Kabytov P.S., Batshev M.V., Dubman E.L., Tyurin V.A., Myakotin A.A.* (2019) Classics of Samara local history. Anthology. Issue 6. Diaries and memoirs of the Samara governor Alexander Dmitrievich Sverbeev; *Kabytov P.S., Dubman E.L., Leonov M.M.* (Eds.). Samara: ООО «Слово», 268 p. Available at: <https://repo.ssau.ru/bitstream/Monografii/Klassika-samarskogo-kraevedeniya-Vyp-6-Dnevnik-i-vospominaniya-samarskogo-gubernatora-Aleksandra-Dmitrievicha-Sverbeeva-79703/1/Кабытов%20П.С.%20Классика%20самарского%20краеведения%202019.pdf>. (In Russ.)

Lyubichankovsky 2006 – *Lyubichankovsky S.V.* (2006) Vice-governor's corps of the Urals in the late XIX – early XX century (sociocultural characteristics). *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, vol. 41, no. 11, pp. 193–206. Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/23125/1/iurg-2006-41-17.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=11676415>. EDN: <https://elibrary.ru/jvnkav>. (In Russ.)

Honorary citizens... 2008 – *Honorary citizens* of the city of Samara of the XIX–XX centuries: biographical guide. Samara: ООО Круиз, 232 p., illustrated. Available at: https://archive.samregion.ru/info_act/publications/01.01.2008/all/1/16852. (In Russ.)

Governing Senate – *Murzanov N.A.* (1911) Governing Senate. List of senators. Saint Petersburg: Senat. tip. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003781793/. (In Russ.)

Semenova, Lyubichankovsky 2019 – *Semenova N.L., Lyubichankovskiy S.V.* (2019) The Orenburg Vice-Governors in the First Half of the 19th Century: Functions, Authority, Personal Information, and Career Factors. *The New Historical Bulletin*, no. 1 (59), pp. 20–41. Available at: https://nvestnik.su/2019_1/59.pdf. (In Russ.)

Tyurin 2018 – *Tyurin V.A.* (2018) Samara provincial board: creation and activity in the second half of the XIX century. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*, vol. 18, no. 2, pp. 32–35. DOI: <http://doi.org/10.14529/ssh180205>. EDN: <https://elibrary.ru/ytzbat>.

Yaroslavl governors 1998 – *Marasanova V.M., Fedyuk G.P.* (1998) Yaroslavl governors. 1777–1917; *Selivanov A.M.* (Ed.). Yaroslavl, 420 p. Available at: <https://yarwiki.ru/article/1195/yaroslavskie-gubernatory-1777-1917>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21294446>. EDN: <https://elibrary.ru/rxzqpn>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(470.43)<1991/1993>

Дата поступления: 22.12.2022
рецензирования: 23.01.2023
принятия: 10.03.2023

Самарское общество в период двоевластия

В.В. Евпалов

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: victor.evpalov@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5698-3363>

Аннотация: В статье на основе архивных документов, материалов газет и экономической статистике анализируется общественное настроение жителей города Самары в период 1991–1993 гг. По прошествии 29 лет со дня роспуска Советов народных депутатов предоставилась возможность всестороннего изучения темы местного самоуправления. Такие исследования позволяют найти основные закономерности развития страны, а также расширяют методологии истории, т.к. тема истории местного самоуправления невозможно без применения междисциплинарных методов. В работе, помимо исторических методов: историко-генетические, историко-сравнительные, описательные, были использованы семиотический метод, а также метод контент анализа. Научная новизна исследования определяется новой постановкой проблемы в изучении местного самоуправления и нетрадиционным решением возникающих вопросов отношения власти общества. Целью исследования является всестороннее и комплексное изучение проблемы отношений представительных органов государственной власти и самарского общества периода двоевластия 1991–1993. Двоевластие на практике заключалось в наличии двух равноправных органов вертикали власти: вертикаль Советов, во главе которой стояли Верховный Совет, Съезд народных депутатов и Р.И. Хасбулатовым и вертикаль института Президентства Российской Федерации, которое опиралось на назначаемых глав администраций. В ходе исследования были получены некоторые результаты: 1) болезненная реакция в общественных настроениях самарского общества 1991–1993 гг. на экономические реформы; 2) неудовлетворительное состояние материально-экономического базиса Самарской области; 3) феномен «письма во власть» повседневной жизни жителей Самары; 4) эффективность междисциплинарного подхода в исследовании местного самоуправления 5) игнорирование или невозможность прямого взаимодействия между властями и жителями в 1991–1993. Вывод, согласно результатам, состоит в следующем: по окончании 1993 г. в России не удалось реализовать систему местного самоуправления, в которой разочаровались жители, а также нежеланием строить систему местных органов власти новым российским правительством.

Ключевые слова: власть и общество; общество; власть; история местного самоуправления; самоуправление; история Самары, Самара 1991–1993 гг.; история взаимоотношения власти и общества Самары.

Цитирование. Евпалов В.В. Самарское общество в период двоевластия // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 53–60. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-53-60>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Евпалов В.В., 2023

Виктор Владиславович Евпалов – аспирант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 22.12.2022
Revised: 23.01.2023
Accepted: 10.03.2023

Samara society in the period of dual power

V.V. Evpalov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: victor.evpalov@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5698-3363>

Abstract: Based on archival documents, newspaper materials and economic statistics, the article analyzes the public mood of the inhabitants of the city of Samara in the period of 1991–1993. After 29 years since the dissolution of the Soviets of People's Deputies, an opportunity has been provided for a comprehensive study of the topic of local self-government. Such studies will make it possible to find the main patterns of the country's development, as well as expand the methodologies of history. Topic of the history of local self-government is impossible without the use of interdisciplinary methods. In the work, in addition to historical methods: historical-genetic, historical-comparative, descriptive, the semiotic method was used, as well as the method of content analysis. The scientific novelty of the study is determined by the new formulation of the problem in the study of local self-government and the non-traditional solution of emerging issues of the relationship of the power of society. The purpose of the study is a comprehensive and comprehensive study of the problem of relations between the representative bodies of state power and the Samara society during the dual power period of 1991–1993. Dual power in practice consisted in the presence of two equal bodies of the vertical of power: the vertical of the Soviets,

headed by the Supreme Soviet, the Congress of People's Deputies and R.I. Khasbulatov and the vertical of the institute of the presidency of the Russian Federation, which relied on the appointed heads of administrations. In the course of the study, some results were obtained: 1) a painful reaction in the public mood of the Samara society in 1991–1993 on economic reforms 2) the unsatisfactory state of the material and economic basis of the Samara region 3) the phenomenon of «letter to the authorities» of the daily life of Samara residents 4) the effectiveness of an interdisciplinary approach in the study of local self-government 5) ignoring or impossibility of direct interaction between the authorities and residents in 1991–1993. The conclusion, according to the results, is as follows: at the end of 1993, Russia failed to implement the system of local self-government, in which the inhabitants were disappointed, as well as the unwillingness to build a system of local authorities by the new Russian government.

Key words: power and society; power; society; history of local self-government; self-government; history of Samara; Samara of 1991–1993; history of the relationship between society and power.

Citation. Evpalov V.V. Samara society in the period of dual power. *Vestnik Samarского университета. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 53–60. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-53-60>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Evpalov V.V., 2023

Victor V. Evpalov – postgraduate student of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение. Постановка проблемы и степень ее разработанности

Эпоха отечественной истории начала 1990-х гг. характеризуется резкими изменениями во многих сферах жизни граждан позднего советского и молодого российского обществ. Страна опрометью двигалась в новую для себя политическую реальность, в которой развивались процессы демократизации государства и его перехода на рыночную систему экономики. Как известно, в начале 90-х гг. в СССР, а затем и в России были проведены реформы общества, которые своим влиянием на ход исторического процесса подготовили огромный банк фактов для изучения. Для комплексного понимания истории государства, эти сведения необходимо подвергнуть научному анализу.

Касательно характеристики того времени, важным его аспектом стал период так называемой «двоевластия вертикали власти» [Матвеев 2005 а, с. 173], который на практике заключался в наличии двух равноправных органов вертикали власти: вертикаль Советов, во главе которой стояли Верховный Совет, Съезд народных депутатов и Р.И. Хасбулатовым и вертикаль института Президентства Российской Федерации, которое опиралось на назначаемых глав администраций. Такая особенность политической жизни страны стала возможной во многом благодаря трем значимым политическим решениям: 1) введение института Президентства СССР в 1990 г. (Закон СССР 1990); 2) учреждение должности Президента России в 1991 г. (Закон РСФСР 1991); 3) аннигиляции Советского Союза лидерами новых стран в результате Беловежских соглашений (Соглашения о... 1991). Данные вехи в развитии государства повлияли на усиление личной власти Б.Н. Ельцина, а также закономерному роспуску Совета народных депутатов в 1993 г. его указом № 1400 (Указ Президента 1993).

Распоряжения, принятые в то время руководством страны, и поныне влияют на общественно-политические процессы государства. И с тех пор, по прошествии 29 лет, представилось возмож-

ным провести объективный исторический анализ взаимоотношений общества и власти г. Самары периода 1991–1993 гг., именуемый в работе двоевластием вертикали власти. Для выявления особенностей данного времени нужно охарактеризовать структуру эволюции связи правительства и самарского общества в указанные хронологические рамки. В таком случае целью исследования является всестороннее и комплексное изучение проблемы отношений представительных органов государственной власти и народа в обозначенных временных и пространственных рамках.

Данное научное исследование актуально по нескольким аспектам. Во-первых, с точки зрения теории, потому что данная тема исследования имеет уникальность формы изучения. Она заключается в междисциплинарном характере исследования, т. к. исторический анализ взаимоотношения общества и власти невозможен без анализа нормативно-правовой базы и оценки общественного настроения. Изучить данные два феномена не предоставляется возможным без использования специальных исторических, философских и юридических наук. Микроисторический анализ уникального самарского опыта позволит расширить и углубить уже имеющиеся знания о местном российском самоуправлении. С практической точки зрения изучение опыта взаимодействия власти и общества позволит вскрыть механизмы развития России, что особенно важно в современном политическом контексте. Сегодня правительство РФ выбрало вектор развития страны с учетом ее уникального исторического положения. Реализовать данную стратегию развития невозможно без специальных реформ, которые необходимо проводить с учетом знаний, полученных в ходе в том числе и исторических исследований.

В процессе научного поиска использовались общенаучные методы, основанные на комплексном изучении проблемы власти и общества: системный анализ, моделирование, диалектика. Принципом работы является материализм.

Вместе с общенаучными методами в научной статье были использованы историко-генетические, историко-сравнительные, описательные, которые входят в комплекс специально исторических методов. Они основаны на принципе материализма и историзма.

Касательно методов других наук, следует упомянуть, что для интерпретации данных нормативно-правовой базы и их влияния на исследуемую тему были использованы контент-анализ и семиотический метод.

В исследовании был применен антропологический подход, который позволил с учетом современных тенденций в исторической науке провести идеографический анализ отношения общества к новой политической реальности на индивидуальном уровне.

Научная новизна исследования определяется новой постановкой проблемы в изучении местного самоуправления и нетрадиционным решением возникающих вопросов отношения власти общества. Помимо прочего, решаются некоторые дискуссионные вопросы современного развития страны. Также обогащается современная историческая теория М.Н. Матвеева власти и общества в системе местного самоуправления.

Историческая проблема власти и общества Самары периода двоевластия вертикали власти соотносится с различными областями гуманитарного знания. Проблематика, связанная с вопросами местного самоуправления Самара, вызывает интерес, в первую очередь, у отечественных ученых: [Алексушин 2020; Гельман, Рыженков, Белокурова, Борисова 2008; Матвеев 2003; Матвеев 2005 б].

Также следует инкорпорировать в статью результаты исторических исследований города Самары и политические проблемы российских провинций в работах [Кошман 2011; Самарская летопись 1998; Разумов, Леонов 2022].

Смежные исследования дополняют и расширяют понимание решения научных задач, связанных с вопросами взаимоотношения власти и общества в период двоевластия вертикали власти г. Самары.

Материально-экономическое положение самарского общества

Не без указа Президента (Указ Президента РСФСР 1991) в 1991 г. без согласования с Советом К.А. Титов стал главой администрации Самарской области. А уже через год (ЦГАСО. Ф. Р-5140. Оп. 1. Д. 9. Л. 78) в Самарском регионе была утверждена новая структура органов исполнительной власти, которая должна была заменить систему местных Советов. Параллельно с этим институтом власти на территории региона действовали Советы народных депутатов, нормированные законом от 1992 г. (Закон РФ 1992).

Чтобы выявить детерминанты настроения в обществе, следует рассмотреть материально-экономическую базу Самарской области периода 1991–1993 гг., что позволит оценить работу главы администрации и отношение к ней у населения.

Как позывает в своих результатах исследования Поволжья М.Н. Матвеев, местные бюджеты того периода находились в бедственном положении. Так, для сравнения в Пензенской области в 1991 г. такие области как здравоохранение и народное образование не получили на 30 % финансирования, а культура на 50 % [Матвеев 2006, с. 59]. В результате этого в области продавались продукты лишь местным жителям (ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 12. Д. 620. Л. 81).

Такие аспекты экономического положения в области негативно влияли на население. Так, люди начала впадать в пессимизм и социологические опросы того времени говорят нам о фрустрации жителей. Например, 1/3 опрошенных заявляли, что потеряли в уровне жизни (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 2. Л. 233 об.).

В 1990 г. был проведен мониторинг общественных настроений Пензенским областным советом профсоюзов, который показал, что 70 % рабочего населения полагают ухудшения своего материального положения [Космарский 1991, с. 1]. Проведенный анализ социальной рефлексии жителей Пензенской области на изменения экономического строя периода 1991–1993 гг. позволяет прийти к выводу, что рядовому жителю данной области крайне трудно дался переход на рыночную экономику. Это стало одной из причин «перманентной нереализованностью идеала» [Булдаков 2007, с. 145]. Это свидетельствует не только о снижении уровня жизни граждан Пензенской области, но и о неудовлетворительной работе местных властей по обеспечению базовыми потребностями.

Соседняя Ульяновская область в тот же период так же испытывала на себе падение уровня доходов и спад производства, который деструктивно влиял на общее настроение масс. Если проанализировать объемы жилищного строительства в Ульяновской области, которые косвенно отражают благосостояние общества, то согласно исследованию В.В. Кузнецову (Кузнецов 2017, с. 60) с 1991–1995 гг. объем жилищного строительства по сравнению с предыдущей пятилеткой упал на 400 тыс. кв. метров. Аналогичный спад произошел в сфере продовольствия. С 1991 г. в Ульяновской области начался процесс спада экономики в аграрном секторе. Это стало одной из причин усиления продовольственного кризиса [Якупов 2010 а].

За период с 1990–1993 гг. в Ульяновске социально-экономические показатели качества жизни населения ухудшились по сравнению со следующими годами. В период перестройки финансирование на образование уменьшилось, как и средства на развитие производства (Кузнецов, Каймакова, Минякова, Гафуров, Баландина 2017, с. 56).

В таких неудовлетворительных условиях, когда уровень жизни падает, проблема дефицита и неудовлетворения потребностей влияет на психику людей [Николаев 2000, с. 4; Якупов 2010 б, с. 245]. В таком случае, очевидно, что на тот момент местные власти не справлялись с задачей по стабили-

зации экономики и призывали даже в некоторых случаях на помощь народному хозяйству трудовые резервы (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 498. Л. 9–14).

Сопоставив данные Пензенской и Ульяновской областях, можно сопоставить с данными Самары, что позволит составить картину состояния народного хозяйства Поволжья. Экономический потенциал и развитие Самарской области периода 1991–1993 гг. отражали союзные тенденции изменения, сопутствующие на пути к рыночной экономике.

Экономика строилась на ВПК, автомобильной промышленности, приборостроению, металлургии, станкостроению и нефтедобычи. Это достигалось наличием различных заводов и фабрик: завод им. Масленникова, завод им. Фрунзе, «Куйбышевазот».

Уже в 1991 г. экономическое положение области было погублено в связи с 203-м постановлением Союзного правительства. Предприятия теряли прибыль в связи со снижением роста объемов производства. Как следствие, снизились расходы на оплаты труда. Такие условия формировали весьма негативное положение самарского общества, состояние которого наиболее продуктивным будет проанализировать исходя из потребительских возможностей граждан.

При исследовании социально-экономического положения г. Самары периода 1991–1993 гг. становится очевидным, что город не смог избежать товарного дефицита и деградации экономики. Следствием этого в городе стали образовываться очереди и стала действовать талонная система [Разумов, Леонов, 2022].

Как показывают данные архивов, к 1991 г. спрос на мясо в Куйбышеве был обеспечен на 35 (ЦГАСО Ф. Р-3954. Оп. 7. Д. 1346. Л. 12; Оп. 7. Д. 984, 987, 1054, 1155, 1346.) Также, как и в г. Пензе, с 1991 г. товары отпускались лишь при наличии паспорта, а затем при наличии специальной визитки.

К сожалению, народное хозяйство не способно было обеспечить всеми необходимыми товарами жителей города и некоторые из них были произведены населением самостоятельно [Остапкович 1998, с. 155]

Положение общества в период двоевластия

В 1992 г. уже треть от всего населения страны жила ниже прожиточного уровня. Данный год оказался «самым бедным» за всю историю наблюдения в России [Налбандян 2017]. За год до этого в депутатском обращении говорилось о сложном периоде, который «затянет узел экономических проблем нашего общества» (Постановление Верховного Совета СССР 1991). В тот период характерны были указы Президента (Указ Президента СССР 1991), которые должны были «стабилизировать» ситуацию в стране.

Реально у гражданина есть несколько вариантов преобразовать свои условия жизни. Есть нелегальные способы, есть легальные методы. Наиболее продуктивным инструментом преобразования

реальности является взаимодействие с органами местного самоуправления, которые до 1993 г., а именно до Указа Президента РФ «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» были представлены Советами и администрацией. После 1993 года местная администрация монополизировала власть в своих руках.

Эффективность местного самоуправления с точки зрения исторического анализа можно проанализировать через жалобы населения. Проблема дефицита товаров, снижения доходов, падения уровня жизни проецировало самарское общество на власть. Росла социально-политическая напряженность, что отражено в записях, жалобах, письмах и редакциях газет. С помощью них люди пытались излить свое видение на сложившуюся ситуацию, выражая свое мнение касательно реформ. Карикатурная ситуация сложилась с жалобами на жилищно-эксплуатационную контору, когда принятые решения по строительству торговых точек, отменялись после жалоб граждан (ГАСамО. Ф. Р-3340. Оп. 1. Д. 190. Л. 9). Это говорит об оторванности властей и нежеланием слушать и понимать общественные тенденции.

В 1993 году в городскую администрацию поступило 21 100 обращений от недовольных граждан. Обращения во многом касались бытовых тем: городских властей спрашивали по качеству жилищного хозяйства, по коммунальным вопросам. С 1992 г. количество обращений по поводу социального обеспечения увеличилось в двое (ГАСО. Ф. Р-3340. Оп. 1. Д. 190. Л. 4).

Помимо дискурсивного метода население Самары пыталось воздействовать на сферу общественного бытия путем демонстраций. Подчас власти были вынуждены разгонять митингующих силовым методом.

Люди трагично воспринимали дефицит, новую социальную реальность и падение уровня жизни. Уже в 1994 году стенограмма Государственной Думы предоставила исторический документ о состоянии общества периода 1991–1993 гг. Осенью того года А.И. Солженицын говорил: «Народная масса обескуражена, она в ошеломлении, в шоке от унижения и от стыда за свое бессилие. В ней нет убеждения, что происходящие реформы и политика правительства действительно ведутся в ее интересах. Людей низов практически выключили из жизни» (Московский комсомолец 1994). Вообще же в народной памяти сохранилось негативное отношение к социально-экономическому положению города.

Непосредственные участники тех лет такую повседневную проблему воспринимали как унижительное положение. Граждан вопрошал в воздух на все возникающие коллизии [Разумов, Леонов 2022, с. 45]. В опереточной форме такие условия жизни высмеивались в народном творчестве [Зарубина 2006, с. 160]. Занятно, что основные заявители относились к возрастной группе старшего поколения. Эта уязвимая группа острее всего пострадала от переходного периода.

Очевидно, накопившийся на сегодня материал для исследования позволяет сделать лишь общие выводы из-за фрагментарности данных. Архивные документы, письма того периода отражают настроения общества. Жилищный вопрос, состояние ЖКЗ, зарплата становились главными вопросами на повестке дня среди населения. К сожалению, для полной картины предстоит еще много времени. Сегодня на уровне эмпирики доступны не все архивные документы, которые отражают положение общества 1991–1993 гг. Не все документы открыты, с помощью которых можно изучить социальные аномалии и конфликты в обществе [Захарченко 2018].

Взаимоотношение власти и общества в 1991–1993 гг.

Атрибут эффективной системы местного самоуправления – это признание общественных инициатив и вообще признание народа как ценность. Институт народной власти СССР, Советы народных депутатов, сочетали в себя черты местного самоуправления и народную власть [Пылин 2012]. Как было продемонстрировано на примере отмены решений по установке торговых точек, в г. Самаре чиновники зачастую игнорировали общественные пожелания и запросы, отдавая их на самотек бюрократии. Такие факты отчуждения населения от воздействия и управление городом с помощью органов местного самоуправления в целом способствовали идеи о дискредитации такого способа оформления.

В 90-е общество полагало, что власть является неким чужеродным элементом и в некотором смысле враждебной по отношению к народу. Так, А.В. Лабудин писал, что отчуждение общество от власти было неким атрибутом понимания системе местного самоуправления [Лабудин 1996, с. 47].

Период 1991–1993 гг. во многом стали поворотным моментом в политической истории современной России. Начиная от перестройки в обществе, функционировала тенденция на утрату понимания и доверия к власти. Более того, конца 1991 г. население стало обращаться на администрации, которые фактически являлись реальной властью.

События 1991–1993 годов стали периодом утраты кредита доверия народа к власти, полученного в период начала перестройки. «Избиратель перестал верить в депутатский корпус» (ГАУО. Ф. Р-565. Оп. 14. Д. 1012. Л. 67). В таких условиях Советы начинали самостоятельно распускаться.

Пессимистический настрой сохранялся и в мировоззрении депутатов. Так, депутат самарского горсовета говорила: «на улице избиратели наши мерзнут, дети мерзнут в садиках и школах, огромное количество больших – люди едут на работу, раздирая массой своей автобусы, гроздьями свисая с трамваев» (ГАСО, Ф. Р-56, Оп. 55, Д. 1194. Л. 9, 10).

Так, власть того времени реагировала на местное самоуправление, дискредитируя саму ее идею.

В 90-е г. работники администрации избирались в качестве депутатов, и уже реально мало кто считался с Советами. Это стало причиной культивирования в обществе идеи непринятия местного самоуправления, что отразилось в снижении явки на выборах.

1991–1993 гг. ознаменовались процессами аннигиляции представительной демократии. Местное самоуправление вклинилось в исполнительную вертикаль власти и функционировал через указы Президента.

Заключение

Как показывает анализ социально-экономического положения в Самарской области, исследование качества уровня жизни самарского общества, а также формы взаимоотношения самарского общества с властью 1991–1993 гг., страна и город переживали одни из самых трудных этапов в своей политической практики. На это повлияло множество фактов: 1) резкая смена политического режима, повлекшего за собой смену экономической системы; 2) падения уровня жизни населения; 3) политические процессы, которые ознаменовались двоевластием; 4) недостаточность опыта новой администрации решения бытовых проблем.

Самарская область в 1991–1993 гг. переживала спад производства, а за ним повлекшие за собой социальные проблемы, которые в исследовании были отмечены: дефицит товаров и простые бытовые вопросы. К сожалению, два органа власти не смогли найти общий путь управления городом и данный период можно назвать печальным в жизни самарского общества. Оно было весьма нервным, были потеряны надежды на становление представительной демократии. Реформы 90-х не возродили институт земства, а, наоборот, делали акцент на встраивании местного самоуправления в вертикаль власти, зачастую которая не стремилась выполнять прямые обязанности.

Как показало всестороннее исследование проблемы взаимоотношения власти и общества того периода, данный комплекс проблем включен в политическую, экономическую, социальную проблематику. Анализ самарской действительности позволяет констатировать, что между властью и обществом не было прямого диалога и их отношение строилось очень медленно и зачастую не имело успеха. Тот период укрепил в обществе идею об отчуждении власти от народа и потому дискредитировал идею о местном самоуправлении. Политическая реальность 1991–1993 гг. не укрепила институт местного самоуправления в г. Самара, дав большие полномочия гражданам управлять городом, а напротив, укрепила вертикаль власть и централизацию политических процессов.

Теперь идея местного самоуправления остается материалом для исторических исследований, а не для сферы практического применения.

Материалы исследования

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ).

ГАСО – Государственный архив Самарской области (далее – ГАСО).

ГАУО – Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО).

ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО).

Закон РСФСР 1991 – Закон РСФСР от 24.04.1991 Т 1096-1 «О Выборах Президента РСФСР». 1991. 24 апреля. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64/fe58e4c484d58073a751af7920ec463f64e9309b (дата обращения: 04.09.2022).

Закон РФ 1992 – Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2449-1 «О краевом, областном Совете народных депутатов и краевой, областной администрации». 1992. 5 марта. URL: <https://base.garant.ru/10108172> (дата обращения 21.10.2022).

Закон СССР 1990 – Закон СССР от 14 марта 1990 г. № 1360-1 «Об учреждении поста Президента СССР в внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР». 1990. 14 марта. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/zakony/185465> (дата обращения: 11.11.2022).

Кузнецов 2017 – Кузнецов В.В. Региональная экономика и управление: учебное пособие (курс лекций). Ульяновск: УлГТУ, 2017. 244 с.

Кузнецов, Каймакова, Минякова, Гафуров, Баландина 2017 – Кузнецов В.В., Каймакова М.В., Минякова Т.Е., Гафуров Р.Р., Баландина Е.В. Современные проблемы местного самоуправления и экономики территорий Текст лекций / под общ. ред. В.В. Кузнецова. Ульяновск: УлГТУ, 2007. 121 с.

Московский комсомолец 1993 – Московский комсомолец. Солженицын А.И. Наша высшая цель – это сбережение нашего народа. 1994. 1 ноября.

Постановление Верховного Совета СССР 1991 – Постановление Верховного Совета СССР от 15 января 1991 г. № 1908I «Об обращении депутатской группы рабочих Верховного Совета СССР к трудовым коллективам, к трудящимся всей страны». URL: <https://base.garant.ru/6336276> (дата обращения: 02.09.2022).

Соглашение о... 1991 – Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. 1991. 12 декабря. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900745> (дата обращения: 03.10.2022).

Стенограмма заседания 1994 – Стенограмма заседания. Осенняя сессия 21–29 октября 1994 г. Москва: Издание Государственной думы, 1995.

Указ Президента 1992 – Указ Президента РСФСР от 31.08.1992 № 98. О назначении Титова К.А. главой администрации Самарской области. 1991. 31 августа. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&link_id=5&nd=102012394 (дата обращения: 04.11.2022).

Указ Президента 1993 – Указ Президента Российской Федерации от 21.09.1993 г. № 1400. 1993. 21 сентября. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/4364> (дата обращения: 19.11.2022).

Указ Президента СССР 1991 – Указ Президента СССР от 26 января 1991 г. № УП-1380 «О мерах по обеспечению борьбы с экономическим саботажем и другими преступлениями в сфере экономики». URL: <https://base.garant.ru/6336346> (дата обращения: 08.09.2022).

Библиографический список

Алексушин 2022 – Алексушин Г.В. Развитие местной власти и самоуправления Самары и Самарского края. 2-е изд. Самара: Прайм, 2020. 136 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41882589>. EDN: <https://elibrary.ru/pnuhyq>.

Булдаков 2007 – Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2007. 204 с. URL: <https://knigogid.ru/books/98165-quo-vadis-krizisy-v-rossii-puti-pereosmysleniya/toread>.

Гельман, Рыженков, Белокурова, Борисова 2008 – Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. Санкт-Петербург: Норма, 2008. 368 с. URL: https://eusp.org/sites/default/files/archive/pss_dep/gelman_ref_mest_vl.pdf.

Зарубина 2006 – Зарубина Н.Н. Смеховая культура как фактор толерантности к новым социальным группам в российском обществе // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 155–167. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9277801>. EDN: <https://elibrary.ru/hvaroz>.

Захарченко 2018 – Захарченко А.В. Отражение повседневных практик в общественных настроениях 1990-х гг. (на материалах Самарской области) // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20, № 3 (2). С. 378–381. URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2018/2018_3_378_381.pdf.

Космарский, Хахулина, Шпилько 1991 – Космарский В.Л., Хахулина Л.А., Шпилько С.П. Общественное мнение о переходе к рыночной экономике: науч. докл. Москва: ВЦИОМ, 1991. 68 с. URL: <http://gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/2353>.

Кошман 2011 – Кошман Л.В. Судьбы местного самоуправления в России. Город и власть. Конец XIX – начало XX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Москва: Оргкомитет чтений памяти акад. РАН Л.В. Милова,

2011. № 2. С. 309–314. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/2888618/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19434439>. EDN: <https://elibrary.ru/qjhjsf>.

Лабудин 1996 – *Лабудин А.В.* Развитие теории территориального самоуправления в СССР: 1917–1991 гг. Кн. 1. Санкт-Петербург, 1996. 187 с.

Матвеев 2003 – *Матвеев М.Н.* Отражение проблем населения в деятельности местных Советов в 70-90 годы XX века // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Новые гуманитарные исследования». Самара, 2003. С. 162–181. URL: <http://m-matveev.ru/index.php/publikacii/publ-statji/122--70-90-e>.

Матвеев 2005 – *Матвеев М.Н.* Власть и общество в системе местных Советов народных депутатов Поволжья в 70-е начале 90-х годов XX века // Поволжский край: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд. Саратовского университета, 2005. Вып. 12. С. 165–174.

Матвеев 2005 – *Матвеев М.Н.* Власть и общество в системе Советов народных депутатов в 1977–1993 гг. Самара: Самарский университет, 2005. 456 с. URL: <http://m-matveev.ru/index.php/publikacii/publ-diss/472-trud>.

Матвеев 2006 – *Матвеев М.Н.* Экономический кризис 1991–1993 годов и Советы народных депутатов Поволжья // Вестник Самарского государственного университета. 2006. № 5/1 (45). С. 59–66. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9172698>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hsswut>.

Налбандян 2017 – *Налбандян А.А.* Проблема бедности в России в условиях многофакторного экономического кризиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25, № 3. С. 343–353. DOI: <http://doi.org/10.22363/2313-2329-2017-25-3-343-353>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yneitz>.

Николаев 2000 – *Николаев В.Г.* Советская очередь как среда обитания // Россия и современный мир. 2000. № 3 (28). С. 37–48. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=1232826>. EDN: <https://elibrary.ru/bazlbv>.

Остапкович 1998 – *Остапкович Г.С.* О социально-экономическом развитии СССР на рубеже 80–90-х годов // Вопросы экономики. 1998. № 7. С. 153–159.

Пылин 2012 – *Пылин В.В.* Анализ правовых основ Советов народных депутатов РСФСР и муниципальных представительных органов Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2012. № 4 (48). С. 18–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-pravovyh-osnov-sovetov-narodnyh-deputatov-rsfsr-i-munitsipalnyh-predstavitelnyh-organov-rossiyskoy-federatsii/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18801298>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pvldsl>.

Разумов, Леонов 2022 – *Разумов Н.В., Леонов М.И.* Проблема дефицита товаров народного потребления в городе Куйбышеве в период перестройки // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Самара. 2022. Т. 28, № 3. С. 40–45. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-40-45>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nljwxp>.

Самарская летопись 1998 – *Самарская летопись*: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней: в 3 кн. / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмова. – Книга третья: Самарский край в XX веке (1918–1996 гг.). Самара: Самарский университет, 1998. 264 с. URL: <https://hero.ssau.ru/bitstream/Uchebnye-izdaniya/Samarskaya-letopis-Kn-3-73368/1/Kabytov%20П.С.%20Самарская%20летопись%20кн.3.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35686030>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yatbwx>.

Якупов 2010 а – *Якупов Р.А.* Агропромышленный комплекс и кризис потребительской системы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (по материалам Среднего Поволжья) // Вестник СамГУ. 2010. № 77. С. 84–87. URL: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/3737/3639>.

Якупов 2010 б – *Якупов Р.А.* Система нормированного распределения товаров в областях Среднего Поволжья в конце 1980-х – начале 1990-х гг. // Молодой ученый. 2010. № 9. С. 241–247. URL: <https://moluch.ru/archive/20/2024/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16366964>. EDN: <https://elibrary.ru/nuecww>.

References

Aleksushin 2022 – *Aleksushin G.V.* (2022) Development of local government and self-government of Samara and Samara region. 2nd edition. Samara: Praim, 136 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41882589>. EDN: <https://elibrary.ru/pnuhyq>. (In Russ.)

Buldakov 2007 – *Buldakov V.P.* (2007) Quo vadis? Crises in Russia: ways of rethinking. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 204 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/98165-quo-vadis-krizisy-v-rossii-puti-pereosmysleniya/toread>. (In Russ.)

Gelman, Ryzhenkov, Belokurova, Borisova 2008 – *Gelman V., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N.* (2008) Reform of local government in Russian cities, 1991–2006. Saint-Petersburg: Norma, 368 p. Available at: https://eusp.org/sites/default/files/archive/pss_dep/gelman_ref_mest_vl.pdf. (In Russ.)

Zarubina 2006 – *Zarubina N.N.* (2006) Laugh culture as factor of tolerance towards new social groups in Russian society. *Social Sciences and Contemporary World*, no. 5, pp. 155–167. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9277801>. EDN: <https://elibrary.ru/hvaroz>. (In Russ.)

Zaharchenko 2018 – *Zaharchenko A.V.* (2018) Reflection of everyday practices in public moods in the 1990s (based on the materials of the Samara region). *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 20, no. 3 (2), pp. 378–381. Available at: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2018/2018_3_378_381.pdf. (In Russ.)

- Kosmarskii, Khakhulina, Shpilko 1991 – *Kosmarskii V.L., Khakhulina L.A., Shpilko S.P.* (1991) Social opinion about transition to market economy: scientific report. Moscow: VTsIOM, 68 p. Available at: <http://gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/2353>. (In Russ.)
- Koshman 2011 – *Koshman L.V.* (2011) Fate of local self-government in Russia. City and power. End of the XIX – early XX century. In: *Rus', Russia. Middle Ages and Modern Age*. Moscow: Orgkomitet chtenii pamyati akad. RAN L.V. Milova, no. 2, pp. 309–314. Available at: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/2888618/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19434439>. EDN: <https://elibrary.ru/qjhjsf>. (In Russ.)
- Labudin 1996 – *Labudin A.V.* (1996) Development of the theory of territorial self-government in the USSR: 1917–1991. Book 1. Saint Petersburg, 187 p. (In Russ.)
- Matveev 2003 – *Matveev M.N.* (2003) Reflection on the national problems in activity of local Soviets in 70–90 years of the XX century. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Spetsial'nyi vypusk «Novye gumanitarnye issledovaniya»*. Samara, pp. 162–181. Available at: <http://m-matveev.ru/index.php/publikacii/publ-statji/122--70-90->. (In Russ.)
- Matveev 2005 – *Matveev M.N.* (2005) Power and society in the system of local Councils of People's Deputies of the Volga region in the 70-ies and early 90-ies of the XX century. In: *Volga region: interuniversity collection of scientific works*. Saratov: izd. Saratovskogo universiteta, issue 12, pp. 165–174. (In Russ.)
- Matveev 2005 – *Matveev M.N.* (2005) Power and society in the system of Soviet of People's Deputies in 1977–1993 years. Samara: Samarskii universitet, 456 p. Available at: <http://m-matveev.ru/index.php/publikacii/publ-diss/472-trud>. (In Russ.)
- Matveev 2006 – *Matveev M.N.* (2006) The economical crisis during 1991–1993 and Soviets of national Deputies of Volga region. *Vestnik of Samara State University*, no. 5/1 (45), pp. 59–66. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9172698>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hsswut>. (In Russ.)
- Nalbandyan 2017 – *Nalbandyan A.A.* (2017) The problem of poverty in Russia in conditions of multifactor economic crisis. *RUDN Journal of Economics*, vol. 25, no. 3, pp. 343–353. DOI: <http://doi.org/10.22363/2313-2329-2017-25-3-343-353>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yneitz>. (In Russ.)
- Nikolaev 2000 – *Nikolaev V.G.* (2000) Soviet queue as a habitat. *Russia and the Contemporary World*, no. 3 (28), pp. 37–48. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=1232826>. EDN: <https://elibrary.ru/bazlbv>. (In Russ.)
- Ostapkovich 1998 – *Ostapkovich G.S.* (1998) On social and economic development of the USSR on the verge of 80–90-ies. *Voprosy ekonomiki*, no. 7, pp. 153–159. (In Russ.)
- Pylin 2012 – *Pylin V.V.* (2012) Analysis of Legal Bases of Councils of People's Deputies of RSFSR and Municipal Representative Bodies of the Russian Federation. *Administrative Consulting*, no. 4 (48), pp. 018–024. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-pravovyh-osnov-sovetov-narodnyh-deputatov-rsfsr-i-munitsipalnyh-predstavitelnyh-organov-rossiyskoy-federatsii/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18801298>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pvldsl>. (In Russ.)
- Razumov, Leonov 2022 – *Razumov N.V., Leonov M.I.* (2022) Problem of shortage of consumer goods in the city of Kuibyshev during the period of perestroika. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 28, no. 3, pp. 40–45. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-40-45>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nljwpx>. (In Russ.)
- Samara's chronicle... 1998 – *Kabytov P.S., Khramkov L.V. (Eds.)* (1998) Samara's chronicle: Essays on the history of the Samara region from ancient times to the present day: in 3 books. Book three: Samara region in the XX century (1918–1996). Samara: Izdatel'stvo «Samarskii universitet», 264 p. Available at: <https://repo.ssau.ru/bitstream/Uchebnye-izdaniya/Samarskaya-letopis-Kn-3-73368/1/Кабытов%20П.С.%20Самарская%20летопись%20кн.3.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35686030>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yatbwx>. (In Russ.)
- Yakupov 2010 a – *Yakupov R.A.* (2010) Agrarian industry complex and crisis system of consumption in USSR–Russia at the end of 1980-ies – the beginning of 1990-ies (based on the Middle Volga region). *Vestnik of Samara State University*, no. 77, pp. 84–87. Available at: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/3737/3639>. (In Russ.)
- Yakupov 2010 b – *Yakupov R.A.* (2010) System of rationed distribution of goods in the regions of the Middle Volga region in the late 1980-ies – early 1990-ies. *Molodoi uchenyi*, no. 9, pp. 241–247. Available at: <https://moluch.ru/archive/20/2024/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16366964>. EDN: <https://elibrary.ru/nuecwd>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(47).08

Дата поступления: 27.12.2022
рецензирования: 17.01.2023
принятия: 10.03.2023

Переписка Анатолия Федоровича Кони с либеральными юристами как источник по политическим настроениям легалистов в 1860–1910 гг.

Д.В. Рыбин

Санкт-Петербургский институт (филиал), Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: danilarybin@rambler.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4851-2235>

Аннотация: В Российской империи поданные ежедневно писали друг другу письма, в которых «изливали душу», делились эмоциями и ощущениями, возмущались, переживали. Отдельные письма представляли образцы русской литературы. Одним из самых плодовитых «писателей» был Анатолий Федорович Кони. Он писал ежедневно до 10–15 писем. Значительная часть этой переписки сохранилась. Благодаря письмам мы можем раскрыть психологический облик знаменитого юриста, установить многочисленные личные связи, в которые он был вовлечен и в которых играл важную роль. Кони был политиком, одним из лидеров легалистского (юридического) движения в поздней империи. Мы считали, что выявление и анализ этих писем позволит лучше понять мотивацию лидеров этого движения. Соответственно, предметом нашего исследования является политическое мировоззрение либеральных юристов Российской империи на материалах писем Кони и писем к нему. Рассматривая историю переписки, мы выбрали в качестве основного метода хронологический подход, постаравшись проследить эволюцию взглядов легалистов от умеренного оптимизма к глубокому пессимизму. Такая реконструкция в отношении легалистского движения проводится впервые и вносит вклад в наше историческое знание. Предварительно можно сформулировать ряд выводов. Письма являются важным источником по истории политических настроений либеральных юристов империи. В них не только отражались эмоциональные реакции на происходившие процессы, но и предлагались идеи переустройства государства. Наряду с критикой государства мы фиксируем наивную веру последователей Б.Н. Чичерина в демократизацию авторитарного государства, либерализацию, в Конституцию как способ решения основных проблем, в народа-богоносца, в котором дремлют некие созидательные силы. Все эти мечты развеиваются к концу XIX в., и остается только глубокий душевный упадок, означающий кризис и крах движения.

Ключевые слова: Кони А.Ф.; легалисты; консервативные либералы; Государственный Совет; переписка; Сенат; Судебные уставы.

Цитирование. Рыбин Д.В. Переписка Анатолия Федоровича Кони с либеральными юристами как источник по политическим настроениям легалистов в 1860–1910 гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 61–66. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-61-66>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Рыбин Д.В., 2023

Данил Вячеславович Рыбин – кандидат исторических наук, доцент, директор, Санкт-Петербургский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 10-я линия В. О., 19, лит. А.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 27.12.2022
Revised: 17.01.2023
Accepted: 10.03.2023

Correspondence of Anatoly Fedorovich Koni with liberal lawyers as a source on the political sentiments of legalists in 1860–1910

D.V. Rybin

Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University
of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: danilarybin@rambler.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4851-2235>

Abstract: In the Russian Empire, subjects wrote letters to each other daily, in which they «poured out their souls», shared their emotions and feelings, were indignant, worried. Separate letters represented samples of Russian literature. One of the most prolific «writers» was Anatoly Fedorovich Koni. He wrote daily up to 10–15 letters. Much of this correspondence has been preserved. Thanks to the letters, we can reveal the psychological makeup of the famous lawyer, establish numerous personal connections in which he was involved and in which he played an important role. Koni was a politician, one of the leaders of the legalist (legal) movement in the late empire. We felt that identifying and analyzing these letters would allow us to better understand the motivations of the leaders of this movement. Accordingly, the subject of our study is the political worldview of the liberal lawyers of the Russian Empire based on the materials of Koni's letters and letters to him. Considering the history of correspondence, we chose the chronological approach as the main method,

trying to trace the evolution of the legalists' views from moderate optimism to deep pessimism. This is the first time such a reconstruction has been carried out in relation to the legalist movement and contributes to our historical knowledge. A number of preliminary conclusions can be formulated. The letters are an important source on the history of the political sentiments of the empire's liberal jurists. They not only reflected emotional reactions to the ongoing processes, but also proposed ideas for restructuring the state. Along with the criticism of the state, we fix the naive faith of the followers of B.N. Chicherin into the democratization of an authoritarian state, liberalization, into the Constitution, as a way to solve the main problems, into a God-bearing people, in which some creative forces are dormant. All these dreams are dispelled by the end of the XIX century, and only a deep spiritual decline remains, which means a crisis and collapse of the movement.

Key words: Koni A.F.; legalists; conservative liberals; State Council; correspondence; Senate; Judicial Statutes.

Citation. Rybin D.V. Correspondence of Anatoly Fedorovich Koni with liberal lawyers as a source on the political sentiments of legalists in 1860–1910. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 61–66. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-61-66>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Rybin D.V., 2023

Danil V. Rybin – Candidate of Historical Sciences, associate professor, director, Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 19A, 10th line, Vasilevsky Ostrov, Saint Petersburg, 199178, Russian Federation.

Введение

Великие реформы Александра II породили большое общественное брожение. Десятки тысяч поданных были вовлечены в политические процессы. В этом потоке отдельно стоит выделить группу консервативных либералов. Это движение организационно включало в себя различные группы умеренных монархистов. Общим, что объединяло их, было представление о незыблемости самодержавия и возможности либеральной трансформации авторитарными методами на консервативной основе. Возможность такой эволюции сложилась под впечатлением удачных реформ царя-освободителя. Мы не можем исключать представителей этого движения из общего освободительного движения в России в ту эпоху. Без исследования и раскрытия их роли в происходящих общественных событиях картина исторического полотна не будет полной. В этом заключается актуальность и новизна нашей работы.

Большинство умеренных либералов принадлежало к земскому движению. Если история земства в литературе хорошо описана, то эволюция второй группы – легалистов известна гораздо хуже. Почти все деятели этого движения принадлежали к юридическому сословию империи и к профессуре юридических факультетов страны. Их отличала ярко выраженная идеология консервативного либерализма (с ориентацией на права человека) наиболее удачно сформулированная Б.Н. Чичериным в 1860-е гг.

Легалисты включали в себя несколько поколений. В том числе, к ним принадлежали юристы – организаторы реформ 1860-х гг., шестидесятники (восторженные поклонники реформ, молодые юристы, вступившие на правовое поприще в благословенные 60-е), младшее поколение юристов (прагматики 1880–1890-х гг.) и, наконец, малочисленная группа «младо-юристов», присоединившихся к влиятельным шестидесятникам в начале XX в., в основном из карьеристских соображений. Эти сторонники Великой реформы были тесно связаны между собой, вели активную переписку.

Одним из самых активных шестидесятников был Анатолий Федорович Кони. Его корреспонденция насчитывает свыше 10 000 писем, адресованных сотням лиц.

Основным исследователем эпистолярного жанра А.Ф. Кони была С.А. Доманова. Изучив много писем Анатолия Федоровича, Доманова вскрывает его отдельные мысли о будущем России, о большевизме, о распаде общества. После прочтения работ Домановой можно поставить вопрос о сплошном изучении эпистолярного наследия нашего героя с целью окончательного установления его отношения к обществу, к отдельным людям и к самому себе (Доманова 1999 [Доманова 2015, с. 36–42]). Проблемы источниковедческого характера по истории жизнедеятельности Кони отмечались в нашей работе [Кодинцев, Рыбин 2019, с. 80–85]. Приступив к исследованию, нам удалось выявить группы писем Кони и к Кони в архивах: ГАРФ (фонд 564, который содержит более тысячи писем), Пушкинский дом (фонд 134, включает тысячи писем). Отдельные небольшие группы документов хранятся в Государственном историческом музее г. Москва, рукописных отделах РНБ и РГБ и в РГАЛИ. Кроме того, значительная часть писем Анатолия Федоровича была опубликована в восьмом томе Собраний сочинений, вышедшем в 1969 году [Кони 1968 а]. В указанный том вошло 266 писем Кони. Но среди них мало писем политического содержания. Возможно, авторы собрания пропустили ряд писем, а отдельные не были включены по причине неприемлемого для большевистской власти содержания.

Кони в существенной степени отражал настроения и эмоции шестидесятников. В своей переписке он транслировал их отношение к сложившейся политической системе, затрагивал вопросы переустройства государства. Если сам Кони писал много писем по политическим вопросам, то к нему, напротив, политические письма направляли редко. Впрочем, это могло быть связано с потерей части переписки. Так или иначе, Кони был самым активным легалистом, отражавшем и одновремен-

но прощупывавшем, умонастроения своей социальной группы. Именно поэтому, с нашей точки зрения, важно проанализировать взаимную переписку Кони и его друзей, чтобы понять их представления о государстве и мотивы, которые ими двигали.

Основная часть

Во второй половине XIX в. молодой юрист Кони в политической деятельности почти не участвовал. Он делал карьеру в государственном аппарате, не имел четких и глубоких политических пристрастий, не мог заниматься политическими вопросами в авторитарном государстве, не был известен «прогрессивной» общественности. Это не означало, что он не обсуждал политические проблемы и не думал об их решении. Напротив, они затрагивали его очень глубоко. Свои мысли Кони изливал в переписке с близкими друзьями.

Значительная часть политических высказываний Кони была отражена в его переписке с Сергеем Морошкиным (однокурсником Кони). Первые политические воззрения мы фиксируем у молодого юриста в 1866 г. Вначале он отличился при защите дипломной работы, в которой, говоря о пределах необходимой обороны, допускал вооруженное восстание в случае нарушения закона со стороны государства. Поступив на службу в письме к Морошкину 09 ноября 1866 г., он отмечал: «Я попал в среду петербургского чиновничества – этой самой лакейской подлости с татарским чванством, жидовской алчности, с бесстыдством камелии и тупоумием готтентота» (Рукописный отдел Института российской литературы и искусства (РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 44. Л. 7–8)). В последующие годы, составляя подобные письма Кони, никогда не отправлял их по почте, а пересылал с К.К. Арсеньевым. Морошкин же отправлял письма открыто. Переписка Кони находилась после 1866 г. под полным контролем перлюстрационных служб III отделения императорской канцелярии. Все его письма и все письма к нему прочитывались и из них делались экстракты (выписки), которые поступали к главноуправляющему отделением. Как следствие, проверить мнение Кони по политическим вопросам было почти невозможно. Морошкин, же, напротив, был «весь на виду». В дальнейшем он не смог сделать карьеру и провел все время своей службы в Харькове. Неоднократные просьбы Кони перевести его в столицу всегда встречали отказ.

В письме к Морошкину 12 ноября 1867 г. Кони выступает как верный монархист. Молится за здоровье Царя. По его мнению, чиновники запутывают все прекрасные реформы Александра II, подавляют земства. Часть общества «дурит» предрассудки нигилизму, но из этого не следует необходимость в сворачивании реформ (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 32. Д. 223. Л. 5)).

Конец 1870 – начало 1880-х гг. были отмечены брожением общества. Кони оказался захвачен

поток общественными настроениями. Весь 1879 г. Анатолий Федорович писал письма, охваченные глубоким пессимизмом. 27 февраля в письме к Морошкину он отмечал, что чрезвычайно рад, что не женат и не имеет детей. «Что увидят они?! Правительство не имеет целей. Общество приучается к крови. Грубая власть. Отвратительный деспотизм толпы и полное отсутствие представлений об органической жизни государства. Сила характеров большая, сила мысли ничтожная [о революционерах]» (РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 44. Л. 35–40).

Далее Кони «раздает всем на орехи». Награждает окружающих его людей нелестными эпитетами. «Чиновник – хищник». «Литература и прихвостничающая при ней адвокатура изолгались вконец». «Вся эта толпа мчится в пропасть». «Народ гибнет, угнетен, засорен, споен по кругу, отдан на жертву раскола, жидов и кулаков». И, констатирует: «Мы быстро идем к перевороту, но переворот в России называется бунтом. Культура погибнет, и мы отодвинемся на столетие за Петра». По мнению Кони, «Конституция – единственное лекарство». Идеализируя Конституцию, Кони также идеализировал русский народ: «Надо верить в русский народ. В нем есть спящие, но великие силы». Как казалось Кони, принятие Конституции неизбежно (РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 44. Л. 35–45). Стоит отметить, что Анатолий Федорович в таких размышлениях не был оригинален и вслед за другими общественными деятелями рассчитывал найти в народе некие позитивные силы.

В 1880-х гг. после спада общественной активности Кони сохранял угрюмое, подозрительное отношение к российской бюрократии, не ожидая от будущего ничего хорошего. В письме к Любви Гогель 13 ноября 1887 г. Анатолий Федорович вновь переживал по поводу неправильной политики государства. «Наше... безнравственное и одичалое Правительство... при отсутствии всяких моральных принципов у наших министров...» Порядочному человеку «остаётся или издавать “глас вопиющего в пустыне” или же войти в “совет нечестивых”. Первое – глупо, второе – гаже чем глупость. Надо уходить...» (почти дословно такой же текст повторялся в письме к Сергею Константиновичу Гогелю 13 ноября 1894 г.) (РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 80. Л. 1). В письме к Морошкину 27 января 1888 г. Кони подчеркивал, что самодержавие для России лучшая форма правления [Кони 1968 b, с. 99–100].

В то же время события начала 1880-х гг. привели Кони к разочарованию в либеральной интеллигенции. Также негативно он оценивал революционеров. В письме к Н.С. Таганцеву 23 июня 1894 г. на убийство французского президента Карно он резко ругал революционное движение, особенно анархистов. По его мнению, фраза о «равенстве и братстве» была пустым звуком. Революционеров обуяла «сатанинская гордыня на почве зависти, злобы и невежества». «Воздействуют на слабые умы, на психопатические натуры» (Рукописный

отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ. Ф. 760. Оп. 1. Д. 236. Л. 45–46). В переписке с Б.Н. Чичериным Кони неоднократно жаловался на «нездоровую» атмосферу в России [Сашонко 1991, с. 206].

Кони эмоционально переживал события 1905 г., в письмах и беседах негативно оценивал неэффективную царскую систему. 20 декабря того же года сенатор составил и напрямую направил императору письмо с программой реформ. Неизвестно, попала ли эта записка к императору и, если да, была ли им прочитана. В любом случае последствий она не имела (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 163. Л. 1–7).

Письма 1906 г. наполнены страхами и негодованием. Так, В.Н. Саношко приводит большое письмо Кони к Е.А. Нарышкиной – близкой знакомой по общественной деятельности (от 05 ноября 1906 г.). Кони указывал, что питал отвращение к анархии, всю жизнь поддерживал порядок и законность. Поэтому-то срочно необходимо провести либеральные реформы, ограничить самодержавие, принять конституцию. Анатолий Федорович подчеркивал, что государство использовало его в своих целях. Общество же, напротив, считало его носителем гуманизма и ждало или прямо требовало от него выступить с политическим заявлением, от которого он уклонился. Посылая это письмо к человеку близкому к императрице сенатор рассчитывал, что информация дойдет к определенному адресату [Сашонко 1991, с. 212–214].

В том же году Анатолий Федорович написал письмо Владимиру Ивановичу Ковалевскому, соратнику Витте, организатору Прогрессивно-экономической партии. Кони возмущаясь, блистал своим русским языком. «Безобразное, близорукое и своекорыстное правительство в течение трех десятилетий тщательно собирало горячие угли и покрывало их мокрым хворостом, думая, что это значит «управлять», но хворост, как и следовало ожидать высох и вспыхнул в громадный пожар, угрожающий теперь самому существованию деревянной постройки, называемой «Россия», соломенную крышу которой закрывал величественный глиняный фасад, отделанный «под мрамор». Государство Кони уподоблял старушке, покупающей лотерейный билет. Руководители государства подобны игрокам, развлекающимся в салонном вагоне, едущем по пути к месту крушения. Победу кадетов Кони оценивал негативно («пролог Конвента»). Учредительное собрание ожидал как опасное мероприятие. Кони утверждал, что Витте близоруко содействовал революции. «Теперь его песенка спета окончательно». Кони крайне негативно описывал новый состав правительства, состоящий из типичных бюрократов. Он отрицал союз с октябристами (мечтают восстановить старое самодержавие), с кадетами (не доволен их склонностью к насилию) (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 823. Л. 1–2). Это письмо было одновременно прощупыванием отношений с близкой по духу группой правых либералов от крупной россий-

ской буржуазии и выражало позиции сенатора по политическим проблемам (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1407. Л. 1–7).

В упомянутом письме Е.Н. Нарышкиной (05 января 1906) Кони, говоря о будущем и прошлом России, отмечал фактическое банкротство правительства и угрозу со стороны революционных движений. Необходимо срочно проводить либеральные реформы. Кони отчетливо сознавал то положение, которое он занимал в российском обществе. Он называл себя Дон Кихотом в сфере бюрократии. Государство «думает, что наказывает меня, обходя назначениями и суетными побрякушками, то решается награждать меня». Общество же понимает роль Кони как служение и ждет от него реакции на события. Политические партии звали его в свой состав. Много писем и телеграмм просили и требовали от него высказаться на злобу дня. Кони молчал. Дело дошло до упреков. Сенатор констатировал, что «мое время пришло и мне есть что сказать». Однако события 1906 г. показали, что Кони так и не «сказал» свое слово [Кони 1968 с, с. 232–236].

Сохранилась переписка А.Ф. Кони с активными деятелями Государственной Думы и министрами – А.И. Гучковым (по законопроектам о старообрядцах, по судебной реформе), с В.В. Тенишевым, постоянным докладчиком по судебным реформам, с Н. Хвостовым (по вопросу о расширении полномочий присяжных заседателей), с И. Щегловитовым (по законопроекту об условно-досрочном освобождении) и пр. В них политики просили Кони поддержать тот или иной проект. Так как большинство законопроектов, поступавших в Госсовет в 1907–1917 гг. имели либеральную направленность – сенатор их, как правило, поддерживал (ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 905. Л. 1–3; Ф. 564. Оп. 1. Д. 1689. Л. 1–10; Д. 3399. Л. 1–7; Д. 3821. Л. 19–20).

В письме к Александре Чичериной на ее вопрос о переменах в правительстве (1914?) он давал нелицеприятную характеристику министрам предвоенного российского правительства. «Сухомлинов – разводной герой... результаты чего мы видим у него на лице, Щегловитов развратил Сенат своими назначениями..., презренный Саблер перенял от великого инквизитора [Победоносцева]... мертвящий дух» (ГАРФ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 398. Л. 53). В письме другу Н.В. Давыдову о составе правительства в 1915 г. он вновь давал негативную характеристику уходящим министрам (под давлением Госдумы). Из уходящих министров: «Сухомлинов был бездарный, себялюбивый... и вредный негодяй, и собиравший... до 40 т. р. в виде подношений. О Саблере никто жалеть не будет. В нем не было искренних чувств... это была размалеванная бюрократическая проститутка...говорящая громкие фразы... О Щегловитове мы с Вами, сохраним молчание. Хотя и ученый и трудолюбивый, он был до последнего момента “перегибателен духом...” (РО ГИМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 3. Л. 46).

События Февральской революции потрясли сенатора. 10 марта 1917 г. он пишет письмо своей

помощнице Елене Павловне (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 883. Л. 29–31) где говорит о конце России, сожалеет о низком качестве народа, переживает о своей бесцельной службе [Доманова 2015, с. 36–42]. Понимая, что все «катится» не туда, Анатолий Федорович в письмах изливает горечь разочарования русского интеллигента, понявшего, что либерализм «проваливается». Так, в письме Н.В. Давыдову 2 мая 1917 г. он сообщал: «Все стало, все замерло и лишь ликует «взбунтовавшийся раб» (по выражению Керенского). Увы! Я не могу Вам сказать ничего утешительного... Мы убиты не только в настоящем, когда наше предназначение растоптано в прах, но и в нашем прошлом, в котором весь труд, все страдания, надежды и вообще вся творческая работа произведены “в ничто”. Когда слышишь кругом в откровенной беседе, пожелание совершить насилие, как единственное средство победить надвигающуюся анархию – чувствуешь всю глубину нашего несчастья и позора. У русского человека нет чувства Отечества – и оно заменяется у него покорностью начальству и казне. Первому теперь можно безнаказанно давать в зубы, вторую растаскивать по кускам. Мое сердце старого московского студента не может примириться и с раздроблением России на самоуправляющиеся «солдатские» части...» (РО ГИМ. Ф. 202. ОП. 1. Д. 3. Л. 28–29).

Аналогичные мысли прослеживаются в письме к Пономаревой 8 июля 1917 г. «Иногда приходится позавидовать ушедшим ранее нас в тот мир, где нет ни Царского села, ни большевиков, ни Протопопова, ни Ленина, ни Распутина, ни анархистов, а есть лишь свет истины и справедливости» [Доманова 2015, с. 36–42].

В письме к Сабуровой Елизавете Владимировне (октябрь 1917 г.) он, апеллируя к памяти А.А. Сабурова

(«настоящего русского патриота») задавался вопросом «можно себе представить, что чувствовал бы он, видя расчленение и гибель России и ежедневно присутствуя при закрытии институтов, проснувшихся с народом... а исполняющий его слово («Богоносец») могущий сказать мудрое слово... В настоящем бунт «бессмысленный и беспощадный» (Пушкин), виноват николаевский узник и его супруга. Им в 1905–6 гг. говорили о будущем честные люди – и вот разоренная, вызывающая к себе презрение – Россия и оскверненный, разрушенный Зимний дворец и памятник Петра...» (ГАРФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 1309. Л. 56–57).

Заключение

Последним письмом мы подводим итог практике переписки Кони с легалистами и их женами. Переписка многое позволяет нам понять, как о самом герое, так и о его коллегах. Все они жили в напряженном ожидании «удачи» – полной реализации Уставов 1864 г., торжестве прав человека и построении справедливого государства. Одновременно они переживали постоянный пессимизм по поводу власти, интеллигенции и революционеров. С властью они не конфликтовали, будучи сами ее частью, но оценивали ее негативно. В интеллигенции разочаровались еще в 1880-е гг., революционеры же всегда воспринимали как разрушителей общества с противоположной стороны. Пессимизм, смешанный с нотками надежды, обострявшейся в 1880–1881, 1905–1906 и 1917 гг. Таково было их мироощущение. С разочарованием в народе в 1917 г. смысл движения окончательно исчез, и оно умерло не только организационно, но идейно. Вместо народа-богоносца они увидели человеко-зверя (Калибана по выражению Кони).

Материалы исследования

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Доманова 1999 – Доманова С.А. Переписка А.Ф. Кони как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. 237 с.

РО ГИМ – Рукописный отдел Государственного исторического музея г. Москвы.

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института российской литературы и искусства.

РО РНБ – Рукописный отдел Российской национальной библиотеки.

Библиографический список

Доманова 2015 – Доманова С.А. Бытовое и бытийное во взаимоотношениях врача и пациента // *Философские проблемы биологии и медицины: сборник статей*. Вып. 9. Стандартизация и персонализация. Москва, 2015. С. 36–42. URL: http://philosophy-msmsu.narod.ru/Theses/Sbornik_9.pdf.

Кодинцев, Рыбин 2019 – Кодинцев А.Я., Рыбин Д.В. Источники по истории правовой деятельности А.Ф. Кони // *Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты*. Мат-лы V межд. научно-практ. конф. Т. 2. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. С. 80–85. DOI: http://doi.org/10.47645/978-5-6042626-8-9_2019_2_80. EDN: <https://www.elibrary.ru/mddhrt>.

Кони 1968 а – Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. Письма 1868–1927. Москва, 1968. 528 с. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KONI_Anatoliy_Fedorovich/Koni_A.F._Sobranie_sochineniy_v_8_tt._T.8.\(1969\).\[djv-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KONI_Anatoliy_Fedorovich/Koni_A.F._Sobranie_sochineniy_v_8_tt._T.8.(1969).[djv-fax].zip).

Кони 1968 б – *Кони А.Ф.* Е.Н. Нарышкиной // *Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. Письма 1868–1927.* Москва, 1968. С. 232–236. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KONI_Anatoliy_Fedorovich/Koni_A.F._Sobranie_sochineniy_v_8_tt._T.8.\(1969\).\[djv-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KONI_Anatoliy_Fedorovich/Koni_A.F._Sobranie_sochineniy_v_8_tt._T.8.(1969).[djv-fax].zip).

Кони 1968 с – *Кони А.Ф.* С.Ф. Морошкину // *Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. Письма 1868–1927.* Москва, 1968. С. 99–100. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KONI_Anatoliy_Fedorovich/Koni_A.F._Sobranie_sochineniy_v_8_tt._T.8.\(1969\).\[djv-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KONI_Anatoliy_Fedorovich/Koni_A.F._Sobranie_sochineniy_v_8_tt._T.8.(1969).[djv-fax].zip).

Сашонко 1991 – *Сашонко В.Н.* А.Ф. Кони в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Ленинград: Лениздат, 1991. 303 с. URL: https://imwerden.de/pdf/sashonko_koni_v_peterburge-petrograde-leningrade_1991__ocr.pdf.

References

Domanova 2015 – *Domanova S.A.* (2015) Everyday and ontological in the relationship between the doctor and the patient. In: *Philosophical problems of biology and medicine: collection of articles. Issue 9: Standardization and personalization.* Moscow, pp. 36–42. Available at: http://philosophy-msmsu.narod.ru/Theses/Sbornik_9.pdf. (In Russ).

Kodintcev, Rybin 2019 – *Kodintcev A.Ja., Rybin D.V.* (2019) Sources on the history of legal activity A.F. Kony. In: *Modern trends in the development of private law, enforcement proceedings and methods of legal protection. Materials of the V International research and practical conference. Vol. 2.* Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii institut (filial) VGUYu (RPA Minyusta Rossii), pp. 80–85. DOI: http://doi.org/10.47645/978-5-6042626-8-9_2019_2_80. EDN: <https://www.elibrary.ru/mddhrt>. (In Russ).

Koni 1968 a – *Koni A.F.* (1968a) Collected works. In 8 volumes. Vol. 8. Letters of 1868–1927. Moscow, 528 p. Available at: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KONI_Anatoliy_Fedorovich/Koni_A.F._Sobranie_sochineniy_v_8_tt._T.8.\(1969\).\[djv-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KONI_Anatoliy_Fedorovich/Koni_A.F._Sobranie_sochineniy_v_8_tt._T.8.(1969).[djv-fax].zip). (In Russ).

Koni 1968 b – *Koni A.F.* (1968b) To E.N. Naryshkina. In: *Koni A.F. Collected works. In 8 volumes. Vol. 8. Letters of 1868–1927.* Moscow, pp. 232–236. Available at: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KONI_Anatoliy_Fedorovich/Koni_A.F._Sobranie_sochineniy_v_8_tt._T.8.\(1969\).\[djv-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KONI_Anatoliy_Fedorovich/Koni_A.F._Sobranie_sochineniy_v_8_tt._T.8.(1969).[djv-fax].zip). (In Russ).

Koni 1968 с – *Koni A.F.* (1968с) To S.F. Moroshkin. In: *Koni A.F. Collected works. In 8 volumes. Vol. 8. Letters of 1868–1927.* Moscow, P. 99–100. Available at: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KONI_Anatoliy_Fedorovich/Koni_A.F._Sobranie_sochineniy_v_8_tt._T.8.\(1969\).\[djv-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KONI_Anatoliy_Fedorovich/Koni_A.F._Sobranie_sochineniy_v_8_tt._T.8.(1969).[djv-fax].zip). (In Russ).

Sashonko 1991 – *Sashonko V.N.* (1991) A.F. Koni in Petersburg – Petrograd – Leningrad. Leningrad: Lenizdat, 303 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/sashonko_koni_v_peterburge-petrograde-leningrade_1991__ocr.pdf. (In Russ).

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-1-67-76

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.4

Дата поступления: 23.11.2022
рецензирования: 25.12.2022
принятия: 10.03.2023

Преподаватель университета в ситуации тотальной неопределенности

С.В. СоловьеваСамарский государственный университет путей сообщения, г. Самара,
Российская Федерация; Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: metaphisica2@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1642-2000>

Аннотация: Статья посвящена осмыслению трансформации профессии и миссии преподавателя университета в быстро меняющемся мире. Кризис теории человеческого капитала, рентабельность вложений в высшее образование все чаще оспариваются, что приводит к трансформации университета. Карьерная траектория профессора формируется десятилетиями, требует больших интеллектуальных, социальных и трудовых вложений, тогда как институт высшего образования находится в состоянии постоянного реформирования. Университет как институт входит в противоречие с миром неопределенности. Неустойчивость идет в разрез с установкой на долгий путь в академической карьере. Образовательный процесс консервативен по сути и связан с освоением сложной социокультурной среды. Для этого необходима стабильность институтов, а контекст равно обратный. Неопределенность порождается огромным ранжиром форм агентности, среди которых вещные агенты типа искусственного интеллекта станут конкурентами преподавателя на рынке труда. В статье поднимаются вопросы несоответствия университета и рынка профессий, университета и компетенций выпускников, влияния предпринимательства и цифровизации на профессию, преломления конфликта инвестиционной логики и «логики культуры» в академических сообществах. Сравнительный анализ статистических данных и ситуации в передовых странах и России показывает, что этот процесс имеет универсальный характер. Рассмотрение преподавателя как профессии определяет возможные способы управления и нивелирования неопределенности. «Текущая» современность делает профессию преподавателя университета несоразмерной ситуации как максимум или радикально трансформирует ее как минимум в профессиональных, социальных, этических изменениях.

Ключевые слова: преподаватель университета; неопределенность; современность; педагогическая профессия.

Цитирование. Соловьева С.В. Преподаватель университета в ситуации тотальной неопределенности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 67–76. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-67-76>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Соловьева С.В., 2023

Светлана Владимировна Соловьева – заведующая кафедрой философии и истории науки, Самарский государственный университет путей сообщения, 443066, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, 2В; профессор кафедры управления человеческими ресурсами, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 23.11.2022
Revised: 25.12.2022
Accepted: 10.03.2023

University professor in a situation of total uncertainty

S.V. Solovyova Samara State Transport University, Samara, Russian Federation;
Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: metaphisica2@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1642-2000>

Abstract: The article is devoted to the understanding of transformation of the profession and mission of a university professor in a rapidly changing world. The crisis of the theory of human capital, the return on investment in higher education is increasingly challenged, which leads to the transformation of the university. The career trajectory of a professor has been formed for decades, requires large intellectual, social and labor investments, while the institute of higher education is

in a state of constant reform. The university as an institution comes into conflict with the world of uncertainty. Instability runs counter to a long-term commitment to an academic career. The educational process is conservative in nature and is associated with the development of a complex socio-cultural environment. This requires the stability of institutions, and the context is exactly the opposite. Uncertainty is generated by a huge range of forms of agency, among which proprietary agents, such as artificial intelligence, will compete with the professor in the labor market. The article raises questions about the discrepancy between the university and the market of professions, the university and the competencies of graduates, the impact of entrepreneurship and digitalization on the profession, the refraction of the conflict between investment logic and the «logic of culture» in academic communities. Comparative analysis of statistical data and the situation in advanced countries and Russia shows that this process is universal. Consideration of the professor as a profession determines the possible ways of managing and leveling uncertainty. “Liquid” modernity makes the profession of a university professor out of proportion to the situation, at most, or radically transforms it, at least in professional, social, and ethical changes.

Key words: university professor; uncertainty; modernity; pedagogical profession.

Citation. Solovyova S.V. University professor in a situation of total uncertainty. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 67–76. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-67-76>. (In Russ.)

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Solovyova S.V., 2023

Svetlana V. Solovyova – head of the Department of Philosophy and History of Science, Samara State Transport University, 2b, Svobody Street, Samara, 443066, Russian Federation; professor of the Department of Human Resource Management, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Профессия преподавателя университета до недавнего времени относилась к одной из самых уважаемых и престижных. Преподаватели, готовящие правящие элиты, появились на заре цивилизации, но институциональное оформление в профессию затянулось на столетия. Благодаря долгому существованию в культуре содержание, объем и степень влияния на другие профессиональные сообщества существенно менялись. Специфика в том, что преподаватель не только встроен в рынок труда, но создает человеческий капитал и от качества его работы многое зависит. Замедление глобального и национального роста приводит к тому, что теории человеческого капитала, влияние образования на современное общество ставятся под сомнение [Кузьминов, Сорокин Фрумин 2019, с. 20, 23]. Не избежал этого и сектор высшего образования, где профессия преподавателя проходит все испытания, сопутствующие трансформации университета (3.0/4.0), революции 4.0 с ее тотальной сменой способа организации производства, институтов, групп, легитимностей. Особым профессиональным вызовом становится состояние постоянной неопределенности, которое сопровождается незнанием целей (ранее было незнание средств), незавершенностью, неполнотой [Бауман 2008]. Это приводит к отказу от долговременных структур, в том числе в профессии, а идея карьеры в этих обстоятельствах «кажется туманной и совершенно неуместной» [Бауман 2007, с. 128]. Ю. Хаманн, анализируя 145 процедур назначения на позицию профессора в университетах Германии (1950–1985 гг.), убедительно показал, насколько процесс легитимации и признания преподавателя-исследователя труден, а в известном смысле больше, чем просто получение «статусной позиции в организации» [Hamann 2019]. Академический мир разделился на тех, кто пытается справиться с неопределенностью во что бы ни стало, и тех, кто понимает, что бастионы стабильности и просвещения рухнули. Возникла дис-

куссия о смыслах неопределенности. Позитивные эффекты неопределенности в научной коммуникации (недостаточная, техническая, научная, согласованная) выделяют А. Густафсон и Р. Райс. Научные исследования и передача научных знаний содержат в своем существе значительную неопределенность, которую можно рассматривать и как приемлемую (высокая конкурентность, дискуссионность), и как недопустимую [Gustafson, Rice 2020]. Для рационализации состояния неопределенности исследователи Ш. Текди и Т. Авен предлагают ввести в университетские программы «науку о рисках», которая имеет как фундаментальное, так и прикладное направление [Thekdi, Aven 2021]. Идею ученых можно поддержать, но не все так однозначно, как может показаться.

Проблемное поле и предмет исследования

В XX веке в науке господствовал взгляд о значительном влиянии человеческого капитала на социальный прогресс и личное благополучие. Но замедление глобального роста приводит к тому, что рентабельность вложений в высшее образование все чаще оспаривается. Вместе с тем человек стал новым активом. Когда спрос на «продукты природы» снизился, то начал стремительно набирать силу слоган «люди – это новая нефть». Британский экономист Гай Стэндинг подсчитал, что рост стоимости обучения за 40 лет составил от 13 до 24 раз, тогда как доходы семей увеличились только в 6,5 раза, при этом качество образования заметно снизилось [Стэндинг 2014, с. 129]. В начале XXI века проблема приобретает чувствительный оттенок: стоит ли столько вкладывать в высшее образование, если оно потенциально неэффективно? Какие компетенции должны формировать преподаватели, чтобы выпускники были адекватны стремительно изменяющемуся рынку труда? Насколько нынешний преподаватель, профессор соразмерен миру неопределенности? Вопрос не праздный для университетской корпорации. Инвестиционная логика капитала трансформирует

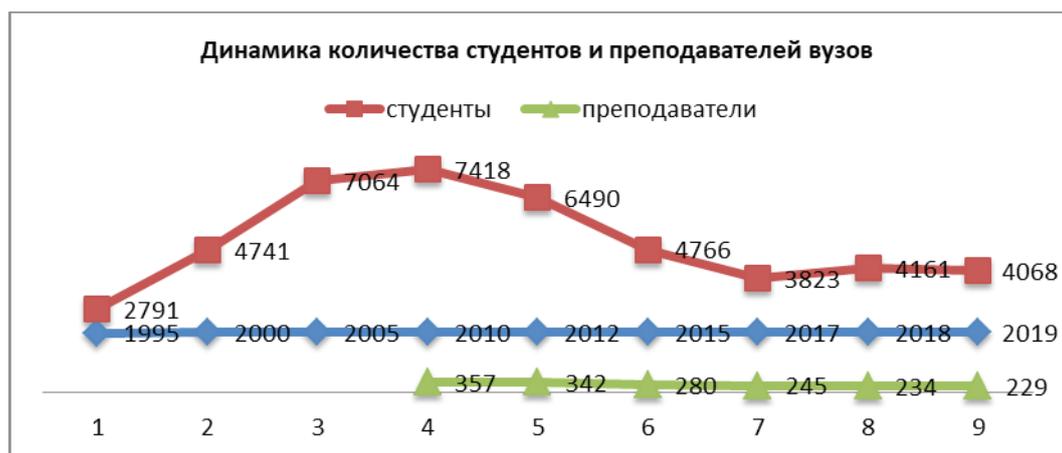

Рисунок 1 – Динамика количества студентов (за 1995–2019 гг.) и преподавателей (2010–2019 гг.) высших учебных заведений России (в тысячах)

Figure 1 – Dynamics of the number of students (for 1995–2019) and teachers (2010–2019) of higher educational institutions in Russia (in thousands)

университет и профессию преподавателя, выводя ее из-под влияния «логики культуры» (М. Бахтин, В. Библер) [Библер 1991]. Менеджерами образования создаются сценарии ответов на вызовы времени, стратегии реформирования университета по модели «предпринимательского». Рассмотрение университета в категориях «экономического блага» часто оборачивается игнорированием со стороны государства, бизнеса его социальных и культурных измерений. Репутация и престиж университета становятся разменной монетой, которая «привлекает (и удерживает) администраторов, членов профессорско-преподавательского состава, студентов и ресурсы» [Кларк 2011 а, с. 300–301]. Показательно сжатие сектора высшего образования в России. Динамика охвата высшим образованием в России за последние 25 лет составила сначала резкий рост, а затем сокращение студенческого контингента более чем на 50 %. Соразмерна и убыль профессорско-преподавательского корпуса – более 40 % за 10 лет. График (рис. 1) выстроен на базе материалов статистических сборников «Индикаторы образования» ВШЭ на основе данных Росстата [Индикаторы...].

Исследователи ВШЭ отмечают, что Россия входит в пятерку стран мира по охвату образованием, только 42-е место по «использованию эффективных трудовых практик» и 89-е – по «доступности квалифицированных кадров». Расширение охвата высшим образованием (и в России, и в мире) не ведет к росту совокупной производительности труда. Это рождает вопросы, среди них: какие компоненты человеческого капитала должен формировать университет, чтобы создавать благополучие на индивидуальном, корпоративном и национальном уровне [Кузьминов, Сорокин Фрумин 2019, с. 22]?

Рецепция неопределенности представлена на площадках научных конференций и увенчалась изданием междисциплинарной коллективной мо-

нографии «Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика» [Неопределенность... 2013], сборниками «Человек в условиях неопределенности» [Человек... 2018]. Методология синергетического анализа представлена в книге «Мир человека: неопределенность как вызов» [Мир человека... 2019]. В указанных изданиях крупные зарубежные и российские исследователи рассматривают методологические, социальные и антропологические аспекты проблемы неопределенности, делая акцент на продуктивности междисциплинарного подхода.

В центре внимания статьи – критическое осмысление института высшего образования и профессиональной траектории преподавателя в новых условиях гибкой занятости. Указанные аспекты проблематизации приводят к более точной экспликации предмета исследования – содержанию и функциям профессии преподавателя университета в ситуации неопределенности и быстро меняющегося мира, когда мир профессий, стабильность университетов претерпевают глубокую и стремительную трансформацию.

Методология

Работа выполнена на основе анализа текстов философии и социологии, управленческой литературы, критической теории современности. Привлекаемая литература представляет знания социальных и гуманитарных наук, ориентированных на растущую транс- и междисциплинарность знания, рефлексивную политизацию процессов познания. Для формирования методологической позиции автором использованы фундаментальные труды о новом капитализме (Л. Болтански, З. Баумана, Б. Кларк, Э. Кьяпелло, Г. Стендинга, Н. Срничек и др.). Специфической особенностью критической установки выступает ее известная «ангажированность», поскольку субъект, отвечающий на вопрос

«как нечто возможно», одновременно формирует «теорию действия». Методологическая позиция предполагает отказ от концепта «чистого знания» в сторону ангажированного знания, ориентированного на изменение мира.

Анализ эмпирических данных произведен на основании обращения к статическим отчетам (открытые данные «Регионы России. Социально-экономические показатели» с 2010 по 2019 г., Статистические сборники ВШЭ на основе данных Росстата «Индикаторы образования», Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования и пр.) [Индикаторы...; Информационно-аналитические материалы...].

Комплекс представленных теоретических установок и статистических данных позволяет выделить те возможности и основания, которые дают возможность соединить в исследовании экспликацию фактов и анализ устройства общества, выделение ценностей и описание возможных сценариев, программ развития профессии преподавателя в контексте «предпринимательского университета».

Неопределенность, вызовы инноваций и академическая культура управления

Поле неопределенности в высоко профессиональной среде университета формируется как под влиянием внешних факторов, так и внутренних. Важнейшим вызовом выступает mismatch («несоответствие»): структура рынка труда не коррелирует с системой профессионального образования; наличие разрыва между требованиями работодателя и уровнем квалификации работника; заметная несоразмерность навыков работников занимаемой им позиции (и вертикальный, и горизонтальный срез). Россия и мир находятся в одинаковых условиях, решая проблемы несоответствия. Большая часть ответственности за этот комплекс возложена на университеты и преподавателей. Изменение спроса на навыки (с акцентом на soft skills) привело к пересмотру пакетов программ, предлагаемых на рынке образовательных продуктов. Если европейский рецепт – наращивание бакалавриата по гуманитарным и социальным наукам, то Россия, напротив, финансирует «дорогое» образование (преимущественно инженерно-технического профиля). Данные ежегодного мониторинга эффективности деятельности вузов России показывают, что в последние 4 года процент студентов ВО, обучающихся по программам инженерного дела, математики и естественных наук, медицине, составляет интервал от 47,6 до 49,5 % [13]. При этом стремительно сокращается государственное финансирование программ по гуманитарным и социальным наукам (хотя «экономика и управление» до сих пор составляют порядка 19,6 %) [Образование в цифрах... 2020, с. 64].

Другим вызовом для высшего образования выступает проблема формирования предпринима-

тельских навыков у преподавателей и студентов. Л. Болтански, Э. Кьяпелло называли переход к сетевой форме функционирования предприятия «реинжинирингом» (reengineering). Создается сеть независимых друг от друга поставщиков, клиентов, консультантов, экспертов, где «границы предприятия практически стираются, и сама организация сводится к набору более или менее длительных контрактных отношений» [Болтански, Кьяпелло 2011, с. 148, 149150]. Найджел Трайфт, напротив, описывает процессы трансформации мягкого капитализма в метафорах танца, серфинга, культуры, коалиции. Подобно бизнес-компаниям эпохи «когнитивного капитализма» университет избирает гибкость, или такую форму, «которая могла быть соединена, демонтирована и перестроена без предупреждения» [Thrift 1997]. Текучесть, парадоксальность и даже хаотичность определяют лицо современного университета и место профессора в нем. Премьер-министр С. Берлускони прямо заявил: студенты должны знать три «i»: inglese, internet, impresa (английский язык, Интернет, предпринимательство), учиться быть «идеальными потребителями и получить рабочие места» [Стэндинг 2014, с. 126–127].

Вопрос о сквозном обучении «предпринимательских навыкам» сопровождается активной цифровизацией. Предпринимательство и технологический прогресс идут рука об руку, о чем свидетельствуют Стэнфордский университет и Кремниевая долина. Университет подобно венчурной компании формирует среду, ориентированную на изменения. Б. Кларк провел двухгодичное полевое исследование пяти европейских университетов и выделил общие черты «предпринимательского» университета: усиление направляющего ядра (a strengthened steering core); расширение периферии развития (an enhanced development periphery); диверсифицирование базы финансирования (a discretionary funding base); стимулирование академического оплота (Stimulated academic heartland); рост интегрированной предпринимательской культуры (an integrated entrepreneurial culture) [Кларк 2011 а, с. 21–22].

Новым фактором в развитии технологического рывка университетов стал капитализм платформ и экономика знания. Они радикально изменили рынок труда, структуру и содержание занятости: «Занятость становится все более гибкой, оплата труда снижается, а давление со стороны менеджмента растет» [Срничек 2019, с. 20, 32]. Бурное развитие «платформ» создает «экономику совместного потребления», освобождает человека от давления старых институтов. Искусственный интеллект приобретает все большее экономическое и социальное значение, усиливая состояние неопределенности и конкурентности в сфере преподавательского труда. Б. Латур пишет: «Мы собираемся признать полноценными акторами сущности, которые были явно *исключены* из коллективного существования в течение более ста лет социального

объяснения» [Латур 2014, с. 98]. Акторно-сетевая теория в социальных исследованиях обосновывает мысль о том, что не только человек, но и вещь, среда приобретают субъектность, становятся социальной силой. Теперь преподаватель конкурирует не только с коллегой, но и с «искусственными» акторами.

Переход на платформы и гибкие формы занятости приводит к сокращению профессуры. Образовательный процесс консервативен по сути и связан с освоением сложной социокультурной среды. Для этого необходима стабильность институтов, а контекст ровно обратный. Университет входит в противоречие с миром неопределенности. Подход к образованию как услуге и товарному производству разрушает «логику культуры», подрывает смысл профессии преподавателя и препятствует передаче неформальных знаний, подрывает существующую культуру экспертности. Вертикальные формы экспертизы внутри профессиональных сообществ преподавателей-исследователей разрушаются, больший статус придается горизонтальным формам оценивания результатов работы ученых. Д. Нестешё пишет о том, что в исторической науке растущий разрыв между поколениями в позиции «как эпистемических, так и оценочных практик» приводит к снижению влияния старших (в качестве «рыночных посредников») на постдокторском уровне росту «горизонтально структурированной» социализации ценности результатов исследований [Nästesjö 2021, p. 255]. Так молодые ученые нивелируют тот уровень неопределенности, в котором они начинают создавать свою академическую карьеру, снижая ценность вертикальных форм управления, увеличивая значимость горизонтальных форм признания.

Современный российский университет несколько десятилетий находится в состоянии реформирования. В управлении университетом до сих пор недооценена проблема «социализации инноваций», их «социального принятия» действующим профессиональным сообществом. В реальной практике управления проблема порождает конфликты в стиле: «атаковать администрацию необходимо и невозможно» (Мишель Крозье) [Croizer 1979, p. 81]. Люсиль Куртуа пишет о том, что релевантный подход в управлении университетом должен создавать условия для перехода профессионалов от «квалифицированного статуса агентов к статусу соавторов коллективных действий» [Courtois 2020]. Профессиональную вовлеченность преподавателей и сотрудников университета Л. Куртуа представила в форме «триадной модели», состоящей из трех измерений (обозначаемых S / R / C или Значение / Ориентир / Чувство контроля). Инновации, выполняя подрывную функцию, неизбежно изменяют контекст, в котором они производятся, внедряются и присваиваются, следовательно, трансформируется и наполняется новым содержанием, охватывающим S / R / C или Значение / Ориентир / Чувство кон-

троля [Courtois 2020]. Продуктивное внедрение инноваций возможно только тогда, когда произойдет их принятие изменений на всех уровнях корпорации. Это принятие подобно магме меняет ландшафт институтов, конфигурируют новых агентов и идентичности, создает значимые смыслы.

Метаморфозы профессии и функции преподавателя университета

Университетский профессор совмещал две функции – преподавание и исследование, которые требуют создания коллективов, больших интеллектуальных, социальных и трудовых затрат. Если университет не будет создавать стабильность, то профессор как этнос, его социальная функция и культурная роль могут исчезнуть. Как известно, стандартизация и ставка на эффективность приводит к сокращению издержек, любой избыточности. Технологизация контроля, дегуманизация труда и деквалификация работников ярко выражена в феномене макдональдизации (Дж. Ритцер), или внедрении менеджмента системы fast food в образование, здравоохранение, транспорт, продажи, досуг и пр. Пример – Университет Гамбургера (Hamburger University), где профессура обязана работать «согласно протоколам, разработанным факультетом по развитию персонала» [Ритцер 2011, с. 277–278]. Переход на стандартизированные протоколы – попытка превратить неопределенность в объект управления со стороны академического сообщества.

Но как стандарты и контроль помогут управлять неопределенностью? М. Фохлер, Л. Синг (Maximilian Fochler, Lisa Sigl) пишут о том, что в работе со знаниями исследователи сталкиваются с несколькими типами неопределенности: онтологической и эпистемологической, социальной (связанной с карьерой и привлечением финансирования), культурной (работа над предвосхищением неопределенности). К указанным типам неопределенности авторы предлагают добавить «предвосхищающую неопределенность», которую они определяют как «состояние неуверенности в том, будут ли исследовательские процессы продуктивными в определенный период времени и как конкретный институциональный контекст определяет результативность и качество исследовательской работы» [Fochler, Sigl 2018]. Очевидно, что стандарты и контроля недостаточно.

Профессор формируется десятилетиями. Неустойчивость идет в разрез с установкой на долгий путь в академической карьере. Профессура внутри университета постоянно конкурирует за финансирование исследовательских групп, важные публикации, должности. Подобная трансформация профессии преподавателя университета началась в XX веке М. Вебер писал о необходимости превращения науки в государственно-капиталистическое предприятие по американскому образцу при сохранении главной добродетели преподавателя – интеллектуальной честности и критического

мышления. Ныне ситуация кратко поменялась. В 2020 году в Тюмени вышла коллективная монография, посвященная этике профессора, где предстают реалии, опыт преподавателей провинциального университета. Неопределенность в деятельности профессора обнаруживает себя в ряде конфликтов: неоднозначном выборе между академической честностью и коммерческим успехом (критерии «эффективности»); потерей суверенности в условиях прекарнизации труда преподавателей; дилемме чистая репутация / эффективность работника [Этика профессора... 2020, с. 167].

Эти конфликты вышли за стены университета и обнаружили в росте «серого рынка» интеллектуальной продукции, где труд преподавателя оплачивается через репетиторство [Макеев 2019], изготовление подложных квалификационных работ Брумштейн, Снежинская 2018], производство журнала как института «фальшивой научной продукции» (особенно индексируемых). Академическая среда расслоилась, одни осуществляют прекарный труд, другие его финансируют и присваивают. Прекарнизации когнитивного труда сопротивляются преподаватели университетов по всему миру, в частности, преподаватели Польши призывают запускать новые профессиональные движения, создавать свои сценарии трансформации университета, загоризонтировать процесс «деуниверситетизации» университетов в неолиберальном обществе [Leja, Kola 2017].

Тенденция снижения роли профессора в университетской корпорации нарастает последние десятилетия. Вестниками стали такие феномены, как проект Open Courseware Consortium (Массачусетский технологический институт, 2005), или доступные в iTunes лекции преподавателей топовых университетов мира. Ситуация доходит до абсурда: народный университет (University of the People) дает возможность получить «диплом бакалавра без помощи преподавателей, посредством так называемого взаимного обучения: студенты учатся не у преподавателей, а у таких же студентов, обмениваясь вопросами и ответами в режиме онлайн» [Стэндинг 2014, с. 125–126]. Есть ли будущее у профессии преподавателя высшей школы и какое место она занимает в экономике будущего? Трансформация будет связана с ростом цифры. Оксфорд опубликовал исследование о влиянии компьютеризации на рабочие места, проанализировал 702 профессии с использованием классификатора процессов Гаусса и пришел к выводу, что риску подвержено около 47 % общей занятости в США [Frey, Osborne 2013]. Ф. Фоссен и А. Зоргнер более позитивны: структура занятости меняется постепенно, соединяет в себе деструктивные и трансформирующие эффекты [Фоссен, Зоргнер 2019]. Чем выше уровень автоматизации деятельности, тем выше риск «замещения». Профессия преподавателя университета имеет сильный трансформирующий эффект.

Меняется содержание понятия и института «профессия». Квалификационные требования заменяются гибким набором компетенций специалиста. Композиция компетенций постоянно пересматривается под запросы рынка труда, трудовая деятельность специалистов организуется по принципу гибких карьерных траекторий. Возможные сценарии кадровых политик в условиях цифровизации университета:

- 1) Сокращение штата, найм других преподавателей;
- 2) Систематическая переподготовка существующих работников;
- 3) «Пересборка» портфеля компетенций с акцентом на «мягкие»;
- 4) Внедрение новой бизнес-модели коворкинга (coworking space) [Краузе 2019] как модели гибкой занятости в «открытом пространстве» университета.

Внедрение гибких форм занятости, прекарнизация преподавательского труда, разработка сценариев кадровой политики приводят к сопротивлению части академического сообщества и призывам бросить вызов процессу либерализации через новые профессиональные движения, альтернативные проекты трансформации университета.

Заключение

Современный мир погрузился в производство и управление неопределенностью, поскольку последствием инновационной проективной деятельности выступает «восприятие в общественном сознании неопределенности как вызова». И.А. Герасимова пишет о том, что широкое исследование неопределенности в философии, науке и управлении приводит к повышению внимания и значимости в сфере «когнитивных проблем коллективного мышления» и «личностных начал творчества» [Герасимова 2020]. В настоящее время ведущим средством нивелирования, сглаживания неопределенности в системе высшего образования, здравоохранения, науки, государства выступает опора на стандартизацию, количественную методологию и информационные технологии. Фокусирование и опора на «цифру» (числовые показатели и digital) в сфере образования была точно определена как «экономический позитивизм» [Алексеев, Алексеева 2015] или «псевдоэкономический позитивизм»: «Особый тип мировоззрения, ориентированный на описание и оценку всех (или почти всех) важнейших сфер жизни общества на основе точно определяемых, проверяемых и/или имеющих числовое выражение показателей, соотносимых прямо или косвенно с объемами материальных или финансовых средств» [Алексеева 2016, с. 91].

Как профессиональные сообщества могут отвечать на неолиберализм и цифровизацию, которые проблематизируют традиционную миссию и функции преподавателя в обществе? В настоящее время под сомнение поставлена реализация важнейших функций преподавателя: трансляция научного знания в образовательном процессе;

производство нового научного знания; моральное лидерство; способность жить в широком поле культуры, преодолевать узкие рамки профессионализма. Полагаем, что рефлексия профессиональной идентичности, рост солидарности в условиях трансформации рынка труда, ориентация на интересы разных профессиональных групп позволит ввести новую функцию в профессиональный «габитус» преподавателя университета – функцию институционального предпринимательства. Это трансформирует все рутинные практики в образовании, исследовании, социальном продвижении университета, просвещении. В настоящее время

все академические сообщества находятся в одинаковом положении – в поисках наиболее адекватных форм преодоления профессиональной, организационной, этической неопределенности. Патрик Асперс предлагает и обосновывает такие формы снижения неопределенности, как решение, оценка, конкурс / состязание (decision, valuation, and contest) [Aspers 2018]. Если нет консенсуса в области фундаментальных принципов и оснований, то необходимо возрастает роль личной ответственности и таланта, тем более профессия преподавателя университета всегда относилась в одной из самых престижных и уважаемых в мире.

Библиографический список

- Aspers 2018 – *Aspers P.* Forms of uncertainty reduction: decision, valuation, and contest // *Theory and Society*, 2018, vol. 47, issue 2, pp. 133–149. DOI: <http://doi.org/10.1007/s11186-018-9311-0>.
- Courtois 2020 – *Courtois L.* (2020) Innover dans le champ de l'administration universitaire: quels effets sur la dynamique de l'implication professionnelle? // *Éducation et socialisation*, 2020, no. 55. DOI: <http://doi.org/10.4000/edso.8787>.
- Crozier 1979 – *Crozier M.* (1979) *On ne change pas la société par décret*. Paris: Bernard Grasset, 1979. 298 p.
- Fochler, Sigl 2018 – *Fochler M., Sigl L.* (2018) Anticipatory Uncertainty: How Academic and Industry Researchers in the Life Sciences Experience and Manage the Uncertainties of the Research Process Differently // *Science as Culture*, vol. 27, issue 3, pp. 349–374. DOI: <http://doi.org/10.1080/09505431.2018.1485640>.
- Frey, Osborne 2013 – *Frey C.B., Osborne M.A.* (2013) The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? September 17, 2013. Published by the Oxford Martin Programme on Technology and Employment, 2013, pp. 1–79. URL: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf (accessed 15.03.2021).
- Gustafson, Rice 2020 – *Gustafson A., Rice R.E.* A review of the effects of uncertainty in public science communication // *Public Understanding of Science*. 2020. Vol. 29, issue 6. P. 614–633. DOI: <http://doi.org/10.1177/0963662520942122>.
- Hamann 2019 – *Hamann J.* The making of professors: Assessment and recognition in academic recruitment // *Social Studies of Science*. 2019. Vol. 49, issue 6, P. 919–941. DOI: <http://doi.org/10.1177/0306312719880017>.
- Leja, Kola 2017 – *Leja K., Kola A.M.* The Future of the University? Social Activism among Young Polish Scholars // Michał Izak, Monika Kostera, Michał Zawadzki (Eds.) *The Future of University Education*. 2017. P. 123–144. DOI: http://doi.org/10.1007/978-3-319-46894-5_7.
- Nästesjö 2021 – *Nästesjö J.* Navigating Uncertainty: Early Career Academics and Practices of Appraisal Devices // *Minerva*. 2021. Vol. 59, issue 4. P. 237–259. DOI: <http://doi.org/10.1007/s11024-020-09425-2>.
- Thekdi, Aven 2021 – *Thekdi S.A., Aven T.* Risk Science in Higher Education: The Current and Future Role of Risk Science in the University Curriculum // *Risk Analysis*. 2021. Vol. 41, issue 12. P. 2322–2335. DOI: <http://doi.org/10.1111/risa.13748>.
- Thrift 1997 – *Thrift N.* The rise of soft capitalism // *Cultural Values*. 1997. Vol. 1, issue 1. P. 29–57. DOI: <http://doi.org/10.1080/14797589709367133>.
- Алексеев, Алексеева 2015 – *Алексеев А.П., Алексеева И.Ю.* Экономический позитивизм и будущее науки // *Философия науки и техники*. 2015. Т. 20, № 1. С. 169–190. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23944063>. EDN: <https://elibrary.ru/udzecz>.
- Алексеева 2016 – *Алексеева И.Ю.* Информационное общество и НБИКС-революция. Москва: ИФ РАН, 2016. 196 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30785734>. EDN: <https://elibrary.ru/zxrugx>.
- Бауман 2008 – *Бауман З.* *Текущая современность I* пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 240 с. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/politologija/bauman_z_tekuchaja_sovremennost/21-1-0-2379.
- Библер 1991 – *Библер В.С.* От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в XXI век. Москва: Политиздат, 1991. 413 с. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/kulturologija/bibler_v_s_ot_naukouchenija_k_logike_kultury_dva_filosofskikh_vvedenija_v_dvadcat_pervyj_vek/16-1-0-1042.
- Болтански, Кьяпелло 2011 – *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма / пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 976 с. URL: https://vk.com/wall-68638203_1524.
- Брумштейн, Снежинская 2018 – *Брумштейн Ю.М., Снежинская Е.Ю.* Российский рынок заказных диссертаций в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // *Вестник Евразийской науки*. 2018. Т. 10, № 1. С. 5. URL: <https://esj.today/PDF/72ECVN118.pdf> (дата обращения: 07.07.2022); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34918745>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uoxcqo>.

Герасимова 2020 – *Герасимова И.А.* Неопределенность в познании и в социальных практиках // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 56, № 4, С. 8–20. DOI: <http://doi.org/10.5840/eps201956462>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jildux>.

Индикаторы... – *Индикаторы* образования. Статистический сборник ВШЭ на основе данных Росстата. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/io> (дата обращения 01.07.2022).

Информационно-аналитические материалы... – *Информационно-аналитические материалы* по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_vpo/inst.php?id=10000050 (дата обращения: 31.06.2022).

Кларк 2011 а – *Кларк Б.Р.* Поддержание изменений в университетах. Преемственность кейс-стади и концепций / пер. с англ. Е. Степкиной. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. 312 с. URL: <https://id.hse.ru/data/2011/11/01/1269338627/08.pdf>.

Кларк 2011 б – *Кларк Б.Р.* Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации/пер. сангл. А. Смирнова. Москва: ВШЭ, 2011. 240 с. URL: https://id.hse.ru/data/2019/08/22/1536930156/Кларк_Создание_предприн.унив._сайт.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20121382>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qyifpb>.

Краузе 2019 – *Краузе И.* Коворкинг как модель занятости будущего // Форсайт. 2019. Т. 13. № S2. С. 52–60. DOI: <http://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.52.60>. EDN: <https://www.elibrary.ru/drutbc>.

Кузьминов, Сорокин, Фрумин 2019 – *Кузьминов Я., Сорокин П., Фрумин И.* Общие и специальные навыки как компоненты человеческого капитала: новые вызовы для теории и практики образования // Форсайт. 2019. Т. 13, № 2. С. 19–41. DOI: <http://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.19.41>.

Латур 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с. URL: https://id.hse.ru/data/2014/02/24/1331207213/Латур_%20текст_%20сайт.pdf; https://vk.com/doc5787984_493837555?hash=FeVIW9GbmFch3FyzByHZF6LGOk8s2YrISzTrux0TohL&dl=pjo4EPZx4ggZjs1ZnDUjt2ItcWWU18cxdwvPLcqIZL.

Макеев 2019 – *Макеев П.А.* Репетиторство в России: описание явления на основе онлайн-платформ // Журнал институциональных исследований. 2019. Т. 11, № 4, С. 106–120. DOI: <http://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.4.106-120>.

Мир человека... 2019 – *Мир человека: неопределенность как вызов* / отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова; предисл. С.Н. Корсакова и М.И. Фроловой. Москва: ЛЕНАНД, 2019. 520 с. URL: https://iphras.ru/uplfile/rusph/articles/kors_mir-cheloveka_2.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=41408603>. EDN: <https://elibrary.ru/kscvfy>.

Неопределенность... 2013 – *Неопределенность как вызов*. Медиа. Антропология. Эстетика: коллективная монография / под ред. Кристофа Вульфа и Валерия Савчука. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2013. 245 с. URL: <https://www.fb2portal.ru/savchuka-v/neopredelennost-kak-vyzov>.

Образование в цифрах... 2020 – *Образование в цифрах: 2020: краткий статистический сборник* / Л.М. Гохберг, О.К. Озерова, Е.В. Саутина, Н.Б. Шугаль. Москва: НИУ ВШЭ, 2020. 120 с. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/os2020>.

Ритцер 2011 – *Ритцер Дж.* Макдональдизация общества 5 / пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. ст. Т.А. Дмитриева. Москва: Праксис, 2011. 593 с. URL: <https://djvu.online/file/5HyP6wfasgnON>.

Срничек 2019 – *Срничек Н.* Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с. URL: https://kyrgsoc.org/books/srnichek_platform_capitalism.pdf.

Стэндинг 2014 – *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с. URL: <https://www.rulit.me/books/prekariat-novyj-opasnyj-klass-read-402184-1.html>.

Фоссен, Зоргнер 2019 – *Фоссен Ф., Зоргнер А.* Будущее труда: деструктивные и трансформационные эффекты цифровизации // Форсайт. 2019. Т. 13, № S2. С. 10–18. DOI: <http://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.10.18>. EDN: <https://elibrary.ru/tynqzt>.

Человек... 2018 – *Человек в условиях неопределенности: сборник научных трудов: в 2 т.* / под общ. и науч. ред. Е.В. Бакшутовой, О.В. Юсуповой, Е.Ю. Двойниковой. Самара: СГТУ, 2018. Т. 1. 270 с. URL: https://samgtu.ru/uploads/chelovek_v_usloviyah_neopredelennosti_samgtu_tom_1.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=35531187>. EDN: <https://elibrary.ru/xyaprkx>.

Этика профессора... 2020 – *Этика профессора*. Опыт коллективной рефлексии: коллективная монография / под ред. В.И. Бакштановского; сост. М.В. Богданова. Тюмень: ТИУ, 2020. 232 с. URL: <https://www.tyuiu.ru/wp-content/uploads/2018/01/Monografiya-ETIKA-PROFESSORA.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=44465471>. EDN: <https://elibrary.ru/sphoqr>.

References

Aspers 2018 – *Aspers P.* (2018) Forms of uncertainty reduction: decision, valuation, and contest. *Theory and Society*, vol. 47, issue 2, pp. 133–149. DOI: <http://doi.org/10.1007/s11186-018-9311-0>.

Courtois 2020 – *Courtois L.* (2020) Innover dans le champ de l'administration universitaire: quels effets sur la dynamique de l'implication professionnelle? *Éducation et socialisation*, no. 55. DOI: <http://doi.org/10.4000/edso.8787>.

- Crozier 1979 – Crozier M. (1979) *On ne change pas la société par décret*. Paris: Bernard Grasset, 298 p.
- Fochler, Sigl 2018 – Fochler M., Sigl L. (2018) Anticipatory Uncertainty: How Academic and Industry Researchers in the Life Sciences Experience and Manage the Uncertainties of the Research Process Differently. *Science as Culture*, vol. 27, issue 3, pp. 349–374. DOI: <http://doi.org/10.1080/09505431.2018.1485640>.
- Frey, Osborne 2013 – Frey C.B., Osborne M.A. (2013) The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? September 17, 2013. Published by the Oxford Martin Programme on Technology and Employment, pp. 1–79. Available at: <https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/future-of-employment.pdf> (accessed 15.03.2021).
- Gustafson, Rice 2020 – Gustafson A., Rice R.E. (2020) A review of the effects of uncertainty in public science communication. *Public Understanding of Science*, vol. 29, issue 6, pp. 614–633. DOI: <http://doi.org/10.1177/0963662520942122>.
- Hamann 2019 – Hamann J. (2019) The making of professors: Assessment and recognition in academic recruitment. *Social Studies of Science*, 2019, vol. 49, issue 6, pp. 919–941. DOI: <http://doi.org/10.1177/0306312719880017>.
- Leja, Kola 2017 – Leja K., Kola A.M. (2017) The Future of the University? Social Activism among Young Polish Scholars. In: Michal Izak, Monika Kostera, Michal Zawadzki (Eds.) *The Future of University Education*, pp. 123–144. DOI: http://doi.org/10.1007/978-3-319-46894-5_7.
- Nästesjö 2021 – Nästesjö J. (2021) Navigating Uncertainty: Early Career Academics and Practices of Appraisal Devices. *Minerva*, vol. 59, issue 4, pp. 237–259. DOI: <http://doi.org/10.1007/s11024-020-09425-2>.
- Thekdi, Aven 2021 – Thekdi S.A., Aven T. (2021) Risk Science in Higher Education: The Current and Future Role of Risk Science in the University Curriculum. *Risk Analysis*, 2021, vol. 41, issue 12, pp. 2322–2335. DOI: <http://doi.org/10.1111/risa.13748>.
- Thrift 1997 – Thrift N. (1997) The rise of soft capitalism. *Cultural Values*, vol. 1, issue 1, pp. 29–57. DOI: <http://doi.org/10.1080/14797589709367133>.
- Alekseev, Alekseeva 2015 – Alekseev A.P., Alekseeva I.Yu. (2015) Economical positivism and the future of science. *Philosophy of Science and Technology*, vol. 20, no. 1, pp. 169–190. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23944063>. EDN: <https://elibrary.ru/udzecz>. (In Russ.)
- Alekseeva 2016 – Alekseeva I.Yu. (2016) Information society and NBICS-revolution. Moscow: IF RAN, 196 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30785734>. EDN: <https://elibrary.ru/zxrugx>. (In Russ.)
- Bauman 2008 – Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. Translation from English under the editorship of Asochakov Yu.V. Saint Petersburg: Piter, 240 p. Available at: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/politologija/bauman_z_tekuchaja_sovremennost/21-1-0-2379. (In Russ.)
- Bibler 1991 – Bibler V.S. (1991) *From epistemology to the logic of culture: Two philosophical introductions to the XXI century*. Moscow: Politizdat, 413 p. Available at: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/kulturologija/bibler_v_s_ot_naukouchenija_k_logike_kultury_dva_filosofskikh_vvedeniya_v_dvadcat_pervyj_vek/16-1-0-1042. (In Russ.)
- Boltanski, Chiapello 2011 – Boltanski L., Chiapello E. (2011) *New spirit of capitalism*. Translation from French under the general editorship of Fokin S. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 976 p. Available at: https://vk.com/wall-68638203_1524. (In Russ.)
- Brumshteyn, Snezhinskaya 2018 – Brumshteyn Yu.M., Snezhinskaya E.Yu. (2018) The Russian market of custom theses in the conditions of information and telecommunication technologies development. *Bulletin of Eurasian Science*, vol. 10, no. 1, p. 5. Available at: <https://esj.today/PDF/72ECVN118.pdf> (accessed 07.07.2022); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34918745>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uoxcqo>. (In Russ.)
- Gerasimova 2020 – Gerasimova I.A. (2020) Uncertainty in cognition and in social practice. *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 56, no. 4, pp. 8–20. DOI: <http://doi.org/10.5840/eps201956462>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jildux>. (In Russ.)
- Indicators... – *Indicators of education*. Statistical compendium of the Higher School of Economics based on Rosstat data. Available at: <https://www.hse.ru/primarydata/io> (accessed 01.07.2022). (In Russ.)
- Information and analytical materials... – *Information and analytical materials* based on the results of monitoring the effectiveness of the activities of educational institutions of higher education. Available at: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_vpo/inst.php?id=10000050 (accessed 31.06.2022). (In Russ.)
- Clark 2011 a – Clark B.R. (2011a) *Sustaining Change in Universities. Continuities in Case Studies and Concepts*. Translation from English by Stepkina E. Moscow: Izdatel'skii dom NIU VShE, 314 p. Available at: <https://id.hse.ru/data/2011/11/01/1269338627/08.pdf>. (In Russ.)
- Clark 2011 b – Clark B.R. (2011b) *Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation*. Translation from English by Smirnov A. Moscow: VShE, 240 p. Available at: https://id.hse.ru/data/2019/08/22/1536930156/Кларк_Создание_предприн.унив._сайт.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20121382>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gyifpb>. (In Russ.)
- Krause 2019 – Krause I. (2019) Coworking spaces: windows to the future of work? Changes in the organizational model of work and the attitudes of the younger generation. *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no. S2, pp. 52–60. DOI: <http://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.52.60>. EDN: <https://www.elibrary.ru/drutbc>. (In Russ.)

- Kuzminov, Sorokin, Froumin 2019 – *Kuzminov Ya., Sorokin P., Froumin I.* (2019) Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice. *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no 2, pp. 19–41. DOI: <http://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.19.41>. (In Russ.)
- Latour 2014 – *Latour B.* (2014) *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. Translation from English by Polonskaya I.; Gavrilenko S. (Ed.). Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 384 p. Available at: <https://id.hse.ru/data/2014/02/24/1331207213/Латур%20текст%20сайт.pdf>; https://vk.com/doc5787984_493837555?hash=FeVIW9GbmFch3FyzByHZF6LGOk8s2YrISzTrux0TohL&dl=pjo4EPZx4ggZjs1ZnDUjt2IteWWU18cxdwvPLcqcIZL. (In Russ.)
- Makeev 2019 – *Makeev P.A.* (2019) Private tutoring in Russia: description of the phenomenon based on online platforms. *Journal of Institutional Studies*, vol. 11, issue 4, pp. 106–120. DOI: <http://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.4.106-120>. (In Russ.)
- Human world... 2019 – *Belkina G.L. (Ed.)* (2019) *Human world: uncertainty as a challenge*. Compiling editor Frolova M.I. Foreword by Korsakov S.N. and Frolova M.I. Moscow: LENAND, 520 p. Available at: https://iphras.ru/uplfile/rusph/articles/kors_mir-cheloveka_2.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=41408603>. EDN: <https://elibrary.ru/kscvfy>. (In Russ.)
- Uncertainty... 2013 – *Christoph Wolf, Savchuk V.* (Eds.) (2013) *Uncertainty as a challenge*. Media. Anthropology. Aesthetics: multi-authored monograph. Saint Petersburg: Izd-vo RKhGA, 245 p. Available at: <https://www.fb2portal.ru/savchuka-v/neopredelennost-kak-vyzov/>. (In Russ.)
- Education in numbers... 2020 – *Gokhverg L.M., Ozerova O.K., Sautina E.V., Shugal N.B.* (2020) *Education in numbers: 2020: brief statistical collection*. Moscow: NRU HSE, 2020. 120 p. Available at: <https://www.hse.ru/primarydata/oc2020>. (In Russ.)
- Ritzer 2011 – *Ritzer G.* (2011) *The McDonaldization of Society 5*. Translation from English by Lazarev A.V.; introductory article by Dmitrieva T.A. Moscow: Praxis, 593 p. Available at: <https://djvu.online/file/5HyP6wfasgnON>. (In Russ.)
- Srnicek 2019 – *Srnicek N.* (2019) *Platform Capitalism*. Translated from English and scientific editorship by Dobryakova M. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 128 p. Available at: https://kyrgsoc.org/books/srnicek_platform_capitalism.pdf. (In Russ.)
- Standing 2014 – *Standing G.* (2014) *The Precariat: The New Dangerous Class*. Moscow: Ad Marginem Press, 328 p. Available at: <https://www.rulit.me/books/prekariat-novyy-opasnyj-klass-read-402184-1.html>. (In Russ.)
- Fossen, Sorgner 2019 – *Fossen F., Sorgner A.* (2019) Mapping the Future of Occupations: Transformative and Destructive Effects of New Digital Technologies on Jobs. *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no. S2, pp. 10–18. DOI: <http://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.10.18>. EDN: <https://elibrary.ru/tynqzt>. (In Russ.)
- Human being... 2018 – *Bakshutova E.V., Yusupova O.V., Dvoynikova E.Yu. (Eds.)* (2018) *Human being in conditions of uncertainty: collection of scientific papers in 2 vols*. Samara: SGTU, vol. 1, 270 p. Available at: https://samgtu.ru/uploads/chelovek_v_usloviyah_neopredelennosti_samgtu_tom_1.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=35531187>. EDN: <https://elibrary.ru/xyapkx>. (In Russ.)
- Ethics of the professor... 2020 – *Bakhtanovsky V.I. (Ed.)* (2020) *Ethics of the professor*. Experience of collective reflection: multi-authored monograph; compiler Bogdanov M.V. Tyumen: TIU, 232 p. Available at: <https://www.tyuiu.ru/wp-content/uploads/2018/01/Monografiya-ETIKA-PROFESSORA.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=44465471>. EDN: <https://elibrary.ru/sphoqr>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.14

Дата поступления: 18.11.2022
рецензирования: 20.12.2023
принятия: 10.03.2023

Безопасное педагогическое общение: этико-речевой аспект

Е.Ю. Сысоева

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: giperium@mail.ru. ORCID: <https://ORCID.org/0000-0003-1855-9462>

Аннотация: В статье проанализированы приоритеты педагогического общения в условиях гуманистической парадигмы образования. Одной из значимых характеристик педагогического общения является ненасильственный характер педагогического взаимодействия. Фрустрированность в межличностных отношениях, эмоциональное неблагополучие, недостаточный уровень развития профессионального самосознания и рефлексии приводят к использованию насильственных форм коммуникации в педагогическом процессе. Педагогическое насилие является нецелесообразным способом властного отношения педагога к воспитаннику, сопровождающегося различными формами проявления враждебности и агрессии, что противоречит этике и безопасности педагогического общения. Доказывается необходимость совершенствования коммуникативной компетентности и эмоциональной культуры педагога как необходимых средств обеспечения гуманитарно адекватных педагогических отношений. Описаны параметры безопасного педагогического общения: выстраивание доверительных и диалогичных отношений с воспитанником; ассертивный тип поведения; использование технологии ненасильственного общения, четких формул речевого педагогического этикета, техник конструктивного критического замечания, техник снижения эмоционального напряжения.

Ключевые слова: гуманизация образования; педагог; педагогическое общение; безопасное общение; ненасильственное общение; партнерство; доверие; ассертивность; речевой этикет.

Цитирование. Сысоева Е.Ю. Безопасное педагогическое общение: этико-речевой аспект. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 77–82. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-77-82>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сысоева Е.Ю., 2023

Елена Юрьевна Сысоева – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.11.2022
Revised: 20.12.2023
Accepted: 10.03.2023

Safe pedagogical communication: ethical and speech aspect

E.Yu. Sysoeva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: giperium@mail.ru. ORCID: <https://ORCID.org/0000-0003-1855-9462>

Abstract: The article analyses the orientation and priorities of pedagogical communication in the conditions of humanistic paradigm of education. One of the main characteristics of pedagogical communication is the non-violent nature of pedagogical interaction. Frustration in interpersonal relations, emotional distress, insufficient level of professional self-awareness and reflection lead to the use of violent forms of communication in the pedagogical process. Pedagogical violence is a misplaced emphasis on the attitude of authority of the teacher towards the pupil. Also, it is accompanied by various forms of hostility, aggression and runs counter to the ethics and safety of pedagogical communication. The article proves the necessity of improvement of communicative competence and emotional culture of the teacher as necessary means of ensuring humanitarian adequate pedagogical relations. In addition, it describes the parameters of safe pedagogical communication: the building of trusting and dialogue relations with the pupil, insensitive behavior, the use of non-violent communication technology, clear formulas of speech pedagogical etiquette, technique of constructive critical remark, reduction of emotional tension.

Key words: humanization of education; pedagogue; pedagogical communication; safe communication; non-violent communication; partnership; trust; insensitivity; speech etiquette.

Citation. Sysoeva E.Yu. Safe pedagogical communication: ethical and speech aspect. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 77–82. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-77-82>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Sysoeva E.Yu., 2023

Elena Yu. Sysoeva – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Педагогу в гуманистически ориентированном образовании принадлежит исключительно важная роль – оказание помощи и поддержки обучающемуся в сложном процессе «самообретения», «самоопределения», «саморазвития», раскрытия его потенциала. В современном образовательном пространстве большую значимость приобретает гуманитарная компетентность (адекватность) педагога как способность видеть, слышать, принимать и понимать субъективную реальность личности обучающегося; как умение разрешать противоречие между невмешательством во внутренний мир обучающихся и позитивным влиянием на их ценностно-смысловую сферу. Гуманитарные и этические смыслы педагогического общения соотносятся с целостным восприятием человека и реализацией идей «культуры достоинства» (А.Г. Асмолов); «педагогика поддержки» (О.С. Газман); «педагогика нежности» (Г.Е. Щуркова); «педагогика многообразия» (М.Н. Певзнер и П.А. Петряков, И.А. Ушанова); «педагогика понимания» (Ю.В. Сенько); «педагогика любви» (Г.Н. Волков); «педагогика диалога» (М.М. Бахтин, В.С. Библер, С.В. Белова, В.В. Горшкова), «педагогика толерантности» (М.А. Перепелицына).

Гуманизация образования направлена прежде всего на гуманизацию педагогических отношений, смысловую переориентацию образовательных целей; на работу с человеком и его различными свойствами; на «актуализацию человеческих качеств» личности воспитанника (И.А. Колесникова); на формирование нового типа профессионального мышления и поведения педагога, предполагающего личностно-гуманную центрацию, владение стратегиями и тактиками безопасного и эффективного педагогического общения. Современному педагогу важно находиться в поиске путей адекватного взаимодействия с воспитанником как со значимым Другим в условиях ценностно-смыслового многообразия, сопутствовать движению «навстречу многомерной сложности субъективного мира человека», способствовать сохранению психического здоровья субъектов образовательной среды.

Степень разработанности проблемы

Одним из ведущих параметров педагогического общения в гуманистической образовательной парадигме является ненасильственный характер педагогического взаимодействия. Понятие ненасильственного педагогического общения требует определения содержательных характеристик и форм психологического насилия в образовательной среде. Недостаточный уровень самосознания и неразвитая рефлексия педагога приводят к достижению педагогических результатов через ис-

пользование насилия в педагогическом процессе, что противоречит гуманистической природе и культуросообразному характеру педагогической деятельности. Проблеме изучения причин проявления и преодоления насилия в образовательном пространстве посвящены исследования И.А. Бaeвой Е.Ф. Быковской В.Н. Ганузина, Е.П. Ильина, Е.А. Ковалевой, В.Р. Петросянц и др. Психологическое насилие в процессе взаимодействия – это физическое, психическое, духовное (социально организованное) воздействие на человека, которое понижает его нравственный, психический (т. е. моральный, коммуникативный) и жизненный статус (в том числе правовой, социальный), причиняя ему физические, душевные и духовные страдания, а также угроза такого воздействия [Баева, Волкова, Лактионова 2002].

Педагогическое насилие является разновидностью властных отношений в системе «педагог – воспитанник». Оказание образовательных услуг предусматривает сознательную передачу родителями некоторых прав и решений педагогу с целью достижения определенных образовательных целей. Педагогическое насилие имеет легитимный характер в образовательной практике: педагоги считают, что они имеют право любыми способами достигать образовательных и воспитательных результатов. Кроме того, отношения в педагогической деятельности могут быть интерпретированы как разновидность господства и власти через прямое принуждающее воздействие [Ковалева 2016, с. 49]. Многие исследователи феномена насилия связывают его именно с принуждением, что обусловлено характером учебно-воспитательного процесса. Власть педагога над воспитанниками не должна сопровождаться агрессией, унижениями и злоупотреблением данными ему правами воздействия.

Формами психологического насилия являются: психологические воздействия (угрозы, унижения, оскорбления, чрезмерные требования, запреты на поведение и переживание, негативное оценивание, фрустрация основных нужд и потребностей); психологические взаимодействия (доминантность, непредсказуемость, непоследовательность, неадекватность, безответственность) [Баева 2009]. Наиболее распространенным результатом педагогического насилия оказывается потеря учебной вовлеченности и отчуждение обучающихся от учебной деятельности, их невротизация.

Альтернативой насильственному педагогическому взаимодействию является безопасное педагогическое общение, обеспечивающее эффективную учебную деятельность и гармонизацию межличностных отношений субъектов образовательного процесса.

Параметры безопасного педагогического общения

Ненасильственный характер педагогического общения предполагает определение четких характеристик безопасной образовательной среды. Психологическая безопасность образовательного процесса – это состояние защищенности учащегося от угроз его достоинству, душевному благополучию, позитивному мировосприятию и самоотношению [Баева 2002]. Выделяются компоненты безопасной образовательной среды: отказ от психологического насилия в педагогическом взаимодействии; референтная значимость образовательной среды; удовлетворенность потребности в личностно-доверительном общении (становление отношений искренности и подлинности в системах «ученик-ученик», «педагог-ученик», «педагог-администрация»); сотрудничество, диалог. Исследователи подчеркивают важность такого параметра безопасности, как: защищенность от психологического насилия во взаимодействии (Непрокина, Болотникова, Ошкина 2012),

Ненасильственное общение – это недопущение насилия ни в физической, ни в духовной форме, ни в сфере выбора форм поведения, ни в сфере норм и правил общения [Сафьянов 1997]. Ненасильственное педагогическое общение предполагает использование педагогом определенных ненасильственных стратегий, тактик и техник взаимодействия в коммуникативной деятельности, направленных на достижение определенной педагогической цели и сохранение психологического благополучия и целостности личности обучающегося. Исследователи В.Г. Маралов, В.А. Ситаров считают, что условиями развития ненасильственных отношений субъектов коммуникации являются: развитие способности к ненасильственному отношению к себе; осознание уровня своей расположенности к людям; развитие способности к принятию других людей, способности к выбору действий, которые несут в себе наименьший заряд принуждения [Маралов, Ситаров 2015].

Выбор стратегий и тактик речевого поведения педагога соизмерим с культурно-гуманистической функцией педагогической деятельности. Разработанная М. Розенбергом концепция ненасильственного общения ориентирует на взаимопонимание в эмоционально напряженных ситуациях взаимодействия проявлением эмпатии, избеганием оценивания, требований и критики. Именно просьба, а не требование позволяет сохранить за партнером коммуникативную свободу и возможность выбора действий [Розенберг 2009]. Технология ненасильственного общения позволяет уйти от оценки действий партнера к описанию действий. Почтительно-бережная форма обращения к обучающемуся дает возможность не только достичь цели, сохранив баланс отношений в коммуникации, снизить эмоциональное напряжение, добиваясь лучшего самораскрытия и обеспечивая адекватную обрат-

ную связь и развитие субъектности обучающегося, его рефлексивных умений.

Исследователи А.К. Маркова, Л.М. Митина, Г.Б. Скок доказывают, что эмоционально богатый педагог, владеющий приемами вербального и невербального проявления чувств и целенаправленно применяющий их в общении с обучающимися, оживляет занятие, делает его эмоциональным и соответствующим естественному общению. Умение педагога вызвать положительные эмоциональные переживания у воспитанников (радость, интерес и удивление), способствует созданию благоприятного психологического климата в аудитории и эффективности процесса обучения и воспитания (Митина, Митин, Анисимова 2020).

Овладение технологией ненасильственного общения («язык жирафа» – метафора М. Розенберга) имеет значение для профессионального развития педагога, так как характер и содержание педагогической деятельности часто приводят к возникновению общепедагогических деформаций: категоричности, безапелляционности, оценочности, грубой требовательности. Приказ, обвинение, требование («язык волка»), демонстрация превосходства или снисходительного отношения, насмешка, ирония, сарказм, часто являясь неосознаваемыми формами психологической защиты педагога на стрессогенные факторы педагогической реальности, нарушают коммуникативное равновесие, гармонию учебно-воспитательного процесса. Такие формы педагогического взаимодействия, являясь жанрами речевой агрессии, эскалируют конфликтность учебно-воспитательного процесса, противоречат ведущему принципу педагогической этики – гуманизму, а обучающиеся получают возможность зеркально отразить негативный речевой опыт в своем речевом поведении.

Безусловно, жанры речевой агрессии являются проявлением насилия в общении и противоречат *принципу безопасности коммуникации*. Этически и целесообразными коммуникативными свойствами педагога являются: толерантность как способность не проявлять своего негативного отношения к личности обучающегося и продуктам его деятельности, отсутствие категоричных суждений по поводу единичных поступков обучающихся, минимум категоричности в формах суждений [Руднева, Липатова, Агеенко 2009]. Табуированы в педагогическом дискурсе деструктивная критика, основанная на негативной оценке личности обучающегося, сарказм, оскорбление.

Педагогический такт, будет основой этики педагогического общения, проявляется в педагогически целесообразной мере взаимодействия с обучающимися в разнообразных педагогических ситуациях и базируется на развитии умения предвидеть объективные и субъективные последствия поступков. Гуманитарно адекватный педагог способен любое сложное, конфликтное взаимодействие превращать в средство развития личности обучающегося.

Новая парадигма образования предполагает готовность педагога к открытому типу педагогического взаимодействия, предполагающему трансляцию своего личного опыта; гибкость взаимодействия, отказ от педагогической непогрешимости, реальное понимание своего «Я», взвешенную оценку собственных действий, самокритичность и эмоциональную стабильность, партнерский типа коммуникации, в котором признается и подчеркивается ценность личности другого человека (Е.Л. Доценко). Партнерство предусматривает совместную рефлексию, использование договора, который является и средством объединения и средством оказания давления [Сидоренко 2008]. Давление как средство педагогического влияния является необходимостью в партнерском взаимодействии, оно обусловлено позиционной и ролевой асимметрией учебно-воспитательного процесса. Договор служит средством поддержания баланса отношений между педагогом и обучающимися, позволяет избежать принуждения в коммуникации.

Безопасность педагогического общения определяется уровнем доверительности отношений, которые складываются между педагогом и обучающимися. Доверие является глубинной нравственной ценностью общения. *Доверие* характеризуется положительным отношением одного из субъектов коммуникации к другому, оно основано на уверенности в его честности, добросовестности, надежности, открытости. Доверие подтверждается проявлениями готовности следовать правилам и опирается на имеющийся собственный опыт межличностных взаимодействий. Основными инструментами открытых, доверительных отношений в диаде «преподаватель – студент» являются: диалог и рождающийся в ходе диалога договор, определяющий права и обязанности каждой из сторон; анкета или эссе, выявляющие мотивы, установки, ожидания от предстоящего процесса обучения; самооценивание собственных образовательных результатов на основе определенных критериев; итоговая совместная рефлексия характера взаимодействия педагога и обучающихся при освоении пройденного учебного курса, а также соблюдения сторонами договорных обязательств [Москвина, Фишман, Машовец 2021].

Педагог нивелирует коммуникативное неравенство в общении, способствуя раскрытию коммуникативного потенциала обучающегося. Педагогу важно также обозначать границы и нормы в общении, определяя педагогические требования и последовательно добиваясь их исполнения обучающимися, владеть техникой ассертивного поведения, быть способным к эмоционально-волевому воздействию в сложных, конфликтных ситуациях взаимодействия. Параметрами ассертивного взаимодействия являются: взаимоуважение коммуникантов, объективность и точность представлений о собственной коммуникативной роли (реализуемой в данный момент) и коммуникативной роли

партнера; соблюдение коммуникативных рамок общения и взаимных интересов, интонационное соответствие речи (ровный темп, спокойный, без давления тон) (Щербинина 2015). Ассертивное поведение позволяет педагогу проявить корректность, настойчивость, строгость, опираясь на аргументы, убеждение, логику изложения позиции, актуализацию собственных потребностей. Ассертивность основана на корректности общения, снисходительности по отношению к ошибкам поведения обучающихся и собственным ошибкам взаимодействия. Сохранение баланса между требовательностью и доброжелательностью, рабочим напряжением и психологическим комфортом во взаимодействии – важнейшая задача педагогического общения в условиях гуманизации образования.

Ассертивная стратегия взаимодействия предполагает активное использование в речи педагога правил и формул речевого этикета: обращения, просьбы, извинения, требования, одобрения, конструктивных критических замечаний. Речевой этикет задает рамки в речевой коммуникации, фиксирует роли, указывает на морально допустимое и недопустимое в педагогическом дискурсе. В педагогическом дискурсе недопустимы фамильярные, панибратские, ироничные обращения. Требовательность является важным принципом педагогической морали, однако педагогическое требование по форме не должно превращаться в жанр речевой агрессии – грубое требование или приказ. Приказная форма коммуникации уместна только в экстремальных ситуациях. Педагогическое требование выражается корректной, четкой и лаконичной формой.

Педагогическим оптимизм напрямую связан с умением педагога выражать одобрение воспитаннику. Выражения одобрения необходимо формулировать искренне, адекватно конкретным заслугам. Гармонизирующим потенциалом обладает извинение как признание собственной неправоты, выражение сожаления о своем неправильном суждении или действии. В извинении педагога преодолевается миф о том, что извинение – это обязанность обучающегося, а педагог не должен извиняться, чтобы не ослабевала его коммуникативная позиция. В извинении прослеживается отказ от педагогической непогрешимости, незамаскированность важности своей профессиональной роли, умение признавать ошибки и неконструктивные действия. Искренние извинения предпочтительнее формальных, так как снижают уровень возможной ответной агрессии. В извинении педагога демонстрируется стремление к сглаживанию отношений, единению, примирению, восстановлению гармонии отношений. Несогласие и неодобрение по правилам речевого этикета педагог реализует в этикетно смягченных и этически приемлемых формах, не вызывая агрессивных реакций обучающегося, снижая эмоциональное напряжение в коммуникации, способствуя профилактике педагогических конфликтов.

Выводы

Основополагающим принципом этики педагогического общения является принцип презумпции сохранения достоинства партнера по общению. В педагогическом общении культура достоинства личности достигается использованием инструментов почтительно-бережного отношения к свойствам личности, выбором и реализацией партнерских и ненасильственных технологий и техник

педагогического взаимодействия. Гуманитарно адекватный педагог находится в постоянном поиске и обновлении оптимальных коммуникативных средств, демонстрирующих обучающемуся уважение, принятие, стремление к диалогу, готовность к продуктивной коммуникации, несмотря на различные сценарии развертывания отношений: эмоциональное напряжение, конфликтную ситуацию, конфликт.

Материалы исследования

Митина, Митин, Анисимова 2020 – *Митина Л.М., Митин Г.В., Анисимова О.А.* Профессиональное здоровье педагога: учебное пособие для вузов. 2-е изд., доп. Москва: Юрайт, 2020. 379 с. URL: <https://urait.ru/book/professionalnoe-zdorove-pedagoga-519006>.

Непрокина, Болотникова, Ошкина 2012 – *Непрокина И.В., Болотникова О.П., Ошкина А.А.* Безопасная образовательная среда: моделирование, проектирование, мониторинг: учеб. пособие. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2012. 92 с. URL: <https://dspace.tltsu.ru/bitstream/123456789/224/1/1%2082%2011%20Непрокина%20и%20др%20Безопасная%20образов%20среда%20УП.pdf>.

Щербинина 2015 – *Щербинина Ю.В.* Введение в педагогический дискурс: учебник. Москва: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2015. 432 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=355513>.

Библиографический список

Баева 2002 – *Баева И.А.* Психологическая безопасность в образовании. Санкт-Петербург: Союз, 2002. 271 с. URL: <http://oipro.pf/wp-content/uploads/2022/03/Baeva-I.-A.-Psihologicheskaya-bezopasnost-v-obrazovanii1.pdf>.

Баева, Волкова, Лактионова 2009 – *Баева И.А., Волкова И.А., Лактионова Е.Б.* Психологическая безопасность образовательной среды: учеб. пособие / под ред. И.А. Баевой. Москва: Эконом-Информ, 2009. 248 с. URL: https://pedlib.ru/Books/7/0289/7_0289-1.shtml.

Ковалева 2019 – *Ковалева Е.А.* Педагогическое насилие, его причины и способы преодоления // Психология человека в образовании. 2019. Т. 1, № 2. С. 146–157. DOI: <http://doi.org/10.33910/2686-9527-2019-1-2-146-157>.

Маралов, Ситаров 2015 – *Маралов В.Г., Ситаров В.А.* Педагогика и психология ненасилия в образовании. Москва: Юрайт, 2015. 424 с. URL: https://urss.ru/images/add_ru/207175-1.pdf.

Москвина, Фишман, Машовец 2021 – *Москвина Н.Б., Фишман Б.Е., Машовец С.П.* Доверие в образовательном процессе вуза: от ценностей к инструментам // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 16, № 1. С. 31–42. DOI: <http://doi.org/10.21209/2658-7114-2021-16-1-31-42>. EDN: <https://www.elibrary.ru/itiie1>.

Розенберг 2009 – *Розенберг М.* (2009) Язык жизни: ненасильственное общение. Москва: София, 2009. 272 с. URL: <https://sophia.ru/Media/books/1b8cbe4d42d2bb9f7460492fa0b6c57d.pdf>.

Руднева, Липатова, Агеенко 2009 – *Руднева Т.И., Липатова Н.О., Агеенко Н.В.* Готовность специалистов к соблюдению норм профессиональной этики: монография. Самара: Самарский университет, 2009. 324 с. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Gotovnost-specialistov-k-sobludeni-u-norm-professionalnoi-etiki-Elektronnyi-resurs-monografiya-77437>.

Сафьянов 1997 – *Сафьянов В.И.* Этика общения. Проблема разрешения конфликтов. Москва: Мир книги, 1997. 192 с. URL: <https://knigogid.ru/books/1882397-etika-obscheniya/toread>.

Сидоренко 2008 – *Сидоренко Е.В.* Тренинг коммуникативной компетентности взаимодействия. Санкт-Петербург: Речь, 2008. 208 с. URL: https://www.studmed.ru/view/sidorenko-ev-trening-kommunikativnoy-kompetentnosti-v-delovom-vzaimodeystvii_0937f88e828.html.

References

Baeva 2002 – *Baeva I.A.* (2002) Psychological safety in education. Saint Petersburg: Soyuz, 271 p. Available at: <http://oipro.pf/wp-content/uploads/2022/03/Baeva-I.-A.-Psihologicheskaya-bezopasnost-v-obrazovanii1.pdf>. (In Russ.)

Baeva, Volkova, Laktionova 2009 – *Baeva I.A., Volkova I.A., Laktionova E.B.* (2009) Psychological safety of an educational environment: textbook; *Baeva I.A. (Ed.)*. Moscow: Ekonom-Inform, 248 p. Available at: https://pedlib.ru/Books/7/0289/7_0289-1.shtml. (In Russ.)

Covaliova 2019 – *Covaliova E.A.* (2019) Teacher bullying, its causes and the ways of overcoming it. *Psychology in Education*, vol. 1, no. 2, pp. 146–157. DOI: <http://doi.org/10.33910/2686-9527-2019-1-2-146-157>. (In Russ.)

Mitina, Mitin, Anisimova 2020 – *Mitina L.M., Mitin G.V., Anisimova O.A.* (2020) Professional health of the teacher: textbook for universities. 2nd edition, enlarged. Moscow: Izdatel'stvo Yurait, 379 p. Available at: <https://urait.ru/book/professionalnoe-zdorove-pedagoga-519006>. (In Russ.)

Moskvina, Fishman, Mashovets 2021 – *Moskvina N.B., Fishman B.E., Mashovets S.P.* (2021) Trust in the Educational Process of the University: from Values to Tools. *Scholarly Notes of Transbaikal State University*, vol. 16, no. 1, pp. 31–42. DOI: <http://doi.org/10.21209/2658-7114-2021-16-1-31-42>. EDN: <https://www.elibrary.ru/itiie1>. (In Russ.)

Rozenberg 2009 – *Rozenberg M.* (2009) Nonviolent Communication. A Language of Life. Moscow: Sofiya, 272 p. Available at: <https://sophia.ru/Media/books/1b8cbe4d42d2bb9f7460492fa0b6c57d.pdf>. (In Russ.)

Rudneva, Lipatova, Ageenko 2009 – *Rudneva T.I., Lipatova N.O., Ageenko N.V.* (2009) Readiness of specialists to comply with the norms of professional ethics: monograph. Samara: Samarskii universitet, 324 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Gotovnost-specialistov-k-sobludeniю-norm-professionalnoi-etiki-Elektronnyi-resurs-monografiya-77437>. (In Russ.)

Safyanov 1997 – *Safyanov V.I.* (1997) Ethics of communication. Problem of conflict resolution. Moscow: Mir knigi, 192 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/1882397-etika-obscheniya/toread>. (In Russ.)

Sidorenko 2008 – *Sidorenko E.V.* (2008) Interaction communicative competence training. Saint Petersburg: Rech', 208 p. Available at: https://www.studmed.ru/view/sidorenko-ev-trening-kommunikativnoy-kompetentnosti-v-delovom-vzaimodeystvii_0937f88e828.html. (In Russ.)

Факторы эффективности жизнедеятельности студенческой молодежи

Г.А. Виноградова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vinograd.psy@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8717-9880>

Аннотация: Развитие современного общества, события, в нем происходящие, определяют характер изменений правил устройства жизни. Возникает социальный запрос на поиск внутренних ресурсов, позволяющих повысить эффективность жизнедеятельности, в том числе самой активной ее части – студенческой молодежи. Обществу нуждается в активных, успешных молодых людях, и образовательный процесс в вузе может стимулировать их развитие. В качестве факторов эффективности жизнедеятельности молодежи рассматриваются самоэффективность, социальная желательность и осознанность. Самоэффективность как когнитивная характеристика может способствовать или, наоборот, препятствовать достижению целей и реализации планов. Социальная желательность определяется степенью выраженности ориентации молодых людей на одобрение или порицание общества. Осознание себя, своих возможностей позволяет молодежи строить жизненные планы и реализовывать их. Результаты исследования доказывают положительную связь самоэффективности с социальной желательностью и осознанностью, которые могут влиять на самоэффективность. Анализ результатов исследования позволил дать типологическую характеристику студентов с разным уровнем эффективности жизнедеятельности, которая успешно применялась при реализации курса «Психология личной и профессиональной эффективности». Учет психологических факторов позволяет регулировать процесс жизнедеятельности студенческой молодежи в ходе образовательного процесса.

Ключевые слова: студенты; жизнедеятельность; эффективность; самоэффективность; осознанность; социальная желательность; образовательный процесс.

Цитирование. Виноградова Г.А. Факторы эффективности жизнедеятельности студенческой молодежи // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 83–88. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-83-88>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

© Виноградова Г.А., 2023

Галина Александровна Виноградова – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 21.11.2022
Revised: 17.12.2022
Accepted: 10.03.2022

Factors of the efficiency of the life of students

G.A. Vinogradova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: vinograd.psy@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8717-9880>

Abstract: The development of modern society, the events taking place in it, determine the nature of changes in the rules of life. There is a social demand to search for internal resources that can improve the efficiency of life, including the most active part of it – students. Society needs active, successful young people and the educational process at the university can stimulate their development. Self-efficacy, social desirability and awareness are considered as factors of the effectiveness of life of young people. Self-efficacy, as a cognitive characteristic, can contribute to or, conversely, hinder the achievement of goals and the implementation of plans. Social desirability is determined by the degree of severity of the orientation of young people to the approval or censure of society. Awareness of yourself, your capabilities allows young people to build life plans and implement them. The results of the study prove a positive relationship of self-efficacy with social desirability and awareness, which can affect self-efficacy. The analysis of the results allowed us to give a typological characterization of students with different levels of life efficiency, which was successfully used by us during the implementation of the course «Psychology of personal and professional effectiveness». Taking into account psychological factors will allow you to regulate the process of student life during the educational process.

Key words: students; vital activity; efficiency; self-efficacy; awareness; social desirability; educational process.

Citation. Vinogradova G.A. Factors of the efficiency of the life of students. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 83–88. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-83-88>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Vinogradova G.A., 2023

Galina A. Vinogradova – Doctor of Psychological Sciences, professor of the Department of Developmental Psychology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, 443086, Russian Federation.

Введение

Общественные преобразования в настоящее время предполагают обновление правил жизнедеятельности. Молодым людям сейчас сложнее осуществлять контроль над многими событиями своей жизни в силу сложившихся объективных обстоятельств (условия пандемии, события экономического и социально-политического характера). Вместе с тем возрастание общественного опыта задает ориентацию на повышение эффективности жизнедеятельности. Это, в свою очередь, ставит новые задачи перед системой высшего образования, изменяя содержание и средства подготовки студентов. Рассматривая готовность обучающихся к успешной профессиональной деятельности, Т.И. Руднева отмечает в качестве критериев осознание профессиональных норм, положительное отношение к деятельности и профессиональному сообществу, а также ориентацию на творческую самореализацию [Руднева 2021]. Эффективность характеризуется достижением высоких результатов и зависит от индивидуальных способностей личности достигать значимые высоты. В целом для молодости характерно особое ощущение мира, себя, устремленность в будущее, оптимизм, жизнелюбие, жажда деятельности [Курышева 2014]. Вместе с тем эффективность во многом зависит от активной и осознанной жизнедеятельности молодых людей. Следует учитывать тот факт, что активность может быть разнонаправленной. Исследования показывают, что гражданская социальная активность проявляется больше в реальной социальной среде, в то время как протестная – в виртуальной [Шамионов, Бочарова, Невский 2021]. В нашем обществе жизнедеятельность молодежи признается эффективной, когда итогом является общественно одобряемый результат. Представления личности о жизненном успехе, способах его достижения задаются определенной социокультурной средой [Галюк 2014]. В этом важная роль отводится содержательной наполненности университетской среды и характеру образовательного процесса вуза.

Ярким показателем результата жизнедеятельности является оценка самооффективности, которая, в силу специфики оценок конкретной личности, может способствовать или препятствовать достижению целей и преодолению трудностей в профессиональном или бытовом плане, а также существенно предопределять интенсивность прилагаемых в связи с этим усилий [Чаплин, Шацкая 2015; Майрамян 2016]. Самооффективность рассматривается исключительно как когнитивная характеристика, отвечающая за присутствие представлений о возможностях эффективного выполнения задач и уверенности в успехе своих действий.

Данное понятие не включает в себя объективные характеристики поведения, поскольку это относится уже к самореализации [Опекина, Шипова 2021]. Самооффективность проявляется, прежде всего, в коммуникативной среде в виде представления о том, какие варианты общения будут более успешными [Игнатова, Пасечкина 2020]. В процессе исследований были установлены взаимосвязи самооффективности и жизненной позиции молодежи [Фоминых 2020], самооффективности и мотивации достижения [Воронцова 2019]. Следовательно, от активной жизненной позиции и мотивации, нацеленной на успех, во многом зависит эффективность жизнедеятельности студентов.

Ключевым фактором жизнедеятельности, в том числе показателем результата жизнедеятельности – самооффективности, является осознанность, которая, по мнению Д.А. Леонтьева, в большей мере представляется рефлексивным сознанием, опирающимся не только на внешний, окружающий мир, но осознающим, в первую очередь, себя, внутренний образ Я [Леонтьев 2011]. Осознанность – это способность осознавать свой жизненный опыт, полноту и многообразие содержания переживаемых событий [Пахольчук 2020]. Именно осознание себя, своих возможностей позволяет молодым людям строить жизненные планы и реализовывать их. Вместе с тем существует опасность информационной интоксикации, когда человек в огромных количествах поглощает виртуальный контент, не наладив его фильтрацию, что приводит к сужению сознания, мешает способности проявлять свою реальность [Кадисон Ю.И., Кадисон И.В. 2021], от чего в целом зависит эффективность жизнедеятельности.

На эффективность жизнедеятельности влияет социальная желательность. У.Г. Кондратьева выделяет формальный и содержательный компоненты в структуре социальной желательности, где формальный компонент является внешним, атрибутивным выполнением норм, а содержательный касается смыслового наполнения конкретной нормы. Социально желательное поведение – это стремление участвовать в социально одобряемой деятельности, основывающейся на ценностях, принятых в обществе [Кондратьева 2011]. Студенты демонстрируют социально-приемлемые качества, поощряемые в данной среде, что приводит как к позитивным, так и к негативным результатам. Выступая в качестве адаптационного механизма, социально желательное поведение может снижать интенсивность творческого поиска, приводить к ригидности и отчуждению от своей индивидуальности [Баранова 2018]. В исследованиях также отмечено, что женщины больше склонны к социальной желательности, чем мужчины [Дунай-

цева, Петраш 2016]. Вместе с тем потребность в одобрении чрезвычайно значима для любого молодого человека.

Результаты исследования

Исследование выявило взаимосвязь самооффективности, осознанности и социальной желательности у студентов. Социальная желательность влияет на самооффективность личности, поскольку успех ведет к одобрению в обществе, а потребность в одобрении приближает к успешной деятельности. Осознание себя позволяет молодым людям активно реализовывать свои планы.

Выборку исследования представили 122 студента разных факультетов Самарского университета. Применялись следующие методики: шкала общей самооффективности, опросники «Оценка потребности в одобрении» и «Внимательность и осознанность».

Результаты исследования показали среднюю выраженность двух изучаемых показателей (таблица 1).

Молодые люди с высоким уровнем самооффективности хорошо видят и высоко оценивают свои возможности, они уверены в успехе своих планов. Студенты с низким уровнем самооффективности, напротив, не видят для себя перспектив и не уверены в успехе. Молодые люди с высоким уровнем осознанности четко осознают реальность и себя в ней, что позволяет им ставить перед собой цели и достигать их. Респонденты с низким уровнем слабо осознают свой опыт, переживаемые события,

часто живут «одним днем», без каких-либо целей. Студенты с высоким уровнем социальной желательности зависимы от общественной оценки, и наоборот, люди с низким уровнем не зависят от общественного мнения. Корреляционный анализ полученных данных показал положительные связи переменных «самооффективность», «осознанность» и «социальная желательность».

Итак, «осознанность» и «социальная желательность» связаны с «самооффективностью» на высоком уровне достоверности ($p < 0,01$), а между собой на уровне достаточной достоверности ($p < 0,05$). В ходе исследования доказано, что потребность в одобрении оказывает влияние на самооффективность молодых людей. При этом зависимость между уровнями социальной желательности и самооффективности прямая. Роль осознанности в самооффективности определяется прежде всего мерой представленности различных психических и психологических феноменов в сознании. Полученные результаты позволили нам дать типологическую характеристику студентов с разным уровнем эффективности жизнедеятельности.

Типологическая характеристика легла в основу работы со студентами в ходе реализации курса «Психология личной и профессиональной эффективности», когда выявлялись слабо представленные у них показатели эффективности жизнедеятельности. В ходе практических занятий прорабатывались разные аспекты эффективности. Со студентами высокого уровня рассматривались общественные образцы, привлекательные для

Таблица 1

Эффективность жизнедеятельности студентов (% показатель)

Table 1

Efficiency of students' life activity (% indicator)

Уровни	Самооффективность	Осознанность	Социальная желательность
Высокий	20	83	8
Средний	64	15	60
Низкий	16	2	32

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа (индекс рассчитывался в пределах от +1 до -1)

Table 2

Correlation analysis results (the index was calculated in the range from +1 to -1)

Шкала	Самооффективность	Осознанность	Социальная желательность
Самооффективность	1	0,257	0,284
p-уровень		0,006	0,003
Осознанность	0,257	1	0,220
p-уровень	0,006		0,021
Социальная желательность	0,284	0,220	1
p-уровень	0,003	0,021	

**Типологическая характеристика студентов
с разным уровнем эффективности жизнедеятельности**

Table 3

Typological characteristics of students with different levels of life efficiency

Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Высоко оценивают самоэффективность. Осознают свои возможности выполнения задач и высоко их оценивают. Не боятся трудностей. Осознают реальность и себя в ней, что позволяет им ставить перед собой цели и достигать их. Имеют активную жизненную позицию и высокий уровень мотивации достижения. Слабо зависят от общественного мнения. В то же время есть потребность в одобрении	Умеренно оценивают свою эффективность. Неплохо ориентируются в настоящем, отдавая себе отчет в том, что с ними происходит в жизни. Жизненная позиция может быть как активной, так и пассивной. Достаточно высокий уровень мотивации достижения. Есть жизненные планы, которые хотели бы реализовать. Зависят от общественного мнения, оценки. Есть потребность в одобрении	Низко оценивают самоэффективность. Не видят для себя перспектив. Отсутствует уверенность в успехе. Слабо представляют свои возможности, часто их упускают. Имеют пассивную жизненную позицию и мотивацию избегания. Слабо осознают свой опыт, переживаемые события. Часто живут «одним днем», не имея целей. Очень зависят от общественного мнения

данной группы обучающихся (2 % респондентов); со студентами среднего уровня шла работа по целеполаганию, коррекции жизненной позиции и мотивации (91 %); со студентами низкого уровня главным было поддержать их веру в свои силы и возможности, скорректировать жизненную позицию и определить цели (7 %). В конце курса был проведен опрос, где все студенты охарактеризовали дисциплину «Психология личной и профессиональной эффективности» как необходимую, полезную, «жизненную». Практика показала востребованность такого рода учебных курсов у студенческой молодежи (табл. 2, 3).

Выводы

Представления о своих возможностях и готовность к выполнению целей и задач, прогнозирование успешности задуманного являются важными характеристиками самоэффективности студентов.

Социальное одобрение или порицание значимо для молодых людей и влечет за собой реализацию социально желательного поведения. Молодым людям, которые в меньшей степени ориентированы на запросы общества, сложнее добиваться успеха. Если наблюдается потребность в одобрении, то оценка собственной эффективности человека будет выше; отсутствие понимания своего Я в социальном контексте можно трактовать как низкий уровень осознанности.

Исследование показало, что оценка психологических факторов эффективности жизнедеятельности дает возможность влиять на успешность молодых людей за счет усиления веры в свои силы, в положительный исход их деятельности, что во многом будет отражаться на достижении ими жизненных целей. Содержательная наполненность университетской среды и характер образовательного процесса вуза существенно влияет на эффективность жизнедеятельности студентов.

Библиографический список

- Баранова 2018 – Баранова Е.А. Социально-психологические установки студентов с различной социальной желательностью // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2018. № 8. С. 24–28. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36915219>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vtmgeu>.
- Воронцова 2019 – Воронцова Е.Г. Взаимосвязь представлений о самоэффективности с мотивацией достижения успеха у юношей и девушек, обучающихся на психологическом и юридическом направлениях обучения в вузе // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10, № 1. С. 3. DOI: [http://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10\(1\).3](http://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10(1).3). EDN: <https://www.elibrary.ru/ujpthd>.
- Галюк 2014 – Галюк А.Д. Культурная обусловленность стремления человека к жизненному успеху // Дискуссия. 2014. № 8 (49). С. 104–108. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22400240>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sweumx>.
- Дунайцева, Петраш 2016 – Дунайцева Н.А., Петраш Ю.В. Взаимосвязь поиска ощущений с самоотношением и мотивацией одобрения: гендерный аспект // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13, № 2. С. 47–57. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26685481>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ufoqbw>.
- Игнатова, Пасечкина 2020 – Игнатова В.В., Пасечкина Т.Н. О коммуникативной самоэффективности обучающихся вуза в контексте их профессиональной подготовки к многоканальной коммуникации // Проблемы современного образования. 2020. № 2. С. 192–200. DOI: <http://doi.org/10.31862/2218-8711-2020-2-192-200>. EDN: <https://www.elibrary.ru/brnqwp>.

Кадисон Ю.Б., Кадисон И.В. 2021 – *Кадисон Ю.Б., Кадисон И.В.* Развитие осознанности как психологическое условие решения проблемы «информационной интоксикации» молодежи // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 17. С. 17–18. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46507483>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bsisrn>.

Кондратьева 2011 – *Кондратьева У.Г.* Социальная желательность и стиль межличностных отношений в семье // Вестник Новгородского государственного университета. 2011. № 64. С. 81–84. URL: <https://portal.novsu.ru/file/1007807>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17360659>. EDN: <https://www.elibrary.ru/opxmmn>.

Курышева 2014 – *Курышева О.В.* Психологическая характеристика молодежи как возрастной группы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 1 (21). С. 67–75. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21518055>. EDN: <https://www.elibrary.ru/scwwkz>.

Леонтьев 2011 – *Леонтьев Д.А.* Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18788218>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pvdsfr>.

Майрамян 2016 – *Майрамян А.М.* Экспериментальное исследование влияния самоэффективности на особенности поведения субъекта ситуативного межличностного взаимодействия // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2016. Т. 15, № 3 (136). С. 21–29. DOI: <http://doi.org/10.17922/2071-5323-2016-15-3-21-29>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wxpkmh>.

Опекина, Шипова 2021 – *Опекина Т.П., Шипова Н.С.* Теоретический анализ понятий самореализации, самоактуализации и самоэффективности // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27, № 2. С. 7–15. DOI: <http://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-2-7-15>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qkjegx>.

Пахольчук 2020 – *Пахольчук К.Ю.* Осознанность как психологическая характеристика личности // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2020. № 1. С. 316–324. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44300708>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dmqpen>.

Руднева 2021 – *Руднева Т.И.* Профессиональное развитие – фактор профессиональной успешности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 2. С. 61–65. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-61-65>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pgdbnk>.

Фоминых 2020 – *Фоминых Е.С.* Взаимосвязь самоэффективности и жизненной позиции молодежи // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2020. № 2. С. 55–59. DOI: <http://doi.org/10.18323/2221-5662-2020-2-55-59>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mkvzgv>.

Чаплин, Шацкая 2015 – *Чаплин А.В., Шацкая С.С.* Факторы, влияющие на самоэффективность личности // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 11–6. С. 991–993. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=9552>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25591161>. EDN: <https://www.elibrary.ru/voahmf>.

Шамионов, Бочарова, Невский 2021 – *Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е., Невский Е.В.* Соотношение жизненных ориентаций, социальной идентичности и социальной активности молодежи // Российский психологический журнал. 2021. Т. 18, № 4. С. 91–105. DOI: <http://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.7>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xsolwg>.

References

Baranova 2018 – *Baranova E.A.* (2018) The structure of students' social and psychological attitudes with varying power of socially desirable attitude. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki*, no. 8, pp. 24–28. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36915219>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vtmgeu>. (In Russ.)

Vorontsova 2019 – *Vorontsova E.G.* (2019) Interrelation of ideas about self-efficacy with motivation to succeed in young people taking university psychological and legal courses. *Baikal Research Journal*, vol. 10, no. 1, p. 3. DOI: [http://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10\(1\).3](http://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10(1).3). EDN: <https://www.elibrary.ru/ujpthd>. (In Russ.)

Galuk 2014 – *Galuk A.D.* (2014) Cultural conditionality of human's desire for life success. *Discussion*, 2014, no. 8 (49), pp. 104–108. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22400240>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sweumx>. (In Russ.)

Dunaitseva, Petrash 2016 – *Dunaitseva N.A., Petrash Iu.V.* (2016) The interrelation of sensation seeking, self-attitude, and approval motivation: a gender aspect. *Russian Psychological Journal*, vol. 13, no. 2, pp. 47–57. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26685481>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ufoqbw>. (In Russ.)

Ignatova, Pasechkina 2020 – *Ignatova V.V., Pasechkina T.N.* (2020) On the communicative self-efficacy of students in the context of their professional training for multi-channel communication. *Problems of modern education*, no. 2, pp. 192–200. DOI: <http://doi.org/10.31862/2218-8711-2020-2-192-200>. EDN: <https://www.elibrary.ru/brnqwp>. (In Russ.)

Kadison Yu.B., Kadison I.V. 2021 – *Kadison Yu.B., Kadison I.V.* (2021) Development of consciousness as a psychological condition for solving the problem of "information intoxication" of youth. *Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiuma Srednerusskii universitet. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 17, pp. 17–18. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46507483>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bsisrn>. (In Russ.)

Kondratieva 2011 – *Kondratieva U.G.* (2011) Social desirability and style of interpersonal relationships in a family. *Vestnik of Novgorod State University*, 2011, no. 64, pp. 81–84. Available at: <https://portal.novsu.ru/file/1007807>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17360659>. EDN: <https://www.elibrary.ru/opxmmn>. (In Russ.)

- Kuryshva 2014 – *Kuryshva O.V.* (2014) Psychological characteristics of youth as an age group. *The Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*, no. 1 (21), pp. 67–75. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21518055>. EDN: <https://www.elibrary.ru/scwwkz>. (In Russ.)
- Leontiev 2011 – *Leontiev D.A.* (2011) New guidelines for understanding personality in psychology: from the necessary to the possible. *Voprosy Psichologii*, no. 1, pp. 3–27. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18788218>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pvdsfr>. (In Russ.)
- Mayramyan 2016 – *Mayramyan A.M.* (2016) Experimental study of the influence of self-efficacy on the behavior of the subject of situational interpersonal interaction. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta = Scientific Notes of Russian State Social University*, vol. 15, no. 3 (136), pp. 21–29. DOI: <http://doi.org/10.17922/2071-5323-2016-15-3-21-29>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wxpkmh>. (In Russ.)
- Opekina, Shipova 2021 – *Opekina T.P., Shipova N.S.* (2021) Self-realization, self-actualization and self-efficacy concepts theoretical analysis. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, vol. 27, no. 2, pp. 7–15. DOI: <http://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-2-7-15>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qkjcgx>. (In Russ.)
- Pakholchuk 2020 – *Pakholchuk K.Yu.* (2020) Mindfulness as a psychological characteristic of personality. *Psychology and Pedagogy in Crimea: Ways of Development*, no. 1, pp. 316–324. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44300708>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dmqpen>. (In Russ.)
- Rudneva 2021 – *Rudneva T.I.* (2021) Professional development – factor of professional success. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 2, pp. 61–65. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-61-65>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pgdbnk>. (In Russ.)
- Fominykh 2020 – *Fominykh E.S.* (2020) The correlation between self-efficacy and life position of young people. *Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*, no. 2, pp. 55–59. DOI: <http://doi.org/10.18323/2221-5662-2020-2-55-59>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mkvzgv>. (In Russ.)
- Chaplin, Shatskaya 2015 – *Chaplin A.V., Shatskaya S.S.* (2015) Factors influencing self-efficacy of personality. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*, no. 11-6, pp. 991–993. Available at: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=9552>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25591161>. EDN: <https://www.elibrary.ru/voahmf>. (In Russ.)
- Shamionov, Bocharova, Nevsky 2021 – *Shamionov R.M., Bocharova E.E., Nevsky E.V.* (2021) Correlations among young people's life orientations, social identity and social activity. *Russian Psychological Journal*, vol. 18, no. 4, pp. 91–105. DOI: <http://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.7>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xsolwg>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.1

Дата поступления: 01.12.2022
рецензирования: 17.01.2023
принятия: 10.03.2023

Универсальные компетенции специалиста по управлению персоналом

Д.О. Ежков

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: orieh22@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6891-9180>

Н.В. Соловова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: solovova.nata@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3280-3380>

Аннотация: Актуальность исследования определяется необходимостью формирования универсальных компетенций специалистов по управлению персоналом, в том числе инклюзивной компетенции. Рассматриваются различные подходы к определению феномена «инклюзивная компетентность» и отбору содержания профессиональной деятельности специалистов по управлению персоналом в части вопросов по сопровождению социально-трудовых отношений работников с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. В статье называются противоречия, требующие разрешения в ходе профессиональной подготовки специалистов по управлению персоналом.

Ключевые слова: универсальные компетенции; инклюзивная компетентность; управление персоналом; профессиональная подготовка специалистов по управлению персоналом; система образования.

Цитирование. Ежков Д.О., Соловова Н.В. Универсальные компетенции специалиста по управлению персоналом // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 89–94. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-89-94>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Ежков Д.О., Соловова Н.В., 2023

Дмитрий Олегович Ежков – аспирант кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Наталья Валентиновна Соловова – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 01.12.2022
Revised: 17.01.2023
Accepted: 10.03.2023

Universal competencies of an HR specialist

D.O. Ezhkov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: orieh22@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6891-9180>

N.V. Solovova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: solovova.nata@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3280-3380>

Abstract: The relevance of the study predetermines the formation of universal competencies of HR specialists, including inclusive qualifications. Various approaches to the phenomenon of «inclusive satisfaction» and the selection of the content of professional specialists in personnel management are considered, in terms of issues of supporting the social and labor relations of employees with limited inclinations to health and disability. The article discusses the contradictions that require resolution in the course of professional training of personnel management specialists.

Key words: universal competences; inclusive competence; personnel management; professional training of personnel management specialists; education system.

Citation. Ezhkov D.O., Solovova N.V. Universal competencies of an HR specialist. Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 89–94. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-89-94>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Ezhkov D.O., Solovova N.V., 2023

Dmitriy O. Ezhkov – postgraduate student of the Department of Theory and Methods of Vocational Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Natalia V. Solovova Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor, professor of the Department of Theory and Methods of Vocational Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В условиях постиндустриального общества, новых вызовов, стоящих перед системой высшего образования по подготовке специалистов для профессиональной деятельности в условиях цифровой экономики, и нарастания сложности всех процессов в обществе становится актуальной проблема формирования универсальных компетенций, отражающих общие знания, социальные и личностные способности обучающихся, что позволяет им быть успешными независимо от направления профессиональной деятельности. Часть универсальных компетенций становится необходимой для работы в проектных командах на инновационных производствах или осуществления непрерывной образовательной траектории. Обязательность формирования инклюзивной компетентности в образовательных стандартах всех направлений подготовки бакалавров и специалистов обусловлена демократическими преобразованиями в обществе, усилением гуманистической направленности, маркером которой является отношение к людям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидам. Человек, имеющий инвалидность, может и должен быть конкурентоспособным на рынке труда, иметь возможность зарабатывать деньги, содержать семью, делать служебную карьеру (см. рисунок 1).

В настоящее время рынок труда является открытым, а производственная среда должна быть инклюзивной и доступной для инвалидов. Во ФГОС ВО 3++ бакалавриата по направлению подготовки 38.03.03 Управление персоналом (приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12 августа 2020 г. № 955) дается формулировка инклюзивной компетенции в виде способности использовать базовые дефектологические знания в социальной и профессиональной сферах. Однако для будущих специалистов по управлению персоналом она представляет широкое содержание, включая навыки по сопровождению социально-трудовых отношений лиц с ОВЗ.

Степень разработанности проблемы

В ходе изучения научной литературы было выявлено, что проблема, связанная с формированием инклюзивной компетентности специалистов по управлению персоналом, практически не затрагивалась. Исследования в схожей научной области достаточно обширно представлены в выборках будущих педагогов и управляющих образовательно-воспитательными учреждениями. Отсутствуют исследования в области управления персоналом и кадрового менеджмента.

Ряд ученых (Э.В. Байрамов, Е.Н. Кутепова, Ю.И. Лебедева, И.А. Сахнова, А.И. Сергеева, В.В. Хитрюк, Е. Р. Ярская-Смирнова и др.) обращаются к инклюзивному взаимодействию. Исследователи (Ю.В. Грек, Е.В. Клочкова, С.Н. Сорокоумова) отмечают значимость психологического сопровождения дошкольников с ограниченными возможностями здоровья. Рассмотрен механизм формирования инклюзивной компетентности будущих педагогов. [Грек 2008; Клочкова 2010] (Сорокоумова 2011). Исследователи (А.В. Бахарев, В.А. Калягин, Т.С. Овчиникова) обратились к проблеме формирования у специалистов по управлению персоналом компетенций, необходимых для взаимодействия с сотрудниками, имеющими ограниченные возможности здоровья. Отмечалась готовность значительной части управленцев решать функциональные задачи в инклюзивной среде. Имеются программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки по вопросам инклюзивного взаимодействия с лицами с особенностями здоровья (Бахарев 2018). Отмечается необходимость формирования управленческой компетентности руководителей школ, интернатов, образовательных учреждений в условиях инклюзивного образования (У.В. Косарева, Е.С. Куряшева, Е.Г. Самарцева) [Косарева 2008] (Самарцева 2012). Исследователи (И.Ю. Левченко, Н.А. Медова, И.Е. Токарь) называют особенности и преимущества инклюзивного образования в отличие от стандартного и специального обучения и воспи-

Рисунок 1 – Универсальные результаты обучения, представленные в образовательных стандартах ФГОС ВО 3++
Figure 1 – Universal learning outcomes presented in the educational standards of the Federal State Educational Standard of Higher Education 3++

тания детей с особыми образовательными потребностями [Левченко, Ткачева 2008; Токарь 2010] (Медова 2013). Предпринимались попытки (И.Ю. Левченко, Н.Н. Малофеев, У.В. Ульяновка, О.В. Лебедева) раскрыть организационно-правовые, лечебно-профилактические, коррекционно-развивающие, специально-методические, психологические возможности инклюзивного образовательного процесса для формирования особых компетенций руководителя школы-интерната [Левченко, Ткачева 2008; Ульяновка, Лебедева 2002; Левченко, Приходько 2001].

Результаты исследования

При рассмотрении системы управления персоналом организации исследователи обращаются к профессиональной подготовке специалиста по управлению персоналом (А.Я. Кибанов, А.И. Турчинов). Высказываются разные точки зрения на истоки профессии специалиста по управлению персоналом (HR-менеджера), которая появилась сравнительно недавно, но уже положительно зарекомендовала себя в экономико-управленческих системах. Подготовка специалистов по управлению персоналом была начата в 1997 году в Государственном университете управления (г. Москва). Основоположником нового направления профессиональной подготовки является А.Я. Кибанов, под руководством которого были разработаны все образовательные стандарты по управлению персоналом (до 2015 года). Постепенно создаются кафедры управления персоналом. В настоящее время по направлению 38.03.03 Управление персоналом обучаются студенты в 207 высших учебных заведениях Российской Федерации.

Специалист по управлению персоналом пришел на смену «работнику отдела кадров». Это управленец, выполняющий сложнорорганизованный спектр требуемых профессиональных функций в сфере бизнес-процессов социально-трудовых отношений работника и работодателя; это менеджер, который осуществляет функции сопровождения и управления персоналом всех подразделений в организации (Управление персоналом... 2005).

Сферы деятельности специалистов по управлению персоналом: служба управления персоналом

государственных и муниципальных учреждений, организаций всех форм собственности (в промышленности, торговле, на транспорте, в финансовой, строительной, туристической и других сферах, а также в государственной службе занятости, в частных кадровых агентствах). Трудовые функции специалистов по управлению персоналом представлены процессами: управления, формирования, использования и развития (набор и отбор персонала, трудоустройство, организация проектов, обучение персонала, оплата труда, нормирование и охрана труда, организация рабочего места) работников всех уровней организации.

По мере институционализации управления в нашей стране постепенно складывается социоинженерный подход к осуществлению профессиональной деятельности в этой области, что позволяет уточнить функции специалистов по управлению персоналом в организации. Таким образом, это «управленец, назначение, которого выполнять роль «кадрового стратега», отвечающего за разработку концепции, профессиональной политики организации, а также стратегии управления персоналом, способного координировать бизнес-процессы (менеджмент персонала, рекрутинг, анализ, оценка, консультирование, аналитика персонала, стандартизация, регулирование, нормирование, соблюдение безопасности, подготовка, мотивирование, поощрение персонала, а также организация необходимых условий трудовой деятельности работников). По мнению А.Я. Кибанова, сегодня главной задачей в организации является оптимальное и эффективное использование человеческих ресурсов [Кибанов 2005].

Действующий в настоящее время ФГОС ВО 3++ бакалавриата по направлению подготовки 38.03.03 Управление персоналом (Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12 августа 2020 г. № 955) сопряжен с профессиональным стандартом специалиста по управлению персоналом (Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 09.03.2022 № 709н). Профессиональный стандарт содержит основные трудовые функции специалиста, которые влияют на работоспособность персонала (см. рис. 2).

Рисунок 2 – Основные трудовые функции специалиста, определяющие качественную работоспособность персонала (по профессиональному стандарту)
Figure 2 – Main labor functions of a specialist, which determine the qualitative performance of the staff (according to the professional standard)

Стоит отметить, что наряду с общесоциальными, экономическими и гуманитарными знаниями требуются знания в области управления людьми, знание социально-гуманитарных и инструментальных технологий (набор и отбор кадров, оценка персонала, стимулирование работников, профессиональное развитие и управление карьерой служащих). Под социальными технологиями понимаются процедуры и операции решения проблем регуляции совместной деятельности персонала организации с помощью косвенного воздействия на поведение людей. Гуманитарные технологии представляются процедурами и операциями преобразования ментальных и символических структур деятельности человека. Владение социальными и нормативными знаниями социально-трудового взаимодействия необходимо для выполнения трудовых функций специалистом по управлению персоналом [Зинченко 2014].

В сферу трудовых функций специалиста по управлению персоналом входят специальные, обусловленные ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью работники. Специалист занимается планированием, подбором и адаптацией персонала данной категории, организацией их рабочих мест, обучением и развитием, нормативным сопровождением социально-трудовых отношений.

Для эффективного взаимодействия с данной категорией работников будущий специалист по управлению персоналом должен владеть инклюзивной компетентностью.

Компетентность – это свойство личности, способствующее успешному выполнению социальных и трудовых функций. Компетентностный подход к формированию определенной компетентности, акцентирует внимание на результате образования, который представляется не суммой усвоенной информации, а способностью действовать в различных ситуациях (О.Е. Лебедев, Е.Я. Коган, И.А. Зимняя, Д.А. Иванов, Л.Д. Давыдов, А.Г. Бермус, О.А. Мединцева и др.). Инклюзивная компетентность специалиста представляется мотивационно-ценностным, рефлексивно-оценочным, когнитивно-информационным компонентами. Мотивационно-ценностный компонент предполагает наличие совокупности социальных мотивов, потребностей, интересов, установок, ценностных ориентаций. Основные группы мотивов, которые должны входить в структуру инклюзивной компетентности: социальные мотивы, касающиеся инклюзивной деятельности в целом (становление значимости инклюзии для общества и побуждение к деятельности как фактор вклада в развитие, творчество и развитие инклюзивной среды). Рефлексивно-оценочный компонент содержит функции осмысления действий, прогнозирования, оценки. Оценка и рефлексия в инклюзивной среде обусловлены ее нестабильностью, что требует постоянного контроля. Когнитивно-информационный компонент инклюзивной компетентности специалиста содержит систему психолого-педагогических, инклюзивных знаний и специальных

умений, владение которыми необходимо для выполнения инклюзивной деятельности, успешного и адекватного решения различных ситуаций в инклюзивной среде (Самарцева 2012).

Самарским национально-исследовательским университетом имени академика С.П. Королева в образовательные программы профессиональной подготовки обучающихся всех направлений уровня бакалавриата и специалитета с целью формирования универсальной инклюзивной компетентности введена учебная дисциплина «Основы инклюзивного взаимодействия», результаты освоения которой представляются знаниями особенностей применения базовых дефектологических знаний в социальной и профессиональной сферах, нормативными и психолого-педагогическими основами реализации инклюзивного образования; умениями планировать и осуществлять профессиональную деятельность на основе применения базовых дефектологических знаний с контингентом, имеющим различные нозологические особенности; владение навыками участия в инклюзивном взаимодействии.

Инклюзивную компетентность специалиста по управлению персоналом можно трактовать как способность осуществлять профессиональную деятельность в условиях инклюзивного взаимодействия с учетом тенденций развития современного общества. Так как частью сотрудников организации являются инвалиды и лица с ОВЗ, то для построения эффективного взаимодействия с данной категорией работников будущий специалист по управлению персоналом должен владеть инклюзивной компетентностью. Если для специалистов других квалификаций достаточно наличия способности использовать базовые дефектологические знания в социальной и профессиональной сферах для осуществления взаимодействия, то для специалиста по управлению персоналом нужна инклюзивная компетентность в виде способностей создавать условия для реализации трудовых прав, потребностей лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью в процессе социально-трудовых отношений.

Заключение

Проблема формирования инклюзивной компетентности специалистов по управлению персоналом требует изучения с целью организации качественной профессиональной подготовки в вузе специалистов по управлению персоналом. Содержание инклюзивной компетентности специалистов по управлению персоналом должно быть шире, чем у специалистов иных направлений и специальностей, потому что образовательные программы их профессиональной подготовки должны включать дополнительные учебные дисциплины и педагогические средства. Опыт показывает, что требуется разработка новых педагогических технологий для форсирования универсальных компетенций специалиста по управлению персоналом в условиях цифровой экономики.

Материалы исследования

Бахарев 2018 – *Бахарев А.В.* Развитие инклюзивных практик в истории современного Российского образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2018. 23 с.

Медова 2013 – *Медова Н.А.* Модель инклюзивного образования в условиях муниципальной образовательной системы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Томск, 2013. 24 с.

Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12 августа 2020 г. № 955 – *Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12 августа 2020 г. № 955* «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 38.03.03 Управление персоналом» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/74561300/>.

Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 09.03.2022 № 109н – *Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 09.03.2022 № 109н* «Об утверждении профессионального стандарта “Специалист по управлению персоналом”» (зарегистрирован 08.04.2022 № 68136). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204080007>.

Самарцева 2012 – *Самарцева Е.Г.* Формирование профессиональной готовности будущих педагогов к инклюзивному образованию детей дошкольного возраста: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Орел, 2012. 24 с.

Сорокоумова 2011 – *Сорокоумова С.Н.* Психологическое сопровождение инклюзивного образования дошкольников с ограниченными возможностями здоровья: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2011. 25 с.

Управление персоналом... 2005 – *Управление персоналом организации: учебник / под ред. А.Я. Кибанова.* 3-е изд., доп. и перераб. Москва: ИНФРА-М, 2005. 638 с. (Высшее образование). URL: http://www.fptl.ru/files/management/kibanov_uypravlenie-personalom.pdf.

Библиографический список

Богданова 2016 – *Богданова Е.В.* Структура инклюзивной компетентности студентов в информационно-образовательной среде вуза // Вестник Мининского университета. 2016. № 3 (16). С. 12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27125147>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wvpbov>.

Грек 2008 – *Грек Ю.В.* Организационно-педагогические условия управления дошкольным образовательным учреждением для детей с ограниченными возможностями здоровья и их нормально развивающихся сверстников // Логопед в детском саду. 2008. № 9–10. С. 36–42.

Зинченко 2014 – *Зинченко Г.П.* Управление персоналом как профессия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 1. С. 25–32. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21346036>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rzcztv>.

Клочкова 2010 – *Клочкова Е.В.* Факторы, влияющие на включение ребенка-инвалида в жизнь общества: индивидуальный и коллективный опыт на пути инклюзии // Аутизм и нарушения развития. 2010. Т. 8, № 3 (30). С. 1–18. URL: https://psyjournals.ru/journals/autdd/archive/2010_n3/autdd_2010_n3_klochkova.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39284559>. EDN: <https://www.elibrary.ru/diuyqm>.

Косарева 2008 – *Косарева У.В.* Образование детей с особыми потребностями в Самарской области: на пути к интеграции // Дефектология. 2008. № 6. С. 71–78. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11703983>. EDN: <https://www.elibrary.ru/iwnegs>.

Левченко, Приходько 2001 – *Левченко И.Ю., Приходько О.Г.* Технология обучения и воспитания детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Москва: Академия, 2001. 192 с. Available at: https://eduportal44.ru/Kostroma_EDU/kos_mdou_27/SiteAssets/SitePages/библиотека%20психолога/левченко%20приходько%20технологии%20обучения%20и%20воспитания%20детей%20дцп.pdf.

Левченко, Ткачева 2008 – *Левченко И.Ю., Ткачева В.В.* Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии: методическое пособие. Москва: Просвещение, 2008. 239 с. URL: https://www.phantastike.com/family_therapy/help_family/html/; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20092536>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qxrwl>.

Токарь 2010 – *Токарь И.Е.* Инклюзивное образование: опыт и перспективы развития: дополнительная профессиональная образовательная программа повышения квалификации педагогических и руководящих работников // Коррекционно-развивающее образование. 2010. № 3. С. 46–55.

Ульenkova, Лебедева 2002 – *Ульenkova У.В., Лебедева О.В.* Организация и содержание специальной психологической помощи детям с проблемами в развитии: учебн. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. Москва: Издательский центр «Академия», 2002. 176 с. URL: https://dc418.ru/images/doc/Ulenkova_organizaciya.pdf.

References

Bogdanova 2016 – *Bogdanova E.V.* (2016) The structure of the inclusive competence of students in the information-educational environment of the university. Vestnik of Minin University, no. 3 (16), p. 12. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27125147>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wvpbov>. (In Russ.)

Grek 2008 – *Grek Yu.V.* (2008) Organizational and pedagogical conditions for managing a preschool educational institution for children with disabilities and their normally developing peers. *Logoped v detskom sadu*, no. 9–10, pp. 36–42. (In Russ.)

Zinchenko 2014 – *Zinchenko G.P.* (2014) Human resources management as a profession. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, no. 1, pp. 25–32. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21346036>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rzcztv>. (In Russ.)

Klochkova 2010 – *Klochkova E.V.* (2010) Factors influencing the inclusion of a child with a disability in society: individual and collective experience on the path to inclusion. *Autism and developmental disorders (Russia)*, vol. 8, no. 3 (30), pp. 1–18. Available at: https://psyjournals.ru/journals/autdd/archive/2010_n3/autdd_2010_n3_klochkova.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39284559>. EDN: <https://www.elibrary.ru/diuyqm>. (In Russ.)

Kosareva 2008 – *Kosareva U.V.* (2008) Education of children with special needs in the Samara region: on a way to integration. *Defectology*, no. 6, pp. 71–78. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11703983>. EDN: <https://www.elibrary.ru/iwnegs>. (In Russ.)

Levchenko, Prihodko 2001 – *Levchenko I.Yu., Prihodko O.G.* (2001) Technology of education and upbringing of children with disorders of the musculoskeletal system. Moscow: Akademiya, 192 p. Available at: https://eduportal44.ru/Kostroma_EDU/kos_mdou_27/SiteAssets/SitePages/библиотека%20психолога/левченко%20приходко%20технологии%20обучения%20и%20воспитания%20детей%20дцп.pdf. (In Russ.)

Levchenko, Tkacheva 2008 – *Levchenko I.Yu., Tkacheva V.V.* (2008) Psychological assistance to a family raising a child with developmental disabilities: study guide. Moscow: Prosveshchenie, 239 p. Available at: https://www.phantastike.com/family_therapy/help_family/html/; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20092536>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qxrwl>. (In Russ.)

Tokar 2010 – *Tokar I.E.* (2010) Inclusive education: experience and prospects for development: additional professional educational program for advanced training of teachers and managers. *Korreksionno-razvivayushchee obrazovanie*, no. 3, pp. 46–55. (In Russ.)

Ulenkova, Lebedeva 2002 – *Ulenkova U.V., Lebedeva O.V.* (2002) Organization and content of special psychological care for children with developmental problems: textbook for students of higher pedagogic educational institutions. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 176 p. Available at: https://dc418.ru/images/doc/Ulenkova_organizaciya.pdf. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.147.88

Дата поступления: 18.11.2022
рецензирования: 20.12.2023
принятия: 10.03.2023

Социально-медицинское волонтерство в непрофильном вузе

Л.В. Вандышева

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vandisheva.lv@ssau.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9894-491x>

Аннотация: В условиях пандемии увеличилась численность волонтерского корпуса и благополучателей. Субъектами волонтерского движения становятся образовательные организации разных профилей подготовки. Отмечается возрастающее значение медицинского волонтерства. Медицинское волонтерство, будучи ретроинновацией, в условиях пандемии теряет максимальную профессиональную (медицинскую) направленность, поскольку расширяется функционал и состав волонтеров. Вводится понятие «социально-медицинское волонтерство» как вид волонтерства в сфере здравоохранения, направленный на повышение качества оказания медицинских услуг и предполагающий участие в нем волонтеров широкого профиля профессиональной подготовки. Исследование проводилось в три этапа: применялись теоретический метод анализа научной литературы, эмпирические методы (анкетирование, интервью). Выборку составили 87 волонтеров непрофильного вуза. По результатам исследования выявлено, что среди волонтеров преобладают обучающиеся младших курсов; конкретизирован функционал волонтеров в call-центре; выявлена мотивация участия обучающихся в волонтерстве; проблемы, с которыми они столкнулись; уровень готовности к продолжению участия в волонтерстве. В целом результаты исследования свидетельствуют о недостаточной готовности волонтеров непрофильного вуза к социально-медицинскому волонтерству, что стало основанием разработки рекомендаций для организаторов данного движения в непрофильном вузе. Доказано, что социально-медицинское волонтерство в непрофильном вузе является перспективным направлением воспитательной работы и ресурсом для адаптации обучающихся младших курсов к образовательным условиям. Требуется научное осмысление вопроса гендерной мотивации обучающихся непрофильных направлений подготовки к социально-медицинскому волонтерству, а также специфики содержания этого волонтерства с учетом развития информационно-коммуникационных технологий и цифрового волонтерства.

Ключевые слова: социально-медицинское волонтерство; специалисты социальной работы; обучающиеся непрофильных направлений подготовки; мотивация волонтеров; информационная поддержка волонтеров; готовность студентов к социально-медицинскому волонтерству.

Цитирование. Вандышева Л.В. Социально-медицинское волонтерство в непрофильном вузе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 95–103. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-95-103>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Вандышева Л.В., 2023

Людмила Владимировна Вандышева – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.11.2022
Revised: 20.12.2023
Accepted: 10.03.2023

Socio-medical volunteering in a non-profile university

L.V. Vandysheva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: vandisheva.lv@ssau.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9894-491x>

Abstract: There is an increase in the number of volunteer corps and beneficiaries. The subjects of the volunteer movement are educational organizations of various training profiles. In a pandemic, the importance of medical volunteering is growing. Medical volunteering, being a retro innovation, loses its maximum professional (medical) focus during the pandemic, as the functionality and composition of volunteers expands. The concept of «socio-medical volunteering» is introduced as a type of volunteering in the healthcare sector, aimed at improving the quality of medical services and involving the participation of volunteers with a wide range of professional training. The study was conducted in three stages: theoretical method of scientific literature analysis, empirical methods (questionnaires, interviews) were used. The sample consisted of 87 volunteers from a non-core university. According to the results of the study, it was revealed that junior students predominate among the volunteers; the functionality of volunteers in the call center was specified; the motivation for the participation of students in volunteering was revealed; the problems they faced; level of

readiness to continue participation in volunteering. In general, the results of the study indicate the insufficient readiness of volunteers of a non-core university for social and medical volunteering, which became the basis for the development of recommendations for the organizers of this movement in a non-core university. It has been proved that socio-medical volunteering in a non-core university is a promising area of educational work and a resource for adapting junior students to educational conditions. Scientific understanding of the issue of gender motivation of students in non-core areas of preparation for social and medical volunteering is required, as well as the specifics of the content of this volunteering, taking into account the development of information and communication technologies and digital volunteering.

Key words: socio-medical volunteering; future specialists in social work; students of non-core areas of training; motivation of volunteers; types of incentives for volunteers; information support for volunteers; educational work at the university.

Citation. Vandysheva L.V. Socio-medical volunteering in a non-profile university. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 95–103. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-95-103>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Vandysheva L.V., 2023

Lyudmila V. Vandysheva – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Пандемия в России стала основной причиной резкого увеличения численности волонтеров в различного рода акциях, что свидетельствует о социальной солидарности людей, сформированности институтов гражданского общества. Так, согласно статистическим данным, с апреля по июль 2020 года было зафиксировано порядка 2,7 млн волонтеров в различных направлениях волонтерства, что почти на 10 % больше, чем аналогичные показатели этого сезона годом ранее [Итоги...]. Перед «второй волной» коронавируса данный показатель составлял уже 3,48 млн человек [Адресную помощь...].

Весной 2020 года началась общероссийская акция взаимопомощи #МыВместе, организованная платформой DOBRO.RU, Общероссийским народным фронтом, Всероссийским общественным движением «Волонтеры-медики», Ассоциацией волонтерских центров при поддержке Общественной палаты Российской Федерации. С начала акции к ней присоединились свыше 9 тысяч партнерских организаций. По социологическим данным, более 118 тысяч добровольцев (волонтеров) участвовали в этой акции [Петрова, Черканова 2022, с. 70]. В «первую волну» коронавируса помощь была оказана порядка 2,84 млн нуждающихся [Российские практики...]. Кроме этого, в 160 медицинских учреждениях 7 тысяч волонтеров-медиков оказывали помощь врачам, выполняли обязанности среднего медицинского персонала, подвозили врачей на личном транспорте, доставляли продуктовые наборы, средства индивидуальной защиты [Петрова, Черканова 2022, с. 70].

В научной литературе упоминается не только данная акция, но и разработанная Программа мобильности волонтеров Российской Федерации на 2019–2024 годы, Всероссийский конкурс волонтерских инициатив «Доброволец России». Данные мероприятия свидетельствуют о целенаправленной поддержке волонтерского движения со стороны государства. В результате мониторинга реализации мер поддержки волонтеров, активно участвующих в борьбе с распространением новой

коронавирусной инфекции и в преодолении негативных социальных последствий ее распространения, выявлены виды нематериального поощрения волонтеров на современном этапе: награждение грамотами, благодарностями и дипломами; публикации в СМИ информации об успехах волонтеров и волонтерских организаций; приобретение за счет средств регионального бюджета индивидуальных средств защиты от вирусной инфекции (маски, костюмы, перчатки) и обеспечение ими волонтерских штабов во всех муниципальных районах и городских округах субъекта РФ [Петрова, Черканова 2022, с. 70; Федорова 2021, с. 153].

Нельзя не согласиться с мнением отечественных аналитиков, обосновывающих рост численности волонтеров в IV квартале 2020 года такими причинами, как: резкое увеличение случаев заражения инфекцией коронавируса во время «второй волны» пандемии в России; оценка позитивного эффекта от результатов волонтерской работы, произведенной в период «первой волны» коронавируса в России; налаженная информационная работа по популяризации в обществе волонтерской активности как социально одобряемого поведения [Шонос 2021, с. 322].

Исследователи подчеркивают, что востребованность волонтерского труда в период пандемии определила не только личное отношение молодежи к волонтерству, но и к альтруизму как ценности [Филипова, Зубова 2020, с. 127]. Однако результаты исследования И.Ю. Рассохиной, С.А. Пфетцер, А.А. Пфетцер свидетельствуют о недостаточно эффективной работе волонтерских служб, что отразилось на общей оценке волонтерства и качестве предоставляемой помощи нуждающимся [Рассохина, Пфетцер С.А., Пфетцер А.А. 2020, с. 35]. Исследователи Е.Н. Рогова и Л.С. Яницкий отмечают в период пандемии низкий уровень информированности молодежи о волонтерстве и ее неготовность к этой деятельности [Рогова, Яницкий 2020, с.45]. Результаты опроса «Левада-Центра» свидетельствуют о нарочитом стремлении молодежи максимально игнорировать версию о всеобщей

взаимопомощи [Певная, Кульминская, Широкова, Шуклина 2021, с. 496].

Эмпирические данные позволяют выделить противоречие, заключающееся в признании высокого статуса волонтерства в период пандемии, с одной стороны, и недостаточной информационной, инструментальной поддержкой волонтерства, с другой стороны. Среди проблем, с которыми столкнулись волонтеры, выделены вопросы обеспечения условий их безопасности, набора новых волонтеров [Ермолаева, Гречаная, Башева 2021, с. 139].

В условиях пандемии особую значимость приобретает медицинское волонтерство, поскольку оно позволяет активизировать разнообразные человеческие ресурсы для решения задачи оказания помощи не только нуждающимся, но и медицинскому персоналу. Отмечается важность для волонтеров этого вида волонтерства гражданской и нравственной ориентированности, психологической подготовки и специального образования. Исследователи подчеркивают сходство медицинского волонтерства и социальной работы по основанию – мотивация (альтруизм, коллективный характер труда, общий интерес и т. п.) [Федулова 2021, с. 79]. Теоретический анализ научной литературы свидетельствует о многоаспектном изучении проблемы организации медицинского волонтерства среди школьников [Кетова 2017], обучающихся медицинских вузов [Трофимова 2015] и недостаточной представленностью работ авторов, чей научный фокус сосредоточен на проблемах медицинского волонтерства в непрофильных вузах; конкретизации ресурсов, привлекающих обучающихся немедицинского профиля профессиональной подготовки к данному виду волонтерства. Вместе с тем ведущие модели современных университетов сводятся к социальной миссии, социальной ответственности вузов [Шмелева, Кисляков 2021, с. 5].

Теоретический анализ научных публикаций, вышедших в период пандемии, позволяют расширить границы медицинского волонтерства, обозначив его как социально-медицинское волонтерство. Границы современной волонтерской помощи стали значительно шире, целевая аудитория благополучателей стала разнообразной, а состав волонтерского корпуса не ограничивается медиками или людьми, имеющими принадлежность к медицинскому учреждению. Так, состав волонтеров пополнили администраторы, IT-специалисты, психологи, сотрудники call-центров [Федулова, Зубова 2021, с. 79; Шонус 2021, с. 320]. Для непрофильных вузов социально-медицинское волонтерство может выступить в качестве ресурса воспитательной работы с обучающимися, благодаря которому формируются ценностные основания гуманистической личности, а также мотивы, побуждающие к дальнейшей социальной активности.

Заявленное стало основанием для проведения настоящего исследования, чтобы охарактеризовать социально-медицинское волонтерство в непрофильном вузе, уточнив его сущность в условиях пандемии, проанализировав опыт социально-медицинского волонтерства обучающихся непрофильных направлений подготовки и будущих специалистов социальной работы, разработав рекомендации координаторам социально-медицинского волонтерства в вузе.

Методология исследования

Волонтерство представляется ретро-инновацией, пристальное внимание к которой в отечественной практике работы с молодежью наблюдалось в 90-х годах XX века, когда проблемы, связанные с социализацией молодежи, ее адаптацией к изменяющимся социально-экономическим и политическим условиям, стали заявляться как критические.

Теоретический анализ научной литературы свидетельствует о наличии исторически накопленного отечественного опыта институционального обеспечения волонтерства, представленного в деятельности организаций научно-профессионального, конфессионального и филантропического типов. Их деятельность определялась стратегией борьбы с эпидемиями, ресурсными возможностями организаций и сводилась к распространению специальной научно-популярной литературы; поддержке деятельности медицинских учреждений (лазаретов, больниц); проведению дезинфекции бытовой обстановки; подготовке пакетов научно-медицинских рекомендаций для местной администрации; предоставлению материально-финансовой помощи; организации детских приютов, странноприимных обществ, домов призрения престарелых, пунктов временного размещения переселенцев, ночлежных домов; популяризации среди населения корректной санитарно-гигиенической культуры [Шонус 2021, с. 317].

Особое место среди организаций, на базе которых реализуется медицинское волонтерство, занимают вузы медицинского профиля. Будущих врачей ориентируют на участие в волонтерстве во многом потому, что функционал врача довольно разнообразен и может сводиться к выполнению функций социального работника, что предполагает обладание определенным психолого-педагогическим опытом. Медицинское волонтерство представляется видом волонтерства в сфере здравоохранения, направленным на повышение качества профилактических, лечебных, реабилитационных медицинских услуг населению. Итак, отличительная черта медицинского волонтерства сводится к максимальной профессиональной (медицинской) направленности [Семенова 2019, с. 25].

В связи с этим основной категорией волонтеров в медицинском волонтерстве выступают лица с медицинским образованием. Вместе с тем отече-

ственные исследователи отмечают недостаточную представленность медицинских работников в этом движении [Мадасова, Захарова 2016, с. 126]. Кроме заявленной категории к числу волонтеров относят лиц без специального медицинского образования, чья волонтерская деятельность разнообразна по своему функционалу. Особо следует выделить организаторов (кураторов, координаторов) волонтеров, то есть лиц, осуществляющих управление, координацию деятельности волонтеров в медицинском учреждении, контроль качества и своевременности действий волонтеров. Деятельность заявленных субъектов должна быть легитимна с учетом отечественного законодательства. В настоящее время актуальным представляется вопрос о формировании, как у волонтеров, так и у их организаторов специальных компетенций путем обучения, сертификации.

Медицинское волонтерство характеризуется отечественными и зарубежными учеными как многоаспектный феномен: этап профессионального становления личности студента [Тян, Камалиев 2021, с. 6]; воспитательная деятельность [Калимуллина, Федулова 2018, с. 163; Литвинова, Бушмина 2021, с. 56]; социальная технология самоопределения, самоорганизации и самоутверждения молодежи [Кузнецова, Соловьева 2018, с. 134; Мамедова 2020, с. 217]. Отмечается приоритет альтруистической модели волонтерства в медицинском волонтерстве.

В определении медицинского волонтерства в период пандемии исследователи склонны трактовать его как социально-медицинское, подчеркивая широкий профиль функционала и состава волонтеров [Федулова 2021, с. 80; Шонус 2021, с. 320]. Мы склонны рассматривать социально-медицинское волонтерство как вид волонтерства в сфере здравоохранения, направленный на повышение качества оказания медицинских услуг и предполагающий участие в нем волонтеров широкого профиля профессиональной подготовки.

Методы исследования

В исследовании использованы теоретический метод – изучение социологической, педагогической, психологической научной литературы. Метод анкетирования является основным эмпирическим методом. Оригинальная авторская анкета включает 10 вопросов, позволивших выявить количество отработанных волонтерами смен; функционал волонтеров; мотивы участия в социально-медицинском волонтерстве и выбора смен работы; проблемы, с которыми столкнулись волонтеры; ожидания волонтеров и степень их реализации; готовность продолжать участие в социально-медицинском волонтерстве. Ответы на открытые вопросы анкеты стали основанием для разработки рекомендаций организаторам волонтеров. При представлении результатов исследования сохранена орфография, пунктуация ответов опрошенных. Анкетирование было анонимным, результаты представлены в

обобщенном виде. Кроме этого, в качестве эмпирического метода применялось интервью с волонтерами, отработавшими 10 смен и более.

Этапы исследования

Научный интерес к социально-медицинскому волонтерству в непрофильном вузе обусловлен современной ситуацией. Так, в 2022 году сформировался социальный заказ: Министерство здравоохранения Самарской области обратилось к студенчеству города с просьбой оказать посильную помощь медицинскому персоналу учреждений здравоохранения. В число волонтеров вошли обучающиеся Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самарский университет).

На первом этапе проводился теоретический анализ проблемы на основе изучения социологической, педагогической, психологической научной литературы; конкретизировались проблема, цель, методы исследования, разрабатывались анкета и гид-интервью для волонтеров.

На втором этапе проводилось анкетирование. Выборку составили 87 волонтеров, принявших участие в акции помощи медицинскому персоналу учреждений здравоохранения. В число опрошенных вошли 40 обучающихся бакалавриата Института информатики и кибернетики, Института экономики и управления, Институт двигателей и энергетических установок, Институт авиационной и ракетно-космической техники – обучающиеся непрофильных направлений профессиональной подготовки. Социально-гуманитарный институт, направление подготовки «Социальная работа» представляли 47 человек. Для будущих специалистов социальной работы волонтерство является основой будущей профессии, однако, медицинское волонтерство в полной мере не является профильным. Кроме этого, проведены интервью с волонтерами, отработавшими от 10 до 20 смен.

На третьем этапе полученные результаты были проанализированы, обобщены с последующей разработкой рекомендаций для кураторов волонтерского движения в вузе.

Результаты исследования

Среди волонтеров непрофильных направлений подготовки преобладали второкурсники (53,8 %), среди будущих специалистов социальной работы третьекурсники (34 %). Первокурсники были представлены почти в одинаковом соотношении: 28,2 и 29,8 %. Четверокурсники в числе волонтеров были представлены лишь среди будущих специалистов социальной работы (8,5 %). Итак, волонтерство обучающихся непрофильных направлений подготовки представлено на младших курсах, в то время как будущие специалисты социальной работы поддерживают волонтерство весь период профессиональной подготовки. Юноши в большинстве были представлены среди волонтеров непрофильных направлений (62,5 %), девушки среди будущих

специалистов социальной работы (91,5 %). Волонтерам предлагалось в определенный период выйти на смены. До двух смен отработало большинство волонтеров всех направлений (23,1 и 17,4 % соответственно). У волонтеров непрофильных направлений была отмечена работа свыше 10 смен (20,5 %), в то время как студенты социально-гуманитарного профиля в большинстве отработали максимум 3 смены (15,2 %). Полученные результаты объясняются тем, что обучающиеся непрофильных направлений приступили к волонтерской акции раньше по времени. Однако среди будущих специалистов социальной работы выявлен волонтер, который отработал 20 смен.

Результаты интервью с волонтерами, отработавшими от 10 до 20 смен, свидетельствуют о том, что наличие у будущих специалистов социальной работы профильной мотивации, гражданской позиции у волонтеров непрофильных направлений подготовки, а также эффективной организационной работы кураторов и обеспечение волонтеров разными видами поддержки (статусная, инструментальная, диффузная) становятся факторами, влияющими на увеличение числа отработанных волонтерами смен.

Функционал волонтеров сводился к работе в call-центре и представлен следующим образом: к работе за компьютерами привлекали в основном волонтеров непрофильных направлений подготовки (66,7 %), в то время как будущие специалисты социальной работы работали с документами (86,7 %), «на телефоне» (15,6 %). По сути, для будущих специалистов социальной работы волонтерский функционал коррелирует с задачами, решаемыми в будущей профессиональной деятельности.

Среди мотивов волонтеров непрофильных направлений подготовки преобладают гражданские («желание помочь» (64,1 %), «повлиять на улучшение ситуации в условиях пандемии» (51,3 %) и практические мотивы («приобрести опыт» (51,3 %) и «освоить новую практику» (43,6 %)). Среди опрошенных непрофильных направлений подготовки 10,3 % выступали волонтерами на постоянной основе, что свидетельствует об устойчивой мотивации волонтеров к данному виду деятельности.

Среди мотивов будущих специалистов социальной работы на первое место вышли профессиональные мотивы, связанные с восприятием волонтерства как основы будущей профессии (30,4 %); гражданский мотив занял второе место («проявление гражданской позиции» – 21,7 %); корпоративный мотив, связанный с поддержкой вуза, кафедры, занимает следующее место в рейтинге (67,4 %). Коммуникативный мотив выделили 37 % опрошенных.

Обращаем внимание на то, что прагматичный (корыстный) мотив зафиксирован в ответах волонтеров непрофильных направлений подготовки (35,9 %): «получить благодарность, бонусы» – 25,6 %, «зачет, балл при оценке прохождения практики или

по учебной дисциплине» – 10,3 %. У будущих специалистов социальной работы аналогичные ответы отметили 17,4 % волонтеров: «получение баллов при оценке прохождения практики или по учебной дисциплине» – 10,9 % волонтеров; «получить благодарность, бонусы» – 6,5 % волонтеров. Отмечаем низкий процент ответов с указанием этой мотивации, что указывает на преобладание альтруистичной модели социально-медицинского волонтерства. Данный аспект указывает на педагогическую значимость социально-медицинского волонтерства в организации воспитательной работы в непрофильном вузе.

Волонтерам предлагалось выбрать смены (утренние, дневные, вечерние) в разных медицинских учреждениях. Волонтеры и непрофильных, и профильного направлений подготовки единодушны в признании причин «наличие свободного времени» (53,8 и 44,4 %, соответственно) и «свободная вакансия в таблице смен» (33,3 % – данные по ответам опрошенных со всех направлений подготовки) в качестве ведущих. Для волонтеров непрофильных направлений подготовки важно было «до начала смен решить свои дела» (30,8 %) и значимо «проживание рядом с медицинским учреждением» (30,8 %). Для будущих специалистов социальной работы доминирует «желание быть в одну смену с друзьями, однокурсниками» (44,4 %). Итак, приоритетность субъективных причин над организационными указывает на важность учета личностной мотивации волонтеров при организации социально-медицинского волонтерства.

За время акции волонтеры столкнулись с разными проблемами. В первую очередь волонтеры обоих направлений отметили проблему транспортной доставки (32 и 50 %, соответственно). При этом кураторы обеспечивали транспортную доставку волонтеров в удаленные районы города, содействовали компенсации транспортных расходов. Предполагаем, что, отмечая транспортную доставку в качестве проблемы, речь шла о недостаточно хорошо организованной работе муниципального транспорта. Проблема некомпетентности волонтеров занимает второе место в рейтинге ответов у волонтеров непрофильных направлений подготовки (16 %), в то время как лишь 12,5 % будущих специалистов социальной работы отметили эту проблему.

Полученные результаты указывают на важность подготовки медицинского персонала к работе с волонтерами. Поскольку в медицинские учреждения направлялись волонтеры непрофильных направлений подготовки, предполагается проведение с волонтерами предварительного инструктажа. Ответы, полученные на вопрос: «Насколько ваши ожидания от участия в волонтерстве оправдались?», сводились к следующим: «ожидания оправдались полностью» отметили 89,7 % обучающихся непрофильных направлений и 87 % будущих специалистов социальной работы. Ответ «полностью не оправдались» отметили 2,6 % во-

лонтеров, обучающихся непрофильных направлений подготовки. Затруднились ответить на данный вопрос 7,7 и 13 % опрошенных соответственно. Данные ответы позволяют сделать прогноз о дальнейшем их участии социально-медицинского волонтерстве.

Волонтерам было предложено продолжить предложение: «Если бы вам предложили продолжить быть волонтером в медицинских учреждениях, то вы...». Варианты ответов следующие: «согласюсь» отметили 41 и 23,9 % волонтеров; «согласюсь на определенных условиях» – 19,2 и 30,4 % волонтеров; «согласюсь на другие виды работ» – 6,4 и 2,2 %; «затрудняюсь ответить» – 30,8 и 17,4 % волонтеров. Готовность быть волонтерами в дальнейшем выразили 2,6 и 17,4 % опрошенных. Решение об отказе приняли 8,7 % будущих специалистов социальной работы. Результаты в целом свидетельствуют о недостаточно сформированной готовности волонтеров выступать в роли социально-медицинских волонтеров, что можно объяснить спецификой этой деятельности, недостаточно организованными условиями для эффективной работы.

Анализ предложенных в опросе открытых вопросов позволил детализировать информацию для разработки рекомендаций кураторам социально-медицинского волонтерства в непрофильном вузе. Отмечаем, что чаще на данные вопросы в ходе анкетирования отвечали будущие специалисты социальной работы. Во-первых, необходимо соотносить функционал волонтеров с их личностными возможностями, мотивацией, профессиональной направленностью. Данная рекомендация составлена на основе следующих вариантов ответов волонтеров: «Можно составлять заранее список с необходимой помощью, чтобы каждый мог выбрать, чем ему эффективнее заниматься» (волонтер, обучающийся по непрофильным направлениям подготовки); «Уточнять, точно ли нужна помощь, так как сталкивались с отсутствием работы для волонтера» (ответ будущего специалиста социальной работы); «Работа, не требующая медицинских знаний» (ответ будущего специалиста социальной работы); «Я считаю, что работа волонтера будет эффективной в одном случае: если человек идет туда с настроением помочь, поэтому надо искать людей, которые готовы оказать помощь без ожидания получить что-то взамен» (будущего специалиста социальной работы); «Поддержание связей между мед. учреждением и координатором (действительно ли нужно на это смену такое количество волонтеров)» (ответ будущего специалиста социальной работы).

Во-вторых, соотносить месторасположение медицинских учреждений с адресом проживания волонтеров и по возможности обеспечивать транспортную доставку волонтеров до медицинских учреждений. Основанием для данной рекомендации послужили следующие ответы волонтеров: «Обеспечить волонтеров транспортом, питани-

ем» (волонтер, обучающийся по непрофильным направлениям подготовки); «Слишком далеко ездить, хотелось бы ближе» (ответ будущего специалиста социальной работы); «Базы практики должны соответствовать месту проживания» (ответ будущего специалиста социальной работы); «Выбор места волонтерства ближе к месту проживания» (ответ будущего специалиста социальной работы).

В-третьих, при назначении времени смен работы волонтеров следует учитывать учебную занятость волонтеров. Считаем возможным совмещение социально-медицинского волонтерства с периодом прохождения разных видов практики будущими специалистами социальной работы. Представим ответы опрошенных, подтверждающие актуальность этой рекомендации: «Немного сократить продолжительность смены» (ответ будущего специалиста социальной работы); «Работать с 15:00–19:00~» (волонтер, обучающийся по непрофильным направлениям подготовки); «Помогать я мог только во время каникул, так как сейчас в связи с учебой у меня высокая занятость. В поликлинике мне сообщили, что помощь нужна с ~9 до 11–12, как я и помогал на каникулах. Сейчас же в это время у меня пары...» (волонтер, обучающийся по непрофильным направлениям подготовки).

В-четвертых, обратить внимание на обеспечение безопасности волонтеров (с медицинской точки зрения) и создать условия на рабочих местах волонтеров в медицинских учреждениях. Идея этой рекомендации следующим образом отражена в ответах волонтеров: «Обеспечить безопасность волонтерам в плане здоровья» (ответ будущего специалиста социальной работы); «Возможно выделить отдельное помещение» (ответ будущего специалиста социальной работы); «Предоставление средств индивидуальной защиты, отдельный кабинет, куда не будут заходить посетители медицинского учреждения» (ответ будущего специалиста социальной работы); «Волонтеров, которые остаются на две и более смены, обеспечивать питанием, водой» (ответ будущего специалиста социальной работы); «Можно чуть улучшить условия волонтерства (например, не сидеть на сломанных стульях и не работать на компьютерах, которые грузят страницу по 3 минуты)» (волонтер, обучающийся по непрофильным направлениям подготовки).

В-пятых, организовать проведение предварительного инструктажа для волонтеров и последующее сопровождение волонтеров медиком-организатором (куратором). Представим красноречивый ответ будущего специалиста социальной работы: «Однокурсники говорили, что их долго распределяли, если есть такая возможность, то побольше бы специалистов в работу с прибывшими волонтерами. И небольшой экскурс, что нужно делать, что отвечать на телефонные звонки, чтобы быть более компетентным в результате комму-

никации по телефону с заболевшими; ибо иногда я не знаю, что ответить, когда меня спрашивают люди, что им делать при таком-то диагнозе или в какую смену работает тот или иной врач» (ответ).

Социально-медицинское волонтерство в непрофильном вузе осуществляется в рамках внеучебной работы, одно из значений которой сводится к созданию в вузе условий для воспитания молодежи. В связи с этим, социально-медицинское волонтерство в непрофильном вузе следует представить как перспективное направление воспитательной работы и дополнительный ресурс адаптации обучающихся младших курсов к обучению в университете. Для развития социально-медицинского волонтерства в непрофильном вузе следует продолжать: поддерживать неформальную атмосферу в волонтерских студенческих объединениях; проводить мероприятия на сплочение, командную работу и организацию досуга волонтеров; сохранить традицию нематериального поощрения волонтеров в вузе.

Заключение

Теоретический анализ научной литературы позволяет констатировать недостаточное количество специальных исследований социально-медицинского волонтерства в непрофильных вузах. Исследователи не учитывают воспитательный потенциал социально-медицинского волонтерства в непрофильных вузах и его роль в адаптации обучающихся младших курсов к обучению. В фокус научного интереса не входит конкретизация ресурсов, привлекающих обучающихся разных профилей профессиональной подготовки к социально-медицинскому волонтерству.

Представленные результаты исследования свидетельствуют о том, что в большей степени в

социально-медицинское волонтерство вовлечены обучающиеся младших курсов. Это является, во-первых, показателем работы волонтерских студенческих объединений, которые, привлекая обучающихся разных направлений подготовки, популяризируют волонтерское движение в вузе. Во-вторых, вовлечение обучающихся в волонтерство является одним из направлений внеучебной работы и ресурсом адаптации обучающихся младших курсов к обучению в университете.

Социально-медицинское волонтерство в непрофильном вузе предполагает сопровождение волонтеров медицинскими работниками, обеспечивающими инструктаж, помощь и разные виды их поддержки. Учитывая, что социально-медицинское волонтерство осуществлялось в свободное время обучающихся, а среди мотивов волонтеров непрофильных направлений подготовки преобладали гражданский мотив и желание приобрести новый опыт, важна конкретизация содержательной составляющей социально-медицинского волонтерства и статусная поддержка волонтеров.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о недостаточной готовности волонтеров непрофильного вуза к социально-медицинскому волонтерству. В связи с этим разработанные нами рекомендации могут способствовать выстраиванию социального партнерства между образовательной организацией и медицинскими учреждениями; продвижению социально-медицинского волонтерства в вузе не только в период пандемии; разнообразию организации досуга студенчества; расширению содержания разных видов практики будущих специалистов социальной работы.

Предметом дальнейших исследовательских поисков может стать вопрос о гендерной мотивации обучающихся непрофильных направлений подготовки к социально-медицинскому волонтерству.

Библиографический список

- Адресную помощь... – *Адресную помощь* в период пандемии получили почти 3,5 млн россиян. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9250173> (дата обращения: 25.11.2020).
- Ермолаева, Гречаная, Башева 2021 – *Ермолаева Ю.В., Гречаная А.А., Башева О.А.* Волонтерские практики в мире и в России в первую волну COVID-2019 // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки.* 2021. № 4. С. 127–144. DOI: <http://doi.org/10.24412/2071-6141-2021-4-127-144>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ffxjmr>.
- Итоги... – *Итоги* выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 15.11.2021).
- Калимуллина, Федулова 2018 – *Калимуллина О.А., Федулова И.В.* Формирование нравственных качеств современных студентов медицинского добровольчества в условиях свободного времени // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств* 2018. № 2. С. 151–155. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35121499>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xqwdbb>.
- Кетова, Слетова, Морозова 2017 – *Кетова Н.А., Слетова А.М., Морозова Е.П.* К вопросу о привлечении обучающихся старших классов общеобразовательных учреждений к профессионально-ориентированному волонтерскому движению (на примере КГМУ) // *Коллекция гуманитарных исследований.* 2017. № 4 (7). С. 95–101. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30621923>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zucpar>.
- Кузнецова, Соловьева 2018 – *Кузнецова А.А., Соловьева Н.А.* Динамика психологических характеристик личности студента в процессе профессионально ориентированной волонтерской деятельности // *Образование и наука.* 2018. Т. 20, № 7. С. 128–146. URL: <http://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-7-128-146>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xzdjgh>.

Литвинова, Бушмина 2021 – *Литвинова Е.С., Бушмина О.Н.* К вопросу о студенческом волонтерстве // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 2 (35). С. 55–56. DOI: <http://doi.org/10.26140/bgз3-2021-1002-0012>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sqxopd>.

Мадасова, Захарова 2016 – *Мадасова О.К., Захарова Т.С.* Правовые проблемы организации добровольческой деятельности в сфере здравоохранения Российской Федерации // Евразийский Союз Ученых. 2016. № 2–1 (23). С. 126–129. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27439266>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xcluhv>.

Мамедова 2020 – *Мамедова А.О., Быкова П.В., Сысоев А.А., Гергокова Д.В.* Волонтерская деятельность в период пандемии COVID-19 // Образование и наука в России и за рубежом 2020. № 5 (69). С. 103–108. URL: <https://www.gurnal.ru/statyi/ru/2130/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42895549>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dmtiyu>.

Певная, Кульминская, Широкова, Шуклина 2021 – *Певная М.В., Кульминская А.В., Широкова Е.А., Шуклина Е.А.* Волонтерское участие молодежи в период пандемии: портрет героя сложного времени // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3 (163). С. 492–510. DOI: <http://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1930>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ovvejg>.

Петрова, Черкасова 2022 – *Петрова Т.Э., Черкасова Т.В.* Социальное самочувствие российских студентов в период ковид-пандемии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 66–72. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-66-72>. EDN: <https://www.elibrary.ru/asmmve>.

Рассохина, Пфетцер С.А., Пфетцер А.А. 2020 – *Рассохина И.Ю., Пфетцер С.А., Пфетцер А.А.* Поддержка сверхнормативной активности молодежи в ситуации пандемии COVID-19 как актуальное направление молодежной политики // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 4 (40). С. 29–40. URL: [http://www.prof-obr42.ru/Archives/4\(40\)2020.pdf](http://www.prof-obr42.ru/Archives/4(40)2020.pdf); <https://elibrary.ru/item.asp?id=44583902>. EDN: <https://www.elibrary.ru/cvtlbd>.

Рогова, Яницкий 2020 – *Рогова Е.Н., Яницкий Л.С.* Готовность к волонтерству в дискурсе студенческой молодежи в условиях пандемии COVID-19 // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 4 (40). С. 40–47. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44583903>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zsvwvs>.

Российские практики... – *Российские практики* волонтерства в условиях пандемии: аналитический бюллетень. URL: https://www.hse.ru/data/2020/06/03/1603919375/HSE_Covid_01_2020_4_4.pdf (дата обращения: 25.11.2020)

Семенова 2019 – *Семенова О.А.* Особенности волонтерской деятельности в медицинском университете // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 9–2 (87). С. 24–27. DOI: <http://doi.org/10.23670/IRJ.2019.87.9.030>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ofvgqc>.

Трофимова 2015 – *Трофимова Г.А., Лавровский С.Н., Гвоздецкая Е.А., Мамонова С.Б., Савельева А.В.* Организация профессионального волонтерства в контексте решения задач личностного и профессионального развития студентов медицинского колледжа // Пульс. 2015. Т. 17, № 4. С. 384–387. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25339870>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vinidv>.

Тян, Камалиев 2021 – *Тян М.А., Камалиев М.А.* Организация и менеджмент волонтерского движения в сфере медицинского образования // Вестник Казахского национального медицинского университета. 2021. № 2. С. 343–345. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46206766>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lodlyx>.

Федорова 2021 – *Федорова М.Н.* Волонтерство как нерыночная форма развития человеческого потенциала // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 3. С. 146–157. DOI: http://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_3_146_157. EDN: <https://www.elibrary.ru/jpihcd>.

Федулова 2021 – *Федулова И.В.* Трансформация молодежного волонтерства в эпоху пандемии // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 9–3 (111). С. 78–81. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.9.111.087>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dejji>.

Филипова, Зубова 2020 – *Филипова А.Г., Зубова О.Г.* Особенности молодежного волонтерства в современной России: на пути к участию в принятии социально значимых решений // Социодинамика. 2020. № 12. С. 123–134. DOI: <http://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.12.34664>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uktkkw>.

Шмелева, Кисляков 2021 – *Шмелева Е.А., Кисляков П.А.* Третья миссия университетов в институализации просоциальной активности молодежи // Ноосферные исследования. 2021. № 2. С. 4–12. DOI: <http://doi.org/10.46724/NOOS.2021.2.04-12>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dspntj>.

Шонус 2021 – *Шонус И.Х.* Эволюция моделей медико-социального волонтерства в XIX – начале XXI века (на примере борьбы с эпидемиями в Российской Империи и пандемией COVID-19 в Российской Федерации) // Преподаватель XXI век. 2021. № 4–2. С. 316–325. DOI: <http://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-4-316-325>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zuidzg>.

References

Targeted aid... – Almost 3.5 million Russians received targeted aid during the pandemic. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/9250173> (accessed 25.11.2020). (In Russ.)

Ermolaeva, Grechanaya, Basheva 2021 – *Ermolaeva Yu.V., Grechanaya A.A., Basheva O.A.* (2021) Volunteer practices in the world and in Russia in the first wave of COVID-2019. *Bulletin of Tula State University. Film Humanities*, no. 4, pp. 127–144. DOI: <http://doi.org/10.24412/2071-6141-2021-4-127-144>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ffxjmp>. (In Russ.)

Results... – Results of the labor force sample survey. Retrieved from the official website of the Federal State Statistics Service. Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (accessed 15.11.2020). (In Russ.)

- Kalimullina, Fedulova 2018 – *Kalimullina O.A., Fedulova I.V.* (2018) Formation of modern students' moral quality by means of medical voluntary in conditions of freetime. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 2, pp. 151–155. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35121499>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xqwdbb>. (In Russ.)
- Ketova, Sletova, Morozova 2017 – *Ketova N.A., Sletova A.M., Morozova E.P.* (2017) On the issue of attracting students of the upper grades of general education institutions to a professionally-oriented volunteer movement (on the example of KSMU). *The Collection of Humanitarian Researches. Electronic scientific journal*, no. 4 (7), pp. 95–101. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30621923>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zucpar>. (In Russ.)
- Kuznetsova, Solovyeva 2018 – *Kuznetsova A.A., Solovyeva N.A.* (2018) Dynamics of psychological characteristics of a student-volunteer in the process of professionally-oriented volunteering activity. *Education and Science Journal*, vol. 20, no. 7, pp. 128–146. DOI: <http://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-7-128-146>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xzdjgh>. (In Russ.)
- Madasova, Zakharova 2016 – *Madasova O.K., Zakharova T.S.* (2016) Legal problems of the organization of voluntary activities in the healthcare sphere of the Russian Federation. *Eurasian Union Of Scientists*, no. 2–1 (23), pp. 126–129. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27439266>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xcluhv>. (In Russ.)
- Mamedova 2020 – *Mamedova A.O., Bykova P.V., Sysoev A.A., Gergokova D.V.* (2020) Volunteer activity during the COVID-19 pandemic. *Education and science in Russia and abroad*, no. 5 (69), pp. 103–108. Available at: <https://www.gyrnal.ru/statyi/ru/2130/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42895549>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dmtyiu>. (In Russ.)
- Litvinova, Bushmina 2021 – *Litvinova E.S., Bushmina O.N.* (2021) To the question about student volunteering. *Baltic Humanitarian Journal*, vol. 10, no. 2 (35), pp. 55–56. DOI: <http://doi.org/10.26140/bgz3-2021-1002-0012>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sqxopd>. (In Russ.)
- Pevnaya, Kulminskaya, Shirokova, Shulkina 2021 – *Pevnaya M.V., Kulminskaya A.V., Shirokova E.A., Shuklina E.A.* (2021) Volunteering youth during the pandemic: a portrait of a hero of a difficult time. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 3 (163), pp. 492–510. DOI: <http://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1930>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ovvejg>. (In Russ.)
- Petrova, Cherkasova 2022 – *Petrova T.E., Cherkasova T.V.* (2022) The students' social well-being during a pandemic. *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, vol. 22, no. 1, pp. 66–72. DOI: <http://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-66-72>. EDN: <https://www.elibrary.ru/asmmve>. (In Russ.)
- Rassokhina, Pfttser S.A., Pfttser A.A. 2020 – *Rassokhina I.Yu., Pfttser S.A., Pfttser A.A.* (2020) Support of excess activity of young people in the situation of the COVID-19 pandemic as an actual direction of youth policy. *Professional Education in Russia and Abroad*, no. 4 (40), pp. 29–40. Available at: [http://www.prof-obr42.ru/Archives/4\(40\)2020.pdf](http://www.prof-obr42.ru/Archives/4(40)2020.pdf); <https://elibrary.ru/item.asp?id=44583902>. EDN: <https://www.elibrary.ru/cvtlbd>. (In Russ.)
- Rogova, Yanitskiy 2020 – *Rogova E.N., Yanitskiy L.S.* (2020) Readiness for volunteering in student youth discourse in the COVID-19 pandemic. *Professional Education in Russia and Abroad*, no. 4 (40), pp. 40–47. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44583903>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zsvwvs>. (In Russ.)
- Russian practices... – *Russian volunteer practices in a pandemic: analytical bulletin*. Available at: https://www.hse.ru/data/2020/06/03/1603919375/HSE_Covid_01_2020_4_4.pdf (accessed 25.11.2020). (In Russ.)
- Semenova 2019 – *Semenova O.A.* (2019) Features of volunteer activity at medical university. *International Research Journal*, no. 9-2 (87), pp. 24–27. DOI: <http://doi.org/10.23670/IRJ.2019.87.9.030>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ofvgqc>. (In Russ.)
- Trofimova 2015 – *Trofimova G.A., Lavrovsky S.N., Gvozdetskaya E.A., Mamonova S.B., Savelieva A.V.* (2015) The organization of professional volunteering in the context of solving personal and professional development of students of medical college. *Pulse*, vol. 17, no. 4, pp. 384–387. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25339870>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vinidv>. (In Russ.)
- Tyan, Kamaliev 2021 – *Tyan M.A., Kamaliev M.A.* (2021) Organization and management of the volunteer movement in the field of higher medical education. *Vestnik KAZNMU*, no. 2, pp. 343–345. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46206766>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lodlyx>. (In Russ.)
- Fedorova 2021 – *Fedorova M.N.* (2021) Volunteering as a non-market form of the development of human potentiality. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 3, pp. 146–157. DOI: https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_3_146_157. EDN: <https://www.elibrary.ru/jpihcd>. (In Russ.)
- Fedulova 2021 – *Fedulova I.V.* (2021) Transformations in youth volunteering during a pandemic. *International Research Journal*, no. 9–3 (111), pp. 78–81. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.9.111.087>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dejiji>. (In Russ.)
- Filipova, Zubova 2020 – *Filipova A.G., Zubova O.G.* (2020) Peculiarities of youth volunteering in modern Russia: on the path to making socially important decisions. *Sociodynamics*, no. 12, pp. 123–134. DOI: <http://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.12.34664>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uktkkw>. (In Russ.)
- Shmeleva, Kislyakov 2021 – *Shmeleva E.A., Kislyakov P.A.* (2021) The third mission of universities in the institutionalization of prosocial activity of youth. *Noospheric Studies*, no. 2, pp. 4–12. DOI: <http://doi.org/10.46724/NOOS.2021.2.04-12>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dspntj>. (In Russ.)
- Shonus 2021 – *Shonus I.Kh.* (2021) Evolution of medical and social volunteering models in 19th – early 21st century (on the example of the fight against pandemic in the Russian empire and the COVID-19 pandemic in the Russian Federation). *Prepodavatel XXI vek*, no. 4–2, pp. 316–325. DOI: <http://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-4-316-325>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zuidzg>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 159.9

Дата поступления: 12.01.2023
рецензирования: 23.02.2023
принятия: 10.03.2023

Формирование патриотического сознания студенческой молодежи

М.З. Саматеева

Северо-Осетинский государственный педагогический институт, г. Владикавказ, Российская Федерация
E-mail: samateeva@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4479-4239>

Аннотация: В статье обосновывается значимость формирования патриотического сознания студенческой молодежи на основе понимания сущности патриотизма как социального чувства. Одна из первоочередных задач основополагающих преобразований в современном обществе – это формирование личности гражданина нового типа. Студенческая молодежь представляет социальный слой общества, который находится в авангарде преобразования мира, внося большой вклад в его устойчивое развитие. На основе социально-психологического опроса представлены результаты, свидетельствующие о современном состоянии патриотического сознания молодежи. Применялась методика выявления патриотического сознания студенческой молодежи в Северо-Осетинском государственном институте. В исследовании участвовали две возрастные группы: респонденты от 16 до 25 лет и респонденты старше 25 лет. Результаты исследования показывали, что патриотизм интегрирует систему ценностей современного подрастающего поколения, однако не является приоритетной для большинства молодых людей. Таким образом, формирование патриотического сознания молодежи требует усвоения духовно-нравственных ценностей современного общества. Формирование патриотического сознания в высшем учебном заведении следует рассматривать как сложный процесс, все аспекты которого должны быть взаимосвязаны между собой и осуществляться как в процессе обучения, так и во внеучебной деятельности: изучение гуманитарных дисциплин; участие студенческой молодежи в различных видах деятельности.

Ключевые слова: патриот; патриотизм; патриотическое сознание; студенческая молодежь; формирование; ценностные ориентации.

Цитирование. Саматеева М.З. Формирование патриотического сознания студенческой молодежи // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 104–108. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-104-108>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Саматеева М.З., 2023

Марина Зоркаевна Саматеева – аспирант кафедры педагогики и психологии, Северо-Осетинский государственный педагогический университет, 362003, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Карла Маркса, д. 36.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.01.2023
Revised: 23.02.2023
Accepted: 10.03.2023

Formation of patriotic consciousness of student youth

M.Z. Samateeva

North Ossetian State Pedagogical Institute, Vladikavkaz, Russian Federation
E-mail: samateeva@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4479-4239>

Abstract: The article emphasizes the importance of formation of patriotic consciousness of students. The main approaches to understanding the essence of patriotism as a social feeling are considered. One of the primary tasks of fundamental transformations in modern times is the construction of a civil society, the formation of a new type of civil personality. Student youth is the social stratum of society that is already at the forefront of the transformation of the world, making a great contribution to sustainable development and opening up new formats for ensuring involvement and interaction on a global scale. The younger generation is not only the most numerous: it also has the highest level of interaction. On the basis of a socio-psychological survey, the results are presented, the current state of patriotic consciousness of modern youth is analyzed. Approbation of the methodology for identifying the formation of patriotic consciousness of student youth was carried out at the North Ossetian State Institute. The study involved two age groups, respondents from 16 to 25 years old and respondents over 25 years old. The reason for this division was the fact that the age group of 16 to 25 years, these are students who have self-awareness. The second age group is respondents over 25 years old. This group is already well-formed mature people with a relatively formed worldview. The results of our research showed that patriotism is the value system of the modern younger generation, but, at the same time, is not a priority and defining value for most young people. The main aspect in the formation of patriotic consciousness is to direct young people to assimilate the spiritual and moral values of modern society. The organization of the process of formation of patriotic consciousness in a higher educational institution should be considered as a complex process, all aspects of which should be interconnected and at the same time complement each other, which implies its purposeful and comprehensive implementation. The formation of patriotic consciousness of students should be carried out both in the learning process and in extracurricular activities, through the study of humanities, the participation of students in various activities.

Key words: patriot; patriotism; patriotic consciousness; youth; students; formation; value orientations; society; personality.

Citation. Samateeva M.Z. Formation of patriotic consciousness of student youth. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 104–108. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-104-108>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Samateeva M.Z., 2023

Marina Z. Samateeva – post-graduate student of the Department of Pedagogy and Psychology, North Ossetian State Pedagogical University, 36, Karla Marksa Street, Vladikavkaz, 362003, North Ossetia – Alania.

Введение

Преобразования, происходящие в современных условиях, приводят к значительным переменам в социальной, экономической, политической и духовных сферах нашего общества. В настоящее время под влиянием телевидения, Интернет-сети, средств массовой информации, периодических изданий отдельные личности призывают жить молодежь сегодняшним днем, легко добиваться планируемых результатов, соответствовать стандартам общества потребления. Происходит трансформация традиционных ценностей, связанная с притуплением чувства патриотизма и гражданственности, неуважительным отношением к государству и обществу, проявлением агрессии и эгоизма [Ильясова 2015]. Особенно остро данная проблема прослеживается в среде молодежи [Агапова 2007]. В данном аспекте проблема формирования патриотического сознания студентов на современном этапе развития нашего общества – это одно из наиболее актуальных и значимых направлений в системе подготовки молодого поколения к самостоятельной жизнедеятельности.

Степень разработанности проблемы

В значительной части современных научных работ патриотизм рассматривается в контексте социально накопленного потенциала. Патриотизм (любовь к Отечеству) предполагает деятельную любовь к своей стране, к своему народу – к Родине. Патриотизм является одной из важнейших социальных ценностей [Лебедева, Орлова 2019]. Патриотизм рассматривается как интегративное свойство, включающее патриотические знания, взгляды, убеждения, патриотические чувства, уважительное отношение к историческому прошлому и унаследованным от него традициям, стремление своей деятельностью способствовать расцвету Родины [Выршиков 2006]. Патриотизм выражается ощущением принадлежности к своей нации, культуре, стремлением активно способствовать ее прогрессу и процветанию [Абрамова 2008].

Исследователи рассматривают патриотизм как совокупность нравственных чувств и черт поведения, включающую любовь к Родине, следование и умножение традиций своего народа, бережное отношение к историческим памятникам, обычаям родной страны, привязанность к родным местам, уважение обычаев и культуры, уважение иных стран и народов, стремление к сотрудничеству с ними. Утверждается, что это комплекс субъективных качеств личности», который проявляется во

взаимоотношениях и деятельности личности при выполнении социально-ролевых функций – осознанной законопослушности, патриотической преданности [Быков 2010].

Патриотическое сознание является определяющим фактором патриотического поведения, морально-нравственным регулятором взаимодействия субъекта с объектом в его патриотической деятельности [Котруца 2010]. Патриотическое сознание представляет собой отражение субъектом значимости своего Отечества и готовности осуществлять необходимые действия по защите его национальных интересов. Характерные черты патриотического сознания личности связаны непосредственно с сущностью понятия «патриотизм». Исследуя значимость психологических механизмов и факторов формирования патриотизма, приходим к выводу: патриотизм – это результат сформированного социального чувства и способ эмоционально-нравственного отражения действительности.

Итак, формирование патриотического сознания современной молодежи является актуальной проблемой, на результаты разрешения которой влияние оказывают социальные институты: семья, средства массовой информации, социокультурная среда, учреждения образования [Игошев 2008]. Исследователи отмечают значимость образовательного учреждения в процессе формирования патриотического сознания студенческой молодежи [Крикун 2016]. Целью настоящего исследования является рассмотрение сущности понятия «патриотизм», обоснование значимости патриотизма в сознании молодых людей, учет специфики его формирования у студентов.

Методы исследования

Для реализации исследовательских целей применялись следующие методы исследования: теоретический анализ отечественной научной литературы по педагогике, психологии; обобщение педагогического опыта формирования патриотического сознания студентов высшего учебного заведения; эмпирические методы (наблюдение, опрос). Исследование проводилось в Северо-Осетинском государственном институте; выборку исследования составили 316 респондентов: первая группа – 164 человека; вторая группа – 152.

Результаты исследования

В ходе исследования выявлено, что содержание феномена патриотизма, отмеченное студентами, не противоречит традиционному пониманию (см. таблицу).

Таблица

Содержание феномена патриотизма

Table

The content of the phenomenon of patriotism

№	Содержание проявления патриотизма	% возрастных показателей	
		1 группа	2 группа
1	Любовь к Родине	72,4 %	70,1 %
2	Укрепление семьи, воспитание детей в духе патриотизма	6,8 %	9,6 %
3	Празднование исторических событий и юбилеев	6,7 %	8,5 %
4	Голосование на выборах за патриотические партии	3,1 %	4,4 %
5	Участие в деятельности патриотических организаций	2,6 %	4,3 %
6	Разговоры и беседы со знакомыми на патриотические темы	2,1 %	3,2 %

Итак, по мнению респондентов обеих возрастных групп патриотизм проявляется, прежде всего, в любви к Родине – 45,0 %; в укреплении семьи и воспитании детей в духе патриотизма – 21,8 %. Менее значимыми являются: празднование исторических событий и юбилеев – 15,2 %; публичные и политические формы проявления патриотизма – 7,5 %; участие в деятельности патриотических организаций – 6,9 % респондентов. Совсем непопулярными являются беседы со знакомыми на патриотические темы – 5,3 % студентов считают их проявлением настоящего патриотизма.

Признаками патриотической направленности личности является интерес к познанию своей Родины, что проявляется в деятельности и поступках. Отвечая на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом?», утвердительный ответ дали 87,8 % респондентов первой возрастной группы и 86,3 % второй возрастной группы. Как часть общественного сознания патриотизм проявляется в коллективных убеждениях, чувствах, оценках по отношению к своему народу, его образу жизни, государству, истории, культуре, системе традиционных ценностей. На уровне конкретной личности патриотизм выступает как основополагающая, устойчивая характеристика, выражающаяся в его мировоззрении, нравственных идеалах и нормах поведения. При обосновании социально-психологических факторов формирования патриотического сознания молодежи отмечается влияние семьи – 56,8 %; влияние образовательного учреждения – 29,6 %.

В ходе исследования определялся идеал истинного патриота. В результате исследования было выявлено, что значительная часть респондентов связывают идеал истинного патриота с проявлением любви к Родине – 63,7 %; с готовностью бескорыстного служения Родине и самопожертвования ради ее блага – 22,6 %; с ощущением гордости за принадлежность к своему народу – 12,6 %. По мнению 3,7 % респондентов, патриотизм может проявляться в нетерпимости к представителям других наций и народностей. Респондентам было предложено оценить по десятибалльной шкале отно-

шение к своей малой Родине. При сравнительном анализе обеих возрастных групп было выявлено, что Родина ассоциируется с местом рождения у большинства респондентов (82,4 %); не согласны с этим утверждением 11,4 %; затруднились ответить 7,1 %. Результаты свидетельствуют о том, что студенческая молодежь признает ценность малой Родины.

Жизнедеятельность современного общества во многом зависит от уровня сформированности патриотического сознания и гражданской позиции молодого поколения, потребностей в духовно-нравственном совершенствовании, от уважения к историко-культурному наследию. Большинство участников исследования утверждают, что необходимо формировать патриотическое сознание, начиная еще с детских лет – 73,3 %. Предлагается создавать в вузах патриотические кружки, клубы, проводить военно-патриотические игры – 34,7 %; средствам массовой информации необходимо уделять внимание патриотической тематике.

Выводы

Результаты исследования показывают, что патриотизм составляет систему ценностей подрастающего поколения, однако необходимо совершенствовать организацию процесса формирования патриотического сознания в ходе воспитательной работы и учебной деятельности.

Опыт патриотического воспитания подтверждает, что необходимо включать студентов в различные виды деятельности, которые способствуют проявлению патриотического поведения: историко-краеведческая и поисковая работа, реализуемая в ходе студенческого краеведческого туризма. Убедились, что следует использовать такие формы, как заседание круглого стола, научные конференции, форумы, викторины, олимпиады, конкурсы. Целесообразно вводить специальные учебные курсы по гражданскому и патриотическому воспитанию молодого поколения, привлекать студентов к участию в мероприятиях и конкурсах патриотической направленности, в гражданско-патриотических и благотворительных акциях.

Материалы исследования

Ружа 2013 – Ружа В.А. Становление и развитие культуры патриотизма современного студенчества: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2013. 24 с.

Библиографический список

Ильясова, Зингер 2015 – *Ильясова А.В., Зингер О.А.* Патриотизм как элемент культуры студенческой молодежи // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1–1. С. 1438. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18007> (дата обращения: 16.10.2017); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25325179>. EDN: <https://www.elibrary.ru/view/vl>.

Агапова 2007 – *Агапова Г.В.* К вопросу о патриотическом воспитании студенческой молодежи // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2007. Т. 17, № 43–2. С. 9–12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11932457>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kbdbqn>.

Лебедева, Орлова 2019 – *Лебедева Л.Г., Орлова Л.В.* Патриотизм как актуальная социальная ценность российских поколений // *Социодинамика*. 2019. № 8. С. 52–61. DOI: <http://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.8.29256>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ykrnsy>.

Вырщиков, Кусмарцев 2006 – *Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б.* Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе: монография. Волгоград: НИ ИПД «Авторское перо», 2006. 210 с. URL: https://www.studmed.ru/vyrshikov-an-kusmarcev-mb-patrioticheskoe-vospitanie-molodezhi-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve_993fea28dcb.html.

Агапова, Давыдова 2008 – *Агапова И., Давыдова М.* Патриотическое воспитание в школе. Москва: Айрис пресс, 2008. 212, [2] с. (Внимание: дети!).

Бузский, Вырщиков, Кусмарцев 2008 – *Бузский М.П., Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б.* Теоретические проблемы патриотизма и патриотического воспитания. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. 90 с.

Быков, Лутовинов 2010 – *Быков А.К., Лутовинов В.И.* Российский патриотизм. Истоки, содержание, воспитание в современных условиях. Москва: Планета, 2010. 336 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20116866&selid=26234234>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qyfqud>.

Котруца 2007 – *Котруца Л.Н.* Формирование патриотического сознания учащихся в условиях современной школы // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер. 3: Педагогика и психология. 2007. № 3. С. 176–183. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2007.4/586/kotrutsa2007_4.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11933836>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kbdwax>.

Агапова 2007 – *Агапова Г.В.* К вопросу о патриотическом воспитании студенческой молодежи // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2007. Т. 17, № 43–2. С. 9–12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11932457>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kbdbqn>.

Мурзин 2016 – *Мурзин А.И.* Концептуальные основы российского патриотизма: понятие и сущность // *Аналитика культурологии*. 2016. № 1 (34). С. 32–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-rossiyskogo-patriotizma-ponyatie-i-suschnost>.

Государственная программа... 2015 – *Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»*: Утверждена Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493. URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>.

Шлыков 2012 – *Шлыков А.В.* Патриотизм и патриотическое воспитание в вузе // *Молодой ученый*. 2012. № 8 (43). С. 386–388. URL: <https://moluch.ru/archive/43/5195/>.

Игошев 2008 – *Игошев Б.М.* О патриотическом воспитании студентов // *Мир образования – образование в мире*. 2008. № 2 (30). С. 171–180. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11522181>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jsdqmb>.

Крикун, Хатова 2016 – *Крикун Е.В., Хатова А.Н.* Тема бунтарства в молодежной среде // *Материалы международной студенческой научной конференции Белгородского ГАУ*, 9–10 февраля 2016 г. Белгород: Издательство Белгородского ГАУ, 2016. С. 198. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26594014&pf=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wjywox>.

References

Ilyasova, Zinger 2015 – *Ilyasova A.V., Zinger O.A.* (2015) Patriotism – as an element of culture of student youth. *Modern problems of science and education*, no. 1–1, p. 1438. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18007> (accessed 16.10.2017); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25325179>. EDN: <https://www.elibrary.ru/view/vl>. (In Russ.)

Agapova 2007 – *Agapova G.V.* (2007) On the issue of patriotic education of student youth. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, vol. 17, no. 43–2, pp. 9–12. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11932457>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kbdbqn>. (In Russ.)

Lebedeva, Orlova 2019 – *Lebedeva L.G., Orlova L.V.* (2019) Patriotism as a relevant social value of Russian generations. *Sociodynamics*, no. 8, pp. 52–61. DOI: <http://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.8.29256>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ykrnsy>. (In Russ.)

- Vyrshchikov, Kusmartsev 2006 – *Vyrshchikov A.N., Kusmartsev M.B.* (2006) Patriotic education of youth in modern Russian society: monograph. Volgograd: NP IPD «Avtorskoe pero», 210 p. Available at: https://www.studmed.ru/vyrshchikov-an-kusmarcev-mb-patrioticheskoe-vozpitanie-molodezhi-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve_993fea28dcb.html. (In Russ.)
- Agapova, Davydova 2008 – *Agapova I., Davydova M.* (2008) Patriotic education at school. Moscow: Airis press, 212, [2] p. (Attention: children!) (In Russ.)
- Buzsky, Vyrshchikov, Kusmartsev 2008 – *Buzsky M.P., Vyrshchikov A.N., Kusmartsev M.B.* (2008) Theoretical problems of patriotism and patriotic education. Volgograd: Izd-vo VolGU, 90 p. (In Russ.)
- Bykov, Lutovinov 2010 – *Bykov A.K., Lutovinov V.I.* (2010) Russian patriotism. Origins, content, education in modern conditions. Moscow: Planeta, 336 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20116866&selid=26234234>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qyfqud>. (In Russ.)
- Kotrutsa 2007 – *Kotrutsa L.N.* (2007) Formation of patriotic consciousness of students in the conditions of a modern school. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3: Pedagogika i psikhologiya*, no. 3, pp. 176-183. Available at: http://vestnik.adygnet.ru/files/2007.4/586/kotrutsa2007_4.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11933836>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kbdwax>. (In Russ.)
- Agapova 2007 – *Agapova G.V.* (2007) On the issue of patriotic education of student youth. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, vol. 17, no. 43–2, pp. 9–12. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11932457>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kbdbqn>. (In Russ.)
- Murzin 2016 – *Murzin A.I.* (2016) Conceptual foundations of Russian patriotism: the concept and essence. *Analitika kul'turologii*, 2016, no. 1 (34), pp. 32–36. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-rossiyskogo-patriotizma-ponyatie-i-suschnost>. (In Russ.)
- State program 2015 – State program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016–2020»: Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation № 1493 dated December 30, 2015. Available at: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>. (In Russ.)
- Shlykov 2012 – *Shlykov A.V.* (2012) Patriotism and patriotic education at the university. *Molodoi uchenyi*, 2012, no. 8 (43), pp. 386–388. Available at: <https://moluch.ru/archive/43/5195/>. (In Russ.)
- Igoshev 2008 – *Igoshev B.M.* (2008) On the patriotic education of students. *The World of Education – Education in the World*, no. 2 (30), pp. 171–180. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11522181>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jsdqmb>. (In Russ.)
- Krikun, Khatova 2016 – *Krikun E.V., Khatova A.N.* (2016) The theme of rebellion in the youth environment. In: *Materials of the International student scientific conference of Belgorod State University, February 9-10, 2016*. Belgorod: Izdatel'stvo Belgorodskogo GAU, p. 198. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26594014&pf=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wjywox>. (In Russ.)

Positive experience and further prospects for online education

Ye.V. Luganskaya

Baikal International Business School, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

E-mail: lug-evgenia@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1218-2457>

A.Yu. Suslova

Baikal International Business School, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

E-mail: aysuslova@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2593-7468>

Abstract: The article focuses on the positive aspects of online education and discusses the lessons learned and effective practices that can be brought back into conventional face-to-face classes. Unlike numerous studies pointing out disadvantages of distance education, the authors contend that online education during the pandemic was quite efficient, enabling them to take away a lot of useful findings, techniques, and experiences. The paper describes the results of the study conducted among freshmen and sophomores, as well as lecturers of the Department of the English language and the administration of Baikal International Business School of Irkutsk State University. Using student and teacher questionnaires, a dean interview, and observation, the authors collect multiple psychographic, motivational, and behavioral data allowing to find out preferences and opinions of online education. As a result of their research, the authors come to the conclusion that the main outcomes of online teaching are more collaboration for course development and preparation of student assessment, the integration of MOOCs into conventional courses, the use of numerous interactive technologies and videoconferencing platforms for various purposes, more reflection on teaching and student learning, and more opportunities for professional growth. Overall, teachers report becoming more knowledgeable, better equipped, and more competent. Besides professional benefits, after overcoming the challenges of online teaching, the instructors seem to have become more stress-resistant and resourceful.

Key words: online teaching; distance learning; effective teaching practices; benefits of distance education

Citation. Luganskaya Ye.V., Suslova A.Yu. Positive experience and further prospects for online education. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2029, vol. 29, no. 1, pp. 109–115. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-109-115>.

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Luganskaya Ye.V., Suslova A.Yu., 2023

Yevgeniya V. Luganskaya – Candidate of Philological Sciences, master of management, associate professor, the Department of Humanities and Foreign Languages, Siberian-American School of Management, Baikal International Business School, Irkutsk State University, 1, Karl Marx Street, Irkutsk, 664003, Russian Federation.

Anna Yu. Suslova – Candidate of Philological Sciences, Associate professor, Head of Humanities and Foreign Languages Department, Siberian-American School of Management, Baikal International Business School, Irkutsk State University, 1, Karl Marx Street, Irkutsk, 664003, Russian Federation.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.14.015.62

Дата поступления: 21.12.2022

рецензирования: 23.01.2023

принятия: 10.03.2023

Положительный опыт и дальнейшие перспективы онлайн-образования

Е.В. Луганская

Байкальская международная бизнес-школа, Иркутский государственный университет,

г. Иркутск, Российская Федерация

E-mail: lug-evgenia@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1218-2457>

А.Ю. Сулова

Байкальская международная бизнес-школа, Иркутский государственный университет,

г. Иркутск, Российская Федерация

E-mail: aysuslova@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2593-7468>

Аннотация: В статье рассматриваются положительные аспекты онлайн-обучения и обсуждаются полученные уроки и успешный опыт, которые могут быть применены на традиционных очных занятиях. В отличие от многочисленных исследований, указывающих на недостатки дистанционного обучения, авторы полагают, что онлайн-обучение во время пандемии было достаточно эффективно и позволило привнести в традиционный формат много полезных находок, методик и опыта. Статья основывается на результатах исследования, проведенного среди первокурсников и второкурсников, а также преподавателей кафедры английского языка и администрации Байкальской международной бизнес-школы ИГУ. С помощью анкетирования студентов и преподавателей, интервью с деканом факультета и метода наблюдения авторы собрали многочисленные психологические, мотивационные

и поведенческие данные, позволившие выяснить предпочтения и мнения об онлайн-обучении. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что основными уроками, которые они извлекли, являются понимание преимущества более тесного взаимодействия при разработке курсов и подготовке тестирования студентов, частичное внедрение массовых открытых онлайн-курсов в свои дисциплины, использование интерактивных методик и онлайн платформ для видеоконференций, рефлексия результатов обучения студентов, а также больше возможностей для профессионального роста. В целом преподаватели отмечают, что стали более осведомленными, подготовленными и более компетентными. Кроме профессиональных преимуществ после преодоления трудностей онлайн-обучения преподаватели кафедры указывают большую стрессоустойчивость и изобретательность в подготовке занятий.

Ключевые слова: дистанционное обучение; преподавание английского языка; преимущества дистанционного обучения; успешный опыт преподавания.

Цитирование. Luganskaya Ye.V., Suslova A.Yu. Positive experience and further prospects for online education // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 109–115. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-109-115>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

© Луганская Е.В., Сусллова А.Ю., 2023

Евгения Валерьевна Луганская – кандидат филологических наук, магистр менеджмента, доцент Сибирско-американского факультета менеджмента, кафедра гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Байкальская международная бизнес-школа, Иркутский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1.

Анна Юрьевна Сусллова – кандидат филологических наук, доцент Сибирско-американского факультета менеджмента, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Байкальская международная бизнес-школа, Иркутский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1.

Introduction

The past two years have been a challenge for many teachers of all levels of education as first, they had to adjust to online learning environments, and now after returning to classrooms there is another issue: how to incorporate best online teaching experiences into traditional offline teaching.

In fact, for high school organizational processes, there is no doubt that online education has become its important constituent part; the reality itself dictates the rules, which we, educators, can hardly ignore. No matter how strong our negative or positive reaction toward distance education may be [Kostoeva, Lolokhoeva, Kostoeva Z.M. 2020; Yaroslavtseva, Tsarenkova 2020; Schneyder, Ovchinnikova 2021], we have to face the problems in the new educational reality and make the newly acquired online class strategies more effective to use them now, in the off-line or hybrid format of education.

Actually, the present paper attempts not only to study the results of a two-year study of how the students' attitudes and perception of online learning changed and what lessons were learned, but also to reconsider some benefits and the efficacy of using acquired experience in this new highly technological paradigm of higher education. Moreover, the study discusses not so much the limitations of distance education, but rather new-opened possibilities and even advantages: modular teaching learning process, development of cultural awareness through using online authentic resources, intensive audio-visual teaching, and active student involvement into educational process.

Literature Review

The pandemic situation gave food for a lot of discussions about the effectiveness of online education. For higher educational institutions, the idea of this type of education was not absolutely innovative as many universities in Russia and all over the world

have been incorporating e-learning into the educational process since 1990s. In the 1960s, distance education gained international recognition, and under the auspices of UNESCO [Petkova 2015], it began its consistent and successful development. From the very start, researchers were ambivalent about the effectiveness of distance learning. Even the situation with COVID-19, mass transition to distance learning, as a result, and gained experience did not form a unanimous opinion on this issue. Most of the researchers [Schneyder, Ovchinnikova 2021; Kolyada et al. 2021] accept distance learning now as a necessity because a lot of educational problems cannot be solved without the Internet; however, some of the authors are still focusing more on the disadvantages of e-learning than on the advantages and accomplishments.

Specifically, it is stated that being involved into e-learning studies, the students faced several groups of problems: organizational, technical, educational and methodological, and socio-psychological [Rakachev 2020]. The last group of difficulties can be considered as the main one, requiring special and more long-term adaptation.

The socio-psychological issues have been under discussion among many other researchers especially the aspect of student psychology: the absence of the physical presence of a teacher, limitation of student-student interaction, long lasting lock down, and isolation – all caused difficulties for a lot of students and even a real long-lasting emotional discomfort. Consequently, some researchers started to show a great concern about negative influence of online learning on students' mental health, and as a result, they concluded that in most cases emotional disorder affected students' academic progress. In some foreign countries, the students mostly suffered from stress, anxiety, and even depression [Aslan et al. 2020; Odriozola-González et al. 2020; Saravanan et al. 2020; Son et al. 2020].

Russian students, according to the opinion of some researchers, experienced the loss of interest, some lack of attention, dissatisfaction with the results, and sometimes even anxiety [Bekoeva, Kokaeva, Osipova, Hubesti 2021; Bazaeva, Andreeva 2020]. However, as it is stated in one of the articles dedicated to the problem of students' emotional effects of online learning, the investigations on "broader perspective on the emotional state of the students, including a wider range of emotions and considering positive emotions such as calm or trust, is still missing". Therefore, this aspect requires more studies, data, and deeper critical understanding.

Discussing faculty challenges, many researchers described them as "unique educational crisis in teaching" [Hietanen & Svedholm-Häkkinen 2022] mostly because of the lack of formal training, little practical experience, and low level of motivation and desire to teach online [Lederman 2019]. Others, who share the opinion that the online learning has more disadvantages, first of all, point to the low quality of online coursework and emphasize that very often the facilitators are not properly trained in online delivery and use the same methodologies as they are in the habit of applying off-line. As a result, the online program becomes less effective than the one delivered offline [Aristovnik et al. 2020; Alnusairat et al. 2020].

Importantly, these characteristics are not necessarily true for all, which the research literature emphasizes, but at the same time we can hardly disagree that faculty were not highly trained and motivated for online format before they were made to use it. How to make faculty become more motivated and better trained after coming back to offline format is the main task of higher education now and should not be postponed till the next crisis. To achieve positive results, first of all, we need more research, and ours might contribute to a better understanding of online education.

Methods of research

For more objectivity, it was necessary to collect both quantitative and qualitative data from the students, teachers, and the university administration. Quantitative data was obtained with the help of surveys, while the interview provided us with qualitative information.

Since an educational process is bilateral, it was important to get not only student opinions but also those of teachers. The student survey allowed us to embrace five groups of freshmen and sophomores. It contained 20 questions of different types asking if students enjoyed online learning, what they liked in particular, how effective it was, if it was difficult, and so on. Also there were questions about the technology they used, some psychological aspects (time-management, stress, concentration, etc.), and pedagogical tools and resources. The survey consisted of 16 questions focusing primarily on the instructors' evaluation of their online teaching experience and their students' progress and results.

The interview was arranged with the Dean of the Siberian-American School of Management who an-

swered questions from the point of view of university administration. Being both the administrator and the teacher, she, like no one else, is familiar with both teachers' and students' needs and issues that they faced during online learning. It was a semi-structured interview with 6 questions. The questions dealt with efficiency of organizing distance learning in our business school, preparation, adaptation, and lessons learned.

To understand how the students adapted to the classroom when they switched back to the traditional format, we used an observation method. The parameters we paid attention to were motivation, satisfaction with the transition, and possible challenges associated with it.

Results of the research

When asked in January 2021, whether they enjoyed learning remotely, over 70 % of the students answered positively and found online learning rather effective, while 27 % pointed out a lot of challenges and disadvantages. Most of all they liked a comfortable home environment (62 %) and easy access to different online resources (47 %). About 7 % of the respondents considered virtual learning very difficult, though. One third of the students believed that it was very hard for them to manage time. About 40 % found distance learning rather stressful. Among other challenges, they mentioned having trouble concentrating because of parents and siblings at home, social media, and a homey atmosphere. Some students also added Internet issues and dislike of the platform *Teams*. However, about a third reported being satisfied with everything.

In terms of grades, most students responded that they demonstrated a better performance online than in the classroom, and the possible reasons they enumerated were a comfortable atmosphere, the possibility of cheating, and shyness in class (online it was easier, especially without a camera on). Answering the question "Why were you reluctant to switch on your camera?", the most common explanation was that they did not look good.

As for the most and the least engaging activities, the answers were very controversial. What some students found interesting (interactive online games like *Kahoot*, debates, presentations, pair and group work), the others considered boring and less useful. Nevertheless, the respondents seemed to agree on the most effective online resources: *Edmodo*, *Coursera*, and *Ted Talks*.

Even though the majority liked studying online, less than a half (45 %) would recommend this format. Responding to the question about the changes they would like to make, the students wrote about the schedule (they wanted later classes) and longer breaks. To evaluate the efficiency of online education from the instructors' point of view, it is necessary to summarize the teacher survey results. The pie chart below shows the answers to the first question about stress (Fig. 1).

All the teachers found the transfer from classroom instruction to online stressful; however, it was not equally stressful for everyone. Over a half (43 % + 14 %) experienced a strong stress, while 43 % described it

as slightly stressful. The next question aimed at finding out how the teachers evaluated their remote teaching experience. All those surveyed agreed that it was worse than classroom teaching. For the vast majority, it was somewhat worse, but not entirely.

Figure 2 describes how stressed the students were during online learning in the teachers' eyes.

According to the teachers, almost all the freshmen and sophomores were stressed to some extent, although a small proportion were not. Answering the question about the effectiveness of virtual learning, about 86 percent of instructors who took part in the questionnaire did not consider remote learning as effective as classroom learning. When asked about the challenges faced by students, the respondents mentioned a lack of responsibility, little self-discipline and motivation, and poor time-management. About a third saw problems in teacher-student communication as well. The vast majority agreed that face-to-face communication mattered; however, remote learning failed to substitute it entirely.

The most effective digital approaches that motivated students, according to the teachers, were audio-visual: videos, presentations, and screen-sharing. Concerning effective methods, about three-fourths of respondents pointed out project-based learning as one the most suitable ways for online teaching. Group work was also seen efficient by about a third of those surveyed. As for testing, because of cheating, the oral question-answer format was the most effective.

When asked if they enjoyed teaching remotely, the majority (57 %) answered positively, whereas 43 per cent gave negative responses, meaning that they would like to make some changes. Another question dealt with the school support during online teaching. Here all the respondents considered the school helpful. The same is true of colleagues: the teachers supported each other greatly. Also the survey showed satisfaction with the technology and software used during the pandemic. Regarding work and life balance, it was easy to maintain it for less than a half only; for the rest it was rather challenging.

Among the obstacles, the teachers enumerated overload, student cheating, poor attendance, bad internet connection and limited online platforms. Also some mentioned lack of time, lack of resources and difficulty managing screen time (Fig. 3).

When asked to assess the quality of distance learning arranged by the school, the dean reported that our school was very effective. We were the first to use *Microsoft Teams*, which enabled us to switch to full-fledged online classes, and other schools in our university took advantage of that experience and later applied it to their contexts. Our business school adapted to online teaching successfully, as we had incorporated distance learning before, providing different online programs and modules. It is noted that the efficiency of distance learning is less effective than the traditional classroom mode: it is impossible to control students online all the time and hard to understand how they

Was it stressful for you to switch to teaching online?

7 responses

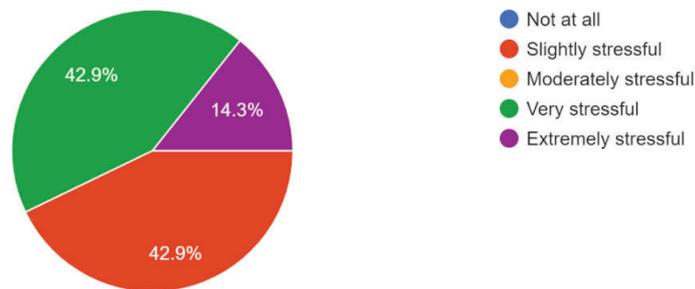

Figure 1

How stressed were your students while learning remotely during the COVID-19 pandemic?

7 responses

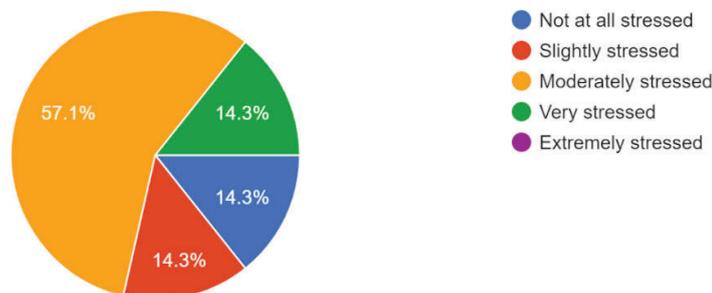

Figure 2

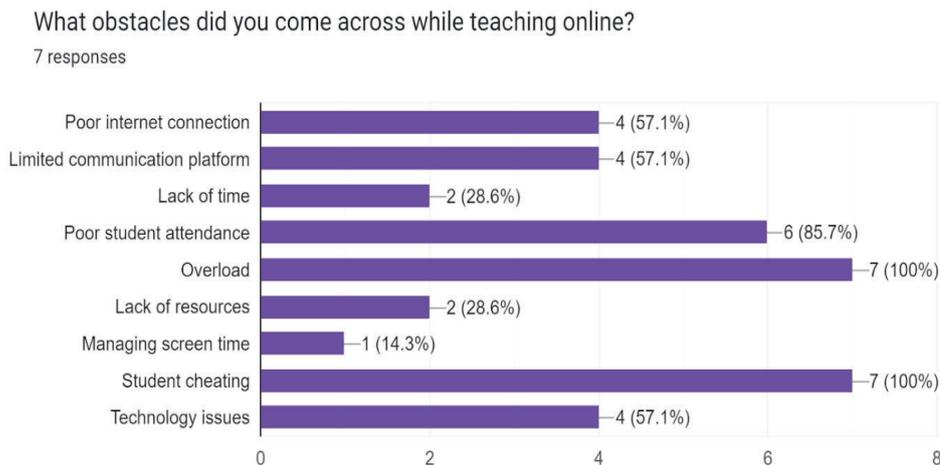

Figure 3

mastered the material. The next question sought to find out how satisfied the parents and students were during the virtual learning. While some parents insisted on being entirely online, others demanded sticking to a traditional classroom instruction. In terms of challenges, the interviewee indicated that they primarily concerned the organization of the schedule when there was a mixed online/ classroom mode. It was very difficult to meet sanitation requirements limiting the number of students in the university and arrange “online” and “offline”, satisfying the teachers at the same time. Some instructors worked at other places, and it was a challenge to make it convenient for everyone. The last interview question was about students’ performance, and here the Dean reported that it decreased. More students were expelled for absenteeism and failure to meet program requirements than before.

The final method used for the research was observing students when they switched from online to a mixed mode which lasted for about a year. Seminars and practical classes for small student groups were offline, while all the lectures were online. Because the teachers who took part in the survey teach mainly English, they were all in the classroom during the mixed mode. They observed how the students felt after returning to the classrooms. The majority of students were happy to see each other, the teachers, and were highly motivated. Nevertheless, there were a few older sophomore students who seemed to have enjoyed being online. They said that the mixed format should be kept because they managed to do more from home, combining work and studies.

Discussion of the problem

The task was set to find out what lessons taken from remote teaching can be incorporated into a traditional mode.

Stress is the indicator that reflects the differences. The teacher questionnaire demonstrated that they were more stressed than students, and also the teachers considered that online learning was stressful for almost all the students. However, less than half of the students reported being stressed. This can be explained by the

fact that young people adapt better to new circumstances, and it is easier to be taught than to arrange an educational process effectively. Preparation for online classes required much more time, creativity, and work. Traditional methods were not effective, so all the teachers had to come up with new ideas, offering students fresh techniques to motivate them and keep their attention. It made teachers test new interactive platforms, design elaborate tests and tasks to prevent cheating and maintain learning at the high level they had set before.

To overcome the difficulties of remote teaching, we organized activities involving students in online learning, the students took videos, the teachers spent classes together with foreign professors. For example, teaching negotiations, the students get acquainted with a *Coursera* course taught by business professors from the University of Michigan and Harvard, which expanded language courses.

As for enjoying the online format, the majority of students and teachers answered positively; however, the percentage of students who liked it is higher (70 % vs. 57 %, respectively). Although many students enjoyed studying online, however less than half would recommend this format.

We have been incorporating *Coursera* courses and separate lessons or tasks into our offline courses, we use video conferencing platforms *Teams*, *Zoom* or *Yandextelemost*.

Conclusion

The lessons learned during online education concern optimization of teaching, setting the balance between the quality of teaching and used efforts. Overwork and stress at the beginning of online education made teachers aware of the benefits of collaboration, the importance of integration and application of useful resources. Combining efforts for course development, class and assessment preparation, alongside with the use of MOOCs, different technologies, and videoconferencing platforms made it easier for teachers, enabling them to invest time and effort into professional development.

References

- Alnusairat, Al Maani, Al-Jokhadar 2020 – *Alnusairat S., Al Maani D., & Al-Jokhadar A.* (2020) Architecture students' satisfaction with and perceptions of online design studios during COVID-19 lockdown: The case of Jordan universities. *International Journal of Architectural Research*, vol. 15, issue 1, pp. 219–236. DOI: <http://doi.org/10.1108/ARCH-09-2020-0195>.
- Aristovnik et al. 2020 – *Aristovnik A., Keržič D., Ravšelj D., Tomaževič N., Umek L.* (2020) Impacts of the COVID-19 pandemic on life of higher education students: A global perspective. *Sustainability*, vol. 12, issue 20, pp. 8438. Available at: <http://doi.org/10.3390/su12208438>.
- Aslan et al. 2020 – *Aslan I., Ochnik D., Çınar O.* (2020) Exploring perceived stress among students in Turkey during the covid-19 pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, issue 23, p. 8961. Available at: <https://doi.org/10.3390/ijerph17238961>.
- Hietanen, Svedholm-Häkkinen 2020 – *Hietanen M., Svedholm-Häkkinen A.M.* (2022) Transition to Distance Education in 2020 – Challenges among University Faculty in Sweden. *Scandinavian Journal of Educational Research*, January 18, 2022. DOI: <https://doi.org/10.1080/00313831.2021.2021444>.
- Kolyada et al. 2021 – *Kolyada N., Shapovalova L., Guz Y., Melkonyan A.* (2021) Distance Learning of a Foreign Language – Necessity or Future. *International Journal of Emerging Technologies in Learning (IJET)*, vol. 16, no. 04, pp. 167–187. DOI: <http://doi.org/10.3991/ijet.v16i04.18299>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vzkhla>.
- Lederman 2019 – *Lederman D.* (2019) Professors' Slow, Steady Acceptance of Online Learning: A Survey. Published October 30, 2019. Available at: <https://www.insidehighered.com/news/survey/professors-slow-steady-acceptance-online-learning-survey>.
- Odriozola-González et al. 2020 – *Odriozola-González P., Planchuelo-Gómez Á., Irurtia M.J., de Luis-García R.* (2020) Psychological effects of the COVID-19 outbreak and lockdown among students and workers of a Spanish university. *Psychiatry Research*, vol. 290, p. 113108. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113108>.
- Saravanan et al. 2020 – *Saravanan C., Mahmoud I., Elshami W., Taha M.H.* (2020) Knowledge, Anxiety, Fear, and Psychological Distress About COVID-19 Among University Students in the United Arab Emirates. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 11, p. 582189. DOI: <http://doi.org/10.3389/fpsy.2020.582189>.
- Son et al. 2020 – *Son C., Hegde S., Smith A., Wang X., Sasangohar F.* (2020) Effects of COVID-19 on College Students Mental Health in the United States: Interview-survey Study. *Journal of Medical Internet Research*, 22 (9), e21279. DOI: <http://doi.org/10.2196/21279>.
- Bazaeva, Andreeva 2020 – *Bazaeva A.A., Andreeva E.E.* (2020) Influence of distance learning on student's psychoemotional state. *Bulletin of Psychology and Pedagogy of Altai State University*, vol. 2, no. 4, pp. 9–17. Available at: <http://journal.asu.ru/vfp/article/view/8937>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44355734>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qvyqrq>. (In Russ.)
- Bekoeva, Kokaeva, Osipova, Hubesti 2021 – *Bekoeva T.A., Kokaeva I.Yu., Osipova A.Yu., Hubesti G.F.* (2021) Impact of distance learning on psychoemotional health of students. *Problems of modern pedagogical education*, no. 73–2, pp. 35–38. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48081942>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xyjymx>. (In Russ.)
- Kostoeva Z.M., Lolokhoeva, Kostoeva M.M. 2020 – *Kostoeva Z.M., Lolokhoeva L.R., Kostoeva M.M.* (2020) Distance education: pros and cons. *Bulletin of Science and Education*, no. 19-1 (97), pp. 76–78. Available at: <https://scientificjournal.ru/images/PDF/2020/97/distantionnoe-obuchenie-pl.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44030930>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hwijhp>. (In Russ.)
- Petkova 2015 – *Petkova Yu.R.* (2015) The history of the development of distance education. The positive and negative sides of the MOOS. *Advances in current natural sciences*, no. 3, pp. 199–204. Available at: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34763>. (In Russ.)
- Rakachev 2020 – *Rakachev D.N.* (2020) University in Pandemic Conditions: E-Learning in the Representations and Evaluations of Teachers and Students. *South-Russian Journal of Social Sciences*, vol. 21, no. 4, pp. 103–120. DOI: <http://doi.org/10.31429/26190567-21-4-103-120>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tfoirq>. (In Russ.)
- Schneyder, Ovchinnikova 2021 – *Schneyder E.M., Ovchinnikova S.V.* (2021) Positive and negative aspects distance learning in a modern higher school. *Modern problems of science and education*, no. 4, p. 26. DOI: <https://doi.org/10.17513/spno.31009>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nfuxct>. (In Russ.)
- Yaroslavtseva, Tsarenkova 2020 – *Yaroslavtseva K.A., Tsarenkova V.B.* (2020) Specifics of Distance Learning in Russia. *Bulletin of Science and Education*, no. 19–1 (97), pp. 47–49. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44030922>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bvlhsh>. (In Russ.)

Библиографический список

- Alnusairat, Al Maani, & Al-Jokhadar 2020 – *Alnusairat S., Al Maani D., Al-Jokhadar A.* Architecture students' satisfaction with and perceptions of online design studios during COVID-19 lockdown: The case of Jordan universities // *International Journal of Architectural Research*. 2020. Vol. 15, issue 1. P. 219–236. DOI: <http://doi.org/10.1108/ARCH-09-2020-0195>.

- Aristovnik et al. 2020 – *Aristovnik A., Keržič D., Ravšelj D., Tomažević N., Umek L.* Impacts of the COVID-19 pandemic on life of higher education students: A global perspective // *Sustainability*, 2020. Vol. 12, issue 20. P. 8438. DOI: <http://doi.org/10.3390/su12208438>.
- Aslan et al. 2020 – *Aslan I., Ochnik D., Çınar O.* Exploring perceived stress among students in Turkey during the covid-19 pandemic // *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020. Vol. 17, issue 23. P. 8961. DOI: <http://doi.org/10.3390/ijerph17238961>.
- Hietanen, Svedholm-Häkkinen 2020 – *Hietanen M., Svedholm-Häkkinen A.M.* Transition to Distance Education in 2020 – Challenges among University Faculty in Sweden // *Scandinavian Journal of Educational Research*. Published online: 18 Jan 2022. DOI: <http://doi.org/10.1080/00313831.2021.2021444>.
- Kolyada et al. 2021 – *Kolyada N., Shapovalova L., Guz Y., Melkonyan A.* Distance Learning of a Foreign Language – Necessity or Future // *International Journal of Emerging Technologies in Learning (iJET)*. 2021. Vol. 16, no. 04. P. 167–187. DOI: <https://doi.org/10.3991/ijet.v16i04.18299>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vzkhla>.
- Lederman 2019 – *Lederman D.* Professors' Slow, Steady Acceptance of Online Learning: A Survey. Published October 30, 2019. Available at: <https://www.insidehighered.com/news/survey/professors-slow-steady-acceptance-online-learning-survey>.
- Odrizola-González et al. 2020 – *Odrizola-González P., Planchuelo-Gómez Á., Iruña M.J., de Luis-García R.* Psychological effects of the COVID-19 outbreak and lockdown among students and workers of a Spanish university // *Psychiatry Research*, 2020. Vol. 290. P. 113108. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113108>.
- Saravanan et al. 2020 – *Saravanan C., Mahmoud I., Elshami W., Taha M.H.* Knowledge, Anxiety, Fear, and Psychological Distress About COVID-19 Among University Students in the United Arab Emirates // *Frontiers in Psychiatry*. 2020. Vol. 11. P. 582189. DOI: <http://doi.org/10.3389/fpsy.2020.582189>.
- Son et al. 2020 – *Son C., Hegde S., Smith A., Wang X., Sasangohar F.* Effects of COVID-19 on College Students Mental Health in the United States: Interview-survey Study // *Journal of Medical Internet Research*. 2020. Vol. 22, no. 9. e21279. DOI: <http://doi.org/10.2196/21279>.
- Базаева, Андреева 2020 – *Базаева А.А., Андреева Е.Е.* Влияние дистанционного обучения на психоэмоциональное состояние учащихся // *Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета*. 2020. Т. 2, № 4. С. 9–17. URL: <http://journal.asu.ru/vfp/article/view/8937>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44355734>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qvyqrq>.
- Бекоева, Кокаева, Осипова, Хубешты 2021 – *Бекоева Т.А., Кокаева И.Ю., Осипова А.Ю., Хубешты Г.Ф.* Влияние дистанционного обучения на психоэмоциональное здоровье студентов // *Проблемы современного педагогического образования*. 2021. № 73–2. С. 35–38. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48081942>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xujymx>.
- Костоева З.М., Лолохоева, Костоева М.М. 2020 – *Костоева З.М., Лолохоева Р.В., Костоева М.М.* Дистанционное обучение: Плюсы и минусы // *Вестник науки и образования*. 2020. № 19–1 (97). С. 76–78. URL: <https://scientificjournal.ru/images/PDF/2020/97/distantionnoe-obuchenie-pl.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44030930>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hwijhp>.
- Петькова 2015 – *Петькова Ю.Р.* История развития дистанционного образования. Положительные и отрицательные стороны МООС // *Успехи современного естествознания*. 2015. № 3. С. 199–204. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34763>.
- Ракачев 2020 – *Ракачев Д.Н.* ВУЗ в условиях пандемии: дистанционное обучение в оценках преподавателей и студентов // *Южно-Российский журнал социальных наук*. 2020. Т. 21, № 4. С. 103–120. DOI: <http://doi.org/10.31429/26190567-21-4-103-120>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tfoirq>.
- Шнейдер, Овчинникова 2021 – *Шнейдер Е.М., Овчинникова С.В.* Положительные и отрицательные стороны дистанционного обучения в современной высшей школе // *Современные проблемы науки и образования*. 2021. № 4. С. 26. DOI: <http://doi.org/10.17513/spno.31009>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nfuxct>.
- Ярославцева, Царенкова 2020 – *Ярославцева К.А., Царенкова В.Б.* Специфика дистанционного обучения в России // *Вестник науки и образования*. 2020. № 19–1 (97). С. 47–49. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44030922>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bvlhsh>.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-1-116-124

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.16

Дата поступления: 17.10.2022
рецензирования: 18.12.2022
принятия: 10.03.2023

К проблеме специальной методики преподавания близкородственных языков (на материале хорватского и сербского языков)

А.Р. Багдасаров

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: a_bagdasarov@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0387-6070>

А.А. Быченко

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: alina.bychenko@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9549-1495>

Аннотация: Статья посвящена особенностям преподавания близкородственных языков на материале сходств и различий хорватского и сербского литературных языков. Рассматриваются отдельные аспекты специальной методики преподавания иностранного языка, в частности отработка навыков лексического переключения с одного близкородственного языка (или варианта) на другой. В работе впервые предпринята попытка описать методику преподавания хорватского и сербского языков сквозь призму их различительных особенностей. В Приложении представлен типовой план проведения одного или двух практических занятий по учебной дисциплине «Практический курс перевода» (хорватский или сербский языки).

Ключевые слова: хорватский язык; сербский язык; специальная методика преподавания; навыки переключения; план-конспект занятия.

Цитирование. Багдасаров А.Р., Быченко А.А. К проблеме специальной методики преподавания близкородственных языков (на материале хорватского и сербского языков) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 116–124. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-116-124>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Багдасаров А.Р., Быченко А.А., 2023

Артур Рафаэлович Багдасаров – кандидат филологических наук, профессор, доцент кафедры иностранных языков и культуры, Российский государственный социальный университет, 129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1.

Алина Алексеевна Быченко – аспирант кафедры иностранных языков и культуры, Российский государственный социальный университет, 129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.10.2022

Revised: 18.12.2022

Accepted: 10.03.2023

On the problem of special methods of teaching closely related languages (on the material of Croatian and Serbian languages)

A.R. Bagdasarov

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation
E-mail: a_bagdasarov@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0387-6070>

A.A. Bychenko

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation
E-mail: alina.bychenko@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9549-1495>

Abstract: The article is devoted to the peculiarities of teaching closely related languages based on the similarities and differences between the Croatian and Serbian literary languages. Some aspects of special methodology of teaching a foreign language are considered, in particular, the development of skills of lexical switching from one closely related language (or variant) to another. For the first time, an attempt was made to describe the methods of teaching the Croatian and Serbian languages through the prism of their distinctive features. The Appendix contains a typical plan for conducting one or two practical classes in the academic discipline «Practical Translation Course» (Croatian or Serbian).

Key words: Croatian; Serbian language; special teaching methods; switching skills; lesson plan.

Citation. Bagdasarov A.R., Bychenko A.A. On the problem of special methods of teaching closely related languages (on the material of Croatian and Serbian languages). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 116–124. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-116-124>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Bagdasarov A.R., Bychenko A.A., 2023

Artur Rafaelovich Bagdasarov – Candidate of Philological Sciences, Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Culture, Russian State Social University, 129226, Russian Federation, Moscow, st. Wilhelm Pick, 4.

Alina Alekseevna Bychenko – graduate student of the Department of Foreign Languages and Culture, Russian State Social University, 129226, Russian Federation, Moscow, st. Wilhelm Pick, 4.

Введение

В течение последних десятилетий – в связи с возрастанием в современном обществе масштабов межкультурного и межъязыкового взаимодействия и увеличением количества информации на иностранных языках, весьма интенсивно развивается сравнительно-сопоставительная лингвистика, тем самым расширяя практику межкультурной коммуникации и обуславливая потребность в осуществлении сопоставительных и типологических исследований. Одной из общих целей исследований по сравнительно-историческому языкознанию являются прежде всего анализ механизмов эффективного межкультурного взаимодействия, определение национальной специфики языковых единиц и категорий, а также описание характера взаимоотношений родственных и близкородственных языков. В сопоставительных исследованиях славянских языков немалый интерес представляют отношения сербского литературного языка к наиболее близкому ему – к хорватскому литературному языку и наоборот.

Сопоставительное изучение близкородственных языков и рассмотрение специфических отношений между ними, вопреки возможному ожиданию, является весьма трудоемким жанром лингвистического исследования, предполагающим тщательную предварительную обработку языкового материала, его обстоятельный анализ и обобщение [Будагов 1976; Нешименко 2011]. Исследователям приходится иметь дело с языками очень близкими по своей структуре, но обычно функционирующими в разных исторических, социальных и геополитических условиях.

Сопоставление близкородственных и родственных языков в сравнении с генетически отдаленными языками имеет не только свою специфику, но отличается и по результатам исследования. Различия в особенностях вариативной интерпретации идентичного содержания оказываются тем более интересными, что они часто имеют общие истоки. Такая вариативность в лексике между близкородственными и родственными языками является проявлением этнолингвокультурной специфики, которую необходимо учитывать при преподавании и изучении иностранных языков.

Несомненно, что в преподавании сербского и хорватского языков как иностранных необходимо учитывать национальные и культурные особенности каждого языка, а также способствовать форми-

рованию и развитию собственно языковых знаний обучающегося, например, грамматики (языковая компетенция), правил применения языковых средств в речи (коммуникативная компетенция), а также социокультурной компетенции. Исследователями неоднократно отмечалось, что изучение явлений двух языков имеет большое значение, так как без знания сходств и различий между языками нельзя создать эффективную методику преподавания языка как неродного [Сопоставительные исследования... 1998, с. 11].

Совершенствование методики преподавания различных учебных дисциплин – одно из основных звеньев в работе высших учебных заведений Российской Федерации по повышению качества подготовки обучающихся-специалистов. При изучении иностранного языка (ИЯ) принято выделять общую, частную и специальную методики обучения. Общая методика исследует общие закономерности процесса обучения языку вне зависимости от конкретного языка. Частная методика изучает закономерности и особенности конкретного иностранного языка в его взаимодействии с родным языком. Специальная методика рассматривает отдельно взятые аспекты иностранного языка (языков), особенности преподавания какой-либо стороны изучаемого языка (его отдельных аспектов или видов речевой и переводческой деятельности, использование вариантов или конкретных видов перевода, организации учебной и внеаудиторной работы и др.). Общая, частная и специальная методики взаимосвязаны: специальная методика обогащает частную, а частная, в свою очередь, общую.

Следует отметить, что в современной лингвистике нет общих, единых или полностью согласованных критериев, относительно того, что является одним языком или идиомом, а что – отдельными близкородственными языками или вариантами одного языка или стандартными диалектами. Лингвисты, включая славистов, различно трактуют понятие язык, варианты или диалекты. Их подходы часто разнятся. Авторы настоящей статьи не ставят себе целью теоретически доказать или определить лингвистический статус сербского и хорватского языков или их вариантов. В данной работе мы обратимся к проблеме некоторых различительных особенностей между близкородственными языками (сербским и хорватским), прежде всего на уровне общеупотребительной лексики, а также к вопросу учета этих лексических различий в пре-

подавании сербского и хорватского языков или их вариантов.

1. Хорватско-сербские языковые различия

Некоторые общие интеграционные процессы в славянском языковом мире XIX – начала второй половины XX столетий не привели отдельные славянские языки или их варианты к объединению и слиянию. Историческая непрерывность развития языковых систем близкородственных языков демонстрирует к концу XX в. реализацию оппозиции конвергентность – дивергентность [Васильева 2003]. К примеру, внеязыковые и внутриязыковые тенденции и попытки унифицировать и стандартизировать хорватский и сербский язык на определенных исторических этапах совместного существования в единых государствах не привели стороны к окончательной языковой кодификации. Каждая из сторон придерживалась той нормы, которая ей была традиционно ближе и которая исходила из речевой практики. С распадом единого государства СФРЮ и сербскохорватского/хорватско-сербского языка, а также с возникновением на постюгославском пространстве новых государственных образований за хорватским, сербским, бошняцким (боснийским) и черногорским этнокультурными общностями конституционно или в ином правовом отношении были закреплены статусы языков хорватского (Республика Хорватия), сербского (Республика Сербия), бошняцкого/боснийского (Босния и Герцеговина) и черногорского (Черногория).

Отметим, что язык сербов и хорватов никогда не был унифицированным на всей территории своего распространения. Этнотерриториальные расхождения в элементах языковой структуры между хорватским и сербским литературными языками имеют место на всех уровнях: в фонетическом оформлении некоторых лексем, фонологическом, грамматическом и лексическом уровнях. Наиболее ярко различия проявляются на лексическом уровне. При противопоставлении элементов сравниваемых языков обнаруживаются различные типы трехчленных отношений:

- противопоставления с двусторонней эквивалентной или вариантной маркированностью;
- противопоставления с односторонней эквивалентной или вариантной маркированностью;
- противопоставления немаркированные (общие хорватские и сербские лексические единицы, различающиеся частотностью или стилем, и изредка и смысловым содержанием) [Багдасаров 2004, с. 47–48; Bagdasarov 2010, с. 39].

К двусторонней эквивалентной маркированности можно отнести такие лексемы, как: *сауене* (хорв.) – *кајен* (серб.); *Austin* – *Остин*; *Vaše Veličanstvo* – *Ваши величанство*; *hrvati se* – *рвати се*; *demokracija* – *демократија*; *Jeruzalem* – *Јерусалим*; *klor* – *хлор*; *ocean* – *океан*; *euro* – *евро*; *uvečer* – *увече*; *opći* – *општи*; *obrana* – *одбрана*; *protuzračni* – *противваздушни*; *karantena* – *карантин*; *posjet* – *пос(ј)ета*; *Armenac* – *Јерменин*, *Јермен*; *inozemstvo* –

иностранство; *dušik* – *азот* и др. Приведем пример:

“*Oglasilo se rusko ministarstvo obrane: ‘Bila je to namjerna provokacija s ciljem eskalacije’*” (<https://www.vecernji.hr/vijesti/rusko-ministarstvo-obrane-udari-na-ciljeve-u-blizini-ukrajinsko-poljske-granice-nisu-izvršeni-ruskim-oruzjem-1633889>). – “*Руско министарство одбране је саопштило да су руски стручњаци... закључили...*” (<https://www.politika.rs/scc/clanak/525589/Дуда-Пад-ракете-у-Пољској-највероватније-несрећни-случај>). “*U inozemstvo će se putovati kao prije tek 2024...*” (<https://www.vecernji.hr/biznis/u-inozemstvo-ce-se-putovati-kaoprije-tek-2024-domacih-putovanja-vise-nego-ikada-1564002>). – “*Грађанима Србије и даље отежано путовање у иностранство*” (<https://www.politika.rs/scc/clanak/462207/Грађанима-Србије-и-даље-отежано-путовање-у-иностранство>).

Особо наглядно двусторонние различия проявляются, например, в области военной терминологии: *bojnik* – *мајор*, *postrojba* – *јединица*, *satnija* – *чета*, *topništvo* – *артиљерија*, *streljivo* – *муниција*, *zarovjedništvo* – *команда*, *ratno zrakoplovstvo* – *ратно ваздухопловство*, *protuzračna obrana* – *противваздушна одбрана* и др.

Например:

“*Hrvatsko ratno zrakoplovstvo razvija sposobnosti nadzora i zaštite zračnog prostora Republike Hrvatske...*” (http://www.osrh.hr/#rubData/HTML/HR/ONAMA/HRZ/20201709_Općenito_o_HRZ-u_mn/Općenito_o_HRZ-u_HR.htm). – “*Ратно ваздухопловство и противваздухопловна одбрана (РВ и ПВО) је високоманеварски вид Војске Србије...*” (https://www.vs.rs/sr_cyr/jedinice/vojska-srbije/ratno-vazduhoplovstvo-i-pvo).

К двусторонней эквивалентной маркированности можно отнести также наименования месяцев и отдельных стран: *siječanj* – *јануар*, *veljača* – *фебруар*, *ožujak* – *мај*, *travanj* – *април*, *svibanj* – *мај*, *lipanj* – *јун(у)*, *srpanj* – *јул(у)*, *kolovoz* – *август*, *rujan* – *септембар*, *listopad* – *октобар*, *studen* – *новембар*, *prosinac* – *децембар*¹; *Armenija* – *Јерменија*, *Afganistan* – *Авганистан*, *Azerbajdžan* – *Азербейџан*, *Sipar* – *Кипар*, *Portugal* – *Португалија*, *Rumunjska* – *Румунија*, *Španjolska* – *Шпанија*. На пример:

“*U govoru 24. veljače, ruski predsjednik Vladimir Putin izjavio je da će vojne operacije izvoditi samo profesionalne trupe...*” (<https://www.vecernji.hr/vijesti/rusi-sve-nezadovoljni-zbog-rata-i-zapadnih-sankcija-trebaju-li-brinuti-i-zbog-napada-na-krim-1635961>). – “*Први пут од 24. фебруара, Русија је повела Украјину*” (<https://www.politika.rs/scc/clanak/523860/Тажна-украјинског-писама-Москви>).

К односторонней эквивалентной маркированности относят: *pošta* (хорв.) – *пошта* и *pošta* (серб.); *ivijek* – *увек* и *увјек*; *pogrješka* и *pogreška* – *погрешка*; *aktualan* – *актуелан* и *актуалан*, *сух* – *сув* и *сух*, *šport* и *sport* – *спорт*, *objekt* – *објект* и *објект*,

¹ При восприятии хорватских наименований месяцев сербы понимают, что речь идет о названии месяцев, но затрудняются ответить, о каком конкретно.

akvarij – акваријум и *аквариј*, *akumulacijski* – аккумуляциони и *аккумуляцијски*, *oca* и *otca* – оца; *neće* и *neće* – неће; *podatci* и *podaci* – подаци; *papir* – хартија и *папир*; *Uskrs* – Васкрс, *Васкрсење* и *Ускрс* и т. д. (Bagdasarova 2022) [Багдасаров, Быченко 2022]. Например:

“*Ponovno aktualan povratak Sablića*” (<https://www.jutarnji.hr/naslovnica/ponovno-aktualan-povratak-sablica-3789861>) – “*Мастројанијев, „Осам и по“ поглед поново актуелан*” (<https://www.rts.rs/page/magazine/ci/story/401/Филм+и+ТВ/1575887/Мастројанијев+,Осам+и+по+поглед+поново+актуелан.html>). – „Надам се да људи схватају да је сингл ироничан, забаван и актуелан”...” (<https://www.rts.rs/page/magazine/ci/story/421/muzika/4823575/konstrakta-in-corpore-sano-italijanski-jezik-pesma.html>).

В хорватском языке официально используется латиница (*gajica*), в сербском – кириллица (вуковица) (официально) и латиница.

Различие данных этнотерриториальных межъязыковых вариантов вытекает из социально-культурных традиций основных групп населения современных Хорватии и Сербии и не может не учитываться в процессе преподавания сербского и хорватского языков. Используемый структурно-сопоставительный метод анализа сербского и хорватского литературных языков, базирующийся на сопоставлении и системном выявлении наиболее характерных сходств и различий, призван способствовать созданию системных представлений, которые закрепляются и развиваются в ходе практических занятий и самостоятельной работы обучающихся. Актуальность такого подхода подтверждается и тем, что в нашей стране в системе высших учебных заведений хорватский и сербский литературные языки преподаются в настоящее время раздельно.

2. Учебные пособия и двуязычные словари хорватского и сербского языков в России

В России для изучения хорватского и сербского языков в последнее время подготовлены и опубликованы различные учебные пособия и двуязычные словари:

Хорватский язык: Багдасаров А.Р.: Хорватский язык. Краткий грамматический справочник. М., 2006; Хорватский язык. Начальный курс. СПб., 2011; Хорватский разговорник. М., 2006; Элементарная грамматика хорватского языка. М., 2012; Хорватско-русский словарь. М., 2022; Калинин А.Ю.: Хорватский язык. Базовый курс. М., 2005; Хорватский язык. Самоучитель. М., 2010; Хорватский язык. Тематический словарь. М., 2011; Тяпко Г.Г. Полный курс грамматики хорватского языка с упражнениями и ключами. М., 2013; Хорватские сказки и истории / подгот. О. Пиркова. М., 2016; Хокесворт С. Разговорный хорватский язык. Курс для начинающих. СПб., 2020 и др.

Сербский язык: Сокаль Н.И., Зайцева С.В., Вукович Б. Сербский язык: пособие по развитию речи. СПб., 1996; Дракулич-Прийма Д., Трофимкина О.И. Сербский язык. Начальный курс. СПб.,

2011; Дракулич-Прийма Д. Разговорный сербский в диалогах. СПб., 2014; Чарский В.В. Сербский язык. Самоучитель. М., 2014; Сербские народные сказки/пособие подгот. Надежда Бояринцева-Карабашевич. М., 2016; Просвирина О.А., Авдюхина Е.Б., Колпакова Е.С. Сербский язык. Практическая грамматика с упражнениями и ключами. М., 2019; Сербский с «нуля». 7-е изд. М., 2021; Гудков В.П., Иванович С. Сербско-русский и русско-сербский словарь. М., 2008.; Белинская Л.Н. Сербско-русский и русско-сербский словарь-справочник межъязыковых омонимов «Ложные друзья». М., 2009; Маркович М., Йоканович-Михайлова Е., Киршова М.П., Зенчук В.Н. Сербский язык: учебник. М., 2002 и др.

Имеющиеся сербскохорватско-русские и русско-сербскохорватские словари, изданные в Советском Союзе (напр., Толстой И.И. Сербскохорватско-русский словарь. М., 1982., Русско-сербскохорватский словарь / под ред. Б. Станковича. М., 1988.) не отвечают требованиям языковой реальности, так как лексика в них представлена без учета современных норм употребления в том или ином языке или приведена в виде синонимов. Современная двуязычная хорватско-русская/русско-хорватская и сербско-русская/русско-сербская лексикография в большей мере исходит из языковой практики в отборе переводных хорватских и сербских эквивалентов. В современных хорватско-русских/русско-хорватских словарях, как правило, приводятся лишь хорватские эквиваленты: *aktualan*, *Europa*, *grah*, *informirati*, *kat*, *kazalište*, *kemija*, *kruh*, *milijun*, *opći*, *organizirati*, *ožujak*, *rajčica*, *suradivati*, *sveučilište*, *veleposlanstvo*, *zrak*, *žlica* и т. д. (Bagdasarov 2022; Dautović 2007; Ravuna 2001). В сербско-русских/русско-сербских словарях приводятся лишь эквиваленты: *амбасада*, *актуелан*, *ваздух*, *Европа*, *информисати*, *кашика*, *март*, *милион*, *општи*, *организовати*, *парадајз*, *пасуљ*, *позориште*, *сарађивати*, *спрат*, *универзитет*, *хемија*, *хлеб* и т. д. (Бошкович 2012; Раметни геџник 2019).

Предполагается, что общетеоретические положения вариологии (варинтологии) полиэтнических (полинациональных) языков и различных курсов по общему и частному переводу славянских языков излагаются преподавателем в ходе изучения учебной дисциплины «*Основы теории и практики перевода*». При построении методической структуры уроков авторы исходят не из тематики текстов, а из этапов обучения аспектам языка, видам переводческой деятельности и иноязычному общению, в которых наблюдаются наиболее типичные различия и сходства между хорватским и сербским языками (вариантами). Вариантно-маркированные единицы одного языка заменяются на единицы другого (или на общеязыковые единицы), в то время как объем текста остается практически неизменным. Подобная языковая адаптация с соблюдением языковых норм выступает своего рода актом этнолингвокультурной коммуникации, а в ее

пределах создается схожий вторичный метатекст или его вариант.

Структура урока включает: поурочный словарь лексических переводных эквивалентов, подготовительные (тренировочные) и собственно переводческие упражнения, задания на самостоятельную работу.

Поурочный словарь переводных эквивалентов содержит как типично хорватскую, так и сербскую эквивалентную лексику, которая подлежит активному усвоению. К подготовительным упражнениям относят: подбор эквивалентной лексики; сопоставление и перевод предложений; перевод-диктант; микрореферирование. Собственно переводческие упражнения предполагают работу с параллельными оригинальными или переводными текстами или их фрагментами на хорватском и сербском языках. Они имитируют характер и условия работы переводчика в различной этнолингвокультурной среде или в конкретном этноязыковом коллективе.

Собственно переводческие упражнения выполняются после подготовительных (тренировочных) и имеют целью дальнейшую активизацию и автоматизацию переводческих навыков и умений переключения с одного языка или этноварианта на другой, а также адаптации и стилизации территориальных или региональных ориентированных текстов или их фрагментов. Переводческие упражнения предполагают отработку навыков зрительно-устного, абзацно-фразового, последовательного, двустороннего и письменного перевода. На продвинутом этапе обучения целесообразно использовать видеозаписи иноязычных теле- и радиопередач, что способствует развитию навыков понимания и распознавания хорватской и сербской речи. Методика построения уроков может быть использована и при сопоставительном изучении (поли)этнических литературных языков и их литературных вариантов (английский, арабский, армянский, немецкий, норвежский, португальский, французский и др.), литературного языка и его диалектов (хорватский литературный язык – штокавский, чакавский и кайкавский диалекты; сербский литературный язык – торлакский диалект и др.), диалектов (штокавский – чакавский – кайкавский диалекты), близкородственных языков (сербский – словенский; чешский – словацкий; болгарский – македонский; польский – кашубский и др.). Лингвистический статус языка, варианта языка, диалекта трактуется многими лингвистами, как было подчеркнuto, по-разному.

В изучении дивергенций, или расхождений, в языке хорватов и сербов, по мнению В.П. Гудкова, должна применяться методика, позволяющая минимизировать роль субъективных оценок и заключений. Перспективным объектом исследования могут быть параллельные сербские и хорватские переводы инолитературных произведений, а также близкие по тематике сочинения хорватских и сербских авторов в одном и том же жанре [Гудков 1999, с. 172].

В российских вузах готовят специалистов широкого профиля в области сербского и хорватского языков, однако объединять языки в одну специальность и проводить обучение двух языков одновременно нецелесообразно ввиду их схожести, интерференции литературных норм и смешении этноязыковых кодов. Преподавание этнолингвокультурных особенностей (поли)этнических языков осуществляется в рамках учебной дисциплины «Основы теории и практика перевода», «Практический курс общего и военного перевода», а также в рамках спецкурса на продвинутом этапе обучения.

Отметим также, что в настоящее время отсутствует наименование языка «сербскохорватский». В российских вузах на кафедрах иностранных языков используется лингвонимы «сербский» и «хорватский». В то время как лингвоним *сербскохорватский/хорваткосербский* используется в лингвистике, как правило, в историческом контексте [Чорич 1996, с. 51].

Заключение

Анализ статьи позволяет выявить характерные лексические различия между хорватским и сербским литературными языками и учитывать их в методике преподавания хорватского и сербского языков.

Наличие и функционирование (поли)этнических и региональных коррелятивных эквивалентных или вариантных образований требует строго дифференцированного подхода к изучению и практическому освоению совпадений, сходств и различий между хорватским и сербским литературными языками.

Неполный учет различных языковых или вариантных реализаций может отрицательно сказаться на практической работе специалистов, поскольку:

- увеличивается период адаптации специалистов в той или иной этнолингвокультурной среде, зачастую неполно воспринимается и неадекватно воспроизводится иноязычная речь, что существенно затрудняет межкультурную коммуникацию;

- в практике перевода с русского языка к ошибкам может приводить недостаточное внимание к проблемам дифференциации нормативно-маркированных и общих элементов двух языков или вариантов с учетом той этнолингвокультурной среды, для которой предназначен перевод;

- в практике перевода на русский язык невнимание к лексико-семантической и нормативно-стилистической дифференциации сравниваемых языков или их вариантов может вызвать определенные трудности в осмыслении и понимании переводимого текста.

Выявление и учет общих и различительных особенностей хорватского и сербского языков позволяет более эффективно и целенаправленно строить процесс обучения различным аспектам переводческой и речевой деятельности.

Приложение

ПЛАН-КОНСПЕКТ

проведения практического занятия по дисциплине
«Практический курс перевода»
(хорватский или сербский языки)

Тема: Развитие и совершенствование навыков лексического переключения с языка на язык.

Вид занятия: комбинированный

Группа: 3-5; **Часы:** 1–2; 3–4; **Дата:** 27, 29 ноября 20__ г.; **Аудитория:** 26.

Учебные и воспитательные цели (задачи):

- развитие лексических навыков;
- контроль и закрепление ранее изученного лексического материала;
- различение на слух хорватской и сербской речи;
- характеристика лексических особенностей хорватского и сербского языков;
- развитие коммуникативных навыков;
- переключения с хорватского языка на сербский, и с сербского языка на хорватский, с русского языка на хорватский и сербский языки;
- построение и формулирование высказываний на хорватском и сербском языках с соблюдением норм литературного языка;
- прогнозирование и моделирование речевого поведения в различных этноязыковых ситуациях;
- развитие переводческих навыков;

- уяснение обучающимися и последующее применение ими переводческих приемов компрессии и компенсации;
- развитие навыков аудирования;
- формирование научного мировоззрения и культуры речи;
- воспитание профессиональной целеустремленности, ответственности и творческой активности.

Литература:

а) основная литература:

1. Багдасаров А.Р. Национально-территориальные варианты сербохорватского языка: учебное пособие. М.: ВКИ, 1990. 68 с.
2. Багдасаров А.Р. Русско-хорватско-сербский и хорватско-сербско-русский словарь различий. М.: Воен. ун-т, 1998. 155 с.

б) дополнительная литература:

1. Багдасаров А.Р. Частная методика преподавания учебной дисциплины «Основы теории второго иностранного языка» (сербский язык) // Материалы кафедры, М., 2021. 41 с.
2. Багдасаров А.Р. Хорватско-сербские военно-терминологические различия. Учебно-методическая разработка. М.: Воен. ун-т, 1998. – 47 с.

Материально-техническое обеспечение: интерактивная доска, меловая или маркерная доска, электронное учебное издание, компьютеры (при наличии), электронные словари (при наличии), аудиосистема (при наличии), печатные учебные пособия, словари, справочники, материалы преподавателя.

Содержание учебных вопросов, методы их отработки и достижения поставленных целей и задач.	Время (мин)	Формируемые компетенции
I. Вступительная часть		
1. Объявление темы, цели и задач учебного занятия; обоснование актуальности темы.	5	
II. Основная часть		
1. Работа с видеороликом: Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации на церемонии открытия нового здания Посольства России в Загребе, 16 декабря 2020 года: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4488268 . Определите: – На какой язык осуществляется перевод выступления Министра иностранных дел Российской Федерации? – Назовите характерные особенности языка перевода. – В полном ли объеме осуществляется абзацно-фразовый перевод и с чем вы согласны или не согласны в переводе? – Дополните или предложите свой вариант перевода отдельных предложений или абзацев выступления министра	15	ПК 1, ПК 2, ПК 7, ОПК 3, ОПК 4, ОПК 5
2. Проверка усвоения лексического материала (аналоговые эквивалентные противопоставления) и переводческих клише, необходимых для успешного переключения с языка на язык. Рассмотрение характерных ошибок и дифференцированная оценка знаний обучающихся в ходе проверки задания на самостоятельную работу	10	ОПК 3
3. Виды упражнений для отработки различных навыков перевода:		
1. Приведите хорватские и русские эквиваленты следующих сербских слов и словосочетаний: <i>евро, Шпанија, економска сарадња, привреда, снабд(и)јевање гасом, Сав(ј)ет безб(ј)едности, Румунија, Уједињене нације, Сав(ј)ет Европе, Јерменија, ратификовати, Кипар, милион, Швајцарска...</i>	10	ПК 2, ОПК 3
2. Приведите сербские и русские эквиваленты следующих хорватских слов и словосочетаний: <i>Vijeće sigurnosti, Ujedinjeni narodi, Cipar, suradnja, Rumunjska, sudjelovati, gospodarska suradnja, Armenija, milijun eura, Španjolska, gospodarstvo, opskrba plinom, potpora, ratificirati, Svcarska...</i>	10	ПК 2, ОПК 3

<p>3. Выпишите в две колонки хорватские и сербские слова и словосочетания: <i>zvanična poseta, vazduh, oficir, tisuća, zrak, hiljada, spoljna politika, časnik, vanjska politika, Vijeće Europe, ambasador, tjedan, službeni posjet, ministarstvo vanjskih poslova, veleposlanik, Europska unija, ned(j)elja, ministarstvo spoljnih poslova...</i></p>	10	ПК 2, ОПК 3
<p>4. Приведите хорватские, сербские и русские эквиваленты в быстром темпе: <i>ned(j)elja, Sav(j)et bezb(j)ednosti, saradnja, Jermenija, ratifikovati, Ujedinjeni narodi, milijun eura, gospodarstvo, vanjska politika, ambasador ...</i></p>	10	ОПК 3
<p>5. Сопоставьте идентичные предложения (абзацы, фрагменты текстов, краткие тексты) на хорватском и сербском языках. Выпишите на персональном компьютере (в тетради) характерные различия. Выполните перевод, закрыв левую, а затем правую сторону страницы:</p> <p>1. <i>Predsjednik vlade Kraljevine Španjolske doputovao je u jednotjedni službeni posjet Švicarskoj. – Председник владе Краљевине Шпаније допутовао је у једнонедељну званичну посету Швајцарској.</i></p> <p>2. <i>Sjedište je Europskoga parlamenta u Strasbourgu, a Glavno tajništvo se nalazi u gradu Luxembourg. – Седиште Европског парламента је у Стразбуру, а Секретаријат налази се у граду Луксембургу.</i></p> <p>3. <i>Rusko ministarstvo vanjskih poslova pozvalo je veleposlanika Europske unije u Moskvi ... zbog situacije u Vijeću Europe – Руско министарство спољних послова позвало је амбасадора Европске уније у Москви ... због ситуације у Савету Европе.</i></p>	5 5 5	ОПК 3, ПК 9, ПК 10
<p>6. Приведите русские эквиваленты следующих слов и словосочетаний: <i>Породица, travanj, Organizacija Ujedinjenih naroda, позник, službeni posjet, Европа, историчар, veleposlanik dobre volje, obitelj, званична посета, ambasador, Portugal, povjesničar, tjedan, znanac, Европа, отоцје Бријуни, нед(ј)елја, Сипар ...</i></p>	10	ОПК 3, ОПК 5, ПК 12
<p>7. Сопоставьте перевод идентичных предложений (абзацев, фрагментов текста, кратких текстов) на хорватский и сербский языки. Переведите русские предложения на хорватский и сербский языки, закрыв левую, а затем правую сторону страницы. Сопоставьте свой перевод с выполненным переводом:</p> <p>1. <i>Посол доброй воли ООН прибыл в Португалию с официальным визитом. – Veleposlanik dobre volje Organizacije Ujedinjenih naroda stigao je u službeni posjet Portugalu. – Амбасадор добре воље Организације Уједињених нација допутовао је у званичну посету Португалији.</i></p> <p>2. <i>В апреле этого года на Кипре прошла международная конференция ученых-историков. – U travnju ove godine na Cipru je održana međunarodna konferencija povjesničara. – У априлу ове године на Кипру је одржана међународна конференција историчара.</i></p> <p>3. <i>На этой неделе моя семья и знакомые отправится на каникулы в Европу, мы посетим и архипелаг Бриони в Адриатическом море. – Ovoga tjedna moja obitelj i znanci ići će na odmor u Europi, posjetit ćemo i otočje Brijuni na Jadranskom moru. – Ове недеље моја породица и познаници ићи ћемо на одмор у Европу, посетимо и архипелаг Бриони на Јадранском мору.</i></p>	5 5 5	ОПК 3, ОПК 4, ОПК 5, ПК 1, ПК 2, ПК 9, ПК 10
<p>8. Выполните зрительно-устный перевод идентичных хорватских и сербских предложений (фрагментов текста) на русский язык, а затем на основании выполненного вами перевода переведите с русского на хорватский и сербский языки. Сопоставьте и проанализируйте перевод с преподавателем:</p> <p>1. <i>Španjolski veleposlanik u Vijeću Europe aktivno sudjeluje u jačanju međunarodne sigurnosti i gospodarske suradnje. – Španski ambasador u Savetu Evrope aktivno učestvuje u jačanju međunarodne bezbednosti i ekonomske saradnje.</i></p> <p>2. <i>Svjetska banka posudit će milijun eura u cilju potpore razvitku gospodarstva i sigurnosti u opskrbi plinom. – Svetska banka će pozajmiti milion evra sa ciljem da se pomogne razvoju privrede i bezbednosti u snabdevanju gasom.</i></p> <p>3. <i>Zaključke Europske unije je potpisalo i ratificiralo mnoštvo članica Vijeća Europe: Armenija, Cipar, Rumunjska, Španjolska, Švicarska i mnoge druge države. – Zaključke Evropske unije je potpisalo i ratifikovalo mnoštvo članica Савета Европе: Јерменија, Кипар, Румунија, Шпанија, Швајцарска и многе друге државе.</i></p>	15	ПК 4, ПК 9, ПК 11, ПК 12
<p>9. Приведите хорватские и сербские эквиваленты следующих слов и словосочетаний: <i>пресс-конференция, тысяча, Генеральный штаб, участвовать, ООН, Совет Европы, министр иностранных дел, посольство, снабдить, бюджет, судья...</i></p>	10	ОПК 3, ОПК 5, ПК 12
<p>10. Выполните перевод-диктовку хорватского текста на сербский или русский язык и перескажите его на сербском языке. <i>Ujedinjeni narodi – međunarodna organizacija osnovana radi očuvanja svjetskoga mira i sigurnosti, rješavanja ekonomskih, društvenih i političkih problema međunarodnom suradnjom te promicanjem poštivanja ljudskih prava. Sjedište je UN-a u New Yorku, a podržni uredi postoje u Zenevi, Beču i Nairobiju. Službeni su jezici engleski, francuski, španjolski, ruski, arapski i kineski. Osnovani su 24. listopada 1945., pošto je Povelju Ujedinjenih naroda ratificirala većina od 51 države sudionice na osnivačkom sastanku u San Franciscu (od travnja do lipnja 1945.). UN se sastoji od Opće skupštine, Vijeća sigurnosti, Ekonomskoga i socijalnoga vijeća, Tajništva, Međunarodnoga suda pravde te niza specijaliziranih organa i tijela. Opća skupština temeljno je deliberativno tijelo UN-a. U njoj se nalaze predstavnici svih država članica koji donose zaključke o budućem djelovanju organizacije (u obliku</i></p>	15	ОПК 3, ПК 2, ПК 3, ПК 4, ПК 9, ПК 11, ПК 12, ПК 13

<i>rezolucija Opće skupštine), odobravaju proračun UN-a, izabiru nestalne članice Vijeća sigurnosti i utemeljuju nova tijela i organe. Svakodnevne administrativne i upravne poslove UN-a vodi Tajništvo, s glavnim tajnikom na čelu. Ekonomsko i socijalno vijeće pomoćno je tijelo Opće skupštine. Međunarodni sud pravde temeljno je sudbeno tijelo UN-a, sa sjedištem u Hagu. Sud se sastoji od 15 sudaca izabranih na mandat od devet godina.</i>		
11. Резерв времени (вопросы к преподавателю и ответы на заданные вопросы).	20	
III. Заключительная часть		
1. Подведение итогов учебного занятия. Общая и индивидуальная оценка работы обучающихся с пояснениями. Разбор существенных недостатков и наиболее типичных ошибок, а также материала, на который необходимо обратить особое внимание в часы самостоятельной работы.	8	ПК 10
2. Задание на самостоятельную работу (домашнее задание): Переведите письменно, используя характерные особенности хорватского и сербского языков.	2	ОПК 3, ОПК 5, ПК 7, ПК 10, ПК 12

Материалы исследования

- Dautović 2007 – *Dautović Matija*. Hrvatsko-ruski priručni rječnik. Zagreb: Školska knjiga, 2007. 792 S.
- Pametni rečnik 2019 – *Pametni rečnik*: rusko-srpski, srpsko-ruski. 1 izd. Novi Sad: Lingea, 2019. 717 S.
- Pavuna 2001 – *Pavuna Stanka*. Rusko-hrvatski praktični rječnik. 1 izdanje. Zagreb: Školska knjiga, 2001. 716 S.
- Бошковић 2012 – *Бошковић Радослав*. Руско-српски, српско-руски речник. 2. испр. и доп. изд. Београд: Јасен, 2012. 1582 S.
- Багдасаров 2022 – *Багдасаров А.Р.* Хорватско-русский словарь. Москва: Издательство МБА, 2022. 720 с.

Библиографический список

- Bagdasarov 2010 – *Bagdasarov A.R.* Hrvatski književni jezik i njegova norma. Rijeka: Maveda i HFDR, 2010. 196 с.
- Bagdasarov 2022 6 – *Bagdasarov A.R.* O različitostima i sličnostima u normiranju hrvatskoga i srpskoga jezika // *Filologija*. 2022. № 79. P. 37–64. DOI: <http://doi.org/10.21857/m16wjcnrg9>.
- Багдасаров 2004 – *Багдасаров А.Р.* Хорватский литературный язык второй половины XX века. Москва: ВТИ, 2004. 164 с. URL: <https://knigogid.ru/books/138808-horvatskiy-literaturnyy-yazyk-vtoroy-poloviny-xx-veka>.
- Багдасаров, Быченко 2022 – *Багдасаров А.Р., Быченко А.А.* Этноязыковая корреляция сходств и различий при нормировании хорватского и сербского языков // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24, № 6 (94). С. 706–716. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49990946>.
- Будагов 1976 – *Будагов Р.А.* Близкородственные языки и некоторые особенности их изучения // *Типология сходств и различий близкородственных языков*. Кишинев, 1976. С. 3–8. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/tipolog/text.pdf>.
- Васильева 2003 – *Васильева В.Ф.* Языковая объективация мыслительного содержания в ракурсе межъязыковой функциональной словообразовательной и морфологической асимметрии (на материале русского и западнославянских языков) // *Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы*. Информационные материалы и тезисы докладов международной научной конференции 21–22 октября 2003. Москва, 2003. С. 69–71. URL: <https://filling-form.ru/turizm/51257/index.html?page=21>.
- Гудков 1999 – *Гудков В.П.* Славистика. Сербистика: Сборник статей. Москва: Издательство МГУ, 1999. 208 с. URL: <http://serblang.ru/infos.php?c=3674&id=3345>.
- Нещименко 2011 – *Нещименко Г.П.* Сопоставительное изучение славянских языков и его значимость для прогнозирования и развития языковой системы // *Слова. Концепты. Мифы* / отв. ред. Г.К. Венедиктов. Москва: Индрик, 2011. С. 252–274. URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2011_Slova_koncepty_mify.pdf.
- Сопоставительные исследования... 1998 – *Сопоставительные исследования* грамматики и лексики русского и западнославянских языков / под ред. А.Г. Широковой. Москва, 1998. 326 с. URL: <https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/shirokova1998.pdf>.
- Чорич 1996 – *Чорич Божо*. Некоторые актуальные проблемы сербского языка // *Изучение и преподавание сербохорватского языка и югославских литератур в инославянской среде: материалы международной конференции*. Москва, 1996. С. 51–52.

References

- Bagdasarov 2010 – *Bagdasarov A.R.* (2010) Hrvatski književni jezik i njegova norma [Croatian literary language and its norm]. Rijeka: Maveda i HFDR, 196 p. (In Croatian).

Bagdasarov 2022 – *Bagdasarov A.R.* (2022) O različitostima i sličnostima u normiranju hrvatskoga i srpskoga jezika [About the differences and similarities in the normalization of the Croatian and Serbian languages]. *Filologija*, no. 79, pp. 37–64. DOI: <http://doi.org/10.21857/m16wjcnrg9>. (In Croatian).

Bagdasarov 2004 – *Bagdasarov A.R.* (2004) Croatian literary language of the second half of the XX century. Moscow: VTI, 164 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/138808-horvatskiy-literaturnyy-yazyk-vtoroy-poloviny-xx-veka>. (In Russ.)

Bagdasarov, Bychenko 2022 – *Bagdasarov A.R., Bychenko A.A.* (2022) Ethno-linguistic correlation of similarities and differences in the rationing of the Croatian and Serbian languages. *Bulletin of Kemerovo State University*, vol. 24, no. 6 (94). Available: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49990946>. (In Russ.)

Budagov 1976 – *Budagov R.A.* (1976) Closely related languages and some features of their study. In: *Typology of similarities and differences of closely related languages*. Kishinev, pp. 3–8. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/tipolog/text.pdf>. (In Russ.)

Vasil'eva 2003 – *Vasil'eva V.F.* (2003) Linguistic objectification of mental content in terms of interlingual functional word-formation and morphological asymmetry (based on the Russian and West Slavic languages). In: *Study of Slavic languages and literatures in higher education institutions: achievements and prospects. Information materials and abstracts of reports of the international scientific conference on October 21–22, 2003*. Moscow, pp. 69–71. Available at: <https://filling-form.ru/turizm/51257/index.html?page=21>. (In Russ.)

Gudkov 1999 – *Gudkov V.P.* (1999) Slavic studies. Serbian studies: collection of articles. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 208 p. Available at: <http://serblang.ru/infos.php?c=3674&id=3345>. (In Russ.)

Neshchimenko 2011 – *Neshchimenko G.P.* (2011) Comparative study of Slavic languages and its significance for forecasting and development of the language system. In: *Venediktov G.K. (Ed.) Words. Concepts. Myths*. Moscow: Indrik, pp. 252–274. Available at: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2011_Slova_koncepty_mify.pdf. (In Russ.)

Comparative studies... 1998 – *Shirokova A.G. (Ed.)* (1998) Comparative studies of grammar and vocabulary of Russian and West Slavic languages. Moscow, 326 p. Available at: <https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/shirokova1998.pdf>. (In Russ.)

Chorich 1996 – *Chorich Bozho* (1996) Some actual problems of the Serbian language. In: *Studying and teaching the Serbo-Croatian language and Yugoslav literatures in a non-Slavic environment: Proceedings of the international conference*. Moscow, pp. 51–52. (In Russ.)

Submitted: 27.12.2022

Revised: 17.01.2023

Accepted: 10.03.2023

Functional stylistics and vertical context

A.A. Lipgart

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

E-mail: a_lipgart@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6548-0680>

O.D. Vishnyakova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

E-mail: ol-vish@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1617-051X>

Abstract: Compared to the philological disciplines of general systematic nature functional stylistics and the studies of vertical context are relatively young and underdeveloped: the definitions of the disciplines in question are there, but the details have either not been investigated or have not been universally agreed upon. The aim of the present paper is to reveal the relevant points concerning functional stylistics and the investigations of vertical context as such and to study these two phenomena in their interrelation. Our analysis has shown that in the more neutral varieties of different functional styles vertical context elements are used sparingly realizing the communicative function of language. The conceptually condensed specialized (academic and official) texts contain a greater amount of these elements fulfilling the intellectual function and being directly relevant to developing the main idea of the text; taken together these elements form a consistent global thematic whole. In highly expressive journalistic texts the amount of vertical context elements is equally considerable, but their function is different: instead of developing the main idea they serve as mere intensifiers and their connection with each other is thematically loose and very general or simply non-existent, for they either develop the opposition of 'good' and 'bad' or refer to facts unrelated to each other, thus flaunting the author's sophistication only; vertical context elements here fulfill the aesthetic function of language or strive to render specialized and emotional kinds of content simultaneously. In imaginative writing apart from allusions and quotations, which one may come across in any text, special attention should be given to symbolic texts where one is likely to find vertical context elements aplenty, they perform mainly the aesthetic function of language, and deciphering them proves to be a gratifying undertaking adding significantly to the adequate interpretation of the material under study.

Key words: functional stylistics; functions of language; vertical context; functional style; journalism; imaginative writing; symbolic literary texts; antonomasia

Citation. Lipgart A.A., Vishnyakova O.D. Functional stylistics and vertical context. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 125–136. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-125-136>.

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Lipgart A.A., Vishnyakova O.D., 2023

Andrey A. Lipgart – Doctor of Philological Sciences, professor, professor of the Department of English Linguistics, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Olga D. Vishnyakova – Doctor of Philological Sciences, professor, professor of the Department of English Linguistics, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811

Дата поступления: 27.12.2022

рецензирования: 17.01.2023

принятия: 10.03.2023

А.А. Липгарт

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: a_lipgart@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6548-0680>

О.Д. Вишнякова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: ol-vish@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1617-051X>

Аннотация: При всей разработанности функциональной стилистики и теории вертикального контекста обе названные филологические дисциплины нуждаются в дальнейшей разработке – и как таковые, и по вопросу их взаимосвязи. Проведенный в настоящей статье анализ показал, что в тяготеющих к нейтральности функционально-стилистических разновидностях текстов элементы вертикального контекста немногочисленны и реализуют преимущественно функцию общения. В специализированных концептуально насыщенных научных и официальных текстах элементы вертикального контекста более многочисленны, они выполняют функцию сообщения и вносят значительный вклад в развитие основной идеи содержащего их текста, в совокупности формируя некое тематическое единство. В публицистических текстах с выраженной экспрессивностью элементы вертикального контекста также многочисленны, но их функциональная ориентация иная: очень часто эти элементы

служат в роли простых усилителей, их тематическая связь друг с другом не прослеживается или прослеживается с большим трудом, они реализуют преимущественно функцию воздействия или одновременно передают эмоциональное и специальное содержание. В художественной литературе особого внимания заслуживают тексты символического характера, поскольку в них наряду с аллюзиями и цитатами, которые встречаются в любых художественных произведениях и не представляют особых проблем для распознавания и интерпретации, присутствуют символы, не подлежащие метафорическому имманентному толкованию; адекватное восприятие таких текстов требует от читателя серьезных знаний филологического и историко-культурного плана, в противном случае в ходе интерпретации текстов будут проигнорированы их значимые элементы, реализующие функцию воздействия.

Ключевые слова: функциональная стилистика; функции языка; вертикальный контекст; функциональный стиль; журналистика; словесно-художественное творчество; символические литературные тексты; антономазия.

Цитирование. Lipgart A.A., Vishnyakova O.D. Functional stylistics and vertical context // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 125–136. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-125-136>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Липгарт А.А., Вишнякова О.Д., 2023

Андрей Александрович Липгарт – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1.

Ольга Дмитриевна Вишнякова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1.

Introduction

As is natural for any paper where global problems are discussed, we will begin with the definitions. With vertical context the situation is fairly simple, for it is universally treated as information of the philological or sociohistorical kind hinted at, but not explicitly presented in a text (allusions, quotations, toponyms, anthroponyms, etc.); without the exact knowledge of the sources or people or places alluded to, the understanding of the texts containing these elements cannot be complete and the adequate ‘horizontal’ – i.e. immanent – perception of this kind of linguistic material is impossible [Giubbenet 2010].

With functional stylistics the situation is less fortunate, because traditional definitions of this discipline contain one redundant component (“speech situation”) and omit another significant constituent part (“type of content rendered”) whose absence makes further practical work extremely problematic (Akhmanova 2005). In this paper by functional style we mean a gradually developing and generally recognized subsystem within the system of language, rendering a certain type of content (and not “related to a certain speech situation”) and characterized by the regular use of a set of phonetic, morphological, lexical and syntactic means distinguishing this subsystem from similar phenomena [Lipgart, Kfourinov 2019]. Here we insist on introducing the notion of type of content rendered and on omitting speech situations for the following reason: speech situations may be different (a lecturer addressing schoolchildren or postgraduate students), but the functional style used in these different speech situations may be the same (academic or journalistic or official). Type of content rendered, on the contrary – be it non-specialized and non-emotional (the communicative functional of language), or specialized and non-emotional (the intellectual function), or emotional and non-specialized (the aesthetic function) – is the parameter which actually helps to differentiate between the

functionally-stylistically dissimilar phenomena and to show the ontological affinity between the phenomena which are allegedly heterogeneous if we look at them from the point of view of the notorious speech situations.

On Functional-Stylistic Theory

In this paper we are going to speak about five functional styles (conversational, academic, official, journalistic, imaginative writing), and not six, for the following reason. We firmly believe that it was due to the uncritical application of the speech situation parameter and the disregarding of the notion of functional stylistic heterogeneity that a truly great philologist thought it apt to single out two separate functional styles (the everyday business style and the official documentary style [Vinogradov 1963]) where only one functional style – the official one – is to be singled out if the problem is considered logically and consistently. Like in all other functional styles, variability here may be considerable, but still it is the variability representing one and the same conceptual and linguistic invariant and not leading to the appearance of the two separate invariants. The origin of the misnomer under discussion is evident, but it shows the objective complexity of the problems discussed, as here even the greatest specialists in the field may periodically offer fallacious theoretical propositions.

There are several other important points to be made in connection with the functional-stylistic theory. When we speak about the functions of language which are predominant in a certain functional style it is necessary to remember that in every style – with the exception of some specimens of the conversational one – at least two functions of language are regularly realized (the communicative plus the intellectual, as is the case with the academic and official texts, or the communicative plus the aesthetic, the combination being regularly reproduced in journalistic texts and

in imaginative writing). Moreover, the elements of the third function (the intellective one) will be regularly present in journalism and periodically used in imaginative texts, while the aesthetic function (at least on the level of intensifiers) may be found in academic and official texts. The conversational style may also contain elements of the aesthetic and / or of the intellective function; it is another matter that these elements by and large do not realize their semantic and metasemiotic potential to the full and invariably undergo what may be called desemantization. The amount of linguistic elements realizing this or that function of language may vary in texts belonging to one and the same functional style, which proves that functional styles are intrinsically heterogeneous. For this reason in some cases (i.e. stylistically marked academic texts and specialized journalistic texts) it may be difficult to attribute a text to a particular functional style off-hand, and it is only after a very careful consideration of the type of content rendered and the types of linguistic units used that the functional-stylistic orientation of a text can be established.

When we speak about functional-stylistic heterogeneity it is important to make up our minds on whether minor subdivisions of functional styles should be called genres or something different. In our opinion the notion of genre of writing is not a very happy choice in this case, for genres may be singled out on the basis of purely conceptual or purely thematic or purely linguistic parameters or the mixture of all the three of them or of the two of them, which makes it extremely problematic to apply these terms in an investigation presupposing the consistent use of a double, conceptual and linguistic, parameter. Thus, in non-functional-stylistic investigations we can speak about various genres of journalism whose conceptual and linguistic characteristics may be overlapping, but within functional stylistics it is preferable to distinguish between descriptive journalism where the conceptual component is prevailing and where expressivity is reduced to a minimum, and declarative journalism where the situation is exactly the opposite [Lipgart, Khouirinov 2019]. For this reason it is advisable to speak about conceptual-linguistic varieties of functional styles, as this term is not overloaded with polysemy and as it is conceptually in full keeping with the theory we are guided by in our studies.

Another point to be considered is the very amount of functions of language we will be referring to in this paper. Academician V.V. Vinogradov following the functional stylistic theory suggested by the members of the Prague Linguistic Circle insisted on the three-fold classification [Vinogradov 1963], while other scholars were ready to single out four of them or even six, the way it was done by Roman Jakobson in his grossly overrated paper "Linguistics and Poetics" [Jakobson 1960]. Here we are going to confidently disregard Jakobson's theory, for it includes addressers and addressees, who are hierarchically inferior to the types of content rendered and types of linguistic units used when it comes to functional-stylistic studies. In

real practice of using a language we choose a set of units to be used in our text depending on what type of content we are going to impart to the reader or to the listener; certain further adaptation to the needs and to the intellectual level of the interlocutor may be made, but it is hierarchically distinctly inferior compared to the initial choice of linguistic units predetermined by the type of content rendered.

"Type of content rendered" is not synonymous to the thematic orientation of the text. In functional stylistics this distinction is of crucial importance, for the thematically similar texts (those related to religion or to business, for example) are often treated – or, rather, erroneously placed – within the functional-stylistic paradigm as fully-fledged members, which results in extending the existing classification of functional styles endlessly. In fact it is methodologically wrong, because texts united by thematic affinity may be written in different functional styles, from the conversational to the academic, official and journalistic and even 'artistic'. Thematically similar texts may be studied from the functional-stylistic viewpoint, but they should never be considered to be hierarchically equal to the functional styles they belong to.

The trichotomy of functions of language Academician Vinogradov and his followers were relying upon clearly reflects the objective opposition of neutral, specialized and emotional units (most clearly seen if we turn to the lexis of a developed national literary language), but in connection with this trichotomy an important reservation is to be made. If fact this trichotomy should have been a tetrachotomy, for it is based on the two global distinctions between units with 1) non-specialized and specialized and 2) non-emotional and emotional types of content. A function of language is thus characterized by two global conceptual parameters; hence the amount of these functions is to be four and not three. But the final classification contains three members only, and for a good reason. Units of emotional and specialized kind like 'democracy' and 'liberalism' (initially specialized, but through their active usage in emotional political discourse acquiring strong connotations and thus also becoming emotional) are numerically negligible compared to terminological units, expressive or neutral elements a developed literary language possesses, that is why they cannot be treated as ontologically and functionally comparable to the units representing the three-fold division in question.

Vertical Context in the Conversational Functional Style

Now that we have explained the theoretical propositions we are going to be guided by, it is time for us to turn to the more particular problem which comprises the subject of the present article – that is, the way vertical context manifests itself in various functional styles. The conversational functional style turns out to be the least promising material for discussion. When someone is overhearing a conversation between Bill and Bob about Julia and

Sam without having the knowledge of who Julia and Sam are and what the relationship between these two is, this knowledge may be interpreted as related to vertical context. When Bob is quoting a line from a popular movie the ‘overhearer’ is not familiar with, this can be treated as yet another element of the vertical context of the talk, requiring certain elucidation. But for all the ontological affinity of the mentioning of Julia and Sam to the situations when vertical context is studied in connection with William Shakespeare’s poem “The Phoenix and the Turtle”, for example, here one should not feel particularly overjoyed at these parallels and should not start developing theories or introduce complex schemes of analysis. Making some elementary inquiries will help the ‘overhearer’ to get a clear idea of the situation, as the vertical context elements here are elementary as well, they fulfil the communicative function of language, their content is non-specialized and non-emotional and thus calls for no complicated interpretations. It is only for the fairness’ sake that we include in the present paper the discussion of vertical context in the conversational functional style.

Vertical Context in the Academic and Official Functional Styles

When we turn to the academic (scientific) and official functional styles it transpires that compared to the conversational style the situation with vertical context here is more complicated, simply because for understanding it greater concentration is required on the part of the reader or listener. Simultaneously and somewhat paradoxically, vertical context here is easier to understand because in properly written academic and official texts the relevant information is presented in the text itself in the form of definitions, direct quotations from, or references to, other sources [Zubova 2013]. A certain degree of expressivity may be found in academic and official texts, but it never overshadows the specialized and the basically non-emotional content such texts are supposed to render. We confidently bring these two styles together when considering their vertical context properties, because to distinguish between the two functional styles in question the hierarchically inferior thematic criterion should be used (the nature of things in general being the subject of the academic texts and social relations viewed non-privately being the subject of official texts), while the conceptual and linguistic characteristics of these two styles are very close.

Texts realizing the intellectual function may be completely or almost completely devoid of vertical context elements:

“Item I Gyve and bequeath vnto my [sonne and] daughter Judyth One Hundred and ffyftie poundes of lawfull English money to be paied vnto her in manner & forme foloweng, That ys to saye, One Hundred Poundes *in discharge of her marriage porcion* within one yeare after my deceas, with consideracion after the Rate of twoe shillings in the pound for soe long

tyme as the same shalbe vnpaied vnto her after my deceas, & the ffyftie poundes Residwe thereof vpon her Surrendring *of*, or gyving of such sufficient securitie as the overseers of this my will shall like of to Surrender or graunte, All her estate & Right that shall discend or come vnto her after my deceas or *that shee* nowe hath of in or to one Copiehold tenemente with thappurtenaunces lyeing and being in Stratford vpon Avon aforesaied in the saied countie of Warr, being parcell or holden of the mannour of Rowington, vnto my daughter Susanna Hall & her heires for ever. Item I Gyve and bequeath vnto my saied daughter Judith One Hundred and ffyftie Poundes more if shee or Anie issue of her bodie by Lyvinge att thend of three Yeares next ensueing the daie of the date of this my will, during which tyme my executours to paie her consideracion from my deceas according to the Rate aforesaied” (Chambers 1930).

This is an extract written in the official style (the original orthography is retained) and coming from William Shakespeare’s Last Will and Testament. This text may serve as an excellent illustration to the initial part of the definition of functional styles where they are described as the gradually developing phenomena. For all the specificity of the spelling and of some lexical elements Shakespeare’s Will is similar to modern official texts in that it is not free from tautology (synonyms being the sworn enemies of the non-ambiguity of interpretation official texts are to aim at), that it is free from expressivity and that syntactically it is quite complicated (this latter feature originating from the necessity to include all the relevant constituent parts in a single sentence to make sure that later on they are not treated as something isolated and disconnected).

The playwright’s Last Will and Testament is the text most Shakespearologists are familiar with, and they are able to understand this piece of writing without any additional “vertical” explanations. Less advanced readers may wish to learn more about some topographical details (‘the countie of Warr’ standing for the county of Warwickshire, for example) or about Shakespeare’s family (the two natural questions to be asked here are: were there any other children of Shakespeare apart from Judith and Susanna still living at the time when the playwright’s will was written, or why is Judith mentioned without the indication of her family name [Chambrun 1957], though she is known to have been married, while Shakespeare’s elder daughter as designated as Susanna Hall, in her case both the first name and the family name being indicated in the text of the will). This is the information one may easily find in any standard biography of William Shakespeare [Bate 2009; Greenblatt 2005; Holden 1999], it is directly connected with his life story, and no leaps of imagination are required to grasp the meaning of the text. As both proper names and place names here directly relevant to rendering a specialized kind of content it seems reasonable to treat them as manifestations of the intellectual function of language.

Similar examples may be found among academic texts:

“When Elizabeth Tudor became Queen of England in 1558, King Philip of Spain, her former brother-in-law, had every reason to hope for the normal working relations with England. After all he was the one to protect his sister-in-law when his wife Mary Tudor, the then queen regnant, decided to imprison Elizabeth. Not that Mary Tudor’s wrath was totally unjustified, but still Elizabeth’s main fault was her status of heir apparent. Philip was shrewd enough to figure out that Elizabeth for all her secret protestant leanings was a much better choice as the next ruler of England than the staunchly Catholic, but distinctly pro-French Mary Stuart who was next in line of succession.

When Elizabeth eventually got the crown of England, Philip was controlling a vast empire he had inherited from his father, his resources were stretched to the utmost, and friendship with England would alleviate the extreme strain the Spanish king was subjected to on the daily basis. The last thing Philip could afford was to antagonize yet another ruler, however insignificant the role of England in the international politics of the time could have been” (Tasks... 2020).

The vertical context elements here are confined to proper names and to the religious doctrines the bearers of these names followed [MacCulloch 2004; Williams 1979]; Philip’s and Mary Tudor’s religious views are not mentioned explicitly, but from the general context it may be deduced that both of them were Catholics. No digressions from the main line of narration are made, and the text as a whole perfectly corresponds to the main tendencies one would expect to find out when dealing with the vertical context of academic or official writing. There is certain synonymy at the level of proper names (Elizabeth Tudor, sister-in-law), but understanding who is meant in the latter case requires no particular effort on the part of the reader. Like in the previous example, it seems reasonable to treat them as manifestations of the intellectual function of language.

There are more intricate cases, however, when the understanding of an academic or an official text is possible only if the reader makes a considerable effort familiarizing himself or herself with the information which is infinitely broader compared to what is necessary for the understanding of examples we have introduced above. To illustrate the point let us consider an example of an academic text by Richard Wilson (Wilson 2004) virtually oversaturated with vertical context elements:

“On 25 October 1598, at the Bell Inn, a hundred yards from the Blackfriars Gatehouse, and beside the royal Wardrobe that operated, under the control of the Catholic Fortescues, as an illicit Mass-centre, his Stratford friend Richard Quiney wrote the only surviving letter to William Shakespeare, begging ‘30 pounds upon Mr. Bushell’s and my security’. Here, in the oasis of licence where another Stratfordian,

Richard Field, had printed, among works by *politiques* like Harrington, his debut, *Venus and Adonis*, Quiney’s business was to link Shakespeare with men at the heart of Catholic hopes, as the Bushells, Thomas and Edward (whose sister married Quiney’s son), were former agents of the Stanleys in the core of the Essex Plot. We do not know whether the poet did trust Thomas Bushell’s word, but the Earl would be condemned on Edward’s, when the brother, himself incriminated in a 1594 plot to assassinate the Queen, testified to the contents of a ‘black bag’ that included the list of conspirators. And a year later, on May 1602, Quiney would himself be stabbed to death by assassins hired by Stratford’s Puritans” (Wilson 2004, pp. 6–7).

The understanding of the text requires a vast knowledge of the vertical context, otherwise the reader will fail to comprehend why Richard Wilson is speaking about a Mass-centre [Alford 2012] (and an illicit one for that matter), not a church, or who the *politiques* are [Asquith 2005]. It may seem that Richard Wilson is not very good at his dates, for in the text only three dates are mentioned, the last one coming as a surprise within the general context: Quiney’s letter was written in 1598, a certain plot against Elizabeth took place in 1594, “and a year later, in May 1602, Quiney would himself be stabbed to death”. The text also abounds in anthroponyms and place names, some of which (together with “an illicit Mass-centre” and “the *politiques*”) the reader of this highly specialized book meant for professionals, not beginners, is supposed to know, but in most cases Richard Wilson does not refrain from referring his readers to other sources where they will find these vertical context elements explained, as six other books are mentioned in the notes to the text of this passage (Wilson 2004, p. 9). If it had not been for the references just mentioned, Richard Wilson’s text should have been treated as a grandiose failure, because the immediate meaning of the passage can be extracted from it only with great difficulty (“In 1598 at the Bell Inn a certain Richard Quiney wrote a letter to Shakespeare asking for a loan and saying that either he, Richard Quiney, or a certain Thomas Bushell would be responsible for paying the money back; it is not known whether Shakespeare actually lent the money to Quiney”), while the remaining encyclopedic information may seem to be clearly redundant.

On closer examination, however, it turns out that nothing is wrong with the dates (Quiney died a year after the Essex rebellion which took place in 1601 and which is mentioned immediately before the year 1602), that anthroponyms and place names are given not because Richard Wilson wished to impress the reader with his erudition and that the somewhat trivial fact we have just deduced from Richard Wilson’s text does not exhaust its content, for the actual aim of the author was to show the implications of this seemingly unimportant event. The text is exceptionally rich factually, and to interpret it adequately we need to produce a passage at least of the same length (or, perhaps, even longer,

if we consult the reference material and give ampler and less condensed information concerning the people and the events mentioned). In order to do it we need not decipher metaphors of which there are practically none ('the oasis of licence' being the only notable exception), to eliminate expressive elements or fight synonymy on the level of proper names ('Essex' and 'the Earl', 'Shakespeare' and 'the poet' cause no serious difficulty for those who possess elementary knowledge of the history of Elizabethan England [Meyers 2011], and even if the use of the second elements in these couples may be treated as examples of anotomy, they are self-evident semantically). The adequate understanding here may be achieved if we thoroughly reconstruct the vertical context the passage is endowed with and directly alludes to [Fogg 2012].

The two people out of the three who were involved in the transaction (Richard Quiney and Thomas Bushell), as well as their relatives and acquaintances [Pogue 2006; Sams 1995], were the active members of the Elizabethan Catholic underground. Most of Shakespeare's contemporaries mentioned in the text operated within the precincts of a London Catholic enclave where Shakespeare 15 years later would buy a notorious Blackfriars Gatehouse [Lipgart 2018; Wood 2005], and three of them had even closer ties, as they were all born in Stratford-upon-Avon about the same time and kept in touch in their later lives, and one of them in four years would be killed by the local extremist Protestants precisely in Shakespeare's native town. Hence, the reader has every reason to believe that the problem of the religious affiliation should not be ignored when we speak about various facts of William Shakespeare's biography and his works. The vertical context elements introduced by Richard Wilson are clear manifestations of the intellectual function of language. They all related to one and the same specialized subject and are characterized by pronounced thematic affinity: William Shakespeare, his works, his political and religious views, all these being revealed through reference to the circle of his immediate and more distant Catholic acquaintances and contemporaries and their doings within the sphere of politics. This subject is much broader compared to what we have found in our previous examples, but it is still one subject (however broad), and not a motley collection of unrelated facts presumably testifying to the middle-headedness of the author.

Vertical Context in the Journalistic Functional Style

With journalism the situation is exactly the opposite. Far from being obliged to squeeze as much information as possible into a line or a sentence or a passage, journalists, on the contrary, have to represent an idea (which often may be covered in one brief sentence) in a linguistically memorable manner and in a relatively long text in order to bring this idea home to the reader or listener not through logical reasoning, but due to

the emotional impact provided, among other things, by vertical context elements. Sometimes emotional impact and rendering specialized information overlap in a linguistic unit or in a combination of linguistic units to such an extent that one feels confused when it comes to attributing a particular case either to the intellectual function or the aesthetic function of language. The impression here is that the fourth and so far unnamed function of language (specialized emotional type of content rendered) is being regularly realized. This tendency is especially noticeable in the declarative varieties of journalism, while in the more neutral varieties of it the expressive component does not prevail so obviously over the conceptual one. Now we will abstain from introducing the less conspicuous examples and immediately turn to those where the tendency we have just spoken about manifests itself most obviously.

Samuel Johnson was not only an adoring editor, but also a demanding critic of Shakespeare. In full keeping with the views on what a dramatic text should be like, predominant during Johnson's lifetime, he once gave a scathing description of Shakespeare's use of play upon words:

"A quibble is to Shakespeare, what luminous vapours are to the traveller; he follows it at all adventures, it is sure to lead him out of his way, and sure to engulf him in the mire. It has some malignant power over his mind, and its fascinations are irresistible. /.../ A quibble is the golden apple for which he will always stoop aside from his career, or stoop from his elevation. A quibble, poor and barren as it is, gave him such delight, that he was content to purchase it, by the sacrifice of reason, propriety and truth. A quibble was to him the fatal Cleopatra for which he lost the world, and was content to lose it" (Johnson 1986, p. 273).

The text contains just one idea which may be formulated in less than one line: "A quibble is a bad thing, and Shakespeare was wrong to have used it". The remaining six and a half lines serve as intensifiers to this idea, the main notion is personified and its negative sides are characterized through the plentiful usage of metaphors including such vertical context elements as the connotative word-combinations "the golden apple" and "the fatal Cleopatra". Ancient Greek mythology and Shakespeare's play "Antony and Cleopatra" are the sources from which these elements are borrowed, and a sophisticated reader will at once appreciate Johnson's skill in creating bright associations magnifying the enormity of Shakespeare's lack of discrimination when he chose the quibble as a recurrent stylistic device in his texts. Though not devoid of meaning conceptually, the vertical context elements here are significant first and foremost expressively, they do not develop the main idea, but only intensify it. In Richard Wilson's academic text the connection between Shakespeare, Richard Field and Richard Quiney was apparent, for they were all Stratford-born people dwelling at a

certain period of their lives in the ‘oasis of licence’, and no expressivity would accompany this plain statement of fact. In Samuel Johnson’s passage the quibble, the golden apple and the fatal Cleopatra are only loosely united thematically by a very general idea of ‘badness’, with the expressive component clearly prevailing, the semantic component reduced and these three motions turning into contextual synonyms. This is the fundamental difference between the use of vertical context elements in specialized texts, where they are significant conceptually and interrelated thematically, and their thematically loose application in emotional kinds of writing or speaking to which declarative journalism may be legitimately attributed.

The same loose connection of the vertical context elements with the main idea of the text or the absence of any connection between them whatsoever is found in the beginning of an article “Good Practice Trumps Blind Brexit Principles” by Magnus Linklater (Linklater 2018), published on November 19 2018 in *The Times*:

“Dr Johnson (Sam, that is, not Boris) got it about right when he expostulated to Boswell: “Sir, are you so grossly ignorant of human nature, as not to know that a man may be very sincere in good principles, without having good practice?”

We have had our fair share of principles in the past week. Principled departures from the cabinet, principled support for a second vote, principled rejection of a backstop on the Irish border, principled opposition to EU rules. In each case, devotion to sovereignty and defence of the Union have been rock-hard principles from which, say their proponents, there must be no defection”.

Had it been an academic text, we would have had every reason to expect an explanation in every case when the anaphoric adjective “principled” is used or at least a reference to other sources amplifying the essentially unprincipled behavior of the politicians. In a declarative journalistic text we find nothing of the kind, we are supposed to know in advance or to believe the author of the text blindly. The use of the vertical context elements (the opposition between Samuel Johnson and Boris Johnson) follows the same conceptually loose pattern. Either we accept it as an indisputable fact that the sage of the old times is superior to his modern namesake, or, if we possess some preliminary knowledge, we will embark on a search of differences between the two and confine ourselves in the end to a largely irrelevant statement that the former was ‘good’ and the latter was ‘bad’. The same ‘good’ – ‘bad’ opposition all over again, in no way connected with the main idea of the text, the vertical context elements serving as intensifiers and not as the conceptually relevant components of the article.

To illustrate the functioning of the vertical context elements in journalism with the utmost clarity we have taken the liberty of turning the academic text concerning the relations between Philip of Spain and

Queen Elizabeth discussed above into a journalistic one. Our experiment will allow us to represent in a condensed form the features of journalism which are rarely used in such great quantities in a single text:

“When the one who detested marriage in contrast to her namesake who tolerated her husband’s infidelity for years became Queen of England, Philip (the Armada man, not the quiet crony of James) had every reason to hope for the normal working relations with the country which of late had witnessed his extreme personal humiliation. After all he was the one to have protected his sister-in-law when Mary (not the William-and-Mary one, but the proud owner of the most despicable sobriquet in history) decided to imprison the future Gloriana. Not that the sobriquet owner’s wrath was totally unjustified, but still Elizabeth’s main fault was her status of heir apparent. Philip was shrewd enough to figure out that the sister-in-law for all her secret protestant leanings – only time would show whether she would confine herself to here I stand or accept double predestination – was a much better choice as the next ruler of England than the staunchly Catholic, but distinctly pro-French disciple of the Guise family, who was next in line of succession.

When Elizabeth eventually got the crown of England, Philip was controlling a vast empire the Pavia hero had bequeathed him (the Holy Roman thing had been dropped en route more or less, Charles having mercy on his heir and displaying his viciousness dynastically upwards, and not downwards). His resources were stretched to the utmost, and friendship with the land of St Augustine would alleviate the extreme strain the unfortunate Juana’s grandson was subjected to on the daily basis. The last thing the recipient of the problematic inheritance could afford was to antagonize yet another ruler, however insignificant the role of Albion in the international politics of the time could have been”.

What we received as a result is not an example of declarative journalism, but a highly expressive specimen of analytical journalism. When composing the initial sentence we were inspired by the Johnson-Johnson opposition we have just discussed, as within the context of the 16th century Anglo-Spanish relations [Ronald 2007] there is no reason to mention Queen Elizabeth II. But there she is, in the very first sentence, like Boris Johnson in Magnus Linklater’s text, antonomastically opposed to her 16th century namesake and promising the discussions of the further points within the virtually unidentifiable general context of “European royalty, their human qualities and political decisions”. Philip III of Spain (“the quiet crony of James” [Hogge 2005]) as opposed to Philip II (“the Armada man”), as well William III and Mary II as opposed to Mary I (“the proud owner of the despicable sobriquet”), may be categorized similarly, for they have a very loose thematic connection with the main idea of the text. To make matters more complicated some members of the oppositions are introduced through antonomasia which remains

unexplained in what comes next. “The future Gloriana” [Doran 2015] and “the disciple of the Guise family” [Carroll 2009; Graham 2008] are still other examples of anonomasia which are thematically closer to the immediate content of the text because they name the actual participants of the political battles of the Elizabethan epoch. The same applies to “here I stand” and “double predestination” which correspond to Lutheranism [Mullet 2004] and Calvinism [Hart 2013] respectively and which Elizabeth would finally have to choose from when formulating for herself the main political and moral principles she would follow during her reign [Childs 2014].

In the second passage the thematic orientation of the vertical context elements changes yet again, for now it is Philip’s family history that becomes the centre of attention: his father Charles V, who had defeated the French king Francis I near Pavia [Thomas 2013], who refused to release his mother Juana from close confinement and thus displayed “upward dynastic viciousness”, who had to control enormous territories including the Holy Roman Empire, Spain and the Netherlands and exhausted himself through this daily imperial work to such an extent that at the age of 56 he abdicated, giving the Empire to his brother and his other lands to Philip [Thomas 2014] (and thus sparing his heir the ordeal of coping with the task Charles himself had found impossible), and shut himself in a monastery where he died two years after the event in a state of acute depression.

Practically the whole of this information is to be deduced from the passage through deciphering cases of anonomasia, which for journalistic texts is a recurrent stylistic device representing their vertical context – sometimes very rich and very loose thematically. In the text we have just discussed the thematic orientation of the vertical context elements changes thrice: from European royalty generally to the dynastic situation in England during Mary Tudor’s reign, to be followed by the ideology of Protestantism and then by Philip’s family history. In declarative journalism such changes are nothing out of the ordinary, and anonomasia is used in them not just to avoid tautology (the way it is done, quite infrequently, in the academic texts, where cases of anonomasia are easy to understand and are thematically transparent), but to form unexpected contextual synonyms and either to inspire the cognoscenti to develop various associations or to induce the less knowledgeable readers to uncritically accept the author’s view because the readers get the impression that the author is obviously superior to them intellectually. In academic writing vertical context is supposed to be orderly and predictable; in journalism it is much less orderly, much less predictable, potentially boundless and at the same time not really relevant when it comes to comprehending the immediate content of journalistic texts. The functions of language realized are either the aesthetic one (when we speak about “fatal Cleopatra” in connection with the quibble, for

example) or the mixture of the intellective and the aesthetic (the unnamed fourth function), which is typical not only of cases of anonomasia, but also of such regularly occurring specialized-emotional units as “upward viciousness” and their derivatives.

Vertical Context in Imaginative Writing

Imaginative writing was chronologically the first functional style the vertical context theory was applied to, concentrating on various kinds of allusions and quotations [Giubbenet 2010]. These vertical context elements are easy to reveal when they are appropriately designated orthographically, while in the absence of the orthographic indicators they may be difficult to spot. In order to do this one should pay attention to the potential stylistic incompatibility of an allusion or a quotation with the rest of the text or to their gnomic character, as well as to their logical significance for the text as a whole. When none of these features can be revealed, spotting a vertical context element of this kind is next to impossible.

All these theoretical points have been convincingly developed by our predecessors, for this reason we find it unnecessary to repeat here what other people have already said, enlivening what is already known by introducing a new and refreshing set of examples. Instead, we are going to discuss the subject which is not at all obvious and which, to our knowledge, has not so far received due consideration: revealing vertical context elements in texts of symbolic kind.

In contrast to metaphors, which in spite of their potential complexity can be understood immanently, without taking recourse to the vertical context of a piece of verbal art, the interpretation of symbols or symbolically significant elements is impossible without going beyond immanent analysis. When in his poem “Oh! Think Not My Spirits Are Always As Light” (Moore 2016) Thomas Moore introduces an extended metaphor “the heart that is soonest awake to the flowers is always the first to be touched by the thorns”, the meaning of the lines may not be at once apparent to the reader, but sooner or later the implication will become transparent: some people react to joy and to sorrow with equal intensity because these people are highly emotional. This is the conclusion one may formulate immanently, without turning to any commentaries, as for all the originality of using them together with the word “heart” the flowers and the thorns in this poem metaphorically stand for something good and something bad, something pleasant and something unpleasant respectively. Logically and semantically these two nouns are definitely compatible, which proves to be an important feature allowing the reader to disregard the non-immanent information when interpreting the poem.

When the logical compatibility of some linguistic units is not there, one should think of revealing the possible vertical context implications and of treating what may seem to be metaphorical as symbolic. In the King James Bible (First... 1986) the translation of

Ecclesiastes 12:1-8 contains among other things the enumeration of the events occurring when a person gets old: the keepers of the house shall tremble, the grinders shall cease because they are few, those that look out of the windows be darkened, the almond tree shall flourish. Though with some difficulty one may give a metaphorical interpretation to the first three elements (things which are usually visible and bright getting quiet or blurred, thus showing the changes in the world on the day of a person's demise), all the same the fourth element logically falls out of this line of reasoning. Of course, it may happen simply because the text is badly written, and it is for this reason that the logical connection disappears when we come to the fourth element of the enumeration. But in fact there is nothing wrong about the logical side of the text simply because in Hebrew poetry the four above-mentioned elements stand symbolically for hands, teeth, eyes and hair getting weak, scarce, short-sighted and grey in a person's old age. The knowledge of the vertical context in this case is indispensable if one is to understand this piece of writing adequately, and the necessity to turn to biblical commentaries becomes obvious the moment the reader notices the lack of logical connection between some parts of the text and begins to suspect that immanent analysis here is insufficient and that the would-be metaphors in the text are actually symbols.

"Badly written and requiring no recourse to vertical context" is one of the explanations coming to a reader's mind at the sight of a text difficult for comprehension – an explanation which sometimes may be correct, and sometimes incorrect. "Representing entirely abstract phenomena, following an intricate logic all its own and requiring no recourse to vertical context" is another explanation to the incomprehensibility of a text – an explanation which sometimes may be correct, and sometimes incorrect as well. We have come to the right evaluation of a piece from Ecclesiastes through considering its philological vertical context, but it does not mean this type of extratextual information would suffice for the adequate understanding of any text going beyond immanent interpretations. Like the biblical text just considered, William Shakespeare's celebrated poem "The Phoenix and the Turtle" defies elementary logic, but studying the Phoenix legend throughout the world literature will not bring us any nearer to the understanding of why Shakespeare brought together the eagle, the swan and the crow as the birds that should attend the burial of the phoenix and the turtle, why other birds were not allowed to be present, why the love between the phoenix and the turtle was so unique that their separation from each other did not prevent them from forming the global whole where the border between the constituent entities was invisible though visible, and. Eventually, why their demise marks the irrevocable extinction of Beauty, Rarity and Truth. Reconstructing the philological vertical context here is of no help, and

many scholars were tempted to say that the value of this text lies precisely in its incomprehensibility. This may be quite true, but as Shakespeare is generally known to have been no modernist or postmodernist and to have produced texts with clear content one feels a bit uncomfortable about such an interpretation and begins to look for explanations elsewhere. The promising theoretical premise in this case is that confining oneself to the philological vertical context is not always acceptable and that turning to the socio-historical variety of vertical context may be an effective way out of certain awkward situations.

There is a plethora of competitive theories concerning the prototypes of the heroes of Shakespeare's poem, but it is our firm belief that the right interpretation of the text may be given only if we attach due importance to the word "requiem" and the prayers for the dead Shakespeare mentions in his text. These are the distinct indications that the dead birds were to be buried in accordance with the Catholic rites that had been banned in England four decades before Shakespeare's poem was written. This narrows down the search of prototypes to a Catholic couple living separately in perfect chastity and perfect spiritual union and dying tragically about the year 1601 when the collection of poems including "The Phoenix and the Turtle" was first published. The secret burial was attended by the leading members of the London Catholic community, and further studies of the vertical context elements in their symbolic meaning allow one to identify the prototypes with a fair degree of certainty and to suggest a more adequate interpretation compared to those based on the philological vertical context exclusively [Lipgart 2018].

Conclusion

Vertical context manifests itself differently in various functional styles, and within a style it may be of varying significance as well. In texts realizing mainly the communicative function of language vertical context is easy to interpret because no specialization and no emotionality is attached to the use of its elements. In texts where the intellectual function of language prevails vertical context may be complex, but thematically uniform, predictable and discernable, because the authors of such texts are obliged to give to their readers very clear explanations of where the relevant information not presented in the texts themselves is to be found and what it actually consists in. Journalistic texts and imaginative writing are potentially the most difficult for interpretation with respect to vertical context because its elements are not necessarily thematically coherent and not at all easy to discern. Antonomasia will be the regular stylistic choice for introducing vertical context in journalism, while imaginative writing in so many cases may be interpreted adequately only through establishing the right symbolic connections of the philological or socio-historical kind.

Materials of the research

Chambers 1930 – *Chambers E.K.* (1930) William Shakespeare: A Study of Facts and Problems. In 2 vols. Oxford University Press. Vol. I, xviii, 576 p.; Vol. II, xvi, 448 p.

First... 1986 – *The First Scofield Reference Bible* (1986) Barbour and Company, 1614 p.

Johnson 1986 – *Johnson S.* (1986) Selected Writings. London: Penguin Books, 571 p.

Linklater 2018 – *Linklater M.* (2018) Good Practice Trumps Blind Brexit Principles. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/good-practice-trumps-blind-brexit-principles-bzjkj8mbms> (accessed 07.01.2023).

Moore 2016 – *Moore T.* (2016) Complete Poetical Works. Delphi Classics, 404 p.

Tasks... 2020 – *Tasks for the MSU Entrance Examinations* (2020). URL: https://cpk.msu.ru/files/2020/tasks/eng_1.pdf (accessed 07.12.2022)

Wilson 2004 – *Wilson R.* (2004) Secret Shakespeare: Studies in Theatre, Religion and Resistance. Manchester: Manchester University Press, 326 p.

Oxford... 2013 – *The Oxford Handbook of Shakespeare's Poetry* (2013) Oxford: Oxford University Press. xxv, 748 p.

Akhmanova 2005 – *Akhmanova O.S.* (2005) Dictionary of linguistic terms. Moscow: KomKniga/URSS, 608 p. (In Russ.)

References

Alford 2012 – *Alford S.* The Watchers: A Secret History of the Reign of Elizabeth I. London: Allen Lane, 2012, xvii, 398 p. Available at: https://archive.org/details/watcherssecrethi0000alfo_s0r8.

Asquith 2005 – *Asquith C.* (2005) Shadowplay: The Hidden Beliefs and Coded Politics of William Shakespeare. New York: PublicAffairs, xvii, 348 p. Available at: <https://archive.org/details/shadowplayhidden00asqu>.

Bate 2009 – *Bate J.* (2009) Soul of the Age: The Life, Mind and World of William Shakespeare. London: Penguin Books, x, 500 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=3C2jTTzeq8YC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Carroll 2009 – *Carroll S.* (2009) Martyrs and Murderers: The Guise Family and the Making for Europe. Oxford: Oxford University Press, 368 p. Available at: <https://archive.org/details/martyrsmurderers0000carr/mode/2up>.

Chambrun 1957 – *Chambrun C.L., de.* (1957) Shakespeare: A Portrait Restored. New York: P.J. Kennedy & Sons, ix, 406 p.

Childs 2014 – *Childs J.* (2014) God's Traitors: Terror and Faith in Elizabethan England. London: The Bodley Head, xx, 443 p. Available at: <https://archive.org/details/godstraitorsterr0000chil>.

Doran 2015 – *Doran S.* (2015) Elizabeth I and Her Circle. Oxford: Oxford University Press, 397 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=q67qBgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Fogg 2012 – *Fogg N.* (2012) Hidden Shakespeare: A Biography. Stroud, Gloucestershire: Amberley, 320 p. Available at: <https://archive.org/details/hiddenshakespeare0000fogg>.

Graham 2008 – *Graham R.* (2008) An Accidental Tragedy: The Life of Mary, Queen of Scots. Edinburgh: Birlinn, 476 p. Available at: https://ereads.net/roderick-graham/426519-an_accidental_tragedy.html; <https://archive.org/details/lifeofmaryqueeno00rode>.

Greenblatt 2005 – *Greenblatt S.* (2005) Will in the World: How Shakespeare Became Shakespeare. New York: W.W. Norton, 432 p. Available at: <https://archive.org/details/willinworldhowsh00gree>; <https://books.google.ru/books?id=LAiYWs15jUoC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Hart 2013 – *Hart D.G.* (2013) Calvinism: A History. New Haven: Yale University Press, 352 p. Available at: https://ebook-hunter.org/calvinism-a-history-by-hart-d-g-darryl-g_5e57fed124968d297f627a56/; <https://books.google.ru/books?id=IKSqDBa4PxsC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Hogge 2005 – *Hogge A.* (2005) God's Secret Agents: Queen Elizabeth's Forbidden Priests and the Hatching of the Gunpowder Plot. New York: Harper Perennial, 400 p. Available at: <https://archive.org/details/godssecretagents0000hogg>; <https://books.google.ru/books?id=jsXwMaXwYi0C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Holden 1999 – *Holden A.* (1999) William Shakespeare: His Life and Work. London: Abacus, 367 p. Available at: https://archive.org/details/williamshakespea0000hold_16b0; <https://books.google.ru/books?id=JBOCCwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Jakobson 1960 – *Jakobson R.* (1960) Linguistics and Poetics. In: *Sebeok T.A. (Ed.) Style in Language*. Cambridge: Cambridge (Mass.), pp. 350–377. Available at: http://www.dilbilimi.net/jakobson_linguistics_and_poetics.pdf.

MacCulloch 2004 – *MacCulloch D.* (2004) Reformation: Europe's House Divided, 1490–1700. London: Penguin Books, 864 p. Available at: <https://archive.org/details/reformationeurop0000macc>; <https://books.google.ru/books?id=KZ5D2WQoqoC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Meyers 2011 – *Meyers G.J.* (2011) The Tudors: The Complete Story of England's Most Notorious Dynasty. New York: Bentam Books Trade Paperbacks, 623 p. Available at: https://books.google.ru/books?id=nmS8lJhN_sQC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false; <https://archive.org/details/tudorsstoryofeng0000meyer>.

Mullet 2004 – *Mullet M.A.* (2004) *Martin Luther*. Routledge, Taylor & Francis Group, 308 p. Available at: https://archive.org/details/martinluther00mart_0.

Pogue 2006 – *Pogue K.E.* (2006) *Shakespeare's Friends*. Praeger, xvii, 183 p. Available at: https://archive.org/details/shakespearesfrie00pogu_0; <https://books.google.ru/books?id=Oy29eyCMNycC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Ronald 2007 – *Ronald S.* (2007) *The Pirate Queen: Elizabeth I, Her Private Adventurers, and the Dawn of Empire*. New York: HarperCollins Publishing, 496 p. Available at: <https://archive.org/details/piratequeenqueen00rona>; <https://books.google.ru/books?id=idogulb59okC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Sams 1995 – *Sams E.* (1995) *The Real Shakespeare: Retrieving the Early Years, 1564–1594*. Yale: Yale University Press, xvi, 256 p. Available at: <https://archive.org/details/realshakespearer00sams>.

Thomas 2013 – *Thomas H.* (2013) *The Golden Age: The Spanish Empire of Charles V*. London: Penguin Books, xvi, 697 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=6uadJumfBakC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>; https://bookz.ru/authors/h_u-tomas/zolotoi-_840/1-zolotoi-_840.html.

Thomas 2014 – *Thomas H.* (2014) *World Without End: The Global Empire of Philip II*. London: Allen Lane, Penguin Books, xviii, 464 p. Available at: <https://books.google.co.uk/books?id=02D5AgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>; https://librebook.me/world_without_end_the_global_empire_of_philip_ii.

Williams 1979 – *Williams P.* (1979) *The Tudor Regime*. Oxford: Clarendon Press, 486 p. Available at: <https://archive.org/details/tudorregime0000will>.

Wood 2005 – *Wood M.* (2005) *In Search of Shakespeare*. London: BBC Books, 400 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=CWakCAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>; https://celz.ru/michael-wood/367684-in_search_of_shakespeare.html; <https://archive.org/details/insearchofshakes0000wood>.

Vinogradov 1963 – *Vinogradov V.V.* (1963) *Stylistics. Theory of poetic speech*. Poetics. Moscow: APN SSSR, 255 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006116392/. (In Russ.)

Giubbenet 2010 – *Giubbenet I.V.* (2010) *Foundations of philological interpretation of literary texts*. Moscow: Izd-vo MGU, 205 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/gubbenet/text.pdf>. (In Russ.)

Zubova 2013 – *Zubova U.V.* (2013) *Philological studies of English business discourse: vertical context and related phenomena*. In: *Akhmanova readings 2012: conference materials*. Moscow: MAKSPress, pp. 112–121. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/article/18707880/>. (In Russ.)

Lipgart 2018 – *Lipgart A.* (2018) *On Interpreting Some Facts of William Shakespeare's Life and Works: "The Phoenix and the Turtle" and the Purchase of Real Estate in London*. *Stephanos*, no. 2 (28), pp. 110–120. DOI: <http://dx.doi.org/10.24249/2309-9917-2018-28-2-110-129>. (In Russ.)

Lipgart, Khourinov 2019 – *Lipgart A.A., Khourinov V.V.* (2019) *Functional Styles of Modern English: Science (Academic Writing) and Journalism*. Moscow: KD "LIBROCOM", 208 p. Available at: <https://urss.ru/cgi-bin/db.pl?page=Book&lang=Ru&blang=ru&id=241850&src=vkontakte>. (In Russ.)

Библиографический список

Alford 2012 – *Alford S.* (2012) *The Watchers: A Secret History of the Reign of Elizabeth I*. London: Allen Lane, 2012. xvii, 398 p. Available at: https://archive.org/details/watcherssecrethi0000alfo_s0r8.

Asquith 2005 – *Asquith C.* *Shadowplay: The Hidden Beliefs and Coded Politics of William Shakespeare*. New York: PublicAffairs, 2005. xvii, 348 p. <https://archive.org/details/shadowplayhidden00asqu>.

Bate 2009 – *Bate J.* *Soul of the Age: The Life, Mind and World of William Shakespeare*. London: Penguin Books, 2009. x, 500 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=3C2jTTzeq8YC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Carroll 2009 – *Carroll S.* *Martyrs and Murderers: The Guise Family and the Making for Europe*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 368 p. URL: <https://archive.org/details/martyrsmurderers0000carr/mode/2up>.

Chambrun 1957 – *Chambrun C.L., de.* *Shakespeare: A Portrait Restored*. New York: P.J. Kennedy & Sons, 1957. ix, 406 p.

Childs 2014 – *Childs J.* *God's Traitors: Terror and Faith in Elizabethan England*. London: The Bodley Head, 2014. xx, 443 p. URL: <https://archive.org/details/godstraitorsterr0000chil>.

Doran 2015 – *Doran S.* *Elizabeth I and Her Circle*. Oxford: Oxford University Press, 2015. 397 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=q67qBgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Fogg 2012 – *Fogg N.* *Hidden Shakespeare: A Biography*. Stroud, Gloucestershire: Amberley, 2012. 320 p. URL: <https://archive.org/details/hiddenshakespear0000fogg>.

Graham 2008 – *Graham R.* *An Accidental Tragedy: The Life of Mary, Queen of Scots*. Edinburgh: Birlinn, 2008. 476 p. URL: https://ereads.net/roderick-graham/426519-an_accidental_tragedy.html; <https://archive.org/details/lifeofmaryqueeno00rode>.

Greenblatt 2005 – *Greenblatt S.* *Will in the World: How Shakespeare Became Shakespeare*. New York: W.W. Norton, 2005. 432 p. URL: <https://archive.org/details/willinworldhows00gree>; <https://books.google.ru/books?id=LAiYWsI5jUoC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

- Hart 2013 – *Hart D.G.* Calvinism: A History. Yale University Press, 2013. 352 p. URL: https://ebook-hunter.org/calvinism-a-history-by-hart-d-g-darryl-g_5e57fed124968d297f627a56/; <https://books.google.ru/books?id=IKSqDBa4PxsC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
- Hogge 2005 – *Hogge A.* God's Secret Agents: Queen Elizabeth's Forbidden Priests and the Hatching of the Gunpowder Plot. New York: Harper Perennial, 2005. 400 p. URL: <https://archive.org/details/godssecretagents0000hogg>; <https://books.google.ru/books?id=jsXwMaXwYi0C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
- Holden 1999 – *Holden A.* William Shakespeare: His Life and Work. London: Abacus, 1999. 367 p. URL: https://archive.org/details/williamshakespea0000hold_l6b0; <https://books.google.ru/books?id=JBOCCwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
- Jakobson 1960 – *Jakobson R.* Linguistics and Poetics. In: *Sebeok T.A. (Ed.) Style in Language*. Cambridge: Cambridge (Mass.), 1960. P. 350–377. URL: http://www.dilbilimi.net/jakobson_linguistics_and_poetics.pdf.
- MacCulloch 2004 – *MacCulloch D.* Reformation: Europe's House Divided, 1490–1700. London: Penguin Books, 2004. 864 p. URL: <https://archive.org/details/reformationeurop0000macc>; <https://books.google.ru/books?id=KZ5D2WOqidoC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
- Meyers 2011 – *Meyers G.J.* The Tudors: The Complete Story of England's Most Notorious Dynasty. New York: Bentam Books Trade Paperbacks, 2011. 623 p. URL: https://books.google.ru/books?id=nmS8IJhN_sQC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false; <https://archive.org/details/tudorsstoryofeng0000meye>.
- Mullet 2004 – *Mullet M.A.* Martin Luther. Routledge, Taylor & Francis Group, 2004. 308 p. URL: https://archive.org/details/martinluther00mart_0.
- Pogue 2006 – *Pogue K.E.* Shakespeare's Friends. Praeger, 2006. xvii, 183 p. URL: https://archive.org/details/shakespearesfrie00pogu_0; <https://books.google.ru/books?id=Oy29eyCMNycC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
- Ronald 2007 – *Ronald S.* The Pirate Queen: Elizabeth I, Her Private Adventurers, and the Dawn of Empire. New York: HarperCollins Publishing, 2007. 96 p. URL: <https://archive.org/details/piratequeenqueen00rona>; <https://books.google.ru/books?id=i0dguIb59okC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
- Sams 1995 – *Sams E.* The Real Shakespeare: Retrieving the Early Years, 1564-1594. Yale: Yale University Press, 1995. xvi, 256 p. URL: <https://archive.org/details/realshakespeare00sams>.
- Thomas 2013 – *Thomas H.* The Golden Age: The Spanish Empire of Charles V. London: Penguin Books, 2013. xvi, 697 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=6uadJumfBakC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>; https://bookz.ru/authors/h_u-tomas/zolotoi-_840/1-zolotoi-_840.html.
- Thomas 2014 – *Thomas H.* World Without End: The Global Empire of Philip II. Allen Lane, 2014. xviii, 464 p. URL: <https://books.google.co.uk/books?id=02D5AgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>; https://librebook.me/world_without_end_the_global_empire_of_philip_ii.
- Williams 1979 – *Williams P.* The Tudor Regime. Oxford: Clarendon Press, 1979. 486 p. URL: <https://archive.org/details/tudorregime0000will>.
- Wood 2005 – *Wood M.* In Search of Shakespeare. London: BBC Books, 2005. 400 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=CWakCAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>; https://celz.ru/michael-wood/367684-in_search_of_shakespeare.html; <https://archive.org/details/insearchofshakes0000wood>.
- Виноградов 1963 – *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. Москва: АПН СССР, 1963. 255 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006116392.
- Губбенет 2010 – *Губбенет И.В.* Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. Москва: Изд-во МГУ, 2010. 205 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/gubbenet/text.pdf>.
- Зубова 2013 – *Зубова У.В.* Филологическое изучение англоязычного бизнес-дискурса: вертикальный контекст и смежные явления // Ахмановские чтения 2012: сборник материалов конференции. Москва: МАКС Пресс, 2013. С. 112–121. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/18707880/>.
- Липгарт 2018 – *Липгарт А.А.* К проблеме интерпретации фактов жизни и творчества Уильяма Шекспира: поэма «Феникс и Голубь» и покупка недвижимости в Лондоне // Stephanos. 2018. № 2 (28). С. 110–129. DOI: <http://dx.doi.org/10.24249/2309-9917-2018-28-2-110-129>.
- Липгарт, Хуринов 2019 – *Липгарт А.А., Хуринов В.В.* Функциональные стили современного английского языка: Наука и журналистика. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 208 с. URL: <https://urss.ru/cgi-bin/db.pl?page=Book&lang=Ru&blang=ru&id=241850&src=vkontakte>.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'255.2

Дата поступления: 16.01.2022

рецензирования: 17.02.2022

принятия: 10.03.2023

**Эволюция применения деформации при переводе художественного текста:
диахронический аспект и подходы к интерпретации
(на материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр»)****Е.С. Бородулина**

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: Borodulina.world@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6902-1470>

Аннотация: Цель данной статьи – рассмотреть деформацию как стратегию перевода, изучить классификации переводческих деформаций, сформулировать мотивы их использования и подходы к интерпретации. Диахронический аспект исследования заключается в сопоставлении двух вариантов перевода, выполненных в различные эпохи. При восприятии русскоязычных переводов романов ощущается разрозненность, которая объясняется экстралингвистическими факторами. Актуальность исследования обусловлена высокой социально-культурной значимостью деформации при создании переводного текста. Научная новизна заключается в рассмотрении деформации как лингвокультурологической стратегии, расширении классификации переводческих деформаций и изучении подходов к интерпретации данного лингвистического явления. Материалом для исследования послужили произведение Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» и его переводы на русский язык, выполненные И.И. Введенским, В.О. Станевич и И.Г. Гуровой.

Ключевые слова: деформация; переводческие стратегии; художественный перевод; лингвокультурология; художественный текст; оценка качества перевода; диахрония; переводческие трансформации.

Цитирование. Бородулина Е.С. Эволюция применения деформации при переводе художественного текста: диахронический аспект и подходы к интерпретации (на материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр») // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 137–144. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-137-144>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Бородулина Е.С., 2023

Екатерина Сергеевна Бородулина – аспирант III курса факультета лингвистики, кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, Государственный университет просвещения, 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 16.01.2023

Revised: 17.02.2023

Accepted: 10.03.2023

**Use of deformation in the translation of a literary text:
the diachronic aspect and interpretation approaches
(on the material of the novel «Jane Eyre» by Ch. Bronte)****E.S. Borodulina**

State University of Education, Moscow, Russian Federation

E-mail: Borodulina.world@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6902-1470>

Abstract: The purpose of this article is to consider deformation as a translation strategy, to study the classifications of translation deformations and to represent the motives for their use and approaches to interpretation. The diachronic aspect of the study is to compare two versions of the translation made in different eras. When perceiving Russian-language translations of novels, there is a sense of fragmentation, which is explained by extralinguistic factors. The relevance of the study is due to the high socio-cultural significance of deformation when creating a translated text. The scientific novelty lies in considering the deformation as a linguoculturological strategy, expanding the classification of translation deformations and studying approaches to interpreting this linguistic phenomenon. The material for the study was the work of Charlotte Bronte «Jane Eyre» and its translations into Russian, made by I.I. Vvedensky, V.O. Stanevich and I.G. Gurova.

Key words: deformation; translation strategies; literary translation; linguoculturology; literary text; translation quality assessment; diachrony; translation transformations.

Citation. Borodulina E.S. Use of deformation in the translation of a literary text: the diachronic aspect and interpretation approaches (on the material of the novel «Jane Eyre» by Ch. Bronte). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 137–144. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-137-144>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Borodulina E.S., 2023

Ekaterina S. Borodulina – 3rd year postgraduate student, Faculty of Linguistics, Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, State University of Education, 24, Vera Voloshina Street, Mytishchi, Moscow Region, 114014, Russian Federation.

Введение

Художественная литература каждой страны уникальна. Художественная литература, будучи одной из форм творчества и искусства, является носителем лингвокультурологической информации и обладает насыщенностью информации. Е.А. Огнева представляет такое определение перевода: «многогранный лингвистический процесс, основанный на отождествлении двух языковых систем, как способ транспонирования образов сознания одного народа на почву сознания другого [Огнева 2012, с. 8].

Интерес к иным культурам никогда не угасает. Особенно ярко он проявляется в переводе художественного текста. Тем не менее, данный процесс сопряжен с множеством трудностей. «Художественная литература отражает особенности иного взгляда на окружающую действительность, неизвестного читателю – носителю принимающей культуры и языка перевода [Филиппова 2018, с. 871]. Специфика перевода художественного произведения требует учитывать прагматические особенности. Переводной текст «является тем «мостом», который соединяет личностный опыт индивида с духовным богатством человечества» [Аксенова, Елифанцева, Жирова 2018, с. 6]. Взгляды отечественных ученых совпадают с мнениями западных переводоведов. В частности, лингвист Хольц-Мянттяри рассматривает переводчика как эксперта по межкультурной коммуникации, способного не только переводить. Переводчик обязуется знать цель перевода и иметь представление о назначении переводного текста [Holz-Mänttärä 1984, p. 87]. Данное мнение поддерживает Энтони Пим: переводчик обладает глубоким знанием внутренней культуры [Пим 2018, с. 194]. Анализируя их точки зрения, можно сделать вывод, что переводчик художественной литературы представляет собой не просто совершенное владение языковым материалом, но и владение межкультурной коммуникации и иных сведений неязыкового характера.

Исследуя переводные произведения, важно увидеть, насколько переводчик – так называемый посредник между двумя культурами – смог передать уникальность информации, заключенной в тексте. Нельзя отрицать, что в переводе художественного текста возможны определенные потери. Каждый переводчик, в таком случае, выбирает определенную стратегию и методы перевода, используемые им для достижения эквивалентности. Текст невозможен без переводческих преобразований – трансформаций. Т.А. Казакова дает им следующее определение: «трансформация представляет собой основной способ передачи исходных единиц языка и заключается в передаче формальных (лексиче-

ские или грамматические трансформации) или семантических (семантические трансформации) компонентов исходного текста с сохранением информации, предназначенной для перевода» [Казакова 2000, с. 13].

Однако переводчик зачастую задает вопрос, что переводить и как переводить, ведь каждый текст содержит комплекс лингвокультурем, которые могут по-иному восприниматься в иной культуре. Выбор стратегий и тактик зависит от экстралингвистических факторов. Придерживаясь данной позиции, мы предлагаем рассматривать деформацию в качестве переводческой стратегии.

Выбор темы исследования обусловлен высокой социально-культурной значимостью деформации при создании переводного текста и ее недостаточной изученностью. До сих пор ученые не пришли к единому мнению касательно определения деформации и ее классификации. Этим обуславливается актуальность нашего исследования. Научная новизна заключается в формулировке определения переводческой деформации, изучении эволюции применения данной стратегии на примере переводов художественных текстов, выполненных в различные эпохи, подходам к ее интерпретации, целесообразности использования и оценке качества перевода. В статье сосредотачивается внимание на данных аспектах.

На наш взгляд, наиболее подходящим материалом для наших исследований является Викторианский женский роман. Творчество английских романисток Викторианской эпохи всегда вызывало у читателей и исследователей особое внимание. Романы характеризуются проявлением яркой авторской индивидуальностью. Их самая главная черта – жанровая стилизация, а именно – воссоздание дневникового стиля, драматического диалога, газетных объявлений, судебных допросов, исповеди и т. д.

Первые переводы книги Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» появились еще в XIX веке. Каждый перевод Самым знаменитым русским переводчиком Викторианских романов является И.И. Введенский. Переводы самого знаменитого романа Ш. Бронте – «Джен Эйр» – появились в 1849 году и были опубликованы в журнале «Отечественные записки». Издание этого варианта романа «Джен Эйр» является отправной точкой в начале истории перевода Викторианских женских романов. Первый полный перевод романа был выполнен В.О. Станевич в 1950 г. Данный перевод тоже содержит особенности, которые будут проанализированы в данной статье. Эталонный перевод (который является отчасти дополнением перевода В.О. Станевич) выполнила И.Г. Гурова в 1990 году.

В данной статье с целью сбора и структурирования научного материала применялся описательный метод. На этапе анализа мы использовали аналитический метод. При изучении и сравнении оригинального текста и его варианта перевода на русский язык, а также переводческих трансформаций и деформаций мы использовали сопоставительный и интерпретативный методы. Нами проанализированы два варианта перевода художественного текста, выполненные в различные эпохи с целью рассмотрения эволюции применения переводческой деформации в диахроническом аспекте. Диахронический аспект исследования заключается в рассмотрении двух вариантов перевода, выполненных в различные эпохи. Каждый переводчик обладает собственным видением переводного текста.

Ход исследования

Художественная литература, будучи одной из форм творчества и искусства, является носителем лингвокультурологической информации. Текст данного вида несет эмоциональное, эталонное, эстетическое и образно-метафорическое значение в культуре, отражая национальный характер и мировосприятие народа в пространстве литературно-художественного наследия. Следовательно, задача переводчика художественного текста заключается в сохранении и наиболее точном воспроизведении особенностей оригинала и всей информации, содержащейся в тексте. Переводчик вправе самостоятельно делать выбор стратегии и тактики. Зачастую этот выбор зависит от дополнительных факторов. Как утверждает И.Г. Жирова: «Через перевод одна творческая личность – автор произведения – спорит с другой – автором перевода, представляющей иноязычную культуру, хотя в чем-то их взгляды на жизнь и совпадают» [Жирова 2019, с. 59]. Читатель вправе принимать либо, наоборот, отвергать мировоззрение, культуру и образ жизни других народов [Жирова, Паттерсон, Ларби 2020, с. 136]. Точка зрения И.Г. Жировой позволяет нам сделать вывод, что все противоречия в передаче лингвокультурологической информации определенного характера отталкиваются от различий непосредственно в системе культурных кодов. Любой художественный текст становится частью культурного кода только в том случае, когда он отражает свое время и соответствует духу своей эпохи.

Переводческая деформация представляет собой закономерное воплощение противоречий в системе культурных кодов. Использование переводческой деформации может быть сознательным ввиду наличия лингвистических, культурных, исторических, идейных и других факторов. Здесь можно согласиться с утверждением И.В. Войнич, что использование деформации осуществляется по причине наличия в художественном тексте «языковых и культурных различий оригинала и перевода и необходимости “вписывания” оригина-

ла в чуждую ему языковую и культурную среду» (Войнич 2010, с. 7). Однако среди ученых до сих пор нет единого времени касательно классификации переводческих деформаций.

Рассмотрим мнения исследователей касательно использования данной стратегии. Н.К. Гарбовский определил переводческие деформации как «преобразования текста, связанные с определенными переводческими потерями и касающиеся, прежде всего, формы речевого произведения. Тем не менее это не исключает вероятности негативных изменений содержания» [Гарбовский 2007, с. 507]. Классификация деформаций Н.К. Гарбовского основывается на переводческих приемах и включает в себя деформацию эстетической функции текста оригинала (потери как лингвистического, так и культурного характера), добавления и опущения [Гарбовский 2007, с. 509]. Классификация Гарбовского близка к скопос-теории: в рамках скопос-теории первостепенной является функция, выполняемая переводным текстом в новой среде. О.В. Игнатьева определяет деформации как разновидность переводческих трансформаций, ведущих к изменению смысла исходного текста. О.В. Игнатьева разделяет их на два вида: деформации на лексико-семантическом уровне (замены, введение и искажения образов героев) и деформации на уровне текста (деформации композиции текста, добавления и опущения) (Игнатьева 2010, с. 7). Классификация А.А. Кретьева делится на две категории: количественные и качественные деформации [Кретьев 2002, с. 91]. Автор делает вывод, что длина текста в символах и словах, соотношение количества абзацев в оригинальном тексте и переводе, а также предложений и символов в предложении – все эти элементы подлежат деформации. А.Ю. Исаева предлагает собственную классификацию, которая включает в себя деления переводческих деформаций на стилистические и семантические. Данные критерии содержат асимметрию языковых картин мира, нейтрализацию (стилистической окраски), эмфатизацию, поиск аналогичных форм в языке перевода, метафоризацию / деметафоризацию и т. д. Потери компонентов, по словам ученого, нельзя назвать трансформациями [Исаева 2014, с. 307].

Перечисленные источники подтверждают различия мнений ученых касательно единой классификации переводческих деформаций. Мнения сходятся в одном: она представляет собой искажения на различных языковых уровнях. Анализируя вышеуказанные источники, мы можем сделать вывод, что деформация обладает собственной теоретической обоснованностью и является самостоятельной переводческой стратегией, которая, в свою очередь, требует систематической классификации и четко структурированными особенностями применения.

Мы поддерживаем точку зрения А.Ю. Исаевой, поскольку переводческими деформациями можно считать любое опущение, поскольку оно может

привести к нарушению авторского замысла и искажению индивидуального стиля. Материал нашего исследования предполагает расширение существующих классификаций.

Наиболее точным источником изучения переводческих деформаций, на наш взгляд, является художественный перевод. Передача на другой язык художественного текста сопряжена с многочисленными трудностями.

Мы хотели бы продемонстрировать несколько высказываний с наиболее заметными искажениями.

Оригинальное высказывание: “But where are you going to, Helen? Can you see? Do you know?”

“I believe; I have faith: I am going to God”.

“Where is God? What is God?”

“My Maker and yours, who will never destroy what He created. I rely implicitly on His power, and confide wholly in His goodness: I count the hours till that eventful one arrives which shall restore me to Him, reveal Him to me” (Brontë «Jane Eyre»).

Вариант перевода И.И. Введенского:

– Куда же ты отходишь, Елена? Можешь ли ты это знать и видеть?

– Я отхожу к моему Отцу небесному – к Богу, и твердо уверена, что Он, в неизреченной Своей благодати, не разрушит духовной моей природы. Душа моя соединится с Ним в небесной обители, и бессмертие будет моим уделом (Бронте «Дженни Эйр»).

Перевод В.О. Станевич выглядит так:

– А где бог? Что такое бог?

– Мой творец и твой, он никогда не разрушит того, что создал. Я доверяюсь его всемогуществу и его доброте. Я считаю часы до той великой минуты, когда возвращусь к нему (Бронте 1992, с. 89).

И перевод И.Г. Гуровой, который считается эталонным:

– Где Бог? Что такое Бог?

– Мой Творец и твой. И Он никогда не уничтожит то, что сотворил. Я бестрепетно доверяю себя Его могуществу и уповаю на Его милосердие. Я веду счет часам, пока не настанет тот, что вернет меня Ему, и Он откроется мне.

– Мой творец и твой, он никогда не разрушит того, что создал. Я доверяюсь его всемогуществу и его доброте. Я считаю часы до той великой минуты, когда возвращусь к нему (Бронте 2005, с. 45).

Деформированные переводы не могут считаться эквивалентными. Бесспорно, перевод И.Г. Гуровой близок к оригиналу. Оригинальное высказывание довольно эмоционально. Тем не менее перевод И.И. Введенского излишне эмфатичен, характеризуется как опущениями, так и излишними добавлениями, а перевод В.О. Станевич более нейтральный. Деформации И.И. Введенского происходят почти на всех языковых уровнях: лексический уровень – перевод имени собственного (Хелен – Елена), причем этот вариант перевода можно считать фонетическим искажением; синтаксический – опущения и добавления, повышение регистра – эмфатизация, отчего перевод звучит пафосно.

Перевод В.О. Станевич характеризуется нейтрализацией религиозной лексики. Сравнительный анализ перевода В.О. Станевич и И.Г. Гуровой выводит еще один интересный момент – деформация может проявляться на графическом уровне. Этот аспект приближает перевод И.Г. Гуровой к оригиналу. Графическая деформация характеризуется разным способом выделения букв в письменной речи. В анализируемом высказывании речь идет о Боге. Сопоставительный анализ двух деформированных вариантов перевода позволяет нам выявить подходы к использованию стратегии на протяжении двух столетий. Диахронический аспект в рассмотрении переводческой деформации заключается в смене аксиологических установок. Смена и столкновение аксиологических установок нашли свое отражение в переводах художественного произведения. Итак, перевод И.И. Введенского выполнен в XIX веке. Религия в то время являлась значимой составной частью внутренней и внешней политики Российской империи. Перевод В.О. Станевич выполнен в середине XX века. Отношение к религии в СССР было враждебным. Строгая цензура и социополитическая обстановка оказывали значительное влияние на культуру, в том числе на перевод зарубежных произведений. Тем не менее, получается, что цели переводов И.И. Введенского и В.О. Станевич совпали. Переводчики стремились приблизить текст к отечественному читателю своего времени.

Рассмотрим деформацию и в рамках литературоведения. Художественный текст представляет собой цельную структуру. Опорным и главным понятием является композиция текста. Огромную роль играет и индивидуальный стиль автора. Задачей переводчика, в данном случае, является передача авторского замысла во всей его полноте. Деформация в переводах XIX и XX вв. заключается в пропуске довольно объемных отрывков текста. Следовательно, происходит преломление восприятия текста читателем и искажение авторской задумки. В обоих вариантах отсутствует объемное авторское предисловие. Возможно, с целью публикации в журнале, перевод, созданный И.И. Введенским, был издан в усеченном варианте. Многие отрывки текста отсутствуют.

В переводе В.О. Станевич значительно сокращен еще один обширный религиозный отрывок. В оригинале он выглядит так:

“There is this difference between me and deistic philosophers: I believe; and I believe the Gospel. You missed your epithet. I am not a pagan, but a Christian philosopher – a follower of the sect of Jesus. As His disciple I adopt His pure, His merciful, His benignant doctrines. I advocate them: I am sworn to spread them. Won in youth to religion, she has cultivated my original qualities thus: – From the minute germ, natural affection, she has developed the overshadowing tree, philanthropy. From the wild stringy root of human uprightness, she has reared a due sense of the Divine justice. Of the ambition to win power and renown for my

wretched self, she has formed the ambition to spread my Master's kingdom; to achieve victories for the standard of the cross. So much has religion done for me; turning the original materials to the best account; pruning and training nature. But she could not eradicate nature: nor will it be eradicated "till this mortal shall put on immortality" (Brontë «Jane Eyre»).

Перевод В.О. Станевич таков: «Между мной и философами-деистами большая разница: я верую, и верую в евангелие. Вы ошиблись прилагательными. Я не языческий, а христианский философ – последователь Иисуса» (Бронте 1992, с. 422).

Перевод И.Г. Гуровой: «Между мной и философами-деистами есть различие: я верую, и верую я Слово Божию. Вы употребили неверное прилагательное: я не языческий, но христианский философ, последователь секты Иисусовой. Как Его ученик я принимаю Его чистые, Его милосердные, Его благие доктрины. Я проповедую их, я принес обет распространять веру в них. В нежном возрасте я открыл сердце вере, и вот как она взлелеяла заложенные во мне душевные свойства: крохотное семечко естественной привязчивости она взрастила в раскидистое дерево – человеколюбие; ее заботами дикий жесткий корень требовательности к себе и другим дал высокий побег понятия о божественной справедливости; честолюбивое желание добиться власти и славы для себя, жалкого смертного, она преобразила в стремление расширять границы царствия Господа моего, одерживать победы для знамени креста. Вот сколько сделала для меня вера – использовала природный материал наилучшим образом, окапывала и обрезала мою натуру. Но совсем уничтожить человеческую натуру невозможно: она не поддается уничтожению, пока не «облечется смертное сие в бессмертное» (Бронте 2005, с. 211).

Вариант И.И. Введенского: «Я совѣмъ не то, чѣмъ вы могли бы вообразить ученика Сократа, Платона, Аристотеля или Зенона. Во здѣсь мистеръ Риверсъ, развивая, или, правильнѣе, затемняя свою мысль, пустился въ такія философическія и вмѣстѣ схоластическія тонкости, которыя рѣшительно превышаютъ понятія женщины, не имѣвшей счастья изощрять свои мыслительныя силы изученіемъ постепеннаго хода теоретической и практической философіи всѣхъ временъ и народовъ. Одно только казалось мнѣ совершенно яснымъ, что почтенный викарій опять изволилъ нахлобучить привычную маску на свое лицо» (Бронте «Дженни Эйр»).

Деформация проявляется на синтаксическом и лексическом уровнях. И.И. Введенский сокращает текст, значительно искажая авторский замысел, добавляет информацию, которой не было в тексте. Таким образом, переводчик становится самостоятельной творческой личностью. Возможно, упоминание античных философов связано с популярностью их трактатов в XIX веке. Здесь же имеется информация явно феминистского характера, принижены интеллектуальные способности

женщины. Перевод В.О. Станевич предназначен для советского читателя середины XX века и посему тоже сокращен – отсутствует информация о религиозных постулатах. Религия в интерпретации переводчицы трактуется как философское учение. Отметим присутствие графической деформации – написание местоимений, относящихся к Богу. На лексическом уровне деформация проявляется в эмфатизации / нейтрализации лексических единиц. Слово "the Gospel" у В.О. Станевич – «евангелие», у И.Г. Гуровой – «Слово Божие», что соответствует возвышенному регистру высказывания.

Отметим еще одну заметную деформацию на лексическом уровне. Слово "the window-seat", которое несколько раз встречается на протяжении всей книги. У И.Г. Гуровой оно переведено точно – «оконная ниша». У И.И. Введенского заменено модуляцией – «окно», у В.О. Станевич – «широкий подоконник». Оконная ниша также может быть обозначена простым словом «эркер». Эта незначительная неточность лексического характера может привести к преломлению восприятия и придать тексту отчасти комичный характер. Перевод И.Г. Гуровой ближе к оригиналу, поскольку сидеть на подоконнике (вне зависимости от положения) в XIX веке считалось дурным тоном.

В художественном тексте пропущен и самый последний отрывок религиозного характера.

Оригинальный текст: "St. John is unmarried: he never will marry now. Himself has hitherto sufficed to the toil, and the toil draws near its close: his glorious sun hastens to its setting. The last letter I received from him drew from my eyes human tears, and yet filled my heart with divine joy: he anticipated his sure reward, his incorruptible crown. I know that a stranger's hand will write to me next, to say that the good and faithful servant has been called at length into the joy of his Lord. And why weep for this? No fear of death will darken St. John's last hour: his mind will be unclouded, his heart will be undaunted, his hope will be sure, his faith steadfast. His own words are a pledge of this – "My Master," he says, "has forewarned me. Daily He announces more distinctly, – 'Surely I come quickly!' and hourly I more eagerly respond, – 'Amen; even so come, Lord Jesus!'" (Brontë «Jane Eyre»).

Вариант перевода И.И. Введенского: «Мистеръ Сен-Джонъ Риверсъ уѣхалъ въ Индію и сдѣлался тамъ отличнѣмъ миссіонеромъ. Онъ не женатъ» (Бронте «Дженни Эйр»).

В.О. Станевич пропускает значительную часть повествования, что отчасти нарушает композиционный строй произведения и индивидуальный стиль автора: «Он так и не женился и вряд ли женится. До сих пор он один справляется со своей задачей; и эта задача близка к завершению: его славное солнце клонится к закату. Последнее письмо, полученное от него, вызвало у меня на глазах слезы: он предвидит свою близкую кончину. Я знаю, что следующее письмо, написанное незнакомой рукой, сообщит мне, что господь призвал к себе своего неутомимого и верного слугу» (Бронте 1992, с. 508).

Вариант И.Г. Гуровой: «Сент-Джон не женат и теперь уже не женится никогда. Труд его был по силам ему, а ныне труд этот близок к завершению – его дивное солнце спешит к закату. Его последнее письмо исторгло у меня из глаз человеческие слезы и все же исполнило мое сердце божественной радости: ему уже мнится заслуженная награда, его нетленный венец. Я знаю, следующее письмо, начертанное рукой мне не известной, сообщит, что добрый и верный раб наконец призван был войти в радость господина своего. Так к чему лить слезы? Никакой страх не омрачит последний час Сент-Джона, ум его будет ясен, сердце исполнено мужества, надежда неугасима, вера тверда.

«Залогом тому его собственные слова.

«Мой Господин, – пишет он, – предупредил меня. Ежедневно Он возвещает все яснее: «Ей, гряди скоро!», и ежечасно все более жаждающе я отзываюсь: «Аминь. Ей гряди, Господи Иисусе!» (Бронте 2005, с. 254).

Отсутствие значительного отрывка текста в переводе В.О. Станевич обусловлен социополитической обстановкой в СССР того времени. Однако деформация нарушает индивидуальный стиль автора. Отметим, что роман «Джейн Эйр» изобилует религиозными высказываниями. Перевод И.Г. Гуровой близок к оригиналу.

Отметим и стилистическую деформацию. Рассмотрим перевод поговорки.

Оригинальное высказывание: “Most true is it that “beauty is in the eye of the gazer” (Brontë «Jane Eyre»).

В.О. Станевич так интерпретирует ее: «Должно быть, верна поговорка «Не по хорошу мил, а по милу хорош» (Бронте 1992, с. 194). Чтобы понять смысл поговорки, необходимо знать контекст и ситуацию, в которой она произносится. У В.О. Станевич происходит идеализация человека, который нравится героине, при этом речь идет об иных аспектах.

Эмфатичность высказывания у И.И. Введенского утрачивается, становится совершенно будничным высказыванием, наблюдением, которое характеризуется большим количеством лексических добавлений: «Справедливо говорить, что понятие о красоте создается по большей части самим воображением, независимо от рассматриваемого предмета» (Бронте «Дженни Эйр»). Происходит нейтрализация. Кроме того, высказывание становится тяжелым для восприятия читателем.

Перевод И.Г. Гуровой отражает авторский замысел: «Как справедливо присловье, что «красота – в глазах смотрящего!» (Бронте 2005, с. 98). Регистры высказываний совпадают, что крайне важно в передаче поговорок. Кроме того, перевод И.Г. Гуровой не только подходит по смыслу, но и гармонирует с последующей информацией в тексте.

Рассматривая примеры использования данной стратегии, мы убеждаемся в том, что ошибочно считать ее своего рода антиподом трансформаций, поскольку использование деформации не случайно, а продиктовано внешними факторами. Переводческая деформация также является самостоятельной лингвокультурологической стратегией, поскольку ее применение характеризуется вмешательством экстралингвистических факторов. Воззрения и ценностные нормы могут изменяться с течением времени, но художественное произведение навсегда остается в иной лингвокультуре и требует правильного осмысления и точного перевода на другой язык (см. таблицу).

Выводы

Деформация представляет собой до конца не изученный раздел лингвистики. Данная стратегия применяется на всех лингвистических уровнях. Исходя из этого, мы поддерживаем точку зрения о том, что любое опущение в художественном тексте именуется деформацией.

Таблица

Table

Классификация переводческих деформаций

Classification of translation deformations

Языковой уровень	Обоснование
1. Фонетический	Заключается в изменении исходного звучания слова, например, в переводе антропонимов, когда имена собственные приобретают русское звучание. Было бы уместнее считать данную стратегию доместикацией только в том случае, если бы адаптация («русификация») была применена изначально по отношению ко всему произведению
2. Графический	Особое написание отдельных лексических единиц (в нашем случае, религиозных)
3. Лексический (уровень слов и словосочетаний)	Пропуск / опущение лексических единиц (в данном случае, пропуск обоснован социокультурными факторами)
4. Синтаксический	Композиционные изменения, сокращение предложений или их излишнее распространение, пропуск обширных текстовых отрывков
5. Стилистический	Пропуск или опущение метафор, сравнений и прочих изобразительно-выразительных средств, являющихся частью индивидуального стиля автора. Эмфатизация / нейтрализация высказывания ввиду влияния на перевод извне. Преломление восприятия текста читателем

Классификация переводческих деформаций представлена в таблице.

Проявление деформации на различных уровнях свидетельствует о том, что она является не способом перевода или своего рода трансформацией (или ее противоположностью), а самостоятельной переводческой стратегией, поскольку ее применение осознанно и продиктовано внешними факторами. Деформация представляет собой тот случай, когда переводчик принимает решение, нужно ли переводить данную информацию на другой язык, адаптировать ее для отечественного читателя, или пропустить. В таком случае, мы можем говорить о том, деформация выполняет эстетическую и стилистическую функции.

Опираясь на вышеуказанные сведения, необходимо рассматривать деформацию с точки зрения различных дисциплин. Предлагаем следующие подходы к ее интерпретации:

1) Литературоведческий. Данный подход затрагивает, преимущественно, композицию текста. Характеризуется опущением целых отрывков на определенную тематику, которая по внешним причинам запрещена в принимающей культуре.

2) Философский. Несовместимость и, как следствие, столкновение аксиологических установок.

3) Лингвокультурологический. Деформация проявляется в зависимости от социокультурных факторов на всех языковых уровнях.

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение переводческой деформации имеет большое значение не только с транслятологической точки зрения – нами формулированы подходы к ее интерпретации. Нами установлено, что деформация используется переводчиком сознательно, поскольку ее применение продиктовано дополнительными факторами неязыкового характера.

Материалы исследования

Бронте «Дженни Эйр» – *Бронте Шарлотта* «Дженни Эйр» / пер. И.И. Введенского. URL: http://az.lib.ru/b/bronte_s/text_1847_jane_eyre-oldorfo.shtml.

Бронте 2005 – *Бронте Ш.* «Джейн Эйр». Москва: АСТ, Москва, 2005. 254 с.

Бронте 1992 – *Бронте Ш.* «Джен Эйр», Москва: СП «Внешиберика», 1992. 514 с.

Brontë «Jane Eyre» – *Brontë, Charlotte* «Jane Eyre». URL: <https://www.gutenberg.org/files/1260/1260-h/1260-h.htm>.

Войнич 2010 – *Войнич И.В.* Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2010. 234 с.

Игнатъева 2010 – *Игнатъева О.В.* Лингвостилистические аспекты художественного перевода (на материале венгерско-удмуртских переводов А. Уварова): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Будапешт, 2010. 18 с.

Библиографический список

Holz-Mänttari, Justa 1984 – *Holz-Mänttari Justa* Translatorsches Handeln. Theorie und Methode. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia (Annales Academiae Scientiarum Fennicae, 1984. 226 p.

Аксенова, Епифанцева, Жирова 2018 – *Аксенова Н.С., Епифанцева Н.Г., Жирова И.Г.* Интертекстуальность как лингвистический феномен межкультурного диалога (на материале сакрально-мистических текстов). Москва: ИД «Академия Естествознания», 2018. 96 с. DOI: <http://doi.org/10.17513/np.330>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lexdce>.

Гарбовский 2007 – *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. Москва: Изд-во Московского университета, 2007. 544 с. URL: <http://rkiff.philol.msu.ru/wp-content/uploads/2020/05/Гарбовский.pdf>.

Жирова 2019 – *Жирова И.Г.* Межкультурный творческий диалог между М.Ю. Лермонтовым и Дж. Байроном // Актуальные проблемы современного языкового образования в вузе: вопросы теории языка и методики обучения: мат. науч.-практ. конф. Коломна: Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ), 2019. С. 85–90.

Жирова, Паттерсон, Ларби 2020 – *Жирова И.Г., Паттерсон Д.А., Ларби Р.О.* Интеракция художественного перевода и межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации в теории и практике перевода: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Москва, МГОУ, 23 декабря 2019 г.). Москва, 2020. С. 135–138. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43736491>. EDN: <https://elibrary.ru/xbuzps>.

Исаева 2014 – *Исаева А.Ю.* Переводческие трансформации и деформации в процессе перевода газетного заголовка (на материале английского и русского языков) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2014. Вып. 2. С. 298–308. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskie-transformatsii-i-deformatsii-v-protsesse-perevoda-gazetnogo-zagolovka-na-materiale-angliyskogo-i-russkogo-yazykov>.

Казакова 2000 – *Казакова Т.А.* Теория перевода: лингвистические аспекты. Санкт-Петербург: СОЮЗ, 2000. 150 с. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/kazakova.shtml.

Кретов 2002 – *Кретов А.А.* Деформация текста при переводе // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. трудов. Воронеж: ВГУ, 2002. Вып. 5. С. 89–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22296107>. EDN: <https://elibrary.ru/stxobt>.

Огнева 2012 – *Огнева Е.А.* Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода. Москва: Эдитус, 2012. 234 с. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/5282/1/Ogneva_Hudozhest.pdf; <https://elibrary.ru/yjsarn>. EDN: <https://elibrary.ru/yjsarn>.

Филиппова 2018 – *Филиппова И.Н.* Инокультура в переводе: чужая или чуждая // Большое Евразийское партнёрство: лингвистические, политические и педагогические аспекты: материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 15 декабря 2017 г.). Москва, 2018. С. 870–877. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32680262>. EDN: <https://elibrary.ru/ytqigj>.

Пим 2018 – *Энтони Пим.* Теоретические парадигмы в переводоведении. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 255 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44877614>. EDN: <https://elibrary.ru/ohlyhf>.

References

Holz-Mänttari 1984 – *Holz-Mänttari Justa* (1984) *Translatorisches Handeln. Theorie und Methode*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia (Annales Academiae Scientiarum Fennicae), 1984. 193 p.

Aksenova, Epifantseva, Zhirova 2018 – *Aksenova N.S., Epifantseva N.G., Zhirova I.G.* (2018) Intertextuality as a linguistic phenomenon of intercultural dialogue (on the material of sacred and mystical texts). Moscow: ID «Akademiya Estestvoznaniya», 96 p. DOI: <http://doi.org/10.17513/np.330>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lexdce>. (In Russ.)

Garbovskii 2007 – *Garbovskii N.K.* (2007) *Theory of translation*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 544 p. Available at: <http://rkiff.philol.msu.ru/wp-content/uploads/2020/05/Гарбовский.pdf>. (In Russ.)

Zhirova 2019 – *Zhirova I.G.* (2019) Intercultural creative dialogue between M.Yu. Lermontov and J. Byron. In: *Actual problems of modern language education at the university: theory of language and teaching methods: proceedings of the research and practical conference*. Kolomna: Natsional'noe obshchestvo prikladnoi lingvistiki (NOPriL), pp. 59–60. (In Russ.)

Zhirova, Patterson, Larbi 2020 – *Zhirova I.G., Patterson D.A., Larbi R.O.* (2020) Interaction of literary translation and intercultural communication. In: *Topical issues of linguoculturology and intercultural communication in the theory and practice of translation: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Moscow, MRSU, December 23, 2019)*. Moscow, pp. 135–138. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43736491>. EDN: <https://elibrary.ru/xbuzps>. (In Russ.)

Isaeva 2014 – *Isaeva A.Y.* (2014) Translation transformations and deformations of newspaper headlines (based on the English and Russian languages). *Bulletin of Tula State University. Film Humanities*, issue 2, pp. 298–308. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskie-transformatsii-i-deformatsii-v-protseste-perevoda-gazetnogo-zagolovka-na-materiale-angliyskogo-i-russkogo-yazykov>. (In Russ.)

Kazakova 2000 – *Kazakova T.A.* (2000) *Translation theory: linguistic aspects*. Saint Petersburg: SOYuZ, 150 p. Available at: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/kazakova.shtml. (In Russ.)

Kretov 2002 – *Kretov A.A.* (2002) Text deformation during translation. In: *Sociocultural problems of translation: collection of scientific works*. Voronezh: VGU, issue 5, pp. 89–91. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22296107>. EDN: <https://elibrary.ru/stxobt>. (In Russ.)

Ogneva 2012 – *Ogneva E.A.* (2012) *Literary translation: issues of components' adaptation in the translation's code*. Moscow: Editus, 234 p. Available at: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/5282/1/Ogneva_Hudozhest.pdf; <https://elibrary.ru/yjsarn>. EDN: <https://elibrary.ru/yjsarn>. (In Russ.)

Filippova 2018 – *Filippova I.N.* (2018) Cultures in translation: foreign or alien. In: *Greater Eurasian Partnership: linguistic, political and pedagogical aspects: materials of the International research and practical conference (Moscow, December 15, 2017)*. Moscow, pp. 870–877. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32680262>. EDN: <https://elibrary.ru/ytqigj>. (In Russ.)

Pym 2018 – *Pym Anthony* (2018) *Exploring translation theories*. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2018, 255 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44877614>. EDN: <https://elibrary.ru/ohlyhf>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.112.2`36

Дата поступления: 29.12.2022
рецензирования: 31.01.2023
принятия: 10.03.2023

Мультипликативные и итеративные deverbatives как средство таксисной актуализации (на материале немецкого языка)

И.В. Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: irarch@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0685-335X>

Аннотация: Семантика кратности (итеративности, мультипликативности) изучается лингвистами в сфере глагольной и именной множественности. Актуальность данного исследования связана с рассмотрением deverbative существительных мультипликативной и итеративной семантики как средства актуализации таксисных значений. Материалом исследования явились немецкие фразы с deverbative-мультипликативными и deverbative-итеративными, отобранные методом целевого поиска из электронной базы данных Лейпцигского национального корпуса. В ходе исследования использовались индуктивный, дедуктивный, описательный, контекстуальный и другие методы. В статье анализируются мультипликативные и итеративные deverbatives, употребляемые с предложениями различной обстоятельственной семантики. Цель исследования – описание на микро- и макроуровне функций мультипликативных и итеративных deverbatives, реализуемых ими в процессе таксисной актуализации значений одновременности и разновременности. Основной задачей исследования является описание семантического и таксисного функционала deverbatives с семантикой генетической мультипликативности и их генетической и словообразовательной итеративности. В результате исследования установлено, что при употреблении с предложениями темпоральной семантики *während seit, vor, nach* и др. deverbative-мультипликативы и deverbative-итеративы актуализируют мультипликативно-примарно-таксисные и итеративно-примарно-таксисные значения одновременности, предшествования или следования. При сочетании с предложениями нетемпоральной обстоятельственной семантики *unter, durch, vor, wegen, aufgrund, dank, trotz, ungeachtet, infolge, zu, für, zwecks* и другие рассматриваемые немецкие deverbatives принимают участие в актуализации различных вариантов мультипликативно-вторично-таксисных значений одновременности, в частности модально-таксисных, инструментально-таксисных, медиально-таксисных, каузально-таксисных, concessively-таксисных и т. д. Мультипликативные и итеративные deverbatives выполняют при этом функцию мультипликативно-таксисных и итеративно-таксисных партиципантов.

Ключевые слова: немецкий язык; deverbatives; итеративы; мультипликативы; итеративно-таксисные значения; мультипликативно-таксисные значения; итеративно-таксисные партиципанты; мультипликативно-таксисные партиципанты; предложения.

Цитирование. Архипова И.В. Мультипликативные и итеративные deverbatives как средство таксисной актуализации (на материале немецкого языка) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 145–151. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-145-151>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Архипова И.В., 2023

Ирина Викторовна Архипова – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германских языков факультета иностранных языков, Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Вилейская, 28.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 29.12.2022
Revised: 31.01.2023
Accepted: 10.03.2023

Multiplicative and iterative deverbatives as a means of taxis actualization (based on the German language)

I.V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
E-mail: irarch@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0685-335X>

Abstract: The semantics of multiplicity (iteration, multiplicativity) is studied in the sphere of verbal and nominal plurality. The relevance of this study is related to the consideration of deverbative nouns of multiplicative and iterative semantics as a means of updating taxis meanings. The material of the study was German phrases with deverbative-multiplicatives and deverbative-iteratives selected by the targeted search method from the electronic database of the Leipzig National Corpus. In the course of the study, inductive, deductive, descriptive, contextual and other methods were used. The article analyzes

multiplicative and iterative deverbatives used with prepositions of different adverbial semantics. The purpose of the study is to describe the functions of multiplicative and iterative deverbatives that they implement in the process of taxis actualization of the values of simultaneity and diversity. The main objective of the study is to describe the semantic and taxis functionality of deverbatives with the semantics of genetic multiplicativity and genetic and word-formation iteration. As a result of the study, it was found that when used with prepositions of temporal semantics *während, seit, vor, nach*, etc. deverbative-multiplicatives and deverbative-iteratives actualize multiplicative-primary-taxis and iterative-primary-taxis meanings of simultaneity, precedence or succession. When combined with prepositions of other circumstantial semantics *unter, durch, vor, wegen, aufgrund, dank, trotz, ungeachtet, infolge, zu, für, zwecks*, etc., the considered German deverbatives take part in the actualization of various variants of multiplicative-secondary-taxis meanings of simultaneity, in particular, modal-taxis, instrumental-taxis, medial-taxis, causal-taxis, concession-taxis, etc. Multiplicative and iterative deverbatives perform the function of multiplicative-taxis and iterative-taxis participants.

Key words: German; deverbatives; iteratives; multiplicatives; iterative-taxis values; multiplicative-taxis values; iterative-taxis participants; multiplicative-taxis participants.

Citation. Arkhipova I.V. Multiplicative and iterative deverbatives as a means of taxis actualization (based on the German language). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 145–151. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-145-151>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Arkhipova I.V., 2023

Irina V. Arkhipova – Candidate of Philological Sciences, associate Professor, Professor of the Department of Roman and German Languages of Faculty for Foreign Languages, Novosibirsk State Pedagogical University, Viluiskaja Street, 28, Novosibirsk, 630126, Russian Federation.

Введение

В современных исследованиях по функциональной грамматике категория итеративности (кратности, множественности) рассматривается как семантическая категория, средствами языковой репрезентации которой являются глаголы и именные части речи. Вопросы языкового выражения категориальных значений кратности, в том числе, вопросы описания итеративной семантики глаголов и имен существительных в различных языках, неоднократно освещались в работах отечественных лингвистов [Архипова 2019, 2020; Вяткина 2016; Гайломазова 2012; Комиссарова 2013, 2014, 2018; Кулакова 2009; Никора 2012; Прозорова 2015; Самсонова 2017; Шлуинский 2006; Шустова, Комиссарова 2014, 2015; Червяков 2019]. Отечественные исследователи исследуют итеративную и мультипликативную семантику отглагольных имен, но оставляют без внимания ее анализ в контексте актуализации таксисных категориальных значений. Зарубежными языковедами категория таксиса как самостоятельная категория не выделяется. Итеративные и мультипликативные deverbatives впервые рассматриваются нами как средство таксисной актуализации, чем обусловлена актуальность данного исследования.

Целью настоящей статьи является рассмотрение немецких deverbatives итеративной и мультипликативной семантики, реализующих свой итеративно-таксисный и мультипликативно-таксисный потенциал в высказываниях с различными обстоятельственными предложениями. Под итеративно-таксисным и мультипликативно-таксисным потенциалом deverbatives понимается их способность принимать участие в актуализации итеративно-таксисных и мультипликативно-таксисных категориальных значений одновременности и разновременности. В этой связи в научный обиход нами вводятся термины *итеративно-таксисные партиципранты* и *мультипликативно-таксисные*

партиципранты. Под данными терминами следует понимать функцию итеративных и мультипликативных deverbatives как участников процесса таксисной актуализации.

Основная часть

Немецкие deverbatives-мультипликативы и deverbatives-итеративы, являющиеся конверсивами, наследуют данную семантику от производящих их глаголов (см. имена существительные *das Schreiten, das Springen, das Fucheln, das Flattern, das Bimmeln, das Atmen, das Husten, das Nicken, das Wippen, das Ächzen, das Flüstern, das Zucken, das Seufzen, das Schlucken, das Klopfen, das Schnalzen, das Krächzen, das Schluchzen, das Klopfen, das Winken* и др.). Эти имена существительные характеризуются генетической мультипликативностью и генетической итеративностью. Под мультипликативностью следует понимать семантику многоактных действий с четкой выраженностью обозначения отдельных актов. Генетическая мультипликативность характерна для отглагольных имен, образованных путем конверсии от мультипликативных глаголов. Под итеративностью понимается эта семантика неоднократной повторяемости, характерная для производящих глаголов и отглагольных имен, семантически соотносимых с ними. Генетическая итеративность свойственна deverbatives-конверсивам, образованным от итеративных глаголов.

Deverbatives с семантикой генетической мультипликативности и генетической итеративности при их употреблении в речи с предложениями темпоральной и другой обстоятельственной семантики становятся мультипликативно-таксисными и итеративно-таксисными партиципрантами, поскольку они участвуют в процессе таксисной актуализации категориальных значений одновременности и разновременности.

Все нижеприведенные примеры микро- и макроконтраста отобраны нами из Лейпцигского национального корпуса (LC) по ключевым словам и приводятся в качестве иллюстративного материала для рассматриваемых явлений с переводом для семантизации:

(1) *Nach zustimmendem Nicken meines Gesprächspartners, der von der Datscha an der Nowaja Riga gehört hat, füge ich ehrlich hinzu: «400 Kilometer von Moskau»* (LC). – 'После одобрительного кивка собеседника, слышавшего про дачу на Новой Риге, честно добавляю: «400 километров от Москвы»'.

(2) *Der tatverdächtige Schläger öffnete nach dem Klopfen der Polizisten die Wohnungstür* (LC). – 'Подозреваемый бандит открыл дверь квартиры после стука полиции'.

(3) *Nach dem Springen auf Platz fünf liegend, machte er im Langlauf zwei Plätze gut* (LC). – 'Прыгнув на пятое место, он отыграл два места в лыжных гонках'.

(4) *Vor dem abschließenden Springen am Montag steht nun in Tokio zunächst der Geländeritt auf dem Programm* (LC). – 'Перед финальным прыжком в понедельник в программе кросс-кантри в Токио'.

(5) *Ihr langer Schwanz hilft ihnen beim Springen und Klettern in den Bäumen* (LC). – 'Их длинный хвост помогает им при прыжках и лазании по деревьям'.

(6) *Der 33-Jährige machte zwar durch Winken auf sich aufmerksam, zeigte sich aber überaus unkooperativ* (LC). – '33-летний мужчина обратил на себя внимание, помахав рукой, но был крайне несговорчив'.

(7) *Wo sie nisten, geben sie durch ihr lautes Krächzen und ihre Hinterlassenschaften am Boden bekannt* (LC). – 'Они объявляют, где они гнездятся, своим громким кваканьем и своим пометом на земле'.

(8) *Aber er warnt mit Klopfen an die Schiffswand auch vor schadhafte Stellen* (LC). – 'Но он также предупреждает о поврежденных участках, постукивая по стенке корабля'.

(9) *Durch lautes Klopfen öffnete die Bewohnerin die Tür selbstständig* (LC). – 'Громким стуком жительница открыла дверь самостоятельно'.

(10) *Trotz Klopfen der Feuerwehr und später der Polizei habe der Mann niemanden mehr in das Haus gelassen* (LC). – 'Несмотря на стук пожарных, а позже и полиции, мужчина никого не пустил в дом'.

(11) *Der Pferdewirt verjagt sie mit Schnalzen, verteilt Futter zwischen den an der Krippe drängelnden Tieren und beobachtet aufmerksam, ob jemand Anzeichen von Krankheit zeigt* (LC). – 'Всадник илпком прогоняет их, распределяет еду между животными, толкающимися у сени, и внимательно следит за любыми признаками болезни'.

В приведенных выше примерах (1–3), содержащих девербативы *das Nicken*, *das Klopfen* и *das Springen* с темпоральным предлогом *nach* актуализованы мультипликативно-примарно-таксисное и итеративно-примарно-таксисные значения строгого следования. В примерах (4–5) девербатив *das Springen* с предлогами *bei* и *vor* выступает в качестве итеративно-таксисного партиципанта процесса актуализации примарно-таксисных значений

одновременности и предшествования. В примере (6) с девербативом *das Winken* с медиальным предлогом *durch* актуализовано мультипликативно-медиально-таксисное значение одновременности. В высказываниях (7–9) с девербативами *das Klopfen* и *das Krächzen*, употребляемыми с обстоятельственными предлогами *durch* и *mit* в инструментальном / медиальном значении, репрезентированы инструментально-итеративно-таксисное (см. пример 9) и медиально-итеративно-таксисные значения одновременности (см. примеры 7–8). Синкретичный характер актуализируемых таксисных значений связан с мультипликативной / итеративной семантикой девербативов и инструментальным / медиальным значением предлогов. Девербатив *das Winken* выступает в качестве мультипликативно-медиально-таксисного партиципанта. Девербативы *das Klopfen*, *das Krächzen* выполняют роль итеративно-медиально-таксисного и итеративно-инструментально-таксисного партиципанта. В примерах (10–11) актуализированы следующие разновидности секундарно-мультипликативно-таксисных значений – concessivno-итеративно-таксисное (см. пример 10 с предлогом concessivной семантики *trotz*) и модально-итеративно-таксисное (см. пример 11 с предлогом *mit* в модальном значении). Девербативы *das Klopfen* и *das Schnalzen* выступают в функции итеративно-таксисных партиципанта, участвующих в актуализации секундарно-таксисных категориальных значений одновременности.

Семантический потенциал вышеперечисленных предлогов темпоральной и другой обстоятельственной семантики был определен на основе работы Й. Шредера [Schröder 1986]. Мультипликативная и итеративная семантика девербативов *das Nicken*, *das Winken*, *das Klopfen*, *das Springen*, *das Krächzen*, *das Schnalzen*, являющихся производными от глаголов *nicken*, *winken*, *klopfen*, *springen*, *krächzen*, *schnalzen* и сохраняющих полную семантическую соотносительность с ними, установлена на основании лексикографических данных Электронного словаря немецкого языка (DWDS), Ср.: *nicken* – den Kopf senken und wieder heben; *klopfen* – mehrere Male leicht an, auf etw. schlagen, pochen; *springen* – einen Sprung machen, sich schnell zu Fuß fortbewegen; *winken* – jmdm. mit der Hand, mit einem Tuch ein Zeichen, Signal geben; *krächzen* – heiser sprechen oder singen; *schnalzen* – mit der Zunge, den Fingern, einer Peitsche einen kurzen, leicht knallenden Laut hervorbringen).

В следующих группах примеров, отобранных из Лейпцигского национального корпуса, актуализированы синкретичные дистрибутивно-примарно-таксисное (см. пример 12) и итеративно-мультипликативно-таксисные значения следования (см. пример 13) и одновременности (см. примеры 14–15):

(12) *Zwei Männer krachten nach dem Springen mit den Köpfen aneinander* (LC). – 'Двое мужчин ударились головой после прыжка'.

(13) ...erst nach mehrmaligem lauten Klopfen wurde ihnen die Tür geöffnet (LC). – '...только после нескольких громких стуков им открыли дверь'.

(14) Trotz mehrmaligem Klopfen und Schreien durch die einschreitenden Beamten öffnete der 54-jährige Wohnungsmieter nicht (LC). – 'Несмотря на неоднократные стуки и крики вмешавшихся полицейских, 54-летний жилец не открыл дверь'.

(15) Reife Wassermelonen klingen beim Klopfen hohl... (LC). – 'Спелые арбузы издают глухой звук при постукивании ...'

В высказывании (12) актуализируемое значение дистрибутивности обусловлено субъектной множественностью (см. субъект *Zwei Männer*) и дистрибутивным глаголом *aneinanderkrachen*. В примерах (13–14) категориальное значение итеративности детерминировано итеративным атрибутом *mehrmalig*. В высказывании (15) итеративная семантика специфицирована итеративным глаголом *klingen*.

Наибольшей прототипичностью или регулярностью характеризуются девербативы-кинемы, наследующие мультипликативную глагольную семантику. Такие имена существительные обозначают кинетическое поведение субъекта действия (*das Nicken, das Kopfnicken, das Schulterklopfen, das Händeschütteln, das Händeklatschen, das Kopfschütteln, das Achselzucken, das Schulterzucken* и др.). Они могут актуализировать мультипликативно-таксисные значения примарного и секундарного характера. Примарный или секундарный характер актуализируемых таксисных значений детерминируется семантикой предлогов – темпоральной или другой обстоятельственной (модальной, инструментальной, медиальной, каузальной, concessивной и др.). Например:

(16) Thomas Duras bestätigte das mit kräftigem Kopfnicken (LC). – 'Томас Дюрас подтвердил это сильным кивком'.

(17) Mit Achselzucken nehmen wir zur Kenntnis, dass in bestimmten, stark muslimisch geprägten Vierteln besser keine Kippa getragen und die Kette mit dem Davidstern unter dem T-Shirt versteckt werden sollte (LC). – 'Пожимая плечами мы принимаем к сведению тот факт, что в некоторых сильно мусульманских районах лучше не носить кипу и прятать колье «Звезда Давида» под футболку'.

(18) Dieser habe mit Schulterzucken reagiert ... (LC). – 'Он ответил пожимая плечами...'.

(19) Die Grünen reagierten mit Kopfschütteln (LC). – 'Зеленые ответили покачивая головой'.

В приведенных выше примерах (16)–(19) с предлогом *mit* в медиальном значении актуализованы медиально-мультипликативно-таксисные значения одновременности. В качестве мультипликативных партиципантов выступают девербативы *das Kopfnicken, das Achselzucken, das Schulterzucken, das Kopfschütteln, das Händeklatschen*.

Девербативы, обладающие итеративностью генетического характера, наследуют ее у производящих их глаголов итеративной семантики *rutschen,*

schnarren, streichen, summen, brummen, sirren, stammeln, murmeln, lächeln, streicheln, rattern, bimmeln, schnattern, zittern, zischen, knarren, knurren, quietschen, klingeln и др. (см. *das Rutschen, das Schnarren, das Streichen, das Summen, das Brummen, das Surren, das Sirren, das Stammeln, das Murmeln, das Lachen, das Streicheln, das Rattern, das Bimmeln, das Schnattern, das Zittern, das Zischen, das Knarren, das Knurren, das Quietschen, das Klingeln* и др.). Они могут обозначать звуки, издаваемые человеком или животным как субъектом действия, а также различные шумы, сопровождающие «естественные» природные процессы (*das Kreischen, das Babbeln, das Scharren, das Rascheln, das Klirren, das Klatschen, das Säuseln, das Schnarchen, das Fauchen, das Schnurren, das Krachen, das Dröhnen, das Wummern* и др.).

При употреблении с темпоральными и другими обстоятельственными предлогами девербативы с семантикой генетической итеративности выполняют функцию итеративно-таксисных партиципантов, участвуя в процессе актуализации итеративно-примарно-таксисных и итеративно-секундарно-таксисных категориальных значений, ср.:

(20) Nach langem Zittern um den Corona-Impfstoff für Kinder gibt es jetzt spezielle „Impfstraßen“ und Aktionstage im Landkreis (LC). – 'После долгого волнения по поводу вакцины против короны для детей в округе теперь есть специальные «прививочные улицы» и дни акций'.

(21) Nach dem permanenten Wummern und Dröhnen ist man froh über jeden Moment der Stille. – 'После постоянного гула и рева, радуешься каждой минуте тишины'.

(22) Die Tiere bedankten sich mit lautem Schnattern (LC). – 'Животные отблагодарили ее громким кудахтаньем'.

(23) Mit leisem Zischen senkt sich der Stromabnehmer des Triebzugs vom Typ Talent 3 von der Oberleitung (LC). – 'С тихим шипением пантограф мультиблока Talent 3 опускается с воздушной линии'.

(24) Das allerdings quitierten die ursprünglich aus Südamerika stammenden Tiere mit Knurren und Fauchen (LC). – 'Однако животные, родом из Южной Америки, подтвердили это рычанием и шипением'.

(25) Das Publikum macht sich durch Klatschen bemerkbar (LC). – 'Зрители дают о себе знать, хлопая в ладоши'.

(26) Die Hausbesitzer wurden auf den Brand durch das laute Krachen am Dachboden aufmerksam und verständigten die Feuerwehr (LC). – 'Хозяева дома узнали о возгорании по громкому треску на чердаке и вызвали пожарных'.

(27) Trotz lautem Klingeln einer Straßenbahn in Augsburg kommt es zu einem Zusammenprall mit einem Fußgänger (LC). – 'Несмотря на громкий звон трамвая, в Аугсбурге произошло наезд на пешехода'.

(28) Die Steine eignen sich nicht gut zum Scharren und sind eher unangenehm beim Laufen, weshalb viele Katzen solche Flächen seltener betreten (LC). – 'Камни не подходят для царапания и по ним довольно неудобно ходить, поэтому многие кошки реже наступают на такие поверхности'.

(29) *Für Rutschen...* gibt es aber strenge Regeln (LC). – 'Но есть строгие правила для катания с горок...'

(30) Kritik gab es an dem Modell wegen schmaler Durchgänge, enger Sitze und lautem Quietschen (LC). – 'Модель раскритиковали за узкие проходы, тесные сиденья и громкие скрипы'.

В приведенных выше примерах (20–21) с темпоральным предлогом *nach* выражены итеративно-примарно-таксисные значения строгого следования. В высказываниях (22–24) с модальным предлогом *mit* репрезентированы итеративно-модально-таксисные значения одновременности. В примерах (25–26) с предлогом *durch* актуализированы итеративно-медиально-таксисные значения. В высказываниях (27–30) с предлогами *trotz*, *zu*, *für*, *wegen* итеративные девербативы *das Klingeln*, *das Scharren*, *das Rutschen*, *das Quietschen* выступают в качестве партиципантов актуализации итеративно-каузально-таксисного, итеративно-концессивно-таксисного и итеративно-финально-таксисных значений одновременности.

Девербативы, употребляемые в форме множественного числа, характеризуются словообразовательной итеративностью. Деривационный характер итеративности выступает в качестве прототипического фактора, обуславливающего актуализацию итеративно-таксисных категориальных значений. Аффиксальные девербативы с семантикой словообразовательной итеративности *die Untersuchungen*, *die Unterredungen*, *die Beobachtungen*, *die Begegnungen*, *die Angriffe*, *die Besuche* выступают в качестве итеративно-таксисных партиципантов в следующих высказываниях:

(31) Ihre Ärzte rieten ihr *nach den Untersuchungen* zu einer Pause von ihrem stressigen Alltag (LC). – 'После обследований врачи посоветовали ей отдохнуть от напряженных будней'.

(32) *Nach mehreren herben Angriffen gegen ihn* fordert Laschet eine Entscheidung des Bundesvorstands noch am Montagabend (LC). – 'После нескольких резких нападков на него Лашет требует решения федерального исполнительного совета в понедельник вечером'.

(33) *Nach den Angriffen mit Pfeil und Bogen* in der kleinen Stadt Kongsberg in Norwegen werden weitere Details über den mutmaßlichen Täter bekannt (LC). – 'После нападений с помощью лука и стрел в маленьком городке Конгсберг в Норвегии появились новые подробности о предполагаемом преступнике'.

(34) *Nach ersten Kontakten und Besuchen* ist sie begeistert (LC). – 'После первоначальных контактов и посещений она полна энтузиазма'.

(35) Einige Cluster sind *nach Besuchen der Nachtgas-*tronomie** entstanden (LC). – 'Некоторые кластеры возникли после посещения ночных ресторанов'.

(36) *Nach den Angriffen* im Januar hatte Total mehr Sicherheitsgarantien von der Regierung eingefordert (LC). – 'После январских атак кампания Тотал потребовала от правительства дополнительных гарантий безопасности'.

(37) *Bei den Untersuchungen* stießen die Experten auch auf mehrere Überreste von Bestattungen (LC). – 'В ходе

исследований специалисты также обнаружили несколько остатков захоронений'.

(38) *Bei den Unterredungen der beiden Staaten in Seoul* steht neben der Allianz vor allem das weitere Vorgehen im Streit um das nordkoreanische Atomwaffenprogramm im Zentrum (LC). – 'Помимо альянса, основное внимание на переговорах между двумя странами в Сеуле уделяется тому, как действовать в споре о программе ядерного оружия Северной Кореи'.

(39) *Bei Angriffen mit Ransomware* sperren oder verschlüsseln Hacker die Computersysteme ihrer Opfer, um von den Nutzern Geld für die Freigabe ihrer Daten zu erpressen (LC). – 'При атаках программ-вымогателей хакеры блокируют или шифруют компьютерные системы своих жертв, чтобы вымогать у пользователей деньги за раскрытие их данных'.

(40) *Bei den vorherigen Besuchen* lief der Hund noch an der Leine (LC). – 'В предыдущие визиты собака все еще была на поводке'.

(41) *Dank der Beobachtungen* war man imstande, eine Reihe von allgemeinen Beobachtungen abzuleiten (LC). – 'Благодаря наблюдениям удалось вывести ряд общих замечаний'.

(42) Er erhielt einen Platzverweis und eine Strafanzeige wegen der *tätlichen Angriffe* (LC). – 'Его уволили и обвинили в нападениях'.

(43) Der Taxilenker erlitt *durch die Angriffe* Verletzungen im Gesicht und am Rücken (LC). – 'Из-за нападения водитель такси получил травмы лица и спины'.

(44) *Ungeachtet dieser Angriffe* verweigerten die meisten Parteikollegen der Bürgermeisterin die Rückendeckung (LC). – 'Несмотря на эти нападки, большинство соратников мэра по партии отказались ее поддержать'.

(45) *Mit schnellen Angriffen* provozieren sie das Heimteam immer wieder zu Fehlern (LC). – 'Быстрыми атаками они раз за разом провоцируют хозяев на ошибки'.

(46) Israels Luftwaffe reagiert auf solche Attacken *regelmäßig mit Angriffen in dem Palästinen-*ergebiet**, das von der islamistischen beherrscht wird (LC). – 'ВВС Израиля регулярно отвечают на такие атаки ударами по территории Палестины, контролируемой исламистскими силами'.

В приведенных выше примерах (31–36) с темпоральным предлогом *nach* актуализованы итеративно-примарно-таксисные и синкретичные итеративно-дистрибутивно-примарно-таксисные значения строгого следования обозначаемых действий. В случае актуализации синкретичных таксисных значений в качестве детерминирующего фактора (помимо словообразовательной итеративной семантики девербативов) выступает субъектная множественность глагольных действий. В высказываниях (37–40) с темпоральным предлогом *bei* реализованы итеративно-примарно-таксисные и итеративно-дистрибутивно-примарно-таксисные значения одновременности. В высказываниях (41–43) девербативы-итеративы *die Beobachtungen*, *die Angriffe* с предлогами *dank*, *wegen*, *durch* в каузальном значении выступают в качестве партиципантов каузально-итеративно-таксисной актуализации. В высказывании (44) словообразо-

вательно-итеративный девербатив *die Angriffe* при употреблении с concessивным предлогом *trotz* актуализирует итеративно-concessивно-таксисное значение одновременности. В примерах (45–46) актуализируемые итеративно-медiallyно-таксисные значения детерминируются девербативом-итеративом *die Angriffe* и итеративными адвербиалами с семантикой нерегулярной или регулярной повторяемости *immer wieder* и *regelmäßig*.

Заключение

Немецкие девербативы-мультипликативы и девербативы-итеративы наследуют соответствующую семантику от производящих их глаголов или приобретают ее в процессе деривации. В первом случае они характеризуются генетической мультипликативностью или генетической итеративностью. Во втором случае девербативы употребляются в форме множественного числа и отличаются словообразовательной или словообразовательно-деривационной итеративностью.

Мультипликативные и итеративные девербативы немецкого языка при условии их употребления в речи с обстоятельственными предлогами выступают в качестве таксисных партиципатов, принимающих участие в процессе актуализации

различных примарно-таксисных и секундарно-таксисных категориальных значений одновременности или одновременности.

При сочетании с предлогами темпоральной семантики *seit, vor, nach* и др. девербативы-мультипликативы и девербативы-итеративы актуализируют мультипликативно-примарно-таксисные и итеративно-примарно-таксисные значения. Употребляясь с предлогами обстоятельственной семантики *bei, in, unter, durch, mit, vor, wegen, aufgrund, dank, trotz, ungeachtet, infolge, zu, für, zwecks* и др. девербативы участвуют в актуализации различных вариантов мультипликативно-секундарно-таксисных значений – модально-таксисных, медiallyно-таксисных, инструментально-таксисных, каузально-таксисных, concessивно-таксисные и финально-таксисных.

Перспективы исследования могут быть связаны с дальнейшим рассмотрением отглагольных имен других языков (германских, славянских и др.) как прототипического средства актуализации различных взаимодействующих таксисных и итеративных / мультипликативных категориальных значений, раскрытием номинативного потенциала языков, особенностей их системы частей речи.

Материалы исследования

LC – *Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета*. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 20.12.2022).

DWDS – *Электронный словарь немецкого языка*. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 20.12.2022).

Библиографический список

Schröder 1986 – *Schröder J. Lexikon deutscher Präpositionen*. Leipzig. 1. Auflage, 1986. 268 s.

Архипова 2019 – *Архипова И.В.* Функционирование девербативов в итеративно-таксисной категориальной ситуации // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 564–565. DOI: <http://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-10241>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rphdin>.

Архипова 2020 – *Архипова И.В.* Категория таксиса в разноструктурных языках: монография. Новосибирск, 2020. 173 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45605969>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vjppjhq>.

Вяткина 2016 – *Вяткина С.В.* Наречные маркеры итеративности: семантика и синтагматика // Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 2016. № 27. С. 5–15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29764560>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zbiudr>.

Гайломазова 2012 – *Гайломазова Е.С.* Числовая квантификация (категория итеративности) // Известия Южного федерального университета. 2012. № 2. С. 105–112. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17794919>. EDN: <https://elibrary.ru/ozkolp>.

Комиссарова 2013 – *Комиссарова Е.С.* Функционирование адвербиальных единиц с семантикой «ограниченная частотность» // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 4. С. 195–198. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20362690>. EDN: <https://elibrary.ru/rdpnfv>.

Комиссарова 2014 – *Комиссарова Е.С.* Функциональные свойства адвербиальных единиц с семантикой «минимизированная частотность» // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2014. № 1 (1). С. 83–87. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23230317>. EDN: <https://elibrary.ru/tojbtb>.

Комиссарова 2018 – *Комиссарова Е.С.* Базовые адвербиальные единицы с семантикой неопределенности интервала // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 1. С. 3–8. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32778761>. EDN: <https://elibrary.ru/yvotqe>.

Кулакова 2009 – *Кулакова Т.А.* Глагольная номинация итеративности // Язык: Мультидисциплинарность научного знания. Научный альманах под ред. О.В. Труновой; Алтайская государственная педагогическая академия; Лингвистический институт. Барнаул, 2009. С. 101–105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26260852&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/wcridr>.

Никора 2012 – *Никора Е.В.* Средства выражения повторности и итеративности глагольного действия в английском, немецком и татарском языках // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 2. С. 175–178. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17683901>. EDN: <https://elibrary.ru/owzkej>.

Прозорова 2015 – *Прозорова Н.Е.* Дистрибутив в сфере глагольной множественности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 1, № 3. С. 82–85. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24814897>. EDN: <https://elibrary.ru/uxaqhd>.

Самсонова 2017 – *Самсонова Е.М.* Наклонения глагола и категория итеративности в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 4 (21). С. 121–126. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32303834>. EDN: <https://elibrary.ru/ymfoqj>.

Шлуинский 2006 – *Шлуинский А.Б.* К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 46–75. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2006-1/46-75>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9182098>. EDN: <https://elibrary.ru/hsyfwd>.

Шустова, Комиссарова 2014 – *Шустова С.В., Комиссарова Е.С.* Семантические и синтаксические функции языковых единиц // Вестник Волжского университета им. В.Н. Тагичева. 2014. № 4 (17). С. 92–101. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22959882>. EDN: <https://elibrary.ru/tilffv>.

Шустова, Комиссарова 2015 – *Шустова С.В., Комиссарова Е.С.* К вопросу о межкатегориальном взаимодействии (на примере категории итеративности в немецком языке) // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2015. № 1 (2). С. 115–118. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23891122>. EDN: <https://elibrary.ru/ucvazb>.

Червяков 2019 – *Червяков А.А.* О категории итеративности в современном английском языке // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2019. № 3 (14). С. 98–101. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41273034>. EDN: <https://elibrary.ru/vdhwog>.

References

Schröder 1986 – *Schröder J.* (1986) Lexikon deutscher Präpositionen. Leipzig. 1. Auflage, 268 S.

Arkhipova 2019 – *Arkhipova I.V.* (2019) Functioning of deverbatives in the iterative-taxis categorial situation. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya = World of Science, Culture and Education*, no. 6 (79), pp. 563–565. DOI: <http://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-10241>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rphdin>. (In Russ.)

Arkhipova 2020 – *Arkhipova I.V.* (2020) Taxis category in multi-structural languages: monograph. Novosibirsk, 173 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45605969>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vjppjq>. (In Russ.)

Vyatkina 2016 – *Vyatkina S.V.* (2016) Adverbial markers of the iterativity: semantics and syntagmatics. *Russkii yazyk kak inostrannyi i metodika ego prepodavaniya*, no. 27, pp. 5–15. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29764560>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zbiudr>. (In Russ.)

Gaylomazova 2012 – *Gaylomazova E.S.* (2012) Numerical quantification (category of iteration). *Proceedings of Southern Federal University*, no. 1, pp. 105–112. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17794919>. EDN: <https://elibrary.ru/ozkolp>. (In Russ.)

Komissarova 2013 – *Komissarova E.S.* (2013) Functioning of adverbs with the meaning of «limited frequency». *Historical and Social Educational Idea*, no. 4, pp. 195–198. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20362690>. EDN: <https://elibrary.ru/rdpnfv>.

Komissarova 2018 – *Komissarova E.S.* (2018) Basic adverbial units with semantics of the intervaluncertainty. *Eurasian Humanitarian Journal*, no. 1, pp. 3–8. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32778761>. EDN: <https://elibrary.ru/yvotqe>.

Kulakova 2009 – *Kulakova T.A.* (2009) Verb nomination of iteration. In: *Trunova O.V. (Ed.) Language: Multidisciplinarity of scientific knowledge: scientific almanac*. Barnaul, pp. 101–105. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26260852&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/wcridr>. (In Russ.)

Nikora 2012 – *Nikora E.V.* (2012) Means of expressing the repetition and iterativity of the verbal action in English, German and Tatar languages. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 2, pp. 175–178. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17683901>. EDN: <https://elibrary.ru/owzkej>. (In Russ.)

Prozorova 2015 – *Prozorova N.E.* (2015) The distributive in the sphere of verb plurality. *Pushkin Leningrad State University Journal*, vol. 1. no. 3, pp. 82–85. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24814897>. EDN: <https://elibrary.ru/uxaqhd>. (In Russ.)

Samsonova 2017 – *Samsonova E.M.* Verb moods and the category of iterativity in the Yakut language. *North-Eastern Journal of the Humanities*, no. 4 (21), pp. 121–126. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32303834>. EDN: <https://elibrary.ru/ymfoqj>. (In Russ.)

Šluinskij 2006 – *Šluinskij A.B.* (2006) On the typology of predicate plurality: organization of the semantic zone. *Voprosy Jazykoznanija*, no. 1, pp. 46–75. Available at: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2006-1/46-75>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9182098>. EDN: <https://elibrary.ru/hsyfwd>. (In Russ.)

Shustova, Komissarova 2014 – *Shustova S.V., Komissarova E.S.* (2014) Semantic and syntactic functions of linguistic units. *Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*, no. 4 (17), pp. 92–101. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22959882>. EDN: <https://elibrary.ru/tilffv>. (In Russ.)

Shustova, Komissarova 2015 – *Shustova S.V., Komissarova E.S.* (2015) On the issue of category interaction (by the example of the category of interativeness in the German language). *Eurasian Humanitarian Journal*, no. 1 (2), pp. 115–118. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23891122>. EDN: <https://elibrary.ru/ucvazb>. (In Russ.)

Chervyakov 2019 – *Chervyakov A.A.* (2019) On iterative category in modern English. *Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology*, no. 3 (14), pp. 98–101. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41273034>. EDN: <https://elibrary.ru/vdhwog>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81

Дата поступления: 26.11.2022
рецензирования: 27.12.2022
принятия: 10.03.2023

**Действие закона аналогии в окказиональном словообразовании
(на материале лирики Е.А. Евтушенко и А.А. Вознесенского)**

Т.В. Дмитриева

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: tukmakovatatyana@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2747-1588>

Аннотация: В статье речь идет об аналогии как об одном из основных законов развития языка. Действие закона рассматривается на материале окказионального словотворчества поэтов-шестидесятников Е.А. Евтушенко и А.А. Вознесенского. Актуальность изучения окказионализмов продиктована недостаточной изученностью взаимодействия регулярного и окказионального словообразования и роли аналогии в создании поэтического образа. Главный метод исследования – словообразовательный анализ окказиональных единиц, позволивший проанализировать деривационный механизм, основанный на уподоблении узуальным регулярным моделям. Применяется контекстуальный анализ, раскрывающий семантическую сторону новой лексемы. Использован компонентный анализ с целью обнаружения синтагматических связей окказиональных единиц. В статье автор отмечает значение закона аналогии не только в выборе формантов, но и в процедуре деривационного процесса. Обосновано действие закона в формировании окказиональных ступеней словообразовательных гнезд. Проанализированы условное вхождение новых единиц в узуальную систему и их способность заполнить словообразовательные лакуны. В ходе исследования обнаружено лексико-словообразовательное явление иного порядка – словообразовательная парадигма, отражающая процессы одной словообразовательной ступени. Прослеживается продуктивность некоторых корневых морфем в связи с их частотностью в узусе и участием в образовании ценностных понятий. Результаты анализа языковых единиц подтверждают значимость закона аналогии в создании окказионализмов и выражении авторской оценки в целом. Подчеркивается роль аналогии как текстообразующего средства и инструмента построения поэтической образности. Сделан вывод о системности образования лексико-словообразовательных и семантических связей в массиве окказиональной лексики Е.А. Евтушенко и А.А. Вознесенского.

Ключевые слова: словообразование; аналогия; окказионализм; регулярность модели; словообразовательное гнездо; ступени деривации; словообразовательная парадигма.

Цитирование. Дмитриева Т.В. Действие закона аналогии в окказиональном словообразовании (на материале лирики Е.А. Евтушенко и А.А. Вознесенского) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 152–158. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-152-158>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дмитриева Т.В., 2023

Дмитриева Татьяна Валерьевна – аспирант кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 26.11.2022
Revised: 27.12.2022
Accepted: 10.03.2023

**Action of the law of analogy in occasional word formation
(based on the lyrics by E.A. Evtushenko and A.A. Voznesensky)**

T.V. Dmitrieva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: tukmakovatatyana@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2747-1588>

Abstract: The article views analogy as one of the basic laws of language development. The action of the law of analogy is studied on the material of the occasional word creation of the poets of the 60-ies of the XX century – E.A. Evtushenko and A.A. Voznesensky. The relevance of the study of occasionalisms is stipulated by insufficient knowledge of the interaction of regular and occasional word formation and the role of analogy in creating a poetic image. The main research method is the word-formation analysis of occasional units, which made it possible to analyze the derivational mechanism based on assimilation to ordinary regular models. Contextual analysis is applied, revealing the semantic side of the new lexeme. Component analysis was used to detect syntagmatic connections of occasional units. The author of the article notes the importance of the law of analogy not only in the choice of formants, but also in the procedure of the derivational process. The action of the law in the formation of occasional steps of word-formation nests is substantiated. The conditional

entry of new units into the usual system and their ability to fill word-formation gaps are analyzed. In the course of the research, a lexical and word formation phenomenon of a different order was discovered – a word formation paradigm, reflecting the processes of one word formation stage. The productivity of some root morphemes is traced in connection with their frequency in usage and participation in the formation of value concepts. The results of the analysis of language units confirm the importance of the law of analogy in the creation of occasionalisms and the expression of the author's assessment in general. In general, the results of the analysis of linguistic units confirm the high degree of significance of the law of analogy in the creation of occasionalisms and their use in poetic texts. The role of analogy as text formation means and a tool for constructing poetic imagery is emphasized. The conclusion is made about the systematic nature of the formation of lexical-derivational and semantic connections in the array of occasional vocabulary of E.A. Evtushenko and A.A. Voznesensky.

Key words: word formation; analogy; occasionalism; word formation nests; derivation levels; word formation paradigm.

Citation. Dmitrieva T.V. Action of the law of analogy in occasional word formation (based on the lyrics by E.A. Evtushenko and A.A. Voznesensky). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 152–158. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-152-158>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: the author declares no conflict of interest.

© Dmitrieva T.V., 2023

Tatiana V. Dmitrieva – postgraduate student of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Словообразование – один из источников пополнения словарного запаса языка за счет функционирования словообразовательного типа, характеризующего степень регулярности и продуктивности. Например, при образовании деминутивов регулярна модель производящая основа + суффиксы субъективной оценки (*ключик, столик, котик, домик*). Также прилагательные *лекарственный, обеденный, клюквенный* и т.д. формально и семантически построены одинаково: производящая основа имени существительного + суффикс -енн- со значением признака, соотношенного с мотивирующей основой. Образование феминитивов наглядно демонстрирует, как регулярная модель словообразования, где производящая основа – наименование лиц мужского пола, а производная – лицо женского пола (*ученик – ученица, учитель – учительница, повар – повариха, студент – студентка*), становится продуктивным. Аналогично регулярной модели образуются феминитивы в речи и в интернет-дискурсе. Например, *блогер – блогерка, автор – авторка, филолог – филологиня*.

Подчиняясь закону аналогии, каждый новый факт языка входит в систему, уподобляясь более употребительным языковым моделям. Например, в процессе освоения некоторые заимствованные слова начинают обрастать производными аналогично формам русских глаголов (*хайп – хайпить, хайпануть*). Таким образом, аналогия – важный элемент словообразования. Почти все сложные слова и производные, а также большая часть срощений образованы по принципу аналогии [Henzen 1965, S. 14].

Цель статьи – проанализировать действие закона аналогии в поэтическом дискурсе. Задачи: провести словообразовательный, компонентный, контекстный анализ; выявить связи окказиональных единиц между собой и с узуальной системой языка. Источником фактического материала стали поэтические сборники Е.А. Евтушенко, опубликованные с 2005 по 2015 г., и словарь «Слова поэта: опыт словаря авторских неологизмов Евгения

Евтушенко» под редакцией Р.Ю. Намитоковой и И.А. Нефляшевой (Намитокова 2009). Источниками для названного словаря стали стихотворения, написанные в период с 1937 по 2007 г. Из сборника «Памятники не эмигрируют» в словарь включены только отдельные стихотворения. Методом сплошной выборки было найдено 400 окказиональных единиц. Источником окказионализмов А.А. Вознесенского стал онлайн-словарь И.С. Самохина, насчитывающий более 2000 тысяч словарных статей (Самохин И.С 2013). В нашу выборку было включено 500 окказиональных единиц.

Методология

Теория словообразования может предсказывать появление новых слов и выявлять правила, по которым говорящий создает производные слова именно в синхронном плане. Поэтому синхронный анализ словообразовательных процессов представляется весьма продуктивным. «Актуальными задачами становятся выявление общих особенностей организации отдельных подсистем и системы в целом, а также выявление новых возможностей словообразовательно механизма в соотношении с реализацией с этих возможностей в узуальной и окказиональной лексике» [Улуханов 1996, с. 4]. Идеально, когда словообразовательная система представлена как организованная совокупность реализованных и потенциальных единиц, т. е. как совокупность возможностей (или «клеток»), одни из которых реализованы («заполнены»), и, другие, не реализованы («пустуют»). «При этом заключение о возможности/невозможности существования единиц может делаться на основе изучения реализованных единиц, степени их распространенности, продуктивности и соотношения между ними» [Улуханов 1996, с. 7]. Действие закона аналогии подтверждает возможность соотношения реализованных и потенциальных единиц словообразовательной системы, так как «аналогия – уподобление, вызванное влиянием одних элементов языка, образующих более продуктивную и более распространенную модель, на связанные с

ними элементы, более редкие и малочисленные» (Розенталь 1976, с. 17). При возникновении новых лексем прослеживается преодоление нормы «путем творческого переноса словообразовательных образцов» [Нарыкова, Крюкова 2019, с. 118].

Действие закона противоречиво. С одной стороны, аналогия выступает как «консервирующее и консервативное, организующее и упорядочивающее начало» [Бондарчук 2018, с. 11], с другой – как «преобразующее начало» [Бондарчук, Яроцкая, Шевелева 2018, с. 12]. Принимая во внимание двойственное действие аналогии, при анализе окказиональных единиц мы учитываем не только регулярность узуальной словообразовательной модели, но и семантику. С семантической точки зрения словообразовательный процесс по аналогии характеризуется тем, что мотивированная единица наследует не лексическое значение, а определенное общее значение модели [Кубрякова 1987, с. 47], что позволяет в поэтическом тексте использовать словообразовательную модель как конструкт, наполняемый разным содержанием, т. е. формантами и производящими основами, отвечающими авторскому замыслу, а не словообразовательной норме. Кроме словообразовательной структуры и общности элементов существенную роль при образовании слов по принципу аналогии играют парадигматические отношения между составляющими (синонимические или антонимические отношения, принадлежность к семантическому классу или тематическому ряду) [Попова 2012].

В рамках художественной практики в деривационных процессах возникает связь словообразования и текста, что «дает возможность установить синтаксические и семантические правила и прагматические условия, способствующие действию словообразовательного механизма в целом и возникновению связанных с текстом словообразовательных конструкций в частности, а также выявить динамические процессы, релевантные для образования, использования и понимания новых слов» [Гатауллин 2012, с. 475]. Аналогия раскрывает словообразовательные возможности именно в тексте, что соотносится с представлением об окказионализме. Окказиональная лексема существует только в пределах определенного контекста, и ее значение раскрывается лишь через контекст. Подчеркнем, что в поэтическом тексте окказиональная единица не просто слово, а средство создания определенного образа, репрезентирующего авторский посыл и содержание в целом. Преобразовывая текст, аналогия делает его более емким, при этом не расшатывает словообразовательную норму, а показывает творческие возможности языка, экономя языковые средства и актуализируя ассоциативное мышление [Бондарчук, Яроцкая, Шевелева 2018, с. 14].

Аналогия в деривационном процессе представляет возможность образовать «целое словообразовательное гнездо или целую словообразовательную парадигму, аналогичные узуальным, но

состоящие частично или даже целиком из окказиональных слов. Члены такого словообразовательного гнезда располагаются часто по всему тексту, скрепляя его словообразовательной игрой» [Виноградова 1984, с. 170]. Новые слова возникают в этом случае как члены, входящие в классы однородных структур словообразовательного гнезда, и как индивидуальные лексемы.

Образование окказионализмов есть результат воплощения языковых возможностей посредством закона аналогии. Поэтому новые лексемы, во-первых, существуют, «как правило, лишь в определенном, породившем их контексте» [Земская 1992, с. 238]. Во-вторых, являются фактом речи [Намиотова 2015, с. 15]. В-третьих, созданы с определенной художественной целью [Плотникова, Тимашова 2012, с. 362], обладают постоянной экспрессивностью [Виноградов 2001, с. 123].

Ход исследования

Производные окказиональные единицы (ОЕ) четко разделяются по частям речи (имена существительные, прилагательные, глаголы и глагольные формы, наречия), их словообразовательная структура и значение часто довольно прозрачны и поддаются интерпретации, что обусловлено обращением к регулярной словообразовательной системе под действием закона аналогии.

Имена существительные – наиболее динамичная часть речи в словообразовательном отношении. Самый продуктивный способ деривации окказиональных существительных – суффиксация. Е.А. Евтушенко использовал в качестве образца модель образования существительных с суффиксами субъективной оценки, так как она наиболее употребительна в разговорной речи, усвоена по-этому как носителем языка еще с детства: ср. *война* < *войнушка* – *недотрога* < «*недотрогушка*»; *орех* < *орешек* – *потомок* < «*потомочек*»; *страшила* < *страшилище* – *палач* < «*палачище*»; *солома* < *соломинка* – *коммунист* < «*коммунистинка*»; *ваза* < *вазочка* – *валюта* < «*валюточка*». Каждая пара образована по модели: «имя существительное + суффикс субъективной оценки» и вторая пара с окказиональным дериватом уподобляется узуальной.

Закон аналогии позволяет сделать модель более гибкой. В составе окказионализма объединяются узуальная производящая основа и узуальный формант, добавляющий новые коннотативные семы. Например, «*Нам бы больше валюточки*» (Евтушенко 2012, с. 90). Суффикс -очк- привносит в нейтральное «валюта» пренебрежительно-ироничный оттенок. Еще пример: «*Не все...*» – // *ворчачула Культурочка*, // *лягнувшись*, // *как Сивочка-бурочка...*» (Евтушенко 2012, с. 120). Суффикс добавляет сему «незначительность», что, с одной стороны, противоречит значению мотивирующей основы, а с другой стороны, обогащает значение слова, создавая поэтический образ.

В образовании имен существительных от основ имен прилагательных Е.А. Евтушенко использует способы и модели образования, аналогичные узуальным: «основа имени прилагательного + суффикс -ость». Например, *нездешность* («*Растянуть бы мне на тормозах // лет на двадцать роскошества // грешности, // но уже проступает в глазах // превосходство спокойной нездешности*») (Евтушенко 2005, с. 201). В качестве образца выступает слово из ближайшего контекста – «грешность», образованное по выше названной модели. Герой стихотворения желает предаваться разгульной жизни, но ему уже чужды легкомыслие и беззаботность молодости.

Другие примеры – *печальность, фельетонность* (ср. узуальные дериваты: *способный – способность, скорый – скорость, бодрый – бодрость*).

Рассмотрим действие закона аналогии на примере глагольных форм, частотных в поэтических текстах А.А. Вознесенского. При образовании деепричастий наблюдается ненормированное употребление формообразующего суффикса с основой совершенного вида, что нередко для разговорной речи (*испарясь, истребя, передела, перекося, погоря, разбудя, собирая* – ср. узуальное *испарив, истребив, разбудив* и др.). Подобное формообразование используется поэтом для сохранения рифмы и ритма стихотворения: «*Пусть наше дело давно труба, // пускай прошли вы по нашим трупам, // пускай вы живы, нас истребя, // вы были – трупы, мы были – трубы!*» (Самохин 2013). Другой пример: «*Мы – нищие брюхом. Как все, // погоря, // живу не в Эдеме. // Но Хлебников нынче – ясней // букваря. // Пришло мое время*» (Самохин 2013). Часто образуются окказиональные видовые пары для непарных в узусе глаголов, что аналогично процессам регулярной словообразовательной системы (*печатнуть – печатать, повызреть – вызреть, схлещивать – схлестнуться*). Продуктивен конфиксальный способ образования глаголов и глагольных форм от имен существительных. Частотна модель с префиксом *о-* и суффиксами *-е/-и-*: *облукойлеть, объевреить, объюбилить, обыдлиться, опирсинговать / опирсингованный, опаутиненный / опаутинеть, опоросеть* (ср. узуальное *озвереть, осатанеть, окаменеть*). В составе конфиксальной модели участвует также приставка *раз-*: *разгипсоваться, разжиряться* (ср. узуальное *располагаться, расставаться*).

Интересным явлением в словообразовательном дискурсе А.А. Вознесенского, на наш взгляд, становятся феминитивы. Продуктивным суффиксом для агентивов женского пола становится *-к-* – *бестийка, вампирка, вурдалачка, диониска, дирижерка, интервентка, комиссарка, триумфаторка*. Активность морфемы продиктована ее многозначностью и универсальностью в современном русском словообразовательном процессе. Например, при употреблении литературных обозначений лиц женского пола – *студентка, экономистка, спортсменка, аспирантка*. Малоупотребительны, но образова-

ны вследствие действия законы аналогии лексемы с суффиксами *-ш-* (*архангельша*, ср. *генеральша, блогерша*) и *-ин/-ын-* (*фотографиня, фаустыня*, ср. *богиня, рабыня*), *-ниц-/ -иц-* (*НЛОжница*, ср. *царица, учительница*).

Частотно проявление аналогии не в выборе словообразовательных морфем, входящих в модель, а в самом деривационном механизме, позволяющем Е.А. Евтушенко создавать новые закономерности. Так, в качестве формантов, образующих окказиональные существительные от глагольных основ, выступают суффиксы субъективной оценки (*воображаночка, внучонок-драчонок, недосыпалочка, выяснюшки*), что противоречит норме: в узусе от глаголов не могут образовываться номинативы со значением оценки. Или к глагольным основам присоединяется суффикс *-инк-*: *ошпаринка, остринка, веселинка, натужинка*, что в целом нарушает словообразовательную норму. У А.А. Вознесенского неожиданное распространение при образовании глаголов получает способ сложения, что противоречит регулярным языковым моделям: *видеожить, видеоскандировать, видеосмириться, видеоидти*. Возможно, обращение к основе видео- связано с развитием техники и желанием людей фиксировать каждое действие, причем не только фиксировать, но и демонстрировать другим. Реальную жизнь начинает вытеснять «видеореальность».

Аналогия проявляется и при установлении лексико-словообразовательных связей. В узусе, по мнению А.В. Гридасовой, словообразовательное гнездо одновременно демонстрирует избыточность и недостаточность, лакунарность. Например, *черный – чернить*, но *серый ≠*. Окказионализмы же условно могут недостаточность восполнить [Гридасова 2011].

Так, окказиональные единицы Е.А. Евтушенко условно встраиваются в структуру словообразовательного гнезда (СГ), подчиняясь узуальной словообразовательной системе и демонстрируя системную организацию однокоренных слов. Например, в СГ глагола «любить» возможно вхождение лексем *неразлюбленность, вылюбились, вылюбиться*, которые будут находиться на 1-й ступени деривации, так как непосредственно образуются от глагола *любить*. А лексема *безлюбовье* – на 2-й, так как мотивирующей основой будет выступать слово «любовь». Или окказиональные производные с корнем *-слад-* входят в СГ прилагательного *сладкий*: *сладкий – сладющий*, 2-я ступень, *сладкий – сладена – сладенный*, 3-я ступень.

Окказиональный корпус лексем А.А. Вознесенского демонстрирует подобную системность. ОЕ *ангелица, ангелята* входят в СГ существительного «ангел» и образуют 1-ю ступень. *Архангелок, архангельски, архангельша* – 1-я ступень СГ существительного «архангел». На 1-й ступени СГ «душа» находятся дериваты *духоизмещение, духотрясение, душекрушение, душистина*; на 2-й – *антидуховность*. 2-ую ступень деривации СГ

существительного «паук» занимают *опаутинеть*, а 3-ю – *опаутиненный*.

Окказиональные единицы, образованные от разных корней, встраиваются в структуру СГ разных лексем, но менее масштабно. Например, окказионализмы Е.А. Евтушенко: *печальность* будет находиться на 2-й ступени деривации СГ существительного «печаль»; *распушинство* – 3-я ступень деривации СГ существительного «пух»; *лебедино* – 2-я ступень деривации СГ существительного «лебедь» и т. д.

У А.А. Вознесенского наблюдаем сходную картину. На 2-й ступени деривации СГ прилагательного «оранжевый» будет находиться наречие *оранжево*. На 1-й ступени деривации СГ существительного «машина» – номинатив *антимашина*.

Многие однокоренные окказиональные лексемы находятся на одной ступени деривации и образуются от одного и того же слова, что наталкивает на мысль о формировании словообразовательной парадигмы.

В нашей статье мы будем считать вслед за В.В. Лопатиным, что словообразовательная парадигма – производные слова одной и той же ступени, непосредственно мотивированных одним и тем же словом [Лопатин 1974, с. 59].

Среди окказиональных единиц Е.А. Евтушенко выстраивается парадигма существительного «война» – *безвойновье, войнообожатели, войнишка*. Подобную парадигму, на наш взгляд, допустимо назвать окказиональной, так как все производные являются окказиональными лексемами, не входящими в узуальную систему языка. Примеры окказиональных парадигм: *волновать – неволнуйчик, неволнуйство; мужчина – мужчинней, полумужчина; злой – злостей, зловатый; палач – палачище, палачество*.

Словообразовательные парадигмы обнаруживаются и в массиве окказионализмов А.А. Вознесенского: *женщина – прожженница, береженница*. Интересно, что базой для элементов

парадигмы стали словосочетания «прожженная женщина» и «бережливая женщина». Другой пример: *святой – полусвятой, святотопорство. «Кто поднял топор на священника, / тот проклял себя. Аминь. // Неужто страна в деградации / болеет так тяжело, / когда не до святотатства – / до святотопорства дошло?!»* (Самохин 2013). При образовании окказионализма актуализируются лексемы «святой» и «топор» в значении «оружие», т. е. подчеркивается несовместимость понятий, переходящая в более масштабную антонимию жизни и смерти.

Активность перечисленных корней в окказиональной деривации, на наш взгляд, во-первых, может быть обоснована их продуктивностью в узуальной системе языка. По материалам «Словообразовательного словаря русского языка» (Тихонов 2014, с. 109, 208–209, 279,) СГ глагола *любить*, существительных *волна* и *зло* имеют целую сеть дериватов и несколько деривационных ступеней. Во-вторых, на наш взгляд, некоторые приведенные корни служат номинациями ценностных понятий (например, любовь, зло, добро).

Заключение

Анализ показал, что аналогия – важный механизм в словотворческой деятельности Е.А. Евтушенко и А.А. Вознесенского. Во-первых, продуцируются устоявшиеся словообразовательные модели, систематизирующие словотворчество авторов. Во-вторых, аналогия выступает инструментом создания поэтического образа. С помощью воспроизведенной узуальной модели емко передан массив смыслов, ассоциаций, актуализированы фоновые знания, скрепляющие элементы текста в единое целое. Действие закона активизирует коннотативные семы в составе значения окказиональных единиц при передаче авторской оценки.

В результате лексико-словообразовательного анализа была обнаружена способность ОЕ демонстрировать системность и образовывать словообразовательные гнезда и парадигмы.

Материалы исследования

Евтушенко 2009 – *Евтушенко Е.* Моя футболиада: поэзия, проза. Полтава: ООО «АСМИ», 2009. 144 с.

Евтушенко 2015 – *Евтушенко Е.* Не теряйте отчаянья. Новая книга: стихи 2014–2015 гг. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 144 с.

Евтушенко 2005 – *Евтушенко Е.А.* Памятники не эмигрируют. Москва: ЭКСМО, 2005. 480 с.

Евтушенко 2012 – *Евтушенко Е.* Счастья и расплаты. Москва: ЭКСМО, 2012. 180 с.

Намитоква 2009 – *Намитоква Р.Ю.* Слова поэта: Опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко. Майкоп: ООО «Качество», 2009. 304 с.

Розенталь 1976 – *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. Москва: Просвещение, 1976. 544 с.

Самохин 2013 – *Самохин И.С.* Словарь окказионализмов Андрея Вознесенского. URL: http://samlib.ru/s/samohin_iwan_sergeewich/slovar_okkazionalizmov_andreya_voznesenskogo.shtml.

Тихонов 2014 – *Тихонов А.Н.* Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. Москва: АСТ, 2014. 639 с.

Библиографический список

Henzen 1965 – *Henzen W.* Deutsche Wortbildung. Tuebingen, 1965. 334 p. URL: https://books.google.ru/books?id=_Q6kEAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false.

Бондарчук, Яроцкая, Шевелева 2018 – *Бондарчук Г.Г., Яроцкая Л.В., Шевелева Е.О.* Аналогия в языке: Теория и образовательная практика. Москва: Триумф, 2018. 162 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35581811>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xyxqnn>.

Виноградов 2001 – *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с. URL: http://vsdzhbrailova.narod.ru/olderfiles/1/V.S.Vinogradov_Vvedenie_v_perevodo-5756.pdf.

Виноградова 1984 – *Виноградова В.Н.* Стилистический аспект русского словообразования. Москва, 1984. 184 с. URL: <https://fb2lib.ru/vinogradova-v-n/stilisticheskiy-aspekt-russkogo-slovoobrazovaniya/>.

Гатауллин 2012 – *Гатауллин Р.Г.* Некоторые вопросы словообразования по аналогии // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, № 1–1. С. 475–479. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18016753>. EDN: <https://www.elibrary.ru/peguaj>.

Гридасова 2011 – *Гридасова А.В.* Словообразовательное гнездо как системно-категориальная организация однокоренных слов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование. 2011. № 1 (118). URL: <https://human.spbstu.ru/article/2011.3.40/>.

Земская 1992 – *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. Москва, 1992. 221 с. URL: https://www.academia.edu/49583390/E_A_Земская_Словообразование_как_деятельность.

Кубрякова 1987 – *Кубрякова Е.С.* Размышления об аналогии // Поставалова В.И. Сущность, развитие и функции языка. Москва: Наука, 1987. С. 43–51. URL: <https://klex.ru/ofq>.

Лопатин 1974 – *Лопатин В.В.* Словообразование как объект грамматического описания // Грамматическое описание славянских языков. Москва, 1974. С. 47–60.

Намитоква 2015 – *Намитоква Р.Ю.* Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале русской поэзии второй половины XX в.). Майкоп: Изд-во АГУ, 2015. С. 15–156.

Нарыкова, Крюкова 2019 – *Нарыкова Н.А., Крюкова И.В.* Аналогия как нестандартный способ словообразования в немецком языке // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 2 (44). С. 118–122. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38519207>. EDN: <https://www.elibrary.ru/duchcu>.

Пахомова 2013 – *Пахомова М.А.* Окказиональные слова и словари окказионализмов // Rhema. Рема. 2013. № 3. С. 79–87. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20344961>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rdfkyz>.

Плотникова, Тимашова 2012 – *Плотникова Л.И., Тимашова Ж.Е.* Глагольные индивидуально-авторские новообразования в поэтических текстах А. Белого и В. Иванова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 362–367. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18280953>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pkbcht>.

Попова 2012 – *Попова Т.В.* Словообразование и текст: контекстуальное словообразование по аналогии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 11 (147). С. 111–115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovanie-i-tekst-kontekstualnoe-slovoobrazovanie-po-analogii>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18818272>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pvuuxx>.

Улуханов 1996 – *Улуханов, И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. Москва, 1996. 232 с. URL: <https://piratebooks.ru/threads/edinici-slovoobrazovatelnoy-sistemi-russkogo-yazika-i-ih-leksicheskaya-realizaciya.160070>.

References

Henzen 1965 – *Henzen W.* (1965) Deutsche Wortbildung. Tuebingen, 334 S. Available at: https://books.google.ru/books?id=_Q6kEAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false.

Bondarchuk, Yarotskaya, Sheveleva 2018 – *Bondarchuk G.G., Yarotskaya L.V., Sheveleva E.O.* (2018) Analogy in language: Theory and educational practice. Moscow: Triumf, 162 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35581811>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xyxqnn>. (In Russ.)

Vinogradov 2001 – *Vinogradov V.S.* (2001) Introduction to translation studies (general and lexical issues). Moscow: Izdatel'stvo instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO, 224 p. Available at: http://vsdzhbrailova.narod.ru/olderfiles/1/V.S.Vinogradov_Vvedenie_v_perevodo-5756.pdf. (In Russ.)

Vinogradova 1984 – *Vinogradova V.N.* (1984) Stylistic aspect of Russian word formation. Moscow, 184 p. Available at: <https://fb2lib.ru/vinogradova-v-n/stilisticheskiy-aspekt-russkogo-slovoobrazovaniya/>. (In Russ.)

Gataullin 2012 – *Gataullin R.G.* (2012) Some issues of word formation by analogy. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir University*, vol. 17, no. 1–1, pp. 475–479. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18016753>. EDN: <https://www.elibrary.ru/peguaj>. (In Russ.)

Gridasova 2011 – *Gridasova A.V.* (2011) Word formation nest as a system-categorical organization of cognate words. *Saint Petersburg State Polytechnical University Journal: Humanities and Social Sciences*, no. 1 (118). Available at: <https://human.spbstu.ru/article/2011.3.40/>. (In Russ.)

Zemskaya 1992 – *Zemskaya E.A.* (1992) Word-formation as an activity. Moscow, 221 p. Available at: https://www.academia.edu/49583390/E_A_Земская_Словообразование_как_деятельность. (In Russ.)

Kubryakova 1987 – *Kubryakova E.S.* (1987) Reflections on analogy. In: *Postovalova V.I. Essence, development and functions of language*. Moscow: Nauka, pp. 43–51. Available at: <https://klex.ru/ofq>. (In Russ.)

Lopatin 1974 – *Lopatin V.V.* (1974) Word formation as an object of grammatical description. In: *Grammar description of Slavic languages*. Moscow, pp. 47–60. (In Russ.)

Namitokova 2015 – *Namitokova R.Ju.* (2015) Author's new formations: structure and functioning (based on Russian poetry of the second half of the XX century). Maikop: Izd-vo AGU, pp. 15–156. (In Russ.)

Narykova, Krjukova 2019 – *Narykova N.A., Krjukova I.V.* (2019) Analogy as a non-standard way of word-formation in German language. *Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*, no. 2 (44), pp. 118–122. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38519207>. EDN: <https://www.elibrary.ru/duhcuc>. (In Russ.)

Pakhomova 2013 – *Pakhomova M.A.* (2013) Occasional words and dictionaries of occasionalisms. *Rhema*, no. 3, pp. 79–87. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20344961>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rdfkyz>. (In Russ.)

Plotnikova, Timashova 2012 – *Plotnikova L.I., Timashova Z.E.* (2012) Verbal individual author's new derivatives in A. Bely and V. Ivanov's poetic texts. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*, no. 27, pp. 362–367. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18280953>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pkbcht>. (In Russ.)

Popova 2012 – *Popova T.V.* (2012) Word formation and text: contextual analogy word formation. *Vestnik of the Orenburg State University*, no. 11 (147), pp. 111–115. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovanie-i-tekst-kontekstualnoe-slovoobrazovanie-po-analogii>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18818272>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pvuux>. (In Russ.)

Ulukhanov 1996 – *Ulukhanov I.S.* (1996) Units of the word formation system of the Russian language and their lexical implementation. Moscow, 232 p.; pp. 4–8. Available at: <https://piratebooks.ru/threads/edinici-slovoobrazovatelnoy-sistemi-russkogo-yazika-i-ih-leksicheskaya-realizaciya.160070>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.11-112

Дата поступления: 02.12.2022

рецензирования: 22.01.2023

принятия: 10.03.2023

Прецедентные имена как способ семиотизации культуры в дискурсе современной немецкой литературы**Ю.А. Блинова**Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: jublinova@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2876-8826>

Аннотация: В статье на материале романа Бернхарда Шлинка «Ольга» анализируется функционирование прецедентных имен собственных с позиций когнитивной лингвистики. Прецедентные имена и названия рассматриваются как маркеры культурных кодов и как средства вербализации ключевых концептов немецкой культуры XX века. Это: СВЕРХЧЕЛОВЕК, ПОТЕРЯННЫЙ ИДЕАЛИСТ, ТОСКА ПО ПУТЕШЕСТВИЯМ И ДАЛЬНИМ СТРАНАМ. Прецедентные имена выступают в качестве маркеров предметного, музыкального, живописного, пространственно-временного кодов, служащих в итоге формированию духовного кода нации. Прецедентный ономастикон демонстрирует основные источники формирования культурных кодов немецкой нации и подтверждает тезис об устойчивом доминировании книжного типа культуры в XX веке. Прецедентные мифонимы и агионимы указывают также на сохранение античного и христианского культурных слоев. Приближаясь по своим функционально-семантическим характеристикам к абстрактным именам, прецедентные онимы выступают в художественном дискурсе не только как средства вербализации кодов духовной культуры, но и как важный способ символизации конкретной лингвокультуры.

Ключевые слова: прецедентные имена собственные; коды культуры; семиотизация культуры; символизация культуры; концепт СВЕРХЧЕЛОВЕК; концепт ПОТЕРЯННЫЙ ИДЕАЛИСТ; концепт ТОСКА ПО ПУТЕШЕСТВИЯМ, ДАЛЬНИМ СТРАНАМ; дискурс художественной литературы; немецкий язык.

Цитирование. Блинова Ю.А. Прецедентные имена как способ семиотизации культуры в дискурсе современной немецкой литературы // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 159–165. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-159-165>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Блинова Ю.А., 2023

Юлия Анатольевна Блинова, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 02.12.2022

Revised: 22.01.2023

Accepted: 10.03.2023

Precedent names as a way to semiotize culture in modern German fictional discourse**Yu.A. Blinova**Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: jublinova@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2876-8826>

Abstract: The article analyzes the functioning of precedent proper names through the lens of cognitive linguistics, using the novel *Olga* by Bernhardt Schlink as a source. The precedent names and titles are being analyzed as cultural code markers and means to verbalize the key concepts in German culture of the XX century, such as ÜBERMENSCH, LOST IDEALIST, WANDERLUST. Precedent names mark the cultural codes manifested through objects, music, art, space and time which eventually form a nation's spiritual code. The main sources of German national cultural codes are demonstrated by precedent onomasticon which, in its turn, proves the steady domineering of book culture in the XX century. Precedent mythonyms and hagonyms demonstrate that the cultural layers of Classical antiquity and Christian culture are still preserved. Functional and semantic features of precedent onyms liken them to abstract names which enables them not only to verbalize spiritual cultural codes but to manifest symbolisation of specific linguistic culture.

Key words: German language; precedent proper names; cultural codes; symbolisation of culture; concept of ÜBERMENSCH; concept of LOST IDEALIST; concept of WANDERLUST; fictional discourse.

Citation. Blinova Yu.A. Precedent names as a way to semiotize culture in modern German fictional discourse. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 159–165. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-159-165>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Blinova Yu.A., 2023

Yulia A. Blinova – Candidate of Philological Sciences, associate professor at the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Постановка вопроса

Феномен прецедентности как одна из форм проявления интертекстуальности занимает одну из ключевых позиций при комплексном исследовании дискурса, поскольку позволяет описывать ценностные установки, а также интертекстуальный опыт участников дискурса, открывающий доступ к интертекстуальному пространству, вбирающему в себя культурные коды, культурно-исторический опыт отдельной личности и нации в целом.

Изучение прецедентных имен в художественном дискурсе способствует выявлению культурно значимой информации, выстраивающей иерархию ценностей в определенной культуре на конкретном этапе ее развития или в определенную эпоху. Культурно значимая информация представляет собой ценностный код культуры, дающий человеку ориентиры в эмпирической, социальной, интеллектуальной и духовной сферах жизни, а исследователям также возможность перейти к описанию культурно-языковой картины мира. М.Л. Ковшова понимает под культурно-языковой картиной мира отраженные в языке культурно обусловленные процессы категоризации и концептуализации мира, оказывающие влияние на носителей языка в процессах познания и интерпретации мира, служащие формированию мировоззрения, основанного на общности этнической культуры [Ковшова 2019, с. 23].

Более того, в культуре непрерывно протекают процессы символизации ценностно значимого содержания. В семиотизацию культуры вовлекаются предметы разной субстанции, которые отбираются для выражения социальных оценок, идей, концептов [Ковшова 2019, с. 33–34]. Так как прецедентные имена широко известны, обладают когнитивной и эмоциональной значимостью в рамках определенной лингвокультуры, прагматическим компонентом значения, богатым тропическим потенциалом, то их можно отнести к одному из способов семиотизации культуры.

Цель статьи состоит в выявлении и описании базовых кодов современной немецкой культуры через прецедентное ономастическое пространство художественного текста.

В качестве **материала исследования** был выбран роман современного немецкого прозаика Бернхарда Шлинка (Bernhard Schlink, geb. 1944) «Ольга» (Bernhard Schlick 2019). В романе перед читателем оживает история Германии, данная автором через призму частных человеческих судеб. Действие начинается в 1870 году и охватывает почти весь XX век. Читатель вместе с главной героиней Ольгой переживает оптимистический духовный подъем начала века, колониальные войны Германии в Африке, Первую мировую войну, создание Веймарской республики, приход к власти нацистов, Вторую мировую войну, послевоенные годы, становление ФРГ как «новой Германии Аде-

науэра», общество благосостояния и т. д. Таким образом, ткань повествования позволяет проследить и описать ключевые культурные коды Германии, актуальные в XX веке, а также выделить базовые коды для немецкой культуры в целом.

Коды культуры

Ценностно значимый план содержания культуры поддается описанию через код культуры. Культурологов, лингвистов, антропологов, социологов интересует, как культура хранится в сознании человека, как она проявляется в поведении человека, влияет на него, фиксируется в языковом сознании и представлена в языке. Современных лингвистов в первую очередь интересует и то, каким образом культура проявляется в дискурсе, создавая его социокультурную специфику.

Несмотря на востребованность категории «код культуры» в разных гуманитарных науках, до сих пор не существует единого и общепринятого понимания и определения этого термина. Выделяются два подхода к изучению этого феномена: проблемно-содержательный и узко-предметный. Второй подход ориентирован на раскрытие устойчивых компонентов сознания, структур деятельности и поведения носителей культуры, а также способов сохранения опыта предков, их актуализации и влияния на последующие поколения [Симбирцева 2016, с. 158–159].

В нашем исследовании мы воспользуемся определением культурного кода, разработанным Н.А. Симбирцевой. Она трактует код культуры как совокупность знаков и их комбинаций внутри историко-культурного периода, получившая вербальное и (или) невербальное выражение в текстах культуры, обладающая интерпретативной устойчивостью в пространственно-временном континууме и сохраняющая коммуникативный потенциал на уровне личностного восприятия и социально-культурных практик [Симбирцева 2016, с. 161].

К основным характеристикам культурного кода относят его интерпретативную устойчивость, коммуникативные возможности, соотнесенность с определенной эпохой или эпохами, открытость к изменению, способность концентрировать содержание смыслов и ценностей культуры, выступать как способ хранения и трансляции социальной памяти, обеспечивать сохранение и жизнеспособность этнокультуры. В качестве ключевых параметров кода культуры называются предметность, знаковость и идеальность [Симбирцева 2016, с. 157–160].

Коды культуры можно представить в виде своеобразной системы координат, создающей и задающей эталоны культуры. Согласно У. Эко культуру можно прочесть или же воссоздать ее образ, декодируя целую систему кодов: коды восприятия, коды узнавания, коды передачи, тональные коды,

иконические коды, иконографические коды, коды вкуса, риторические коды, стилистические коды, коды бессознательного [Эко 2006, с. 500–512]. В.В. Красных относит к наиболее крупным или базовым кодам культуры шесть из них: соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный [Красных 2003, с. 298].

Соматический код культуры считается одним из наиболее древних. В нем символичные функции приписываются различным частям тела человека, и, как правило, этот код служит для описания пространства. Пространственный код обслуживает членение как окружающего мира, так и внутреннего мира человека. Временной код отражает движение человека по временной оси, кодирует бытие человека в материальном и нематериальном мире, описывает отношение человека ко времени. Предметный код культуры охватывает многообразные предметы окружающего мира и «обслуживает» метрически-эталонную сферу. Биоморфный код представлен живыми существами окружающего мира и открывает представления человека о мире животных, о растительном и бестиарном мирах, о связанных с ними стереотипах. Духовный код составляют нравственные ценности, эталоны, базовые оппозиции культуры, обуславливающие поведение и деятельность человека, предопределяющие оценки себя и других, а также окружающей действительности [Красных 2003, с. 299–310].

Коды культуры и прецедентный ономастикон

Рассмотрим, как коды культуры фиксируются в языковом сознании и проявляются конкретно в дискурсе немецкой художественной литературы.

В нашем исследовании мы отталкиваемся от идеи А.В. Кузнецовой, что культурный код должен иметь определенную вербальную маркированность в художественном тексте. В художественной литературе культурные коды представляют собой как бы «смысловые стержни» произведения [Кузнецова 2021, с. 236]. Культурные коды, репрезентированные в художественном тексте посредством прецедентных имен и названий, позволяют выявить как национально значимые, так и универсальные компоненты культурно-языковой картины мира.

Так, прецедентное ономастическое пространство романа «Ольга» наполняют в большой степени антропонимы и имена персонажей художественных произведений и сказок, хрононимы и топонимы. К редким классам прецедентных имен и названий можно отнести мифонимы (Achilles 'Ахилл', Hektor 'Гектор', Odyssee 'Одиссея') и названия стихотворений и песен.

Мифонимы в речи персонажей этого романа в качестве средств вторичной номинации указывают на наличие /сохранность античного пласта в немецкой культуре. Прецедентные мифонимы репрезентируют духовных код, поскольку представляют эталоны и связанные с ними ценности. Но редкая встречаемость мифонимов в тексте говорит об «истончении» этого культурного слоя в немецкой культуре XX века в целом.

Так, мифонимы свидетельствуют, с одной стороны, о влиянии античной культуры на книжную культуру Германии, и с другой стороны, подчеркивают образованность героев. Прецедентные имена Ахилла и Гектора актуализируют для героев романа «Ольга» концепты СЛАВА и ВЕЧНОСТЬ, ср.:

An manche Menschen erinnert man sich noch nach vielen Jahren. Ich weiß nicht, ob ewig, aber Achill und Hektor sind zwei- oder drei tausend Jahre tot, und wir wissen immer noch von ihnen. Willst du berühmt werden (S. 34)?

На христианский слой культуры в романе указывают название священного Писания Bibel 'Библия', краткое изложение основ христианского вероучения Katechismus 'Катехизис', а также сочинение Давида Фридриха Штрауса (David Friedrich Strauß, 1808–1874) «Жизнь Иисуса» (das Leben Jesu, 1835), цитации/высказывания из Апокалипсиса die vier Reiter 'четыре всадника Апокалипсиса', хрононим Weihnachten 'Рождество' и атрибуты этого важного христианского праздника: Christbaum 'рождественская елка', рождественская песня «Святая ночь» (Stille Nacht, 1818). Все эти прецедентные онимы являются маркерами духовного кода, несущим в себе христианские ценности. Но их относительно небольшое количество в тексте косвенно сигнализирует отход религиозных ценностей на второй план в культуре XX века. Однако основным способом передачи, хранения и актуализации христианского духовного кода в XIX–XX веках были книги. Ср.:

Zweimal feierte er mit den Kameraden Weihnachten. Sie schnitten aus Konservendosen blitzende Sterne, schmückten einen Kameldorn zum Christbaum und sangen Stille Nacht. Sie hatten es gemütlich (S. 64).

Прецедентные хрононимы, под которыми мы понимаем названия важных событий (der Krieg gegen die Herero (1904–1908), die Pariser Weltausstellung (1990), die Weimarer Republik (1918–1933), der erste Weltkrieg (1914–1918), der zweite Weltkrieg (1939–1945), der Krieg der USA gegen Vietnam (1955–1975)), являются маркерами временного кода для немецкой культуры XX века, членят действие романа и жизнь главных героев на отдельные периоды, которые оказываются неразрывно связанными с этими историческими событиями. Прецедентные хрононимы XX века выводят в романе на первый план тему коллективной «немецкой вины», ее истоков и оценки причин, ошибок и преступлений, и одновременно показывают, как исторические события повлияли на частные судьбы и изменение базовых культурных кодов.

Прецедентные топонимы выступают в качестве маркеров пространственного кода. Они не только очерчивают границы места действия романа, но и, соединяясь с маркерами временного кода, актуализируют в романе связанные с ними культурные коннотации. Так, для героя романа Герберта Берлин и Кёнигсберг, крупнейшие города Германии конца XIX века, воплощают границы ограниченного пространства, из которого он мечтает вырваться, ср.:

Ich weiß nicht, was ich will. Ich will mehr; mehr als das hier; als Felder, das Gut, das Dorf, mehr als

Königsberg und Berlin und mehr als die Garde, nicht weil es die Garde zu Fuß ist, mit der Garde zu Pferd wäre es nicht anders. Ich will etwas, das all das hinter sich lässt (S. 34).

Берлин и Кенигсберг в начале XX века являлись важными ойконимами Пруссии и ее восточной части. Кенигсберг был столицей Восточной Пруссии, а Берлин, будучи ее крупнейшим культурным городом и резиденцией, провозглашается в 1871 году столицей Германской империи.

Доминирующим в романе классом прецедентных имен являются антропонимы. Среди них преобладают различные имена немецких поэтов и писателей (Brüder Grimm, Friedrich Schiller, Jochen Wolfgang Goethe, Eduard Friedrich Mörike, Theodor Fontane, Heinrich Heine, Hermann Hoffmann, Gustav Freytag, Friedrich Nietzsche, Bertold Brecht), а также и европейских (Jonathan Swift, Daniel Defoe, Dante), литературных персонажей (Struwwelpeter, Faust, Robinson, Gulliver, Felix Krull, Julien Sorel, Fürst Mitja), путешественников (Amundsen, Robert Falcon Scott, Sven Hedin, von Drygalski, Cook, Peary). В меньшем количестве представлены имена реальных исторических личностей-политиков (Bismarck, Napoleon, Joseph Meyer, Adenauer) ученых-естествоиспытателей (Alexander von Humboldt, Carl von Linne), композиторов (Schuhmann, Mozart, Beethoven, Chopin) и художников (Anselm Feuerbach, Arnold Böcklin, Edouard Manet).

Имена композиторов и художников в целом репрезентируют музыкальный и живописный коды, демонстрирующие значимость музыкального культурного слоя, а также таких важных направлений в живописи конца XIX века в немецкой культуре, как неоклассицизм, символизм, импрессионизм. Музыкальные произведения Шумана, Моцарта, Бетховена и Шопена бесспорно являются наиболее популярными и значимыми из творений классической музыки.

Слабую представленность музыкального и живописного кодов в романе можно объяснить тем, что культура описываемой эпохи является и определяется прежде всего как книжная.

Через творчество популярного немецкого художника второй половины XIX века Anselm Feuerbach 'Ансельм Фейербах' и швейцарского живописца Arnold Böcklin 'Арнольд Беклин', выдающегося представителя символизма в европейском изобразительном искусстве XIX века, а также одного из родоначальников импрессионизма французского живописца Edouard Manet 'Эдуард Мане' героиня романа открывает для себя живопись как вид искусства, ср.:

Gerne ließ sie sich von mir in die Kunstmuseen der Nachbarstädte begleiten, in denen sie immer wieder dieselben Bilder ansehen mochte. Es waren Gemälde der Zeit, in der sie sich als junge Frau die Kunst für sich entdeckt hatte, von Anselm Feuerbach und Arnold Böcklin über die Impressionisten zu den Expressionisten. Eines ihrer Lieblingsbilder war die Erschießung Kaiser Maximilians von Edouard Manet.

„Warum lieben Sie das Bild?“

„Der Kaiser, leichtfertig und lächerlich, hat doch unser Mitleid, der Maler will Napoleons politisches Abenteuer kritisieren und kann es doch nur verklären, das Bild ist so groß, dass wir hineinpassen“ (S. 138).

Данный пример наглядно показывает, как имена художников, являясь маркерами предметного кода, становятся и маркерами духовного кода, поскольку формируют ценностные установки героини. Особого внимания заслуживает «Расстрел императора Максимилиана» Эдуарда Мане – любимая картина героини романа Ольги. На карте изображена казнь правителя Второй мексиканской империи, приговоренного к смерти военным судом за совершенные преступления против мексиканского народа. Ольга объясняет свой интерес к картине через другой прецедентный антропоним Napoleon 'Наполеон', характеризуя политику Максимилиана как наполеоновские политические авантюры. Название картины появляется в романе случайно, а намекает на желание главной героини найти ответственного за гибель нескольких поколений немцев в XX веке и привести приговор в исполнение, что находит символическое разрешение в виде подрыва памятника Бисмарку, которого Ольга считает виновным в формировании национального радикального мировоззрения.

Живописный код частично компенсируется в романе описанием фотографий, т. н. фотографическими экфрасисами, визуализирующими историческую память. Т.А. Шарыпина в своем исследовании убедительно доказывает, что фотографический экфрасис продолжает традиции описания живописи в художественном произведении, выполняя сюжетобразующую и характерологическую функции [Шарыпина 2020, с. 68–73].

Имена знаменитых полярных путешественников-исследователей Amundsen 'Амундсен', Robert Falcon Scott 'Роберт Фолкон Скотт', Sven Hedin 'Свен Гедин', Erich von Drygalski 'Эрих фон Дригальский', мореплавателя и первооткрывателя James Cook 'Джеймс Кук', исследователя Арктики Robert Peary 'Роберт Пипи' связаны с желанием Герберта, возлюбленного главной героини Ольги, стать путешественником, освоить северный полюс и прославиться. Эти имена репрезентируют в романе пространственно-временной код, поскольку актуализируют в сознании читателя определенные события, относящиеся к освоению Южного полюса, исследованиям Азии, кругосветных путешествий и географических открытий. В романе Шлинка пространственно-временной культурный код образует один из смысловых стержней – «Мотив путешествия и желание прославиться» и активного формирующегося в конце XIX начале XX века концепта FERNWEH 'ТОСКА ПО ПУТЕШЕСТВИЯМ И ДАЛЬНИМ СТРАНАМ', ср.:

Du wolltest Amundsen sein, und wenn nicht Amundsen, dann Scott, statt Dein Leben zu leben (S. 302).

Имена писателей, как и литературных персонажей служат маркерами не только предметного кода, но и духовного, поскольку актуализируют

в тексте романа Б. Шлинка определенные прецедентные тексты, которые в свою очередь отсылают читателя к стоящим за ними ценностным установкам и ориентирам. Прецедентные антропонимы Даниель Дефо и Джонатан Свифт отсылают читателя к романам «Робинзон Крузо» и «Путешествие Гулливера», ставшими показательными примерами жанра путешествия в мировой литературе, ср.:

Als er (Eik) zu Jonathan Swift und Daniel Defoe fand, erzählte Olga ihm von Herberts Reisen, von Deutsch-Südwest und Argentinien und Karelien und den Halbinseln und Sibirien. Von Spitzbergen mochte sie nicht erzählen und auch nicht, dass Herbert verschollen war (S. 103).

Жанр путешествия в романе Шлинка «Ольга» актуализирует концепт FERNWEN / ТОСКА ПО ПУТЕШЕСТВИЯМ И ДАЛЬНИМ СТРАНАМ, связанный, по нашим наблюдениям, с концептом ЗАБЛУДШИЙ ИДЕАЛИСТ, уходящим своими корнями в движение «Бури и натиска» и получившим дальнейшее развитие в немецком романтизме. Заблудший идеалист не находит себе места в жизни, ему хочется вырваться за пределы комфорта, уюта и удобства. И вот как раз в романах жанра путешествия заблудший идеалист вдохновляется идеей свободы и возможностями увидеть другой мир, покорять другие страны и континенты. Как указывает В.А. Шачкова, конструктивным принципом, на котором основывается жанр путешествия является «идея свободы» [Шачкова 2008, с. 279].

Концепт FERNWEN / ТОСКА ПО ПУТЕШЕСТВИЯМ И ДАЛЬНИМ СТРАНАМ, как и концепт VERLORENER TRÄUMER / ЗАБЛУДШИЙ ИДЕАЛИСТ можно отнести к ассоциативному полю ключевого концепта немецкой культуры GEMÜTLICHKEIT / УЮТНОСТЬ, УДОБСТВО, КОМФОРТ, ДОБРОДУШИЕ.

Но не только романы в жанре путешествия формируют сознание и мировоззрение героев. Одним из важнейших упоминаемых в романе авторов является философ Фридрих Ницше, поскольку под воздействием его сочинений формируется мировоззрение Герберта. Более того, имя Ницше актуализирует в романе значимый для немецкой культуры и литературы концепт ÜBERMENSCH / 'СВЕРХЧЕЛОВЕК'. Как указывает О.А. Кострова, этот концепт восходит своими корнями к более раннему концепту VERLORENER TRÄUMER / ЗАБЛУДШИЙ ИДЕАЛИСТ [Кострова 2021, с. 64].

Так, Герберт сначала пытается найти у Ницше ответы на свои вопросы, связанные с Богом и верой, ср.:

Sein Lehrer hatte Nietzsche, den Tod Gottes, den Übermenschen und die Wiederkehr des Gleichen erwähnt, und Herbert hoffte, bei Nietzsche Antworten auf seine Fragen zu finden (S. 42).

А после прочтения произведений Ницше Герберт становится одержимым идеей стать сверхчеловеком, чтобы прославиться самому, а также одновременно прославить и возвеличить Германию, ср.:

Er (Herbert) redete von den zwei Klassen, ohne die es keine Kultur gebe, einer höheren und einer niederen, von der Stärke und Schönheit reiner Rassen, von

der Fruchtbarkeit der Einsamkeit, vom vornehmen Menschen und von Übermenschen, der zugleich ins Große und ins Tiefe und Furchtbare wächst. Er beschloss, ein Übermensch zu werden, nicht zu rasten und nicht zu ruhen, Deutschland groß zu machen und mit Deutschland groß zu werden, auch wenn es ihm Grausamkeit gegen sich und gegen andere abverlange (S. 43).

Производными концепта СВЕРХЧЕЛОВЕК можно считать знаковые ментальные образования ЗВЕЗДНОСТЬ и УСПЕШНОСТЬ [Кострова 2021, с. 65]. Именно славы, звездности и успешности ищет Герберт любыми способами, поэтому он и отправляется в плохо подготовленную экспедицию, которая приводит к его гибели.

Прецедентный антропоним **Bismarck** 'Бисмарк' играет ключевую роль в романе. К сильному импликационалу этого имени следует отнести следующие семы: рейхсканцлер, основатель немецкого национального государства, основоположник социального государства, народный герой конца XIX и начала XX века, автор немецкой национальной идеи. Образ Отто Бисмарка в истории Германии считается одним из ключевых символов немецкого национализма. Эта реальная историческая фигура проходит пути мифологизации и «национализации», а к началу XX века его популярность и признание выливаются в настоящий культ [Медяков 2018, с. 201].

В романе прецедентное имя Бисмарка повторяется шесть раз в разных контекстах, репрезентирует духовный культурный код и в качестве имени-символа является одним из мотивов произведения, ср.:

Sie (Olga) fand, mit Bismarck hat das Verhängnis angefangen. Seit er Deutschland auf ein zu großes Pferd gesetzt hat, auf dem es nicht habe reiten können, hätten die Deutschen alles zu groß gewollt (S. 134).

Als Bismarck ihnen schließlich ihr Vaterland geschaffen hat, hatten sie sich aus Phantasieren gewöhnt (S. 259).

Как пишет историк А.С. Медяков, в лице Бисмарка была реализована идея создания нового национального символа. Культ Бисмарка получил такое широкое распространение, что Первая мировая война, была массово воспринята в Германии как война за «дело Бисмарка». Распространение этих взглядов повлияли и на Ольгу, главную героиню романа, считающую Бисмарка ответственным за появление в Германии двух поколений, увлеченными идеей Великой Германии, ср.:

Zu groß – es war, woran Olga meinte, Herbert und Eik verloren zu haben, wofür sie Bismarck verantwortlich machte und wovon sie auch meine Generation versucht sah (S. 149).

Ольга решает поэтому расправиться с памятью о Бисмарке, взорвав его памятник, ср.:

Ich werde Bismarck sprengen (S. 308).

Символизация фигуры Бисмарка происходила через наполнение его образа специфическими национальными смыслами. Бисмарка ввели в пантеон национальных мифов, соединив его вербально с персонажами германской мифологии Зигфридом и Вотаном, с историческими фигурами вождем хе-

русков Арминием (Германом), с кайзером Фридрихом Барбароссой, с Лютером и с национальным символом – «германским дубом» [Медяков 2018, с. 203]. Все эти процессы способствовали тому, что имя Бисмарка превратилось в имя-символ. Представляется, что качества, ассоциирующиеся с прецедентным именем Бисмарк, сопоставимы с дефиницией абстрактного имени СВЕРХЧЕЛОВЕК, за которым стоит одноименный ключевой концепт немецкой лингвокультуры. Так, под сверхчеловеком (*der Übermensch*) в словаре DUDEN понимается личность, по своим качествам намного превосходящая обычного человека, богоподобный человек, силы которого выходят за пределы человеческой природы, и именно поэтому он способен к господству и к царствованию (DUDEN). В корпусе немецкого языка DWDS акцент делается на способности сверхчеловека, выходящие за рамки обычных, в том числе и морали (Das DWDS).

Тесную связь прецедентных и абстрактных имен неоднократно подчеркивал Д.Б. Гудков, указывая, что, как правило, за абстрактным именем стоит прототипическая ситуация, знаками которой является прецедентное имя, выступающее одновременно и символом определенного концепта. Дело в том, что для большинства лингвокультурного сообщества означаемое абстрактного имени представляет собой многомерный и недискретный образ, дающий конкретное воплощение абстракции [Гудков 2020, с. 114].

Священное Писание Bibel 'Библия', краткое изложение основ христианского вероучения Katechismus 'Катехизис', а также сочинение Давида Фридриха Штрауса (*David Friedrich Strauß, 1808–1874*) «Жизнь Иисуса» (*das Leben Jesu, 1835*), сказки Grimms Märchen 'Сказки братьев Гримм', Märchen aus Schlesien und Pommern 'Сказки Шлезии и Померании', Sagen von Rübezahl 'Легенды о Рюбецале', исторические анекдоты Anekdoten um den Alten Fritz 'Старый Фриц', сборник стихотворений Генриха Гофмана Struwelpeter 'Штрувельпетер', Модное воспитание в литературе для девиц конца XVIII – начала XX века die Schicksale der Puppe Wunderhold 'Записки куклы', драма Гете «Фауст», драмы Шиллера, лирика Эдуарда Мёрике, Генриха Гейне и Бертольда Брехта, сочинения Фридриха Ницше, сборник песен «Deutscher Liedergarten», романы европейских писателей Даниэля Дефо «Робинзон Крузо, и «Путешествие Гулливера» Джонатана Свифта, «Божественная комедия» Данте, встречающиеся в романе в значительном количестве, актуализируют прецедентные тексты для немецкой культуры XX века и являются маркерами предметного кода, указывающим на духовный код нации конца XIX и XX веков. Прева-

лирование онимов этих классов свидетельствует о том, что основным способом хранения и передачи ценностей, а значит и духовного кода в XX веке были книги, что полностью соответствует книжному типу культуры как основному в этот период европейской истории.

Так, А.В. Кузнецова убедительно показывает, что тексты, участвующие в формировании национального кода культуры, составляют ядро книжного культурного типа. Незнание таких кодов приводит к нарушениям и к разрушению адекватной коммуникации между представителями одного национального сообщества, имея решающее значение в аспекте манифестирования и формирования национальной идентичности [Кузнецова 2021, с. 235–236].

Выводы

Прецедентные имена как одна из форм прецедентности является важной категорией в дискурсе современной художественной литературы. Изучение прецедентного ономастического пространства позволяет увидеть, каким образом складывается интертекстуальный опыт автора и читателя в определенной лингвокультуре. Прецедентные имена выступают в качестве маркеров предметного, музыкального, живописного, пространственно-временного кодов, служащих в итоге формированию духовного кода нации.

Анализ прецедентного ономастикона романа Б. Шлинка «Ольга» открывает основные виды культурных кодов XX века немецкой лингвокультуры как культуры книжного типа. К маркерам этих культурных кодов относятся названия книг, песен, имена писателей, поэтов и философов, оказавших наибольшее влияние на формирование мировоззрения немцев в XX в. В качестве наиболее важных следует назвать сказки братьев Гримм, сборник детских стихов Генриха Гофмана «Штрувельпетер», «Фауст» Гете, произведения Ницше, Библию и Катехизис, сборник песен «Deutscher Liedergarten».

Прецедентные имена обладают способностью приближаться к абстрактным именам, что позволяет выступать им в качестве не только маркеров духовного кода, но и актуализировать ключевые концепты лингвокультуры. Так, для немецкой лингвокультуры XX века значимыми концептами являлись: VERLORENER TRÄUMER / ЗАБЛУДШИЙ ИДЕАЛИСТ, ÜBERMENSCH / СВЕРХЧЕЛОВЕК, FERNWEN / ТОСКА ПО ПУТЕШЕСТВИЯМ, ДАЛЬНИМ СТРАНАМ. Прецедентные имена, становясь именами-символами, показывают, как протекает процесс символизации культуры, как одной из форм ее семиотизации.

Материалы исследования

Bernhard Schlick 2019 – *Schlink, B. Olga. Zürich: Diogenes Verlag AG, 2019. 311 S.*

DUDEN – DUDEN Online-Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (In German).

Das DWDS – Das DWDS – Wörterbuch. URL: <https://www.dwds.de> (In German).

Библиографический список

Гудков 2020 – *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. Изд. 2-е, стереотип. Москва: ЛЕНАНД, 2020. 152 с. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/306852192>.

Ковшова 2019 – *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. Москва: ЛЕНАНД, 2019. 400 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38226723>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bkrgsm>.

Кострова 2021 – *Кострова О.А., Беспалова Е.В., Блинова Ю.А., Омелькина О.В.* (2021) Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты. Москва: «ФЛИНТА», 2021. 312 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=395080>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49095644>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jwrldhm>.

Красных 2003 – *Красных В.В.* «Свой среди чужих»: миф или реальность? Москва: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с. URL: <https://knigogid.ru/books/134402-svoy-sredi-chuzhjih-mif-ili-realnost/toread>.

Кузнецова 2021 – *Кузнецова А.В.* Прагматика культурных кодов в художественном тексте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 3. С. 233–242. DOI: <http://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-3-233-242>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kzfkkuw>.

Медяков 2018 – *Медяков А.С.* «ХАЙЛЬ БИСМАРК!» «ЖЕЛЕЗНЫЙ КАНЦЛЕР» как символическая фигура немецкого национализма в открытках рубежа XIX–XX вв. // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 201–223. DOI: <http://doi.org/10.17223/2312461X/20/11>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xrvkct>.

Симбирцева 2016 – *Симбирцева Н.А.* "Код культуры" как культурологическая категория // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 157–167. DOI: <http://doi.org/10.17805/zpu.2016.1.12>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vsbncj>.

Шарыпина 2020 – *Шарыпина Т.А.* Визуализация исторической памяти в романе Б. Шлинк «Ольга» // Национальные коды в европейской культуре XIX–XXI вв. Литературный канон в контексте межкультурной коммуникации: коллективная монография с видеоприложением. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 68–77. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46406795>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tkrxi>.

Шачкова 2008 – *Шачкова В.А.* «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 277–281. URL: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2008_3/47.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11838268>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jzbnhz>.

Эко 2006 – *Эко У.Э.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Перев. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2006. 544 с. URL: <http://socium.ge/downloads/komunikaciisteoria/otsustvuiushaia%20struktura%20umberto%20eko.pdf>.

References

Gudkov 2020 – *Gudkov D.B.* (2020) Precedent name and issues of the precedency. 2nd edition, stereotyped. Moscow: LENAND, 152 p. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/book/306852192>. (In Russ.)

Kovshova 2019 – *Kovshova M.L.* (2019) The analysis of idioms, riddles and proverbs from the perspective of language and culture studies. Anthroponomical culture code. Moscow: LENAND, 400 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38226723>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bkrgsm>. (In Russ.)

Kostrova, Bepalova, Blinova, Omelkina 2021 – *Kostrova O.A., Bepalova E.V., Blinova Yu.A., Omelkina O.V.* (2021) German literary text: cognitive and linguocultural aspects. Moscow: «FLINTA», 312 p. Available at: <https://znanium.com/catalog/document?id=395080>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49095644>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jwrldhm>. (In Russ.)

Krasnykh 2003 – *Krasnykh V.* (2003) «Embraced by strangers»: myth or reality? Moscow: ITDGG «Gnozis», 375 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/134402-svoy-sredi-chuzhjih-mif-ili-realnost/toread>. (In Russ.)

Kuznetsova 2021 – *Kuznetsova A.V.* (2021) The pragmatics of cultural codes in literary codes. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, no. 3, pp. 233–242. DOI: <http://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-3-233-242>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kzfkkuw>. (In Russ.)

Medyakov 2018 – *Medyakov A.S.* (2018) «Heil, Bismarck!» The «Iron Chancellor» as a symbolic figure of German nationalism in postcards at the turn of the 19th to the 20th centuries. *Siberian Historical Research*, no. 2, pp. 201–223. DOI: <http://doi.org/10.17223/2312461X/20/11>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xrvkct>. (In Russ.)

Simbirteva 2016 – *Simbirteva N.A.* (2016) «Culture code» as a category of culturology. *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 1, pp. 157–167. DOI: <http://doi.org/10.17805/zpu.2016.1.12>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vsbncj>. (In Russ.)

Sharypina 2020 – *Sharypina T.A.* (2020) Visualization of historical memory in B. Schlink's novel «Olga». In: *National codes in European culture of the XIX – XXI centuries. Literary canon in the context of intercultural communication: multi-authored monograph with video application*. Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo, pp. 68–77. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46406795>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tkrxi>. (In Russ.)

Shachkova 2008 – *Shachkova V.A.* (2008) Travelogue as a genre of fiction: theoretical issues. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 3, pp. 277–281. Available at: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2008_3/47.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11838268>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jzbnhz>. (In Russ.)

Eco 2006 – *Eco U.E.* (2006) Missing structure. Introduction to semiology. Translation from Italian by Reznik V.G., Pogonyaylo A.G. Saint Petersburg: Simpozium, 544 p. Available at: <http://socium.ge/downloads/komunikaciisteoria/otsustvuiushaia%20struktura%20umberto%20eko.pdf>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.16+811.161.1+ 811.162.1

Дата поступления: 29.10.2022
рецензирования: 30.11.2022
принятия: 10.03.2023

Концепт «круг» в славянской языковой картине мира (на примере русского и польского языков)

Е.В. Резникова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: reznikowaev@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7171-6351>

Аннотация: Статья посвящена анализу концепта «круг» в русской и польской языковой картине мира. Цель исследования – выявить общее и национально-специфическое в данном фрагменте славянской языковой картины мира, основания общности. С помощью логико-когнитивного метода были выявлены и сопоставлены средства вербализации концепта «круг», семантическое поле концепта и его семантическая структура, проявления регулярности в формировании вторичных значений, в том числе в метафорических словоупотреблениях, способы концептуализации реалий в русском и польском языках. Анализ показал, что концепт «круг» в славянской языковой картине мира имеет инвариантную семантическую структуру, состоящую из ряда частных образ-схем, связанных по принципу «семейного сходства»: «конфигурация» («форма»), «замкнутость», «центр и периферия», «траектория движения». Каждая из конкретных образных схем аккумулирует в себе свойственный только ей комплекс значений, причем в разных славянских языках обнаруживается принципиальное сходство таких семантических комплексов. Несмотря на некоторые естественные различия в средствах воплощения концептуальных значений, была обнаружена глубинная общность средств вербализации, связанная с единством способа осмысления как самого круга, так и многочисленных конкретных реалий, которые ассоциируются с кругом в каждом из рассмотренных языков. Примеры регулярной многозначности, то есть сходного образования переносных значений, подтверждают выдвинутый тезис. Таким образом, исследование показало единство данного фрагмента в русской и польской языковой картине мира, основанное на общих представлениях о круге и его свойствах в культуре двух народов.

Ключевые слова: языковая картина мира; концепт; образ-схема; значение; семантическая структура; вербализация; регулярная многозначность.

Цитирование. Резникова Е.В. Концепт «круг» в славянской языковой картине мира (на примере русского и польского языков) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 166–173. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-166-173>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Резникова Е.В., 2023

Екатерина Валерьевна Резникова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 29.10.2022
Revised: 30.11.2022
Accepted: 10.03.2023

Concept «circle» in the Slavic language picture of the world (based on the material of Russian and Polish)

E.V. Reznikova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: reznikowaev@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7171-6351>

Abstract: The article is devoted to analyzing the concept «circle» in the Russian and the Polish language picture of the world. The main goal of the article is to identify the common and national-specific things in this part of the Slavic language picture of the world and to find the unity base. Using the logical-cognitive method, the means of verbalization of the concept «circle», the semantic field of the concept and its structure, manifestations of regularity in the formation of secondary meanings, including in metaphors, ways of conceptualizing realities were identified and compared in two languages. The analysis shows that the concept «circle» in the Slavic language picture of the world has an invariant semantic structure consisting of a number of particular image-schemes connected by the principle of family similarity: «configuration» («form»), «isolation», «center – periphery», «movement track». Each of the particular image-schemes accumulates a complex of meanings, which is the same in different Slavic languages. In spite of some differences in the means of embodying conceptual meanings, a deep unity of the means of verbalization has been found, caused by the unity of the way of understanding both the circle itself and many realities that are associated with the circle in various ways

in both languages. The data of regular ambiguity (a similar formation of figurative values) confirm this thesis. Thus, the study shows the unity of this fragment in the linguistic picture of the world of the Russian and the Polish languages, based on common ideas about the circle and its properties in the culture of the two peoples.

Key words: linguistic picture of the world; concept; image-scheme; meaning; semantic structure; verbalization; regular ambiguity.

Citation. Reznikova E.V. Concept «circle» in the Slavic language picture of the world (based on the material of Russian and Polish). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 166–173. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-166-173>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Reznikova E.V., 2023

Ekaterina V. Reznikova – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Концепт «круг» является одним из ключевых концептов как русской, так и шире – славянской и общечеловеческой языковой картины мира. Высокая частотность употребления, многообразные средства репрезентации (потенциально неограниченные), богатейший семантический потенциал привлекают многих исследователей к изучению данного концепта как лингвокультурного феномена (Мухачева 2003; Пинжакова 2009; Гринкевич 2006) [Мурзаканова 2019; Lee 2016], как семасиологической единицы [Мечковская 2000; Johnson 1987, Tahery 2013; Dimitrova 2017; Пашкова 2012; Сенчищева 2002], как словообразовательного гнезда в его динамике [Михайлова 2001], как компонента идиостиля различных авторов [Владимиров 2015; Тильман 2000], как символа [Гузенко 2009], как ментальной единицы [Горбунова 2010] [Плотникова 2009; Рахилина 2010; Топорова 2000].

Несмотря на неиссякающий интерес к данному концепту, остается открытым вопрос о его функционировании в различных языковых картинах мира: диалектной картине мира, индивидуально-авторских картинах мира, картине мира ребенка, тех или иных лингвокультурах и т. д.; вопрос о сходствах и различиях средств вербализации, смыслового наполнения и структурирования смыслов, о наличии инварианта данного концепта в различных языковых картинах мира. В данной статье обратимся к функционированию концепта «круг» в славянской языковой картине мира на примере русского и польского языков.

Результаты и их обсуждение

Русский и польский языки относятся к разным ветвям славянской группы языков: восточнославянской и западнославянской соответственно. За различием ветвей стоят еще их глубокие различия культур: восточной, православной, «круговой» и западной, католической, «квадратной» (Гринкевич 2006). Возникает справедливый вопрос, насколько сходным или различным будет лексическое и семантическое наполнение концепта «круг», обнаружится ли единство в способах осмысления тех или иных реалий, можно ли говорить об инварианте данного концепта в славянской языковой картине мира.

В русском языке концепт «круг» вербализуется, главным образом, лексемами с корнями -круг-, -крут-, -кол-, -верт- (в многочисленных модификациях), -кат-, -ви-, с приставками вокруг-, около-, о-/об- и др., а также с заимствованными корнями -цикл-, -цирк-, -тур-, -раунд-, -сфер-, -центр-, приставкой пери- и многочисленными конкретными репрезентантами: мяч, клубок, солнце, луна, диск, кольцо, колесо, часы, венок, корона, хождение по кругу, круговые танцы, кружение птиц, вращение шестеренок, прялки, волчка, вихрь, водоворот. Ср.: *круг участников, сфера интересов, языковое окружение, окружить противника, кольцо блокады, как белка в колесе, ходить вокруг да около, закрутиться на работе, выкрутиться из неприятностей, обвести вокруг пальца, увиваться вокруг начальника, закатыть пир, раскатистый голос, круглый год, кругом виноват, циркуляция бумаг, документооборот, раскрутить рекламу, снежный ком долгов, тур соревнований, на периферии сознания, возвращаться на круги своя, закружиться* и др.

Как видно из примеров, состав воплощаемых смыслов также отличается большим разнообразием: «объединение», «ограниченная область», «то, что находится в непосредственной близости», «со всех сторон», «непреодолимость», «бесконечность движения», «продуктивность» / «непродуктивность», «влияние на то, что мыслится центром ситуации», «легкость движения», «плавность, гладкость», «широта распространения», «повторяемость», «цикличность», «завершение» и т. д. Многообразие средств вербализации, сильная многозначность многих лексем, участвующих в воплощении концепта, и пестрота смыслов затрудняют моделирование семантической структуры концепта «круг» (Резникова 2015) [Резникова 2021; Reznikova 2021].

Как показал анализ, множество разрозненных на первый взгляд смыслов образует стройную систему, если рассматривать концепт «круг» как образ-схему – «устойчивую повторяющуюся динамическую модель перцептивных процессов и моторно-двигательной активности человека, которая обеспечивает связность и упорядоченность нашего опыта» [Johnson, с. xiv]. Образ-схема как тип концепта отличается пространственным ха-

рактором, что существенно влияет на особенность средств ее репрезентации: помимо традиционных лексико-фразеологических средств в ее вербализации участвуют пространственные предлоги и приставки. Среди других свойств образ-схемы можно назвать перцептивность с опорой на зрительное восприятие, обобщенность, смыслообразование (широкие возможности когнитивного и семантического варьирования), комбинаторность и связь частных образ-схем между собой по принципу «семейного сходства».

В русской языковой картине мира образ-схема «круг» состоит из ряда частных образ-схем: «конфигурация» (особенности формы), «замкнутость», «центр – периферия», многочисленные варианты динамических схем: «конец движения в исходной точке», «бесконечное движение», «движение по спирали», «качение», «поворот» и др. Каждый из этих вариантов образа объединяет множество смыслов во всей полноте их вербализации. Так, если представить круг как готовую форму, то ракурс внимания высветит в данном концепте внешние особенности этой фигуры: это ровная замкнутая кривая без каких-либо выступов, линия, все точки которой равноудалены от центра, а также плоскость, ею ограниченная. Оценочные коннотации будут базироваться на представлениях о гармоничности и простоте это формы. Иной ракурс восприятия будет актуализировать в сознании другие аспекты, например, двунаправленные отношения между центром и периферией, непроницаемость круга, характер движения по кругу и т. д. Рассмотрим семантику базовых образ-схем круга.

Образ-схема «конфигурация» содержит смыслы, вытекающие из особенностей формы круга: «правильность формы», «без углов» (как следствие – «способность свободно катиться»), «гладкость», «плавность», «совершенство», «гармоничность», «простота», «примитивность» и др.: *круглая церковь несла в себе идею завершенности и совершенства круга* (С. Еремеева¹); *Просто жизнь некруглая, попадаются углы с дикими страданиями* (А. Терехов); *В свободное от занятий время он нараспев читал разведчикам стихи, а они... с серьезными лицами вслушивались в складные, округлые слова* (Э. Казакевич) – обтекаемые, гладкие или правильные, искусные; *Философия у кранов, прессов и насосов – законченна и ясна, как циркульный круг* (Е. Замятин).

Образ-схема «замкнутость» представляет круг как некое выделенное пространство, переход в которое (или выход за пределы которого) связан с пересечением какой-либо границы. Последняя осмысливается в культуре по-разному: как выделение космоса из хаоса, как защита от внешнего мира, в других случаях – как ограничение свободы, теснота, поэтому, данная образ-схема круга объединяет смыслы «ограниченность», «выделенность»; «несвобода», «внешнее давление», «защищен-

ность»: *Культурой, как магическим кругом, мечтал он оградить себя от враждебных вторжений хаоса* (Н. Бахтин); *Теперь она отдалилась, ушла отгороженное от него пространство, точно обвела себя магическим кругом* (В. Каверин); *Газета сейчас в кольце, в блокаде, но самую крепкую блокаду удаётся прорвать* (Л. Корнешов); *Забайкалье давно попало в сферу интересов палеоэнтомологов* (В. Алифанов), сфера – выделенная область.

Образ-схема «соотношение центра и периферии» раскрывает еще один ракурс восприятия круга, когда теряют актуальность и строгая форма идеального круга, и наличие пределов круга (окружности). На первый план выходят многообразные отношения между центром и периферией: взаимное влияние центра и его окружения, охват центра со всех сторон, тесное расположение центра и периферии и др. В этом случае с кругом начинают связываться смыслы «рядом», «близко к чему-л.», но в то же время «на расстоянии» (т. к. периферия находится на удалении от центра), а также «со всех сторон», «полностью», «в направлении центра / от центра» и др.: *окружить заботами, окутать любовью, близкое окружение* (со всех сторон, рядом), *темный ужас... охватывает его черным заколдованным кругом* (Л. Андреев); *Можешь и не отвечать ничего, потому как сам кругом виноват* (Б. Евсеев*); *ходить вокруг да около, кружить / увиваться вокруг кого-то; Подлетела к ней стрекоза, долго вилась вокруг да около* (А. Русских*) – вблизи, рядом; *поехать кругом / кружным путем* (в объезд), *увивать от ответа; Техасцы откровенны и прямолинейны: они не будут ходить вокруг да около с вежливыми фразами, а прямо скажут все* (О. Панфилова*) – минуя главный вопрос.

Представление о круге как динамическом явлении, **траектории движения**, включает целый спектр частных образ-схем, связанных с многообразными вариантами кругового движения: «вращение», «движение по кругу» (в том числе «однократный оборот», «бесконечное движение по кругу», «движение по спирали»), «движение по дуге» (поворот), «качение». Разные варианты образ-схемы связаны со своим комплексом смыслов: «завершение», «бесконечность», «повторяемость», «возвращение на новом уровне», «легкость движения», «направленность» и др.: *вращаться в высших сферах, завертеться в делах; закругляться с работой; круглый год; свершился дней круговорот* (А. Блок); *Надежда Васильевна тоже была вовлечена в бесконечный круг обыденных забот* (А. Волос*); *...воздух циркулирует в свинцовом пространстве – от бетонной стенки к бетонной стенке* (И. Чубаров*); *тур соревнований, раскрутить спираль конфликта, виток истории; колесо истории, покатиться под откос, раскатистый бас, накатили слезы; неожиданный поворот сюжета, обратиться к теме, свернуть вопрос, неотвратимое бедствие, повернуть дело в свою пользу и др.*

¹ Здесь и далее знаком * обозначены примеры из (Национальный корпус РЯ).

Таким образом, в русской языковой картине мира концепт «круг» оказывается богатейшим по своему смысловому содержанию, и структурируются эти смыслы по принципу образ-схемы. Смысловая системность находит отражение и в системности средств вербализации, в частности, в регулярности семантического варьирования.

В круговых метафорах в русском языке ярко проявляется явление регулярной многозначности. Например, метафорическое значение «непоседа» проявляется у существительных, называющих быстро вращающиеся предметы: *юла, вертушка, веретено, вьюн* (подвижная червеобразная рыбка); смысл «повторение, возвращение к пройденному» наблюдается у лексем, называющих круговое движение: *Все повторялось, действительно, когда я начинал о нем думать, мысль моя ходила по кругу и заходила все в тот же тупик* (А. Макушинский*); *Шпенглер утверждает, что не существует поступательного развития культуры, а есть лишь круговорот локальных культур* (Культурология); *...уже в сотый, наверно, раз прокручиваю я в уме возможные варианты* (О. Гладов*); *Вся дискуссия вертится в заколдованном кругу* (Н. Трубецкой*); *Зачастую он лишь возвращает экономику туда, где она и была раньше* («Вокруг света»*); *Колесо истории спутает столетие словно проделало, впяную, полный оборот и норовит нас, россиян, водворить в ту же исходную точку* («Завтра»*); *Архаические особенности языковой структуры со временем утрачиваются, но многое и здесь циклически повторяется* (Б. Серебренников) и др.

Еще одним важным аспектом концепта «круг» как образ-схемы является обобщенность концептуализации, которая проявляется в таких фактах, как отнесение к круглой форме любых предметов отдаленно напоминающих круг: *круги под глазами, круглое озеро, круглое яблоко, круглый лес* (бревна) и т. п.; любая замкнутая траектория или траектория с изгибом (напоминающая дугу) также может концептуализоваться как круговая: *круг почета* (прямоугольник или эллипс), *поехать вокругую* (по дуге), *круговые полеты над городом* (петли), *взбираться по круговой лестнице* (по спирали) и т. д. Аналогично обобщение наблюдается и в других частных образ-схемах, например, *окружение противника* – цепочка людей или техники, стянутая вокруг врага, но не сплошная линия окружности. Еще более обобщенно этот смысл представлен в метафоре *кругом виноват*, т. е. полностью, со всех сторон. Однако трудно представить возможность чьей-либо вины абсолютно во всех поступках: логичнее предположить, что некто виноват в нескольких, единичных случаях, а не абсолютно во всем, круговая метафора же обобщает эти случаи до всеохватности вины.

После схематичного представления структуры концепта «круг» в русской языковой картине мира обратимся к анализу данного концепта в польской лингвокультуре с целью выявления как его национальной специфики, так и типологической общности.

Насколько позволяют судить материалы словаря (Gessen, Styółpa 1998), между одноименными концептами в русском и польском языках есть некоторые закономерные отличия, в основном, касающиеся их вербализации.

1. Налицо различие средств вербализации концепта, например, в польском языке полностью отсутствует словообразовательное гнездо с корнем -кат-, частотное и широко развитое в русском языке (базовое средство выражения образ-схемы «качение»). Вместо него используется гнездо с вершиной -tocz-: *toczyć (się)* – «катить(ся)». В русском языке корень -точ- (*точить, точилка, обтачивать*) присутствует, однако круговая семантика (видимо, от образа круглого точильного колеса) присутствует на крайней периферии и не осознается говорящими.

2. Наблюдаются различия в распределении выражаемых смыслов по средствам вербализации. В польском языке гораздо большей активностью отличается корень -koł- (рус. -кол- – *колесо, около*), и значения, которые в русском языке закреплены за корнем -круг-, в польском распределены между -koł- и -krąg- (-круг-). Ср.: *окружность* – *obwód koła*, *спасательный круг* – *koło ratunkowe*, *круг знакомых, круги интеллигенции, правительственные круги, литературный кружок* – *koło znajomych, koła inteligencji, koła rządowe, koło literackie*; *объехать кругом, вокруг* – *objechać kołem, dookoła*; *круги перед глазами* – *koła przed oczami*; *бегать вокруг дерева* – *biegać wokół drzewa* и др.

В ряде случаев затемненному «круговому» значению русской приставки соответствует один из основных корней-вербализаторов в польском языке и наоборот. Ср: *обстоятельство* (от *обстоять* – букв. стоять вокруг, окружающая обстановка; в грамматике – то, что «окружает» действие) – *okoliczność / okolicznik*; *окружность* – *obwód* (букв. обведение, контур).

3. В других примерах в основу номинации ложатся разные мотивирующие признаки, и то, что в одном языке явно соотносится с образом круга, в другом такой мотивации не имеет или содержит этот образ на крайней периферии. Ср. приведенный выше пример с глаголом *точить*, а также случаи с иным мотивирующим признаком: *расстирать желтки* – *kręcić żółtka* (букв. «крутить желтки»), *толстая кишка* – *okrężnica* (букв. «идущая по краю, вокруг»), *корабль, судно* – *okręt, krążownik* (ср. *krążyć* – кружить, *okręcić* – обернуть, повернуть, т.е. судно – то, что может поворачиваться, лавировать) и т. д. В рассмотренных примерах, при всем различии мотивирующих признаков, сохраняется концептуальная общность, но в одном языке соотносительность с кругом, круговым движением оказывается центральной, ведущей, в другом – периферийной.

4. Наконец, встречаются единичные примеры отсутствия соответствий и неясной этимологии образа: *kołobieg* и *krążnik* – гигантские шаги в спорте.

С другой стороны, наблюдаются принципиальные сходства концептуальных систем в русском и польском языках.

1. С точки зрения средств вербализации концепта, в абсолютном большинстве случаев наблюдается почти точное соответствие. Так, общими оказываются все основные корни: -круг-/krąg-, -крут-/kręć-, -кол-/koł-, -верт-/wierć- (включая чередования), -ви-/wi-, -центр-/centr-, -цикл-/cykl- и мн. др. Совпадает и такое редкое свойство концепта «круг», как участие в вербализации приставок: о-/об- – o-/ob- (*obejść*, *obwieści* – *obiegnać*, *obrotować*), пери-/peri- в составе заимствованных слов (*периодичный* – *periodyczny*).

2. В обоих языках в реализации концептуальных смыслов способны участвовать конкретные репрезентанты круглой формы или кругового движения: кольцо, колесо, солнце, хождение по кругу, круговые движения рук, мяч, юла и др.: *koła historii* (*колеса истории*); *blądzić w myślach w kółko* (*блуждать в мыслях по кругу*), *wir życia* (*водоворот жизни*), *dziecko kręci się jak fryga* (*ребенок вертится, как юла*), *zwinąć się w kłębek* (*свернуться в клубок*), *kłębowisko sprzeczności* (*клубок противоречий*) и т. д.

3. То, что один и тот же смысл в разных языках передается разными средствами вербализации концепта, говорит об принципиальной общности ментального образа, который в силу произвольности языкового знака способен иметь разные способы выражения: *krążenie planet* – *вращение планет*, *krążenie krwi* – *кровообращение, циркуляция крови*, *krążek* – *шайба* и т. п. Аналогично при пересказе мы часто передаем понятый смысл другими словами, другими средствами выражения одного и того же концептуального содержания.

4. Принципиально сходной оказывается семантическая структура концепта: в польском языке обнаруживаются те же частные образ-схемы, наполненные теми же смыслами. Так, образ-схема «конфигурация» и в польском языке содержит смыслы «правильность», «совершенство», «отсутствие углов, неровностей», «плавность» и др.: *idealny jak koło*, *okrągłe gesty*, *krągłe zdania*. Идея совершенства круга отмечается при изучении его как символа [Forstner 1990].

Образ-схема «граница» содержит смыслы «отделенность от внешнего пространства», «невозможность войти в круг / выйти из круга» и их оттенки: *okolnik* – крестьянский двор, загон для скота (то, что огорожено забором), *okole* – луг в излучине реки (окруженный с нескольких сторон рекой), *okrążenie nieprzyjaciela* – окружение врага, *zaczarowane koło* – заколдованный круг и др.

Разнообразные смыслы представлены в схеме «центр – периферия»: «вокруг», «по краю», «далеко от центра» (*objechać kołem* – в объезд, *okrążyć* – огибать; *droga okolna* – круговой путь, *kołować* – говорить обиняками); «близко к центру», в том числе «приблизительно» (*biegać koło drzewa* – бегать вокруг / около дерева, *okolny*, *okoliczny* –

близлежащий, окрестный, *okolobiegunowy* околополосный, *koło dwóch lat* – около двух лет); «с ориентацией на центр», «в направлении центра» (*chodzić / kręcić się koło czegoś* – юлить вокруг чего-то, *wszystko kręci się wokół (dookoła) czegoś* – все крутится вокруг чего-л.), «от центра» (*zataczać kręgi, krążyć* – распространяться все шире, *słynąć na całą okolicę* – славиться на всю округу), «со всех сторон, полностью» (*okrętka* – обшивка, *okrągły sierota* – круглый сирота).

Не менее разнообразно представлена и динамическая образ-схема: «вращение» (*koło fortuny* – колесо фортуны), «возвращение в исходную точку» (*okrągleć* – закругляться), «бесконечное движение по кругу» (*kręć się* – кровь циркулирует, *krążyć pogłosy* – кружат слухи, *krążyć z rąk do rąk* – переходить из рук в руки, *krążyć fałszywe pieniądze* – ходят в обращении фальшивые деньги, *blędne koło* – порочный круг), «повторение», «возврат к пройденному» (*powrócić do domu / do dawnego tematu* – вернуться домой / к прежней теме, *powrócić do pszytomności / do zdrowia* – прийти в себя / выздороветь, *powrotnie* – возврат, восстановление, *okresowo* – периодически, *dla okrągłości* – круглым счетом), «движение по спирали» (*obrót kapitału* – оборот капитала, *rozkręcać* – раскрутиться, увеличить доходы, *odwrocić się* – отвернуться, отступить), «движение по дуге», «поворот» (*kręcić nosem na coś* – воротить нос от чего-л., *odwrocić czyjąś uwagę* – отвлечь чье-либо внимание), «качание» (*lzy toczą się* – слезы катятся, *kręć się z rany* – кровь катится, течет из раны, *toczą się rozmowy* – идет разговор).

5. Еще одним объединяющим фактором оказывается регулярная многозначность, то есть однотипное образование переносных значений, в том числе при метафорических переносах [Илюхина 2010]. Выше упоминалось, что в русском языке названия быстро крутящихся предметов (*юла, вьюн* и др.) формируют переносное значение «непоседа». Аналогичный смысл находим у польских *fryga*: 1) юла, волчок; 2) непоседа; *piskarz*: 1) маленькая юркая рыбка; 2) непоседа (*kręcić się jak piskarz*). Наречие и предлог *około / (o)koło* развивают значения «рядом», в том числе «приблизительно». Ср.: *biegać koło drzewa / biegać koło domu / koło siódmej godziny* (*бегать около дерева / бегать около дома / около семи часов вечера*). Глаголы *кружить / krążyć, крутить / kręcić* и в русском, и в польском языках приобретают переносные значения «блуждать», «говорить обиняками», «мочить голову». Для обозначения ровного счета, округления в обоих языках используются лексемы с корнем *krug / krąg*: *okrąglać, круглым счетом, на круг – zaokrąglać, okrągło, dla okrągłości* и т. д.

6. И сходства средств репрезентации, и регулярная многозначность, сходное образование переносных значений от аналогичных корней, способность формально разных, но синонимичных корней выражать одни и те же концептуальные смыслы, сходство структуры концептов в русском

и польском языках можно объяснить сходством осмысления и круга как геометрической формы, и различных реалий, типично ассоциирующихся с ним.

Так, единство способа осмысления можем увидеть в обобщении множества уникальных форм под единой номинацией *круглый*, ср. приведенные выше примеры из русского языка (*круги под глазами* и др.) и аналогичные польские: *koła pod oczami* (круги под глазами), *koła przed oczami* (круги перед глазами), *okrągłe jabłko* (круглое яблоко), *okrągła twarz* (круглое лицо), *okrągły charakter pisma* (круглый почерк), *okrągłe nawiasy* (круглые скобки), *okrągły gest* (круглый жест), *krągłak* (круглый лес) и т. п.

И в русском, и в польском языках течение жидкости (а также реалий, образно воплощаемых в категориях жидкости) осмысляется как качество круглого предмета: мяч *катится*, слезы *капают*, волны *качаются*, *катится* поток, *накачивается* аромат – *piłka toczy się, łzy toczą się, fale toczą się, krew się toczy, toczy się strumień wody, toczy się rozmowa, toczy się bitwa*. В лексике круга воплощается возврат в исходную точку, повторение, развитие на новом уровне; как центр и периферия осмысляются человек и его окружение, столица и

регионы, главный компонент ситуации и прочие ее части; движение в обход мыслится как движение по части круга – дуге; при отсутствии детализации любая замкнутая фигура концептуализируется как круг, а граница (окружность) является препятствием между пространствами внутри и снаружи, может защищать, но ограничивает свободу; в обеих культурах круг ассоциируется с гармонией, совершенством, является символом небесного мира, Абсолюта.

Выводы

Таким образом, концепт «круг» в славянской языковой картине мира имеет инвариантную семантическую структуру, состоящую из ряда частных образ-схем, связанных по принципу семейного сходства. Различие средств вербализации не имеет решающего значения, поскольку один и тот же смысл допускает разные варианты лексического оформления. Регулярная многозначность, семантические совпадения, единообразие семантической структуры и общность способов осмысления свидетельствуют о единстве данного фрагмента в языковой картине мира разных славянских народов.

Материалы исследования

Gessen, Styółpa 1998 – Gessen D., Styółpa R. Wielki słownik polsko-rosyjski. T. 1–2. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1998. 654+843 S.

Гринкевич 2006 – Гринкевич Ю.В. Восприятие пространства в русскоязычной и англоязычной культурах (на материале пространственно-геометрических концептов круг и квадрат): дис. ... канд. культ. наук. Москва, 2006. 271 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/vospriyatie-prostranstva-v-russkoyazychnoi-i-angloyazychnoi-kulturakh-na-materiale-prostrans>.

Гузенко 2009 – Гузенко И.В. Христианская символика в русском языке: вербализация, функционирование, эволюция: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 237 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/khristianskaya-simvolika-v-russkom-yazyke-verbalizatsiya-funktsionirovanie-evolyutsiya>.

Михайлова 2001 – Михайлова И.Д. Словообразовательное гнездо с вершиной круг: становление и современное состояние: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2001. 401 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/slovoobrazovatelnoe-gnezdo-s-vershinoi-krug-stanovlenie-i-sovremennoe-sostoyanie>.

Мухачева 2003 – Мухачева А.М. Пространственные метафоры как фрагмент русской языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 14 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/prostranstvennye-metafory-kak-fragment-russkoi-yazykovoi-kartiny-mira>.

Национальный корпус РЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>.

Пинжакова 2009 – Пинжакова Ю.В. Форма объекта в зеркале русского литературного языка: дис. .... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. URL: <https://www.dissercat.com/content/forma-obekta-v-zerkale-russkogo-literaturnogo-yazyka>.

Плотникова 2009 – Плотникова А.М. Когнитивное моделирование семантики глагола: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2009. 555 с. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/1870>.

Резникова 2015 – Резникова Е.В. Концепт «круг» в русской языковой картине мира: опыт интерпретации на основе образ-схемы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2015. 18 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005562584?page=1&rotate=0&theme=white>.

Топорова 2000 – Топорова В.М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка (на материале русского и немецкого языков): дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2000. 303 с. URL: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/koncept-forma-v-semanticheskom-prostranstve-jazyka-na-materiale-russkogo-i.html>.

Библиографический список

Dimitrova 2017 – Dimitrova D. CENTER-PERIPHERY image schema and the construction of space and meaning in a Turkish fairy tale // SocioBrains. 2017. № 38. P. 174–181. URL: <http://sociobrain.com/website/w1465/file/>

repository/174_181_Delyana_Dimitrova_CENTER_PERIPHERY_image_schema_and_the_construction_of_space_and_meaning_in_a_Turkish_fairy_tale.pdf.

Forstner 1990 – *Forstner D.* Świat symboliki Chrześcijańskiej. Warszawa, 1990. 544 S. URL: <https://vdocuments.site/swiat-symboliki-chrzescijanskiej.html?page=1>.

Johnson 1987 – *Johnson M.* The body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 233 p. URL: <https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/B/bo3613865.html>; <https://archive.org/details/bodyinmindbodily0000john>.

Lee 2016 – *Lee Ch.* The circle in Islamic culture. URL: <http://classroom.synonym.com/the-circle-in-islamic-culture-12085841.html>.

Reznikova 2021 – *Reznikova E.V.* Das sprachlich-kreative Potenzial des Bild-Schemas am Beispiel des Konzepts „Kreis“ in der russischen Sprachweltansicht // Der Kreative Aspekt in Sprache und Text. 2021. S. 285–295. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/TVORChESKII-ASPEKT-V-YaZYKE-I-TEKSTE-DER-KREATIVE-ASPEKT-IN-SPRACHE-UND-TEXT/Das-sprachlichkreative-Potenzial-des-BildSchemas-am-Beispiel-des-Konzepts-„Kreis“-in-der-russischen-Sprachweltansicht-Tekst-elektronnyi-88846>.

Taheri, Alvandi 2013 – *Taheri J., Alvandi M.* Meaningfulness of Religious Language In the Light of Conceptual Metaphorical Use of Image Schema: A Cognitive Semantics Approach // Religious Inquiries. 2013. Vol. 2, issue 4 – Serial number 4. P. 93–103. URL: https://ri.urd.ac.ir/article_11261.html.

Владимиров 2015 – *Владимиров О.Н.* Образ круга в поздней лирике Бунина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (47): в 2 ч. Ч. I. С. 65–67. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2015_5-1_12.pdf.

Горбунова 2010 – *Горбунова Л.И.* Когнитивный образ ситуации как основа семантической структуры языковой единицы (на материале единиц атрибутивно-локативной языковой модели). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2010. 361 с. URL: <https://books.google.de/books?id=9IoiBQAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Илюхина 2010 – *Илюхина Н.А.* Метафорический образ в семасиологической интерпретации. Москва: Флинта, 2010. 320 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=275331>.

Мечковская 2000 – *Мечковская Н.Б.* К характеристике аксиологических потенций слова: концепты «круг», «колесо» и их оценочно-символические дериваты // Логический анализ языка. Языки пространств. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 299–307. URL: <https://djvu.online/file/NyqvPJekxDXOP>.

Мурзаканова 2019 – *Мурзаканова М.Ю.* Круг и квадрат как способ структурирования пространства в различных культурах // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 55–11. С. 41–47. DOI: <http://doi.org/10.18411/lj-10-2019-219>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ggjrko>.

Пашкова 2012 – *Пашкова И.В.* Символ VS метафора как способы интерпретации геометрического пространства в современном английском языке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. Т. 1, № 17. С. 46–53. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17657247>. EDN: <https://elibrary.ru/owkfwv>.

Рахилина 2010 – *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. Москва: Азбуковник, 2010. 448 с. URL: http://rakhilina.ru/files/rakh_imena.pdf.

Резникова 2021 – *Резникова Е.В.* Лингвокреативный потенциал образ-схемы (на материале концепта «круг» в русской языковой картине мира) // Творческий аспект в языке и тексте: коллективная монография. Самара; Würzburg, 2021. С. 124–134. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/TVORChESKII-ASPEKT-V-YaZYKE-I-TEKSTE-DER-KREATIVE-ASPEKT-IN-SPRACHE-UND-TEXT/Lingvokreativnyi-potencial-obrazshemy-na-materiale-koncepta-«krug»-v-russkoi-yazykovoi-kartine-mira-Tekst-elektronnyi-88831>.

Сенчищева 2002 – *Сенчищева А.В.* Семантика геометрических номинаций и метафора // Межкультурные коммуникации: сборник научных трудов. Челябинск, 2002. С. 132–138. URL: <http://www.helpforlinguist.narod.ru/200406N0118/panova.pdf>.

Тильман 2000 – *Тильман Ю.Д.* Пространство в языковой картине мира Ф.И. Тютчева (концепт круг) // Логический анализ языка: Языки пространств. Москва: Языки рус. культуры, 2000. С. 440–448. URL: <https://djvu.online/file/NyqvPJekxDXOP>.

References

Dimitrova 2017 – *Dimitrova D.* (2017) CENTER-PERIPHERY image schema and the construction of space and meaning in a Turkish fairy tale. *SocioBrains*, vol. 38, pp. 174–181. Available at: http://sociobrain.com/website/w1465/file/repository/174_181_Delyana_Dimitrova_CENTER_PERIPHERY_image_schema_and_the_construction_of_space_and_meaning_in_a_Turkish_fairy_tale.pdf.

Forstner 1990 – *Forstner D.* (1990) Świat symboliki Chrześcijańskiej. Warszawa, 544 p. Available at: <https://vdocuments.site/swiat-symboliki-chrzescijanskiej.html?page=1>.

Johnson 1987 – *Johnson M.* (1987) The body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago: University of Chicago Press, 233 p. Available at: <https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/B/bo3613865.html>; <https://archive.org/details/bodyinmindbodily0000john>.

Lee 2016 – *Lee Ch.* (2016). The circle in Islamic culture. Available at: <http://classroom.synonym.com/the-circle-in-islamic-culture-12085841.html>.

Reznikova 2021 – *Reznikova E.V.* (2021) Das sprachlich-kreative Potenzial des Bild-Schemas am Beispiel des Konzepts „Kreis“ in der russischen Sprachweltansicht. In: *Der Kreative Aspekt in Sprache und Text*. Samara; Würzburg, pp. 285–295. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/TVORChESKII-ASPEKT-V-YaZYKE-I-TEKSTE-DER-KREATIVE-ASPEKT-IN-SPRACHE-UND-TEXT/Das-sprachlich-kreative-Potenzial-des-Bild-Schemas-am-Beispiel-des-Konzepts-„Kreis“-in-der-russischen-Sprachweltansicht-Tekst-elektronnyi-88846>.

Taheri, Alvandi 2013 – *Taheri J., Alvandi M.* (2013) Meaningfulness of Religious Language In the Light of Conceptual Metaphorical Use of Image Schema: A Cognitive Semantics Approach. *Religious Inquiries*, vol. 2, issue 4 – Serial number 4, pp. 3–103. Available at: https://ri.urd.ac.ir/article_11261.html.

Vladimirov 2015 – *Vladimirov O.N.* (2015) The image of circle in the late lyrics of Bunin. *Philology. Theory & Practice*, vol. 5 (47): in 2 parts, part I, pp. 65-67. Available at: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2015_5-1_12.pdf. (In Russ.)

Gorbunova 2010 – *Gorbunova L.I.* (2010) The cognitive image of the situation as the basis of the semantic structure of the language unit (based on the material of the units of attributive-locative language model). Irkutsk: Izd-vo IGU, 361 p. Available at: <https://books.google.de/books?id=9IoiBQAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>. (In Russ.)

Ilyukhina 2010 – *Ilyukhina N.A.* (2010) Metaphorical image in semasiological interpretation. Moscow: Flinta, 320 p. Available at: <https://znanium.com/catalog/document?id=275331>. (In Russ.)

Mechkovskaya 2000 – *Mechkovskaya N.B.* (2000) To characterize the axiological potencies of the word: concepts «circle», «wheel» and their evaluative-symbolic derivatives. In: *Logical analysis of language. Languages of spaces*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, pp. 299–307. Available at: <https://djvu.online/file/NyqvPJekxDXOP>. (In Russ.)

Murzakanova 2019 – *Murzakanova M.Yu.* (2019) Circle and square as a way of structuring space in different cultures. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, no. 55–11, pp. 41–47. DOI: <http://doi.org/10.18411/lj-10-2019-219>. EDN: <https://elibrary.ru/ggjrko>. (In Russ.)

Pashkova 2012 – *Pashkova I.V.* (2012) Symbol VS metaphor as the ways of geometric space interpretation in the modern English language. *ISLU Philological Review*, vol. 1, no. 17, pp. 46–53. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17657247>. EDN: <https://elibrary.ru/owkfwv>. (In Russ.)

Rakhilina 2010 – *Rakhilina E.V.* (2010) Cognitive analysis of subject names: Semantics and compatibility. Moscow: Azbukovnik, 448 p. Available at: http://rakhilina.ru/files/rakh_imena.pdf. (In Russ.)

Reznikova 2021 – *Reznikova E.V.* (2021) Linguocreative potential of the image-scheme (based on the material of the concept «circle» in the Russian language picture of the world). In: *Creative aspect in language and text: multi-authored monograph*. Samara-Würzburg, pp. 124–134. Available at: <https://repo.ssau.ru/bitstream/TVORChESKII-ASPEKT-V-YaZYKE-I-TEKSTE-DER-KREATIVE-ASPEKT-IN-SPRACHE-UND-TEXT/Lingvokreativnyi-potencial-obrazshemy-na-materiale-koncepta-«krug»-v-russkoi-yazykovoi-kartine-mira-Tekst-elektronnyi-88831/1/Ctp.-124-134.pdf>. (In Russ.)

Senchishcheva 2002 – *Senchishcheva A.V.* (2002) Semantics of geometric nominations and metaphor. In: *Cross-cultural communication: collection of research papers*. Chelyabinsk, pp. 132–138. Available at: <http://www.helpforlinguist.narod.ru/200406N0118/panova.pdf>. (In Russ.)

Tilman 2000 – *Tilman Yu.D.* (2000) Space in the linguistic picture of the world by F.I. Tyutchev (concept circle). In: *Logical analysis of language: Languages of spaces*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, pp. 440–448. Available at: <https://djvu.online/file/NyqvPJekxDXOP>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1

Дата поступления: 30.01.2022
рецензирования: 20.02.2023
принятия: 10.03.2023

Возможности метонимии в обозначении лица в разговорной речи

Д.А. Дерюгина

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: deryugina.dasha@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3818-5122>

Н.А. Илюхина

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ilnadezhda@rambler.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3368-2725>

Аннотация: Статья посвящена исследованию функционирования лексической метонимии в разговорной речи. История изучения этого явления в лингвистической литературе позволяет на данном этапе его исследования сосредоточить внимание на наиболее актуальных аспектах данной проблематики. Цель статьи – анализ возможностей метонимического механизма в ситуативном обозначении лица посредством различных моделей переноса в нескольких сферах неформальной коммуникации: бытовой, профессиональной, учебной и некоторых других. Поскольку лицо является основным объектом номинации в разговорной речи, для его метонимического обозначения используются различные модели переноса. В статье анализируются модель *вместилще* – *вместилще*, модели субъектно-объектных отношений (*функция (действие)* – *носитель этой функции (деятель)*; *объект деятельности (действия)* – *деятель*; *инструмент деятельности (действия)* – *деятель*) и модель *признак лица* – *носитель этого признака*. Проведенное исследование показало широкие возможности многоаспектной характеристики лица в рамках любой коммуникативной и денотативной ситуации посредством его метонимического обозначения, которые обусловлены вовлечением в метонимический перенос по каждой модели больших лексических массивов. В условиях отсутствия жестких норм в разговорной речи наблюдается значительный процент окказиональных метонимических словоупотреблений, в разных профессиональных сферах формируются корпоративные метонимические обозначения лица.

Ключевые слова: метонимия; вторичная номинация лица; типы переноса; разговорная речь; окказиональная метонимия.

Цитирование. Дерюгина Д.А., Илюхина Н.А. Возможности метонимии в обозначении лица в разговорной речи // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 174–180. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-174-180>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Дерюгина Д.А., Илюхина Н.А., 2023

Дарья Александровна Дерюгина – аспирант кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Надежда Алексеевна Илюхина – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 30.01.2022
Revised: 20.02.2023
Accepted: 10.03.2023

Possibilities of metonymy in the designation of a person in colloquial speech

D.A. Deryugina

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: deryugina.dasha@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3818-5122>

N.A. Ilyukhina

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: ilnadezhda@rambler.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3368-2725>

Abstract: The article analyzes functions of lexical metonymy in colloquial speech and explores actual aspects of this issue that are caused by the history of the study of this phenomenon in linguistic literature. The aim of this article is to research manifestations of metonymy mechanism in colloquial speech recordings. The article analyzes models of person nominating by communicative and cognitive approach in different fields of communication: everyday, professional, educational and others. Since a person is the main object of nomination in colloquial speech, various transfer models are used for its metonymic designation. The article analyzes model *capacious* – *receptacle*, models of subject-object relations

(function (action) – the carrier of this function (figure); object of activity (action) – the figure; instrument of activity (action) – the figure) and model the sign of a person is the carrier of this sign. The article demonstrates wide possibilities of multidimensional person characteristics by metonymy, notes the ability of metonymy to accentuate a distinctive feature of a person that is most significant for speakers in this denotative and communicative situation. The article emphasizes the mass distribution of occasional lexical metonymy in various areas of the use of colloquial speech.

Key words: metonymy; secondary nomination of a person; types of transference; colloquial speech; occasional metonymy.

Citation. Deryugina D.A., Ilyukhina N.A. Possibilities of metonymy in the designation of a person in colloquial speech. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 174–180. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-174-180>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Deryugina D.A., Ilyukhina N.A., 2023

Daria A. Deryugina – postgraduate student of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Nadezhda A. Ilyukhina – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

При исследовании лексической метонимии перспективным является дискурсивный подход, который предполагает учет условий коммуникации. Особенно очевидна предпочтительность этого подхода при изучении картины метонимии в разговорной речи. Это обусловлено такой особенностью разговорной речи, как тесная связь с речевой ситуацией. Тесную связь разговорной речи с контекстуальной ситуацией отмечают многие исследователи.

Так, О.Б. Сиротинина, обобщенно указывая особенности разговорной речи, делает акцент на отношениях между собеседниками и на ситуативном использовании языковых средств: «Понятие разговорная речь используется для характеристики речи при непосредственном неофициальном общении, в котором с наибольшей отчетливостью проявляется коммуникативная функция языка. Особенности такого общения заключаются не только в обязательном непосредственном участии в нем собеседника, находящегося с говорящим в неофициальных отношениях, но и в тематической разносторонности и ситуативности функционирования языка в этой сфере общения» [Сиротинина 1983, с. 53; Сиротинина, Богданова, Глотова 1983].

Е.А. Земская считает опору на внеязыковую ситуацию одним из основных признаков разговорной речи: «Разговорная речь проявляется в сфере коммуникации особого рода, для которой характерны такие признаки: сильная опора на внеязыковую ситуацию, приводящая к тому, что внеязыковая ситуация становится составной частью акта коммуникации, использование невербальных средств коммуникации (взгляд собеседников, жесты и мимика), устная форма как основная форма реализации» [Земская 1979, с. 6]. Знание контекстуальной ситуации, включенность в нее собеседников является необходимым условием эффективной коммуникации.

Как известно, дешифровка переносного значения, как метафорического, так и метонимического, возможна только с опорой на контекстуальное окружение лексической единицы. Однако для дешифровки метонимического значения лексемы в разговорной речи контекстуального окружения оказывается недостаточно, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, реализация метонимического механизма в условиях неформального, непринужденного общения происходит более

свободно, поскольку не сдерживается нормами литературного языка. При этом слово принимает гораздо больше метонимически производных значений, чем в письменной речи, в том числе окказиональные. Во-вторых, трудности дешифровки лексического значения в этих условиях усугубляются синтаксической неполнотой высказываний в диалогической речи; именно в разговорной речи сокращение речевой цепочки является закономерностью. Эта закономерность имеет последовательное воплощение, поскольку общение происходит в общих для собеседников речевых и шире – дискурсивных условиях, когда предмет речи и иные коммуникативно важные обстоятельства ясны для участников общения и не требуют их номинации и полного, логически развернутого выражения мысли.

Названные особенности разговорной речи обуславливают свободную, максимально полную, не сдерживаемую нормами реализацию метонимического механизма, которая представляет особый интерес для исследования.

Цель статьи – анализ возможностей метонимического механизма в ситуативном обозначении лица посредством различных моделей переноса в нескольких сферах неформальной коммуникации: бытовой, профессиональной, учебной и некоторых других.

В лингвистических работах представлены разные подходы в исследовании метонимии в лексике, которые высвечивают соответственно разные стороны общей картины [Апресян 1971; Боровикова 1993; Иванова 1994]. Среди них центральное место занимают работы, обращенные к механизму образования метонимически производных значений. В их числе следует отметить словоцентрический, полецентрический, моделирующий подходы, каждый из них характеризуется особой единицей структурирования речевого массива – соответственно

1) отдельно взятой лексемой во всем многообразии ее метонимически производных значений (например, слово *дом*, включающее несколько производных лексико-семантических вариантов: «жители дома», «семья», «хозяйство» и т. д.), эта единица демонстрирует потенциал семантического развития отдельного слова и механизм его реализации;

2) отдельно взятой тематической (лексико-семантической) группой (например, группа глаголов соединения: *шить, склеить, слепить, сбить* и др.), что позволяет выявить параметры регулярной метонимической многозначности (в данном примере – регулярное вторичное значение «созидание») (Боровикова 1993) и

3) модели переноса, объединяющей первичный и вторичный денотаты и обобщенные значения этих денотатов (например, «вместилище» – «вместимое») [Апресян 1971].

Нами в данной статье выбран иной принцип структурирования метонимической картины в речи – выявление картины метонимической речевой номинации отдельно взятого объекта. Этот принцип можно считать вариантом традиционно структурирования метонимического массива на основе типа переноса (модели переноса), когда в качестве основного объекта избран вторичный денотат метонимической модели. В качестве такого объекта выбран человек (лицо) как вторичный денотат – объект метонимического обозначения, взятый в рамках разных денотативных сфер («Спорт», «Искусство», «Образование», «Медицина») и коммуникативных ситуаций (бытовое, дружеское общение, профессиональное общение в различных профессиональных сферах).

Материалом исследования служат записи высказываний, содержащие метонимические переносы имен существительных. Источник выборки – живая разговорная речь людей разного возраста, представителей разных профессий.

Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистической науки к изучению типологий номинаций лица в различных видах дискурса (художественной литературе, публицистике, бытовом общении). Однако роль метонимии в обозначении лица в разговорной речи не была предметом специального изучения. В работах исследователей разговорной речи (О.Б. Сиротининой [Сиротинина 1974], Т.И. Гусевой [Гусева 2012], О.А. Лаптевой [Лаптева 2003], коллектива ученых под руководством Е.А. Земской [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981]) обобщенно указывается ряд наиболее частотных моделей метонимии. Так, Е.А. Земская, рассматривая типические виды метонимической номинации, называет лишь несколько наиболее частотных способов номинации лица: «Наименование лица по его одежде, какой-либо типической внешней черте (*Вон синий халатик идет*) и обозначение лица по объекту или месту деятельности, помещению, учреждению (*Ухо-горло-нос* – обозначение врача)» [Земская 1979, с. 65].

Новизна исследования заключается в том, что избранный принцип структурирования картины метонимических номинаций с учетом указанных выше особенностей разговорной речи дает возможность оценить масштабы распространенности метонимии в ее наиболее широких проявлениях, выявить аспекты, актуальные для номинации лица в разных ситуациях, проследить, в каких именно отношениях смежности человек отражается в фокусе речевой метонимии. Выбор человека в каче-

стве объекта вторичной метонимической номинации позволяет выявить в этой сфере проявления антропоцентричности языка и речи.

Заметим в качестве примечания, что, в связи с названными особенностями разговорной речи и условиями использования метонимических обозначений, дешифровка и анализ соответствующих высказываний предполагает экспликацию опущенных частей высказывания и формулирование метонимического значения лексической единицы.

Результаты исследования метонимического обозначения лица в разговорной речи позволяют а) выделить в качестве наиболее частотных несколько способов:

1) варианты широко распространенной модели *вместилище – вместимое* (в качестве *вместимого*, т. е. «находящегося внутри чего-либо», выступает человек):

- 1.1) номинация лица путем переноса названия географического объекта,
- 1.2) перенос названия с учреждений, зданий, помещений, транспорта, их частей,
- 1.3) номинация лица путем переноса названия сообщества, в которое человек включен;

2) пропозициональные модели, т. е. модели в рамках субъектно-объектных отношений:

- 2.1) *функция (действие) – носитель этой функции (деятель)*, т. е. обозначение лица (деятели, субъекта) путем переноса названия действия, которое оно выполняет,
- 2.2) *объект деятельности (действия) – деятель*, т. е. название объекта деятельности становится обозначением лица (деятели, субъекта),
- 2.3) *инструмент деятельности (действия) – деятель*, т. е. номинация лица (деятели, субъекта) посредством инструмента, с помощью которого совершается действие;

3) модель *признак (свойство) лица – носитель этого признака*:

- 3.1) номинация лица посредством переноса обозначения внешнего признака (названия одежды, прически и т. д.),
- 3.2) обозначения лица через указание на его внутренние признаки (эмоции, черты характера, качества);

б) увидеть широту использования метонимии в сфере номинации лица, т.к. каждый из вышеназванных способов является обобщенной моделью, имеющей множество вариантов реализации в речи, т. е. номинация лица оказывается практически не ограниченной лексически и позволяет подчеркнуть целый спектр характеристик (социальную, профессиональную, возрастную и т. д.), наиболее актуальных для говорящего в момент речи.

Характеристики лица посредством модели *вместилище – вместимое*

Модель *вместилище – вместимое* в когнитивной лингвистике признана одной из наиболее универсальных образ-схем, играющих большую роль в концептуализации знаний о мире [Lakoff 2004]. Применительно к образованию метонимически производных значений эта модель также обладает повышенной значимостью.

В картине метонимических обозначений лица данная обобщенная модель среди других обозначений лица является наиболее распространенной, в ее рамках лицо осмысливается как вместилище.

Несмотря на обобщенность и простоту, эта модель переноса, как показало проведенное исследование, обладает неограниченными возможностями в ситуативной номинации лица за счет многообразия реалий (первичных денотатов), которые могут осмысливаться как вместилища. Среди них наиболее частотны географические объекты и административные единицы (материки, страны, области, населенные пункты любого статуса и мн. др.), здания разного назначения (дом, театр, школа, торговый центр и мн. др.), их части (квартира, подъезд, комната, помещение, партер, галерея, кабинет и мн. др.), транспортные средства (автомобиль, автобус, самолет, поезд и мн. др.) и их части (салон автомобиля или самолета, купе поезда и мн. др.).

Рассмотрим подробнее названные выше положения.

Названия административных и географических единиц могут использоваться для номинации отдельных лиц (а) и групп или больших сообществ (б), с учетом нахождения в них лиц: постоянного либо регулярного (в) и ситуативного (г).

Сопоставим примеры метонимического обозначения отдельно взятого лица (а) и неопределенного числа жителей большого региона (б):

(а) *Сегодня Екатеринбург звонила* (ж, 60) – о телефонном разговоре с человеком, который живет в деревне Екатеринбург;

(б) *Донбасс стонет* (ж, 60) – о жителях Донбасса.

Различение собеседником значений сопоставимых высказываний происходит за счет опоры на контекст и общую пресуппозицию участников коммуникации. При отсутствии названных условий производное значение подобных высказываний не представляется однозначным.

Аналогично происходит дешифровка метонимических выражений, обозначающих лицо по месту его постоянного, регулярного (в) или ситуативного (г) нахождения, сравним:

(в) *Армения сейчас вернется за кошельком* (ж, 45) – о жителе Армении, приехавшем в другой город; *Зачем Сибирь об этом спросила?* (ж, 61) – о госте из Сибири;

(г) – *Есть новости про Казахстан?*

– Да, *Казахстан уже в Турции* (ж, 26) – о лицах, эмигрирующих в Турцию через Казахстан.

Активно вовлекаются в процесс метонимического обозначения лиц и названия частей зданий, помещений, например: *Зал встречал артистов очень тепло* (ж, 27), *Девятый кабинет сегодня не принимает* (м, 43), *Регистратура на обеде* (ж, 60).

При метонимическом использовании лексики данной группы наблюдаются те же закономерности в обозначении лица или множества лиц по их постоянному или ситуативному нахождению, например:

(а) *15-ая квартира подпись не поставила* (м, 62) – о действиях одного лица, жителя данной квартиры;

(б) *Весь наш дом остался без Интернета* (м, 57); *45-ая квартира все время шумит, включает музыку и спать не дает* (ж, 78) – о положении и действиях множества лиц;

(в) *Пятый этаж тоже не установил счетчики* (м, 57) – о постоянных жильцах этажа дома;

(г) *Торговый центр эвакуировали* (м, 58) – о людях, в данный момент находившихся в торговом центре.

Отметим, что в научной и учебной литературе обычно отмечается продуктивность данной модели. Однако внимание к конкретным лексемам, которые охватываются механизмом метонимической экспансии, позволяет выявить не только масштабы метонимических переносов, но и широкий спектр характеристик лица при использовании для его номинации названий самых разных реалий. Лексическое наполнение этой модели обеспечивает, по нашим наблюдениям, практически неограниченные возможности характеристики лица. В рамках статьи остановимся на лексике нескольких тематических групп.

Посредством названий, учреждений и их частей осуществляется указание на профессиональную сферу деятельности или пребывания лица: *Конный клуб приглашает на соревнования* (ж, 32) – *Лицей приглашает поучаствовать в фестивале* (ж, 35) – *Парикмахерская приглашает на стрижку* (ж, 60).

Кроме того, эта разновидность переноса может указывать на должность обозначаемого лица: *Деканат вызывает на беседу* (ж, 25) – *Бухгалтерия вызывает за документами* (ж, 57) – *Дирекция вызывает на ковер* (ж, 54).

Такие обозначения лица могут дополнительно указывать на социальный статус человека: *Галерея бушевала* (ж, 68), *Партер аплодировал* (ж, 68), *Весь балкон восхищался* (ж, 56). В приведенных примерах прагматический смысл метонимических номинаций включает указание на разницу цены билетов в различных частях зрительного зала и тем самым на материальное или социальное положение зрителей.

Средствами метонимического обозначения лица могут выступать названия предметов мебели, которые в этом случае также осмысливаются как пространственный ориентир – вместилище для лица, например: *Последние парты расшумелись* (ж, 26) – об учениках, сидящих за последними партами; *Какой громкий соседний стол* (ж, 60) – о посетителях ресторана, сидящих за соседним столом; *Последним рядам ничего не видно* (ж, 21) – о людях, сидящих на последних рядах.

К числу классических примеров регулярных проявлений метонимического механизма относятся и многозначность слов, называющих средства транспорта (*автомобиль, автобус, самолет, поезд* и мн. др.) и их части. В этом случае лицо обозначается в статусе пассажира или водителя. Например: *Поезд скутил все сэнки* (ж, 26); *Наш самолет уже пригласили пройти на посадку* (ж, 21) – о пассажирах поезда и самолета; *Весь автобус вышел толкать* (ж, 21) – о пассажирах, вышедших подтолкнуть автобус, застрявший на дороге после

снегопада; **Средняя площадка, платим за проезд!** (ж, 50) – о пассажирах, находящихся в данной части салона автобуса; **Соседнее купе очень шумное** (м, 57) – о пассажирах поезда, едущих в купе.

Отметим, что, как и в случае с обозначениями лиц посредством переноса названия зданий, учреждений, их частей, перенос названий транспорта и их частей дает возможность дополнительной характеристики лица с точки зрения его социального или материального положения, что обусловлено использованием определенных лексем, имеющих данную сему: **Вип-салон обслужили раньше** (ж, 53), **Люкс зовет проводницу** (м, 57), **СВ в полной мере получает удовольствие от поездки** (м, 57).

Анализ метонимических обозначений лица в разговорной речи дает возможность сопоставить системные иokkaзиональные реализации одних и тех же моделей переноса, в том числе в рамках модели **вместилище – вместимое**. Именно в разговорной речи, как показали наблюдения,okkaзиональные метонимические обозначения получают массовое воплощение. Рассмотрим несколько примеров: **А теперь угол рысчит к центру** (ж, 24) – о всаднике на лошади, находящейся в углу манежа; **Вторая линия сейчас встает на скамеечку** (м, 46) – о школьниках, стоящих во втором ряду во время фотографирования; **Внешний круг неправильно танцует** (ж, 20) – о танцорах, находящихся во внешнем кругу; **А потом танцуем с углом** (м, 25) – об угловом партнере, когда танцоры стоят квадратом; **А после левая сторона идет направо** (м, 27) – о танцорах, стоящих слева. Отметим, что представленные высказывания оказываются непонятными вне конкретной речевой ситуации. Целью говорящих является отметить ситуативное положение человека в пространстве, при этом в процесс переноса вовлекаются самые разные слова с пространственной семантикой: *круг, угол, линия, сторона* и др.

Рассмотрим еще одинokkaзиональный пример: (на автостоянке) – **А восьмое место свободным останется?** – **Да, восьмое сейчас на даче** – о владельце автомобиля, обычно стоящего на этом месте. В данном примере лицо получает характеристику автовладельца и опосредованно, через автомобиль, осмысливается как **вместимое** парковочного места.

Сквозь призму представлений о **вместилище** и **вместимом** регулярно осмысливаются отношения между лицом и сообществом, в которое оно входит. В процесс метонимического использования вовлекаются слова многих тематических групп, что обеспечивает возможности обозначения лица в статусе участника групп широкого спектра, например: **Вторая группа опаздывает** (ж, 52) – об учениках из второй группы; **Помню, как «Чебурашка» к «Ромашке» в гости ходили** (ж, 22) – о детях из разных групп детского сада. С учетом характера сообщества путем метонимического обозначения лицо может получать возрастную, административную, социальную, профессиональную и иные типы характеристик, например, по интересам (лексем *класс, группа, курс, кружок, секция*). Так, в следующих высказываниях лицо

дополнительно получает возрастную характеристику: **Третьего курса сегодня у нас не очень много** (ж, 46) – о студентах третьего курса; **Десятый класс сегодня на флюорографии** (ж, 63); **Старшая группа младшим спектакль показывала** (ж, 22). Приведем примеры дополнительной профессиональной характеристики лица: **Служба такси ужасно невежливая была** (ж, 60); **Предсовет поддерживал предложение** (ж, 57). Лексем, вовлекаемые в процесс переноса, могут указывать на увлечения обозначаемого лица: **Наша театральная студия выиграла конкурс** (м, 12); **Вся теннисная секция поедет летом в лагерь** (ж, 12); **Кружок по русскому принимает участие в олимпиаде** (м, 12).

Пропозиционные модели метонимии как способ обозначения лица

Заметное место в картине метонимических обозначений лица занимают модели, отражающие его включенность в субъектно-объектные отношения в рамках типовых ситуаций. В их составе мы рассмотрим три конкретные модели: *функция (действие) – носитель этой функции (деятель); объект деятельности (действия) – деятель; инструмент деятельности (действия) – деятель*. Обозначаемое лицо во всех случаях метонимической номинации этого типа имеет статус деятеля, при этом с точки зрения профессионального статуса оно обозначается предельно конкретно.

Модель *функция (действие) – носитель этой функции (деятель)* имеет целью обозначить лицо с точки зрения его профессиональной деятельности (а) или ситуативной функции в конкретных обстоятельствах (б). Например:

а) **Завтра в школу проверка из министерства придет** (ж, 52); **Следствие в отпуске** (м, 51); **Замер ушел обедать** (ж, 63) – о рабочем, выполняющем замеры; **Клининг к 15 подъедет** (ж, 25); **Контрольная закупка посетила магазин** (ж, 63); **Погрузка освободилась раньше** (ж, 52) – о рабочих, выполняющих погрузку товара;

б) **Прогулка уже приехала** (ж, 42); **Вон прогулка уже возвращается** (ж, 14), **Прогулка деньги перевела?** (ж, 42) – о клиентах конного клуба, прибывших на конную прогулку по лесу.

Модель *объект деятельности (действия) – деятель* в наших материалах наиболее массово представлена сферой образовательной деятельности. Регулярно наблюдается перенос обозначения с учебной дисциплины на преподавателя, типичный для разговорной речи школьников и студентов. Например: **Математика сегодня не придет, она ребят на олимпиаду повела** (м, 12); **Музыку никто не видел сегодня, наверное, она заболела** (ж, 12); **Эх ему сегодня и досталось от физики** (м, 16); **Культурология в командировке** (ж, 21); **Методика обещала** (ж, 21).

Другие высказывания, построенные по этой модели, часто оказываютсяokkaзиональными: **Я попросила мебель приехать пораньше** (ж, 60) – о сборщиках мебели; **Окна к часу должны приехать** (м, 56) – о специалистах, занимающихся монтажом окон; **Ты рыбкам звонила?** (ж, 60) – о человеке, который разводит аквариумных рыб. Такие при-

меры, в отличие от модели *учебная дисциплина – преподаватель*, встречаются в речи редко, поэтому непонятны вне конкретной речевой ситуации.

Модель *инструмент деятельности (действия) – деятель* проиллюстрируем высказываниями, относящимися к сфере музыкальной исполнительской деятельности, в которой название инструмента регулярно используется как обозначение музыканта, т.е. лица по профессиональному статусу: *Как хорошо играет скрипочка!* (м, 50); *Флейта сегодня играла восхитительно!* (ж, 55); *Саксофон заболел* (ж, 58); *Альт опоздал на репетицию* (ж, 58). Другие примеры этой модели более окказиональны: *Наше золотое перо олимпиаду по литературе пишет* (ж, 58) – о ребенке, имеющем литературный талант; *А мастераки отлично сработали* (м, 57) – о штукатурах; *От нас ушла лучшая пила бригады* (м, 57).

Модель признаков лица – носитель признака как способ обозначения лица

Обобщенная модель *признак (свойство) лица – носитель этого признака* представлена несколькими частными разновидностями, которые различаются характером признака – относящегося к внешности или к внутренним качествам.

Одним из наиболее очевидных внешних свойств лица является одежда, элементы которой могут служить основанием для его метонимического обозначения. Например: *Я за красной курткой стою [в очереди]* (ж, 57); *Знакомая куртка прошла мимо* (ж, 26); *Надо подойти к белым платьям* (ж, 23) – о девушках в белых платьях; *А вот та бордовая шапка, это не Света?* (ж, 53); *Ни одна маска не должна уйти несфотографированной* (ж, 60) – об участниках бала-маскарада.

Эта разновидность модели в разных коммуникативных сферах заметно отличается лексическим наполнением. Так, для парикмахерской сферы типично обозначение клиента по прическе, типу волос, например: *Сегодня приходили пять «каре» и три «пикси»* (ж, 35) – о клиентах, которым сделаны соответствующие прически; *В гостях сегодня были просто шикарные волосы* (ж, 35); *Приглашаю поучаствовать в мастер-классе прямые волосы средней длины* (ж, 35) – о женщинах, обладающих такими волосами. В спортивной сфере спортсмены регулярно именуется по стартовому номеру, обозначенному на одежде, например: *Восьмой обошел всех на последнем повороте* (м, 56); *Первым пришел пятый номер* (м, 50).

В косметологической и медицинской сферах встречаются обозначения лица через название частей тела, которые подвергаются обработке специалистом. Вне этих сфер такие высказывания воспринимаются как окказиональные: *В 15 придут брови, а в 16 – ресницы* (ж, 35) – о клиентах на косметических процедурах; *В последнее время одни ноги приходят* (ж, 38) – о пациентах с травмами ног.

Материалы исследования

Боровикова 1993 – Боровикова Н.А. Регулярная многозначность в лексико-семантических группах русских глаголов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1993.

Для демонстрации метонимического обозначения лица через указание на его внутренние признаки обратимся к фактам использования лексики со значением морально-этических качеств, эмоциональных состояний в бытовой сфере и лексики со значением заболеваний и травм в медицинской сфере.

Посредством этой модели метонимически обозначается лицо – носитель качества или объект эмоционального отношения: *У нас много настоящих талантов учится* (ж, 25); *Бездарностей в коллективе не держат* (ж, 58); *Таких умов не хватает нам* (ж, 58); *Сама доброта пришла к нам наконеч-то* (м, 50); *Счастье мое звонит* (м, 50); *Ты любовь свою увидела?* (ж, 19) – о любимом человеке. Ср. пример характеристики ребенка взрослым человеком: *Ну, что, как твоя красота?* (ж, 53).

Для медицинской сферы типичны обозначения лица по его заболеванию, травме, диагнозу, например: *Ковид со специального входа заходит* (м, 57); *Ковид дома остается минимум две недели* (ж, 55); *Подготовьте аппендицит к операции* (м, 57); *Катаракта после часа* (м, 55); *Сегодня одни переломы идут* (ж, 53); *Переломы – в пятый кабинет* (ж, 47) – о пациентах с такой травмой.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что антропоцентричность языка и речи находит яркие проявления в картине метонимического обозначения лица в разговорном дискурсе. Метонимический механизм обеспечивает возможности лаконичного обозначения лица по неограниченному числу параметров, актуальных для меняющихся конкретных ситуаций, в которых оказывается лицо.

Метонимия удовлетворяет потребности в обозначении лица с учетом его многосторонних характеристик, состояний, связей, статусов, местонахождения и т. д.: с точки зрения места жительства, места нахождения, места работы, сообщества, в котором состоит, связей с другими лицами, черт характера, интересов, увлечений. При метонимическом обозначении лица нередко наблюдается его комплексная оценка: наряду с основным аспектом номинации человекполучает дополнительную (профессиональную, возрастную, социальную и т. д.) характеристику. Так, при использовании моделей *вместилище – вместимое* основным аспектом номинации является обычно местоположение лица, а дополнительной – профессиональная характеристика.

В разговорной речи метонимические переносы обеспечивают значительное сокращение речевой цепочки и экономию речевых усилий, что очень важно для неформального общения. Вместе с тем условия контактного неформального общения в рамках конкретной ситуации предопределяют массовый характер окказиональной лексической метонимии в разговорной речи.

Библиографический список

- Lakoff 2004 – *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. London: The University of Chicago Press, 2003. URL: <https://sociosemiotics.net/files/Cognitive%20Linguistics%20-%20Lakoff,%20G%20&%20Johnson,%20M%20-%20Metaphors%20We%20Live%20By.pdf>. = Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва, 2004. URL: <https://codenlp.ru/books/lakoff.pdf>.
- Апресян 1971 – *Апресян Ю.Д.* О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXX, вып. 6. Москва, 1971. С. 509–523. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/apresyan-71.htm>.
- Боровикова 1989 – *Боровикова Н.А.* Явление регулярной многозначности в глаголах одной ЛСГ // Кузнецова Э.В. Лексико-семантические группы русских глаголов. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1989. С. 120–127. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001455013/.
- Гусева 2012 – *Гусева Т.И.* Современный русский язык. Москва: Научная книга, 2012. 215 с.
- Ермакова 1984 – *Ермакова О.П.* Номинации в просторечии // Городское просторечие: Проблемы изучения. Москва: Наука, 1984. С. 170–178.
- Земская 1979 – *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. Москва: Русский язык, 1979. 240 с.
- Земская, Китайгородская, Ширяев 1981 – *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. Москва: Наука, 1981. 276 с. URL: <http://phil.omsu.ru/assets/files/rpd/2020/tpl/issers/земская-е.а.-китайгородская-м.в.-ширяев-е.н.-русская-разговорная-речь.-общие-вопросы.-словообразование-1981.pdf>.
- Иванова 1994 – *Иванова Н.Н.* Метонимия // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. Москва: Наука, 1994. С. 191–255.
- Сиротинина 1974 – *Сиротинина О.Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. Москва: Просвещение, 1974. 144 с.
- Сиротинина 1983 – *Сиротинина О.Б.* Русская разговорная речь. Москва: Просвещение, 1983. 80 с.
- Сиротинина, Богданова, Глотова 1983 – *Сиротинина О.Б., Богданова В.А., Глотова И.П.* Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983. 251 с.
- Лаптева 2003 – *Лаптева О.А.* Теория современного русского литературного языка. Москва: Высшая школа, 2003. 351 с. URL: <https://djvu.online/file/6bHS1c53tveMT>.

References

- Lakoff 2004 – *Lakoff G., Johnson M.* (2004) Metaphors We Live By. London: The University of Chicago Press, 242 p. Available at: <https://sociosemiotics.net/files/Cognitive%20Linguistics%20-%20Lakoff,%20G%20&%20Johnson,%20M%20-%20Metaphors%20We%20Live%20By.pdf>.
- Apresyan 1971 – *Apresyan Yu.D.* (1971) On regular polysemy. In: *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. Vol. XXX, issue 6. Moscow, pp. 509–523. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/apresyan-71.htm>. (In Russ.)
- Borovikova 1989 – *Borovikova N.A.* (1989) Phenomenon of regular polysemy in verbs of one LSG. In: *Kuznetsova E.V. Lexico-semantic groups of Russian verbs*. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo universiteta, pp. 120–127. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001455013/. (In Russ.)
- Guseva 2012 – *Guseva T.I.* (2012) Modern Russian language. Moscow: Nauchnaya kniga, 215 p. (In Russ.)
- Ermakova 1984 – *Ermakova O.P.* (1984) Nominations in the vernacular. In: *Urban vernacular: Problems of study*. Moscow: Nauka, pp. 170–178. (In Russ.)
- Zemskaya 1979 – *Zemskaya E.A.* (1979) Russian colloquial speech: linguistic analysis and problems of learning. Moscow: Russkii yazyk, 240 p. (In Russ.)
- Zemskaya, Kitaygorodskaya, Shiryaev 1981 – *Zemskaya E.A., Kitaygorodskaya M.V., Shiryaev E.N.* (1981) Russian colloquial speech. General issues. Word formation. Syntax. Moscow: Nauka, 276 p. Available at: <http://phil.omsu.ru/assets/files/rpd/2020/tpl/issers/земская-е.а.-китайгородская-м.в.-ширяев-е.н.-русская-разговорная-речь.-общие-вопросы.-словообразование-1981.pdf>. (In Russ.)
- Ivanova 1994 – *Ivanova N.N.* (1994) Metonymy. In: *Essays on the history of language of Russian poetry of the XX century: Tropes in individual style and poetic language*. Moscow: Nauka, pp. 191–255. (In Russ.)
- Sirotnina 1974 – *Sirotnina O.B.* (1974) Modern colloquial speech and its features. Moscow: Prosveshchenie, 144 p. (In Russ.)
- Sirotnina 1983 – *Sirotnina O.B.* (1983) Russian colloquial speech. Moscow: Prosveshchenie, 80 p. (In Russ.)
- Sirotnina, Bogdanova, Glotova 1983 – *Sirotnina O.B., Bogdanova V.A., Glotova I.P.* (1983) Colloquial speech in the system of functional styles of modern Russian literary language. Vocabulary. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 251 p. (In Russ.)
- Lapteva 2003 – *Lapteva O.A.* (2003) Theory of modern Russian literary language. Moscow: Vysshaya shkola, 351 p. Available at: <https://djvu.online/file/6bHS1c53tveMT>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81-25

Дата поступления: 30.12.2022
рецензирования: 01.02.2023
принятия: 10.03.2023

Осознанность контекста в электронном формате диалога

С.В. Первухина

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: s_pervuhina@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5475-8384>

Аннотация: Современная диалогическая речь претерпевает серьезную трансформацию при использовании электронного формата коммуникации, который вносит свои изменения в контекст коммуникации. Диалогическая речь характеризуется высокой зависимостью от контекста. При электронном опосредованном общении ситуация коммуникации перестает быть единой для коммуникантов: они находятся в разных местах, испытывают разные раздражители и помехи коммуникации, несмотря на то что коммуниканты продолжают поддерживать диалог и обмениваться репликами. Соответственно, понятие контекста нуждается в дополнении и переосмыслении в связи с новыми условиями его протекания в электронном пространстве. Целью исследования является поиск качественно необходимых компонентов для успешной опосредованной коммуникации, которые зависят от контекста ситуации коммуникации. Одна из стратегий достижения успешной коммуникации состоит в устранении возможных барьеров в коммуникации. Для этого осуществляется детализация контекста коммуникации, ее влияние на эффективность коммуникации, разрабатывается понятие семиотического поля диалога. Под семиотическим полем диалога мы понимаем информацию, которая влияет на понимание коммуникантами друг друга: инференции, пресуппозиции адресата, пресуппозиции адресанта, реальное положение вещей и отношений между объектами, входящих в пресуппозиции, эмоции говорящих, осознание эмоций. Материалом исследования послужило диалогическое общение в рамках организационной коммуникации. Специфика дискурса корпораций и организаций создает свой уникальный многоуровневый контекст, который описывается в статье. Автором выделено несколько групп помех в электронном формате диалогической речи: физические помехи, информационные помехи, смысловые помехи и психологические помехи.

Ключевые слова: контекст; семиотическое поле контекста; осознанность контекста; диалогическая речь; опосредованная речь; организационная коммуникация; эмотивность; цифровизация.

Цитирование. Первухина С.В. Осознанность контекста в электронном формате диалога // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 181–187. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-181-187>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Первухина С.В., 2023

Светлана Владимировна Первухина – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Мировые языки и культуры», Донской государственный технический университет, 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 30.12.2022
Revised: 01.02.2023
Accepted: 10.03.2023

Context awareness in the electronic format of dialogue

S.V. Pervukhina

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
E-mail: s_pervuhina@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5475-8384>

Abstract: Modern dialogical speech is undergoing a major transformation due to the use of electronic communication format, which introduces its own changes in the context of communication. Dialogical speech is characterized by a high dependence on the context. In electronically mediated communication, the situation of communication is no longer the same for the communicators: they are in different places, experiencing different stimuli and communication interference, despite the fact that the communicators continue to maintain a dialogue and exchange replicas. Accordingly, the concept of context needs to be supplemented and reinterpreted in connection with the new conditions of its occurrence that is electronic space. The aim of the study is to find the qualitatively essential components for successful mediated communication, which depend on the context of the communication situation. One strategy for achieving successful communication is to remove possible barriers in communication. For this purpose, the detailing of the context of communication, its influence on the effectiveness of communication is carried out, and the concept of semiotic field of dialogue is developed. Under the semiotic field of dialogue we understand the information, which affects the communicants' understanding of each other: the references, the presuppositions of the addressee, the presuppositions of the addressor. The material of the study was dialogic communication within the framework of organizational communication. The specific nature of the discourse of corporations and organizations creates its own unique context that is described in the article. The author has identified

several groups of interference in the electronic format of dialogical speech, such as physical interference, informational interference, semantic interference and psychological interference.

Key words: context; semiotic field of context; context awareness; dialogical speech; mediated speech; organizational communication; emotivity.

Citation. Pervukhina S.V. Context awareness in the electronic format of dialogue. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 181–187. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-181-187>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Pervukhina S.V., 2023

Svetlana V. Pervukhina – Doctor of Philology, associate professor, head of the Department of the World Languages and Cultures, Don State Technical University, 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation.

Введение

Современная коммуникация часто осуществляется через технические средства в силу таких характеристик как скорость, удобство асинхронного общения, мультимедийность, возможность передачи видеоизображений. Общение через мессенджеры считается естественным в разных сферах жизни, несмотря на особенности такой коммуникации. Общение и его аспекты часто оказываются предметом рассмотрения лингвистов. Например, Т.Б. Назарова выделяет виды общения с учетом прагматических характеристик диалога: теме общения, составу коммуникантов, направленности на аудиторию, цели общения, степени официальности, форме общения, свободе выбора партнера, степени проявления личности в общении, продолжительности [Назарова 2022, с. 121–122]. Эти параметры позволяют изучить общение как процесс в структурно-прагматическом аспекте. Детализированность параметров изучения общения дает возможность проследить многогранные характеристики данного объекта. Мы предлагаем еще одну сторону изучения общения – контекст. Большую практическую значимость имеет изучение контекста, обусловленного цифровизацией среды существования человека.

Этот процесс значительно повлиял на восприятие таких параметров общения как объективность / субъективность, особенно когда это касается цифровой коммуникации. На восприятие информации в этом случае влияет количество информации, поступающей коммуниканту, ее качество. За цифровой проекцией, отражающей реальные события, могут скрываться неточные данные [Пром 2018, с. 91–92].

Технические средства трансформировали диалогическую речь. Если раньше устная диалогическая речь совершалась в единый момент времени, а письменная диалогическая речь всегда имела отсрочку во времени для получения реакции на предыдущее сообщение, то теперь как устная, так и письменная речь при использовании технических средств может происходить как в единый момент времени, так и асинхронно, что влечет за собой определенные особенности. Рассмотрение особенностей и помех в диалогической организационной коммуникации и является целью данного исследования.

Материал и методы

Понятие контекста

Приведем классическое определение контекста: «1. лингвистическое окружение данной языковой единицы; условия, особенности употребления данного элемента в речи» (Ахманова 2021, с. 206). Контекст бытовой определяется как «ситуация общения, определяющая выбор слов и моделей построения в устной речи, обстановка (ситуация) речи, допускающая сокращение речевого сигнала, вследствие чего вырабатывается повседневный разговорный эллиптический стиль» (Ахманова 2021, с. 206).

Значимость контекста для понимания единицы речи исходит из дихотомии языка и речи. Значение слова в словаре (как и любой другой значимой единицы языка) отличается от значения употребленной единицы в потоке речи, устной или письменной. В речи эта единица, как правило, теряет многозначность, актуализируя единственное значение. Исключением являются ситуации намеренной многозначности, которая создается для реализации определенных интенций адресанта. Реализованная в контексте единица приобретает более определенное значение (из ряда возможных словарных значений) или может иметь окказиональное значение, зависящее от авторской интенции и контекста или приобретать дополнительное значение.

Существуют разные взгляды на то, что считать контекстом. О.С. Ахманова выделяет два вида контекста – вертикальный и горизонтальный. Горизонтальный контекст представляет собой ситуативный контекст (собственно текстовая часть сообщения), а вертикальный – фоновые знания, которые влияют на восприятие текстовой информации (Ахманова 2021, с. 206). Оба представленных контекста включают как вербальную, так и невербальную информацию, которые вместе составляют лингвосемиотическое пространство [Астафурова, Гончарова 2016, с. 125]. В работе [Евтушенко, Шестакова 2021, с. 32], например, описано лингвосемиотическое пространство высших учебных заведений, которое включает логотипы, цвет одежды, гербы университетов и т. д. Знание об этих символах также составляет контекст, который может актуализироваться при общении.

Горизонтальный (ситуативный) контекст включает паралингвистические средства. Часть сообщаемой информации передается невербальным об-

разом в процессе непосредственного диалога. Эта информация заключается в физических (тембр, громкость, сила) и фонационных (интонации, ударения) свойствах речи. Кроме того, важны такие параметры речи как жесты, мимика, проксемика, кинесика. Перечисленные средства передают не только эмотивную информацию, но и когнитивную (жест может заменять слово, указывать на предмет разговора («Дай мне [указывающий жест на предмет]»), делая эллиптическое предложение в данной коммуникативной ситуации однозначным. Семиотика диалога включает семантику вербального сообщения и семантику невербального общения, т. е. весь доступный коммуникантам контекст.

Диалогическая речь контексто-обусловлена и контексто-ориентирована. Поскольку часто ситуация общения является предметом разговора, или эмотивный фон является важной составляющей диалога, говорящие имеют возможность использовать эту ситуацию для создания семиотического поля диалога. Под **семиотическим полем** диалога мы понимаем информацию, которая влияет на понимание коммуникантами друг друга: инференции, пресуппозиции адресата, пресуппозиции адресанта, реальное положение вещей и отношений между объектами, входящих в пресуппозиции, эмоции говорящих, осознание эмоций. Как следует из сказанного, семиотическое поле диалога представляет собой нелингвистическую сущность, включает объекты внешней и внутренней лингвистики, понятия, факты и представления о фактах. Оно активно используется в ряде дискурсивных жанров современной цифровой коммуникации: научных видеостатьях [Первухина 2022], дискурсе мастеров (DIY discourse) [Pervukhina, Churikov 2021] и некоторых других. В этих жанрах при описании сложного технологического процесса адресат прибегает к изображению (картинкам, схемам, фотографиям, видеофрагментам) для обращения к первой сигнальной системе – восприимчивости окружающего мира.

Контекст критически важен в корпоративной коммуникации. Вертикальный контекст сложнее

очертить, поскольку в него входят разнообразные единицы, имеющие как физическую, так и понятийную природу. Поскольку диалогическая речь в корпоративной коммуникации имеет дискурсивную природу (она зависит от структуры организации, связана с ее деятельностью и людьми, которые эту деятельность осуществляют), поэтому она зависит от объективных и субъективных факторов (см. рис.).

В диалогической речи вербальный контекст в его привычном понимании дополняется контекстами, указанными на рисунке. Он состоит из реальных объектов окружающей действительности, которые упоминаются в диалоге, или к которым делаются отсылки коммуникант, или которые влияют на коммуникацию как физические помехи. В корпоративной коммуникации, связанной с принятием решений, важен субъективный контекст, состоящий из знаний о происходящих событиях и организации в целом. Приведем пример использования субъективного и объективного контекста:

А: N. сказала мне, что нельзя провести оплату более 300 часов в год.

Б: Пусть N. тогда обратится к своей маме, которая является по совместительству нашим главным бухгалтером, и она подскажет, как все-таки можно провести оплату. (Картотека устных примеров).

В данном диалоге Б. дает информацию, относящуюся к семиотическому полю диалога – это способ решения вопроса об оплате. В диалоге он не представлен вербально, дается лишь отсылка о том, что этот вариант существует как факт. Кроме того, знание у Б. о работе мамы N. является субъективным контекстом, это инференция, которая дает основание считать возможным существование решения проблемы. Субъективный контекст А. в диалоге эту информацию не содержит. Здесь наблюдается разность контекстов у коммуникантов, при которой происходит обмен информацией. Реальное существование решения проблемы входит в зону представлений о субъективном контексте другого участника коммуникации (т. е. мамы N.).

Рисунок – Составляющие вертикального контекста в корпоративной коммуникации

Figure – Components of the vertical context in corporate communication

Диалогическая речь эллиптически по своей природе. Это объясняется законом экономии речевых усилий – общий контекст делает фрагментарное сообщение понятным для коммуникантов. Приведем такой пример:

«А.: Она черная?»

Б.: Нет, красная.

А.: А почему белая?

Б.: Потому, что зеленая.» (Картотека устных примеров).

В этом контексте говорящий использует разные прилагательные с антонимичным смыслом для описания одного предмета. То, что понятно и тривиально для говорящих в этом диалоге, является закодированным для стороннего слушателя. Понятность обеспечивается включением в семиотическое поле диалога самого предмета обсуждения – куста красной смородины.

Приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что диалогическая речь понятна для коммуникантов, несмотря на возможные потери в вербальном отношении, поскольку она ситуативна, дополняется мультимодальными факторами (видны предметы, о которых идет речь, эмоции, жесты собеседника и т. д.), коммуниканты находятся в едином контексте. Все это компенсирует возможные потери информации при ее вербализации. Иначе дело обстоит с коммуникацией в цифровом контексте.

Помехи диалогической коммуникации в цифровом формате

Цифровой формат привносит в диалогическую коммуникацию помехи, которые имеют психологический характер (недостаточная обратная связь) и контекстуальный характер (ложное ощущение единого контекста при фактической разности контекстов). Диалог в опосредованной коммуникации может проходить со сбоями, в силу неосознаваемости помех со стороны собеседника при невозможности его видеть и/или слышать. Рассмотрим типы этих помех.

1. *Помехи физические* (громкий шум, неудобная обстановка, не рабочая обстановка, когда диалог осуществляется в рамках организационной коммуникации). Такого рода сбои происходят при общении с использованием лишь аудиоканала, с выключенными камерами. Аудиоканал не дает информации о присутствии помех и провоцирует сбой информации.

К физическим помехам мы относим также передачу бессмысленной информации. В этом случае фиксируется сам факт передачи сообщения (вербального или семиотического), но сообщение не имеет никакого смысла. Это сообщения, переданные не в тот чат, или не тому человеку, или сообщения без семантического наполнения, как в следующем примере, взятому из чата в Вацап:

«А.: ??:%;№№№№№№№№#####@

Б.: Это что такое?

В.: *Что-то сильно закодированное))))*

В примере выше первое сообщение А. представляет собой набор беспорядочно набранных символов, которые имеют план выражения, но не имеют плана содержания. Реплика В. согласуется с репликой Б. в силу ее осознанности, происходитвольная интерпретация того, что переслал А. в первом своем сообщении.

Цифровые возможности устно-письменной речи и организация мессенджеров позволяют удалить ошибочные сообщения, если они не прочитаны собеседником. Так, устно-письменная речь, в отличие от устной, имеет возможности «отзыва» сообщения.

2) помехи информационные

Организационная коммуникация в больших корпорациях подразумевает разветвленность структуры и множественность подразделений, для коммуникации каждой из которых создан отдельный чат. Чаты создаются также под определенные темы. Таким образом, у владельца смартфона и приложений Вацап и Телеграмм создается много чатов, каждый из которых нуждается в прочтении, требует ответа или иной реакции. Каждый из чатов представляет собой полилог, который имеет место в течение продолжительного промежутка времени. Сотрудник крупной организации оказывается вовлеченным одновременно в большое число цифровых диалогов, которые требуют внимания, сосредоточенности, скорости реакции, что оказывает влияние на восприятие информации в цифровых сообщениях.

Есть основания полагать, что такой информационный шум создается в результате включения коммуникантов в большое количество контекстов, каждый из которых несет свою семантическую и коннотативную составляющую, особый эмоциональный фон и семиотическое поле. В психологии введено понятие «информационный стресс», которое означает состояние, возникающее в результате информационной перегрузки [Аксенова 2002, с. 97]. Под воздействием информационного шума человек перестает рефлексировать над полученной информацией, утрачивает способность к эмоциональному отклику на информацию, избирательность в обращении к источникам информации.

Еще одна особенность, возникающая от переизбытка информации, заключается в том, что большое количество информации создает излишне детализированный контекст. В чрезмерно обильном потоке информации человеку сложно найти сообщение, которое ему действительно необходимо. Несмотря на то, что Сообщение достигает адресата физически, он не прочитывает его и соответственно не реагирует.

3) *помехи психологические*, связанные с неготовностью одного из коммуникантов продолжать диалог, но неосознаваемые в полной мере другим

коммуникантом. В свою очередь, психологические помехи подразделяются на помехи или барьеры, связанные с отношениями между коммуникантами, и барьеры техники и навыков общения [Тищенко 2009, с. 25]. Так, некоторые барьеры присущи людям определенного склада постоянно – например, в силу их неспособности общаться и налаживать отношения.

Уникальная особенность цифровых диалогов сейчас – это возможность вести несколько чатов симультанно, с несколькими коммуникантами на разные темы. При этом включенность в несколько диалогов редко бывает полноценной. Случаются ошибки, когда реплика попадает не в тот чат, иногда вызывая смешанную реакцию. При невозможности настроиться психологически на один диалог общение происходит поверхностно, формально.

4) *помехи смысловые*, возникающие в силу неполноты сообщения или его фальсификации. Неполнота сообщения возникает по следующим причинам:

- личные особенности коммуниканта. Недосказанность, подразумевающая несколько трактовок, затрудняющие коммуникацию;

- недостаточность контекста, которая обуславливает неоднозначность высказывания;

- неосознаваемая разница вертикальных контекстов.

Поясним последний тип причин неполноты понимания. Для корпоративной культуры важны два вида контекстов: узкий ситуативный контекст (ситуация в момент разговора) и широкий вертикальный контекст (знания, выходящие за пределы непосредственного диалога). Под вертикальным контекстом в данном случае имеются в виду общие знания о сотрудниках организации, состоянии дел этой организации, особенностях процессов в этой организации. Успех коммуникации зависит от учета этих факторов коммуникации.

Фальсификация информации осуществляется различными способами, один из которых – создание дипфейков. Под дипфейком понимается внешне неочевидная фальсификация новостей через подделку аудио- и видеоизображения [Chesney, Citron 2019, p. 147]. Фальсифицированный контекст создается с помощью фейковых страниц с таким же контентом [Музыкант, Мукситх, Барек 2022, с. 262; Chudinov et al. 2019]. Подобная фальсификация моделирует имидж компании, создает ложные положительные отзывы о своей деятельности и отрицательные отзывы о деятельности конкурентов. Те и другие даются на разных страницах в виде фальсифицированных комментариев. Такого рода диалоги в цифровом формате в силу своей опосредованности могут быть подделкой, написанной ботом [Piotrovskaia 2007; Филясова 2022].

Следует принять во внимание, что особенность цифрового диалога заключается в том, что перечисленные помехи могут происходить со стороны только одного коммуниканта и не осознаваться другой стороной. Например, громкий шум в зуме или другой программе для общения может быть только с одной стороны, при выключенном микрофоне другой коммуникант может не осознавать проблем со стороны своего собеседника. То же может быть при выключенной камере. Невозможность одного из коммуникантов оценить ситуацию общения с позиций другого может привести к барьерам в коммуникации, вплоть до ее прекращения.

Эффективность диалогической коммуникации зависит от доступности контекста для коммуникантов и его осознанности, т.е. знания факторов, составляющих семиотическое поле контекста. Фактически, семиотическое поле контекста имеет такую же знаковую природу, как и единицы языка. Если факт (объект) существует в контексте, то он объективно влияет на коммуникацию. Кроме того, для диалогической опосредованной речи важна рефлексия коммуниканта о знании собеседника о контексте. Таким образом, достигается баланс между субъективным и объективным в семиотическом пространстве диалога [Черезова 2021].

Выводы

Современные средства коммуникации создают впечатление, что контекст в диалогической речи является единым континуумом для коммуникантов, но это не всегда так. Поскольку цифровой формат коммуникации допускает общение в разное время и коммуниканты в момент общения могут находиться очень далеко друг от друга, их пространственно-временной континуум не совпадает. Коммуникация может проходить со сбоями.

Современная диалогическая коммуникация допускает видимость диалога, когда его на самом деле может не происходить. Эффективность (т. е. понятность) диалога зависит от осознанности контекста обоими коммуникантами. Это осознанность фактическая, когнитивная и эмоциональная. Под фактической осознанностью понимается знание об условиях коммуникации с обеих сторон, под когнитивной осознанностью понимается знание о фактах и объектах, которых эта коммуникация затрагивает. Эмоциональная осознанность включает в себя понимание своего эмоционального поля и поля собеседника. Эффективность коммуникации усложняется возможностями создания фейков в цифровом континууме, которые проверяются знания реального контекста и семиотического поля диалога.

Материалы исследования

Ахманова 2021 – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Ленанд, 2021. 576 с.

Библиографический список

Chesney, Citron 2019 – *Chesney R., Citron D.* Deepfakes and the New Disinformation War. The Coming Age of Post-Truth Geopolitics. // *Foreign Affairs*, January/February 2019, pp. 147–155. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2018-12-11/deepfakes-and-new-disinformation-war>.

Chudinov et al. 2019 – *Chudinov A.P., Koshkarova N.N., Ruzhentseva N.B.* Linguistic Interpretation of Russian Political Agenda Through Fake, Deepfake, Post-Truth // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2019. Vol. 12, issue 10. P. 1840–1853. DOI: <http://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-0492>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hffmrz>.

Pervukhina, Churikov 2021 – *Pervukhina S.V., Churikov M.P.* Computer-mediated communication in DIY discourse // *E3S Web of Conferences*. 2021. Vol. 273. P. 12155. DOI: <http://dx.doi.org/10.1051/e3sconf/202127312155>.

Piotrovskaya 2007 – *Piotrovskaya L.A.* The interaction of emotional and rational evaluation in the process of foreign speech // *The Russian language historical differences and modern. III International Congress of Russian Language Scholars: proceedings and materials*. Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2007. P. 28.

Аксенова 2022 – *Аксенова А.Д.* Проблемное использование интернета, его проявления и последствия // *Современный мир психологии глазами молодого ученого: материалы межвузовской научно-практической конференции магистрантов*. Тверь, 2022. С. 94–100. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49366978&pff=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/txohgc>.

Астафурова, Гончарова 2016 – *Астафурова Т.Н., Гончарова Д.А.* Лингвосомиотическое пространство школьного образования Англии // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15, № 1. С. 124–130. DOI: <http://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.16>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vvmwww>.

Евтушенко, Шестакова 2021 – *Евтушенко О.А., Шестакова О.А.* Невербальные и смешанные знаки в лингвосомиотическом пространстве институционального дискурса // *Гуманитарные исследования*. 2021. № 2 (78). С. 30–35. DOI: <http://doi.org/10.21672/1818-4936-2021-78-2-030-035>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dikddr>.

Музыкант, Мукситх, Барек 2022 – *Музыкант В.Л., Мукситх А.М., Барек К.* Фейковые новости как основа дезинформации на современных медиаплатформах // *Культура в фокусе научных парадигм*. 2022. № 14–15. С. 258–263. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49341943>. EDN: <https://www.elibrary.ru/eqobjr>.

Назарова 2022 – *Назарова Т.Б.* Типология видов общения: от традиционных линий дифференциации к новым соотношениям // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2022. Т. 28, № 3. С. 117–126. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-117-126>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dutuax>.

Первухина 2022 – *Первухина С.В.* Видеостатья как речевой жанр // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 1 (33). С. 74–81. DOI: <http://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-74-81>.

Пром 2018 – *Пром Н.А.* Объективность-субъективность: амбивалентность концепта «медиафакт» // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2018. № 10 (133). С. 89–95. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36434695>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vmcwiy>.

Тищенко 2009 – *Тищенко В.А.* Компьютерно-опосредованная учебная коммуникация: коммуникативные барьеры // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2009. № 9 (87). С. 24–29. URL: https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/tishenko_v_a_29_24_9_87_2009.pdf.

Филясова 2022 – *Филясова Ю.А.* Перфекционизм и рационально-эмотивное поведение как мотивационная политика управления персоналом // *Управление*. 2022. Т. 10, № 1. С. 16–27. DOI: <http://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-1-16-27>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wwwvyp>.

Черезова 2021 – *Черезова М.А.* Стратегии объективного / субъективного информирования в электронных немецкоязычных СМИ // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2021. Т. 27, № 1. С. 172–177. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-1-172-177>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qfncip>.

References

Chesney, Citron 2019 – *Chesney R., Citron D.* (2019) Deepfakes and the New Disinformation War. The Coming Age of Post-Truth Geopolitics. *Foreign Affairs*, January/February 2019, pp. 147–155. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2018-12-11/deepfakes-and-new-disinformation-war>.

Chudinov et al. 2019 – *Chudinov A.P., Koshkarova N.N., Ruzhentseva N.B.* (2019) Linguistic Interpretation of Russian Political Agenda Through Fake, Deepfake, Post-Truth. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, vol. 12, issue 10, pp. 1840-1853. DOI: <http://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-0492>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hffmrz>.

Pervukhina, Churikov 2021 – *Pervukhina S.V., Churikov M.P.* (2021) Computer-mediated communication in DIY discourse. *E3S Web of Conferences*, vol. 273, p. 12155. DOI: <http://dx.doi.org/10.1051/e3sconf/202127312155>.

Piotrovskaya 2007 – *Piotrovskaya L.A.* (2007) The interaction of emotional and rational evaluation in the process of foreign speech. In: *The Russian language historical differences and modern. III International Congress of Russian Language Scholars: proceedings and materials*. Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. Moscow, p. 28.

Aksenova 2022 – *Aksenova A.D.* (2022) Problematic use of the Internet, its manifestations and consequences. In: *Modern world of psychology through the eyes of a young scientist: materials of the interuniversity research and practical conference*. Tver, pp. 94-100. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49366978&pff=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/txohgc>. (In Russ.)

Astafurova, Goncharova 2016 – *Astafurova T.N., Goncharova D.A.* (2016) Linguasemiotic space of school education in England. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 15, no. 1, pp. 124–130. DOI: <http://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.16>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vvmwww>. (In Russ.)

Evtushenko, Shestakova 2021 – *Evtushenko O.A., Shestakova O.A.* (2021) Non-verbal and mixed signs in the linguasemiotic space of the institutional discourse. *Humanitarian Researches*, no. 2 (78), pp. 30–35. DOI: <http://doi.org/10.21672/1818-4936-2021-78-2-030-035>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dikddr>. (In Russ.)

Muzykant, Muksith, Barek – *Muzykant V.L., Muksith A.M., Barek K.* (2022) Fake news as the basis of disinformation on modern media platforms. *Culture in the Focus of Scientific Paradigms*, no. 14-15, pp. 258–263. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49341943>. EDN: <https://www.elibrary.ru/eqobjr>. (In Russ.)

Nazarova 2022 – *Nazarova T.B.* (2022) Typology of communication: from traditional lines of differentiation to new correlations. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 28, no. 3, pp. 117-126. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-117-126>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dutuax>. (In Russ.)

Pervukhina 2022 – *Pervukhina S.V.* (2022) Video article as a speech genre. *Speech Genres*, vol. 17, no. 1 (33), pp. 74–81. DOI: <http://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-74-81>. (In Russ.)

Prom 2018 – *Prom N.A.* (2018) Objectivity versus subjectivity: ambivalence of the concept of «media fact». *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 10 (133), pp. 89-95. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36434695>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vmcwiy>.

Tischenko 2009 – *Tischenko V.A.* (2009) Learning computer-mediated communication: communicative barriers. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 9 (87), pp. 24–29. Available at: https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/tishenko_v._a._29_24_9_87_2009.pdf. (In Russ.)

Filyasova 2022 – *Filyasova Yu.A.* (2022) Perfectionism and rational-emotive behavior as a motivational policy for human resource management. *Upravlenie = Management (Russia)*, vol. 10, no. 1, pp. 16–27. DOI: <http://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-1-16-27>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wwrvyp>. (In Russ.)

Cherezova 2021 – *Cherezova M.A.* (2021) Objective / subjective information strategies in electronic German media. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 1, pp. 172–177. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-1-172-177>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qfncip>. (In Russ.)

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.01.2023
Revised: 24.02.2023
Accepted: 10.03.2023

Semantic and lexical specifics of the emotives, nominating sadness in English

M.I. Andreeva

Kazan State Medical University, Kazan, Russian Federation
E-mail: lafruta@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5760-0934>

D.Z. Gaynutdinova

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
E-mail: key691@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4684-6063>

A.T. Galiakhmetova

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation
E-mail: albinagal2601@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1477-9038>

Abstract: The article addresses a vital issue of nominations of human emotional state of sadness in English. As a part and parcel of daily life and communication, emotions are intrinsically connected to human linguistic behaviour. The research adheres to the anthropocentric paradigm that governs multiple research areas currently, thus making it relevant. Moreover, a combination of the methods used, namely, semantic, lexical, contextual, distributional analysis, combined with online tools and corpora, contributes to the research relevance. Given many triggers of the emotional state people face with on daily basis, the problem of nomination of emotions and finding reasons that lie behind them is one of the ways to deal with it. The article aims at revealing the semantic and lexical peculiarities of the emotives, nominating sadness in English with reference to their contexts. 40 linguistic units, nominating sadness in English were collected from the dictionaries. About 1000 example sentences were elicited from corpora. The research was implemented in four stages. The structural classification revealed prevalence of verbal emotives with preposition of K^V+prep+A type. Further, we focused on the combinatorial features of the emotives based on the British National Corpus texts and Google Ngram viewer tool. The verbs ‘be’, ‘feel’, ‘get’ are more common to collocate with the emotives under study. The semantics of the emotives is extended by the introduction of the semes ‘increase’, ‘decrease’ and ‘absence’ of a wide range of sadness’ triggers. Google Ngram newspaper texts tend to resort to the emotives for the nomination of economic and political bodies rather than individuals.

Key words: emotion; emotives; sadness; corpus; context; semantics; meaning extension.

Citation. Andreeva M.I., Gaynutdinova D.Z., Galiakhmetova A.T. Semantic and lexical specifics of the emotives, nominating sadness in English. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 188–196. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-188-196>.

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Andreeva M.I., Gaynutdinova D.Z., Galiakhmetova A.T., 2023

Mariia I. Andreeva – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Foreign Languages, Kazan State Medical University, 49, Butlerov Street, Kazan, 420012, Russian Federation.

Dina Z. Gaynutdinova – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of European Languages and Cultures, Institute of International Relations, Kazan – Volga Region Federal University, 18, Kremlevskaya Street, Kazan, 420008, Russian Federation.

Albina T. Galiakhmetova — Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of Foreign Languages, Kazan State Power Engineering University, 51, Krasnoselskaya Street, Kazan, 420066, Russian Federation.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 8.81

Дата поступления: 15.01.2023
рецензирования: 24.02.2023
принятия: 10.03.2023

Семантическая и лексическая специфика эмотивов, номинарующих печаль в английском языке

М.И. Андреева

Казанский государственный медицинский университет, г. Казань, Российская Федерация
E-mail: lafruta@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5760-0934>

Д.З. Гайнутдинова

Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация
E-mail: key691@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4684-6063>

А.Т. Галиахметова

Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Российская Федерация
E-mail: albinagal2601@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1477-9038>

Аннотация: В статье рассматривается актуальная проблема номинаций эмоционального состояния печали средствами английского языка. Эмоции являются неотъемлемой частью повседневной жизни и общения человека. Они неразрывно связаны с языковым поведением человека. Исследование проведено в рамках антропоцентрической парадигмы, господствующей в настоящее время во многих областях исследований. Это определяет актуальность исследования. Сочетание методов исследования, а именно семантического, лексического, контекстуального, дистрибутивного анализа, и использование онлайн-инструментов и корпусов, также способствует актуальности данной работы. Учитывая присутствие множества каузаторов эмоционального состояния в повседневной жизни человека, проблема номинации эмоций и причин, стоящих за ними, является одним из способов справиться с ней. Цель статьи – выявить семантические и лексические особенности эмотивов, номинирующих печаль в английском языке, основываясь на их контекстах. Материалом исследования явились 40 лингвистических единиц, номинирующих печаль в английском языке и около 1000 их контекстов в корпусах. Исследование проводилось в четыре этапа. Структурная классификация выявила преобладание глагольных многословных эмотивов с предлогом (K'+prep+A). Далее мы изучили комбинаторные особенности эмотивов в текстах Британского национального корпуса и инструменте Google NGram. Глаголы «быть», «чувствовать», «получать» чаще сочетаются с изучаемыми эмотивами. Семантика эмотивов расширяется за счет введения сем «увеличение», «уменьшение» и «отсутствие» широкого спектра каузаторов печали. Тексты газет в инструменте Google NGram используют эмотивы для номинации экономических и политических организаций, а не отдельных лиц.

Ключевые слова: эмоция; эмотивы; печаль; корпус; контекст; семантика; расширение значения.

Цитирование. Andreeva M.I., Gaynutdinova D.Z., Galiakhmetova A.T. Semantic and lexical specifics of the emotives, nominating sadness in English // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 188–196. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-188-196>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Андреева М.И., Гайнутдинова Д.З., Галиахметова А.Т., 2023

Мария Игоревна Андреева – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Казанский государственный медицинский университет, 420012, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Бутлерова, 49.

Дина Зявдатовна Гайнутдинова – кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и культур, Институт международных отношений – Казанский федеральный университет, 420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. М. Межлаука, 3/45.

Альбина Тагировна Галиахметова — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет, 420066, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Красносельская, 51.

Introduction

The nominations of emotions, i.e. emotives, have been studied in numerous research works within various branches of linguistics [Apresyan 1995; Pennenbaker 1997; Grondelaers, Stefan, Geeraerts 1998; Wierzbicka 2009; Stange 2016; Ulrike 2016 Volkova, Panchenko 2018; Zhabotynska, Slyvka 2020]. We follow the theories of Shakhovskiy and define emotives as ‘linguistic units with an emotive component in their meaning’ [Shakhovskiy 2009]. Emotiveness is regarded as a linguistic equivalent of emotionality [Andreeva 2020].

Emotions may be nominated directly and indirectly, i.e. descriptively [Apresyan 1995; Shakhovskiy 2009]. Some researchers claim that direct nominations of emotions are not regarded as emotive as they nominate an emotion itself, but not a person in a state of emotion [Apresyan 1995]. Babenko argues that, descriptive or metaphoric emotives are units that describe personal state of emotions [Babenko 1989]. People encounter multiple triggers of sadness daily. Thus **the problem** of verbalizing the emotional state is of great value and significance. The study of lexical and semantic features of the emotives nominating sadness in English (hereinafter ENSE) may shed the light on the nature of this emotion.

Authors view context as a tool to research and uncover the peculiarities of emotives’ semantics [Uchida 1997; Naciscioine 2010; Sternin, Salomatina 2011; Nemcova 2013]. A contextual study of ENSE may be regarded as a research niche.

The anthropocentric linguistic paradigm which currently predetermines large number of research works makes present study **relevant** due to the nominated personal emotional state of sadness. The research **novelty** comprises the application of multiple methods and approaches, namely, lexicographic, semantic, contextual to find semantic, lexical and contextual feature of the ENSE [Andreeva 2015; Andreeva 2019].

The research **aims** at revealing the semantic and lexical specifics of the ENSE based on their contexts in the texts of the BNC and Google NGram viewer.

The aim sets the following research **tasks**: 1) to elicit ENSE from the dictionaries; 2) to perform structural classification of the ENSE distinguishing one-word emotives and word combinations; 3) to find contexts of the ENSE in the BNC and register them; 4) to analyze the word combinations with the ENSE in the revealed BNC texts; 5) to determine additional meanings of the ENSE based on their syntactic contexts registered; 6) to analyze the distribution of the ENSE in the sources and, in particular, in newspapers uploaded into Google NGram viewer tool; 7) to compare the semantics of the ENSE.

The last decades are marked with the increased interest of the research in the anthropocentric notions, namely nominations of emotions and emotive metaphors [Barchard, Grob, Roe 2017; Marmolejo-Ramos 2017; Smirnova, Cumming, Sloeva, Kuvshinova, Romanov, Nosachev 2018]. Barchard et al. suggest that figurative means are helpful because

‘it is often the easiest way to explain abstract concepts such as emotions’ [Barchard, Grob, Roe 2017]. Their experimental data proves that metaphorically sadness is compared to something being ‘down, dark, blue, and empty’ (e. g. **I feel down, He is down in the dumps; my spirits sank**) [Barchard, Grob, Roe 2017]. Kövecses et al. performed the experiment analyzing the lexical components and collocations with the emotive metaphors and determined the patterns, namely, fear is associated with cold (**have cold feet, cold shiver**) [Kövecses 2013]. The descriptor of the emotional state was also researched by the questionnaires. Waggoner surveyed the Americans about their ‘emotion-temperature’ correspondence [Waggoner 2010].

The correlation of the literal and figurative meanings was highlighted by both Russian and foreign researchers [Lakoff, Johnson 1980; Uchida 1997; Hanks 2004; McGlona 2007; Amosova 2013; Baeva 2021]. The authors highlight that the lexical form and meaning of an emotive metaphor correlate with the extralinguistic information used to coin it [Dobrovolskij, Piirainen 2010]. The indicated correlation corresponds to the terms of the ‘source domain’ and the ‘target domain’, introduced by Lakoff and Johnson [Lakoff, Johnson 1980].

To study word semantics researchers traditionally resort to the structural approach [Espinal, Mateu 2010; Naciscione 2010]. In the paper we follow theories of Sternin and reveal core, peripheral and potential semes in the structure of an emotive. By a seme we understand ‘a minimal component of the meaning’ [Naciscione 2010]. The core seme aids differentiating word’s semantic fields. The peripheral semes reveal differences in the meaning of emotives [Novikov 2021]. The potential semes of the emotives are found in the contextual study.

Amosova described the syntactic context in the following way ‘a semantic implementation of a word, regardless of the lexical meanings of the words included in this construction’ [Amosova 2013]. Researchers highlight the significance of the context when analyzing metaphors, namely due to the meaning extension [Andreeva 2020].

Moreover, contextual information is a reliable tool to uncover the collocations with ENSE. The structural approach introduced by Arakin [Arakin 2005] implies that a word combination contains a core word (hereinafter K (Kernel)) and an adjunct (hereinafter A). The two may be represented by a wide range of parts of speech, namely, n (noun), v (verb), d (adverb), a (adjective), and prep (preposition).

The research comprised 4 stages, accorded with the following research questions (RQ):

RQ1: What are the structural types / patterns of the ENSE?

RQ2: What are possible collocations with the ENSE?

RQ3: What additional meanings are found in the contextual study of the emotives?

RQ4: What is the distribution of ENSE in the mass media texts?

Materials and methods

The research **material** comprises 40 emotives elicited from the dictionaries (Slang dictionary; Rebrina 2017; MIL). Moreover, to study contextual specifics of the emotives, we resorted to the political, sociological, cultural and media texts registered in the British National Corpus (BNC). All the texts obtained were codified by the authors. In total we registered approximately 1000 texts.

The BNC was compiled by Oxford University press in the 1980s – early 1990s, registers about 100 million of text from various genres (namely, fiction, spoken, newspapers, magazines, and academic). All the example sentences were obtained from the British National Corpora.

Google NGram Viewer online tool was used to determine the frequency of the collocations with the emotives under study. The online tool rests on the Google books and shows the frequency of word usage both graphically and contextually.

The research rested on the following methods: description, elements of statistical analysis, lexicographic, semantic and distributional analysis.

Results and Discussion

At the preliminary stage of the research 40 ENSE were elicited from the dictionaries (Slang dictionary; Rebrina 2017; MIL).

At Stage 1 we grouped the emotives according to their structural type and distinguished between one-word emotives and emotive word combinations. There are eight one-word ENSE. E.g. **arsey, sad, gloomy, gutted, disappointed, mardy, a person, who gets disappointed easily**. The revealed emotive word combinations were accorded with the structural theory of Arakin [Arakin 2005]. For example, the emotive ‘**be miffed**’ is marked as $K^v + A^d$ (see Table 1).

Table 1

The structural types of word combinations

Таблица 1

Структурные типы сочетаний

Structural type	Number of emotives
Verbal word combinations	
$K^v + \text{prep} + A$	12
$K^v + A$	11
Nominal word combinations	
$A + K^n$	4
$K^{n/a} + A$	3
$A + \text{prep} + K^n$	1

As Table 1 suggests, the prevailing number of word combinations belong to the verbal type (23)¹ of the structural pattern with preposition ‘ $K^v + \text{prep} + A$ ’ (12). E.g. **to be in the doldrums, to be in bad mood, sad; to be in low water, to be sad and depressed; to be under water, to be disappointed, wrecked, sad; to be down in the dumps, to be sad**.

¹ Hereinafter the numbers in brackets indicate the frequency of ENSE in the given group. Frequency rate 1 remains unmarked.

Revealed verbal combinations also represent pattern 'K^v + A' (11) and may be exemplified by the following emotives: **fret oneself to fiddle strings, to torture oneself, to make oneself sad; to have a scrubbed hammock face, to have very sad, dismal face; to be high and dry, to be left in trouble, in sad state.**

Nominal word combinations (8) fall into two structural types: 'A + Kⁿ' (4) – **wet blanket, a sad person, who does not want to be entertained; dull fish, a sad person; stormy petrel, a person, who causes sad things to occur;** and 'K^{n/a} + A' (3) – **wet as a shag, a sad person, who looks miserable; rock happy, a person, who is sad due to long stay away from home; face as long as fiddle, a sad face.**

At Stage 2 the collocations with the ENSE were determined based on the texts of the BNC.

The emotive **down in the dumps, sad person** is found in 18 contexts in the BNC. The emotive, primarily, is preceded by the verbs **be** (9), **feel** (4), **have, press** modifiers **a bit** (3), **really** (2), **constantly, positively, pretty, right, so.** E.g. ES1² '<...> so, he said that she's feeling a bit **down in the dumps** and quite moody' (BNC), ES4 '<...> they lose it's makes you feel right **down in the dumps**' (BNC) (see Fig. 1).

The emotive **wet blanket, a sad person, who doesn't want to entertain** functions in 17 texts in the BNC. It collocates with verbs **be** (4), **imagine as, resemble,** modifiers such as **real** (3), **middle aged** (2). E.g. ES8 '<...> a proposal so bizarre that it should be accounted for by a motive, not to have at dinner a famously silent person, imagined as a **wet blanket**' (BNC), ES12 'Most of the older boys agreed with Jack and believed that Piggy was a middle-aged **wet blan-**

² The contexts elicited from the BNC were registered and coded. The code consists of letters ES, which stand for 'example sentence' and a number.

ket because he always thought he knew best about everything' (BNC).

The emotive **in the doldrums, sad and depressed** is used in 59 texts in the BNC. The emotive is preceded by verbs **be** (18), **remain** (4), **seem** (2), nouns **season, period, decade, months, country, industry, economy, discipline, markets, prices, music, policy.** E.g. ES4 'The mortgage market has been **in the doldrums** for three years and lending is shrinking steadily' (BNC), ES10 'The Petroleum sub-sector began the decade **in the doldrums,** having lost much of its traffic due to reduced demand and surrendered further flows to long-distance pipelines' (BNC).

The emotive **high and dry, abandoned in trouble and sad** is used in 51 texts in the BNC. The emotive is preceded by verbs **leave** (28), **be** (3), **catch, expose,** pronouns (6). E.g. ES20 'If he hadn't rattled her so much the other day, leaving her **high and dry** to sneak off and join his girlfriend' (BNC), ES25 'We were caught, **high and dry**' (BNC).

At Stage 3 we focused on the semantics extended due to contextual specifics of the emotives under study. We shall exemplify the implemented procedure by three emotives given their frequency in the BNC texts.

Additional meanings revealed for the emotive 'high and dry'

The meaning of the emotive **high and dry** is explained in 51 contexts of the BNC belonging to commerce, fiction, sport, science and media genres. In particular, in ES7 emotive is objectified reasoned by the cessation of services. E.g. ES1 'And for the thousands of chatline users who will be left **high and dry** when their service shuts down in April, Dr Derek Milne predicts a further search for support' (BNC).

A person is described as **high and dry** as he / she has no money left. E.g. ES10 'The money, however,

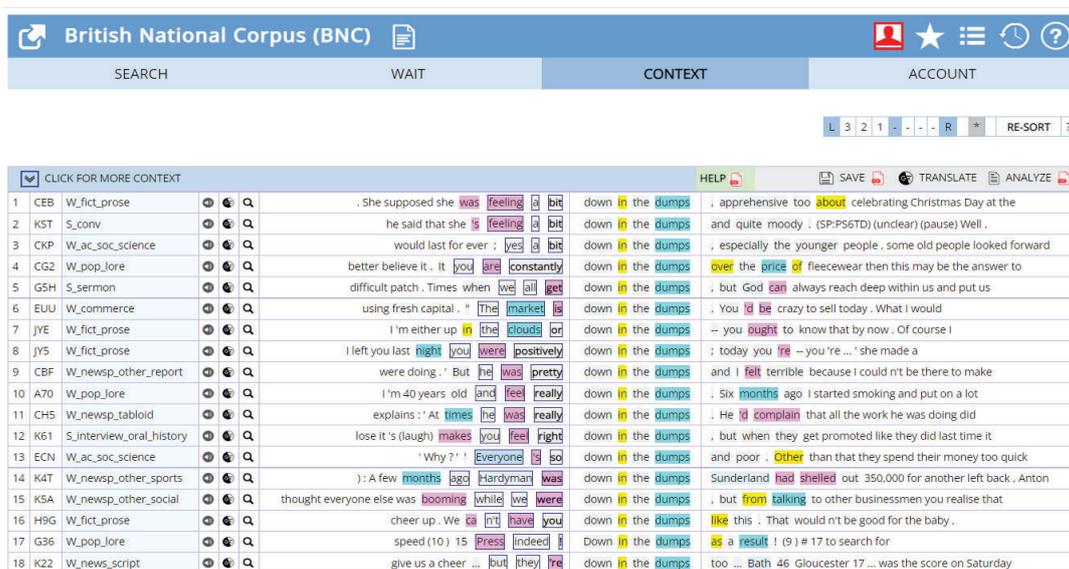

Figure 1 – The distribution of the ENSE **down in the dumps** in the BNC

Рисунок 1 – Распределение эмотива **down in the dumps**, номинирующего печаль в английском языке, в текстах BNC

always disappears leaving the professional **high and dry** and minus a considerable sum of money' (BNC).

The emotive is used in the meaning of 'no chance of competing' due to achievements of other people in ES40 'Darren Gawley claims he was left **high and dry** and unable to compete in yesterday's British Championship because of Robert Dunlop's win in the 125cc class' (BNC).

In ES43 the emotive is implemented in the meaning 'lack of variation'. E.g., ES45 'There is a real danger in only doing the classical things you're OK with it for a time, but then you're left **high and dry** when fashion moves on' (BNC).

Additional meanings revealed for the emotive 'down in the dumps'

The emotive **down in the dumps** functions in 18 texts in the BNC, namely in fiction, prose, tabloids, and newspapers genres.

In ES5 the woman is **down in the dumps** as she is scared of staying at a certain place on a festive occasion. ES5 'She supposed she was feeling a bit **down in the dumps**, apprehensive too about celebrating Christmas Day at the Danbys' (BNC).

The aging process triggers sadness in a 40-years-old person in ES7 'I'm 40 years old and feel really **down in the dumps**' (BNC).

In ES10 a man is sad as he has no or little achievements at his work thus resulting in no professional growth. ES10 'At times he was really **down in the dumps**. He'd complain that all the work he was doing didn't seem to be making him any bigger' (BNC).

High prices make person feel sad in ES13 'If you are constantly **down in the dumps** over the price of fleecewear then this may be the answer to your prayers' (BNC).

Additional meanings revealed for the emotive 'in the doldrums'

The emotive **in the doldrums** is used in political, economical, fiction, sciences texts in the BNC. In ES4 the emotive is used to describe a person who is sad due to lack of equipment. ES4 '<...> modern well-equipped schools are for science, while arts schools

struggle along **in the doldrums**, where neither teachers nor pupils will want to be' (BNC).

The meaning 'poor sport achievements' is objectified in ES11 'Scotland has been **in the doldrums** of international competition for years, only able to raise its game in occasional moments of glorious defeat as in the last European Championship' (BNC)].

In the ES15 the company is high and dry as it is poorly capable of keeping up with the competitors. 'Unilever was still **in the doldrums** over fears that some of its brands will suffer in price wars' (BNC). Semantic structure of the ENSE was expanded by additional meanings revealed in the BNC texts (see Table 2).

At Stage 4 we studied the collocations and frequency with three most frequent ENSE (see Stage 3) in the sources registered in Google NGram Viewer (see Figure 2). We resorted to the books, magazines, media texts and video titles.

Interestingly, the vast majority of the collocations revealed in the BNC texts for ENSE were also functioning in the Google NGram texts. However, surprisingly, there is the wide range of newspapers and magazines headlines and titles of the songs, pop bands which contain the ENSE under study. In particular, the emotive **high and dry**, which is the most frequent on the graph (Fig. 2) is used to name songs, music groups, books by Guy Pearse (2007), Sarah Skilton (2014), Sasmit Powale (2019) and many others.

In the texts of newspapers the emotive **down in the dumps** refers to person and is used with the verbs **be** (20), **get** (14), **feel** (10). E.g. 'A Winnipeg anthropologist is **down in the dumps** these days, searching for clues to Canada's past' (Google NGram).

NGram viewer texts containing the emotive **in the doldrums** often refer to the economical, commercial and industrial contexts rather than describing single person. E.g. '<...> the increase in NPLs was due to the economy being **in the doldrums**' (Google NGram), 'The labor market, which had been stuck **in the doldrums** over the last three years, has been showing strong signs recently that it is getting back in the groove' (Google NGram).

Table 2

Additional meanings of ENSE based on the contexts

Таблица 2

Дополнительные смыслы эмотивов, номинирующих печаль в английском языке, выявленные в контекстах

Emotive	high and dry	down in the dumps	in the doldrums
Meaning	abandoned in trouble and sad	<i>an unhappy and sad</i>	sad and depressed
Core seme	state		
Potential semes	absence of services	decreasing achievements	decreasing achievements
	absence of money	increasing fear	decreasing ability to keep up with the competitors
	absence of competing	increasing age	absence of equipment
	absence of variation	increasing prices	

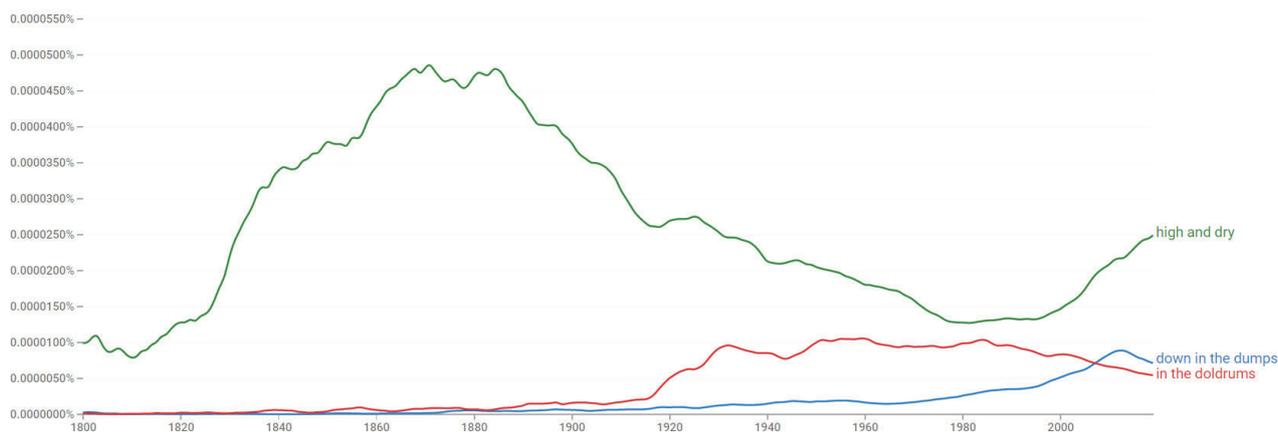

Figure 2 – The frequency of ENSE in the Google Ngram viewer tool

Рисунок 2 – Частотность эмотивов, номинирующих печаль, выявленных в онлайн инструменте Google Ngram viewer

Conclusion

According to the obtained results the most frequent structural patterns of the ENSE are verbal word combinations with preposition. One-word emotives are, primarily, participles, nominating sad person.

The research revealed that emotives are preceded, mostly, by verbs both in the BNC texts and the newspapers registered in the Google Ngram viewer tool. The latter, however, provides more diverse application areas, encompassing book titles, newspaper headlines, songs and music groups. According to Ngram search, the emotive **in the doldrums** is more frequent for the description of industrial and economical entities than people.

The significant number of additional meanings of the emotive **high and dry** contain potential seme

‘absence’, in particular, absence of services, money, competition, variation. The semes ‘increase’ and ‘decrease’ are added to the emotives **down in the dumps** and **in the doldrums**. Based on the BNC texts, the former is triggered by decreased achievements, increased fear, age and prices. The latter nominates the person who is sad due to decreased achievements, competitiveness, and absence of equipment.

The research perspective comprises the extension of the research material. In particular, the developed algorithm may be applied to the study of emotives nominating both positive (joy) and negative emotions (fear, anger). Furthermore, corpora study may be limited to a specific sub-corpus, i.e. science, fiction, media. Cross linguistic studies may also contribute to the topic.

Materials of the research

Slang dictionary – *A dictionary of slang*. URL: <http://www.peevish.co.uk/slang/index.htm> (accessed 14.12.2022).

BNC – *British National Corpora*. URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (accessed 10.12.2022).

MIL – *Glossary of military terms and slang*. URL: <https://www.military.com/join-armed-forces/military-terms-and-jargon.html> (accessed 14.12.2022).

Google Ngram viewer – *Google Ngram viewer*. URL: <https://books.google.com/ngrams/> (accessed 9.12.2022).

Novikov 2021 – *Novikov L.A.* (2021) Sema. In: Linguistic encyclopaedic dictionary. Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/437c.html>. (In Russ.)

Rebrina 2017 – *Rebrina L.N.* et al. (2017) Dictionary of youth slang (based on English, German, French and Russian languages). Volgograd: Izd-vo VolGU, 384 p. (In Russ.)

References

Andreeva, Makarova, Gorbunova, Lukina 2019 – *Andreeva M.I., Makarova O.Y., Gorbunova D.V., Lukina M.V.* (2019) Emotive metaphors in professional jargons. In: *Advances in Intelligent Systems and Computing*, vol. 907, pp. 335–342. DOI: http://doi.org/10.1007/978-3-030-11473-2_35. EDN: <https://elibrary.ru/zppslg>.

Andreeva, Solnyshkina 2015 – *Andreeva M.I., Solnyshkina M.I.* (2015) Idiomatic meaning of IDIOM «halcyon days» in institutional discourse: A contextual analysis. *Journal of Language and Literature*, vol. 6, no. 1, pp. 306–310. Available at: https://www.researchgate.net/figure/Semantic-Structure-of-Halcyon-Days_tbl1_282311450. DOI: <http://dx.doi.org/10.7813/jll.2015/6-1/56>.

Baeva 2021 – *Baeva A.* (2021) Metaphors from the names of parts of the human body (anthropomorphic metaphors). *Knowledge – International Journal*, vol. 48, no. 4, pp. 665–667. Available at: <https://ikm.mk/ojs/index.php/kij/article/view/4887>.

- Barchard, Grob, Roe 2017 – Barchard Kimberly A., Grob Kelly E., Roe Matthew J. (2017) Is sadness blue? The problem of using figurative language for emotions on psychological tests. *Behavior Research Methods*, vol. 49, no. 2, pp. 443–456. DOI: <http://doi.org/10.3758/s13428-016-0713-5>.
- Dobrovolskiy, Piirainen 2010 – Dobrovolskiy D., Piirainen E. (2010) Idioms: Motivation and etymology. *Yearbook of Phraseology*, vol. 1, issue 1, pp. 73–96. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/9783110222623.1.73>.
- Espinal 2010 – Espinal M.T. (2010) On classes of idioms and their interpretation. *Journal of Pragmatics*, vol. 42, issue 5, pp. 1397–1411. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.pragma.2009.09.016>.
- Grondelaers, Geeraerts 1998 – Grondelaers Stefan, Geeraerts Dirk (1998) Vagueness as a euphemistic strategy. In: *Speaking of Emotions: Conceptualisation and Expression*. Berlin: deGruyter, pp. 357–374. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110806007.357>.
- Hanks 2004 – Hanks P. (2004) The Syntagmatics of Metaphor and Idiom. *International Journal of Lexicography*, vol. 17, no. 3, pp. 245–274. DOI: <http://doi.org/10.1093/ijl/17.3.245>.
- Kövecses 2013 – Kövecses Z. (2013) The metaphor-metonymy relationship: Correlation metaphors are based on metonymy. *Metaphor & Symbol*, vol. 28, issue 2, pp. 75–88. DOI: <http://doi.org/10.1080/10926488.2013.768498>.
- Lakoff, Johnson 1980 – Lakoff G., Johnson M. (1980) *Metaphors we live by*. Chicago: University Press, Chicago, IL, 276 p. Available at: <https://sociosemiotics.net/files/Cognitive%20Linguistics%20-%20Lakoff,%20G%20&%20Johnson,%20M%20-%20Metaphors%20We%20Live%20By.pdf>.
- Marmolejo-Ramos 2017 – Marmolejo-Ramos, Fernando, et al. (2017) Placing joy, surprise and sadness in space: a cross-linguistic study. *Psychological Research*, vol. 81, issue 4, pp. 750–763. DOI: <http://doi.org/10.1007/s00426-016-0787-9>.
- McGlone 2007 – McGlone M.S. (2007) What Is the Explanatory Value of a Conceptual Metaphor? *Language & Communication*, vol. 27, issue 2, pp. 109–126. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.langcom.2006.02.016>.
- Naciscione 2010 – Naciscione A. (2010) Stylistic use of phraseological units in discourse. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 309 p. DOI: <http://doi.org/10.1075/z.159>. Available at: <https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/31773/625262.pdf?sequence=1>.
- Němcová 2013 – Němcová M. (2013) Comparative analysis of English and French body idioms. Brno: LAP Lambert, 100 p. Available at: <https://www.perlego.com/book/3315152/comparative-analysis-of-english-and-french-body-idioms-pdf>.
- Pennebaker 1997 – Pennebaker J.W. (1997) Writing about emotional experiences as a therapeutic process. *Psychological Science*, vol. 8, no. 3, pp. 162–166. Available at: http://gruberpeplab.com/3131/Pennebaker1997_Writingemotionalperiences.pdf.
- Smirnova, Cumming, Sloeva, Kuvshinova, Romanov, Nosachev 2018 – Smirnova D., Cumming P., Sloeva E., Kuvshinova N., Romanov D., Nosachev G. (2018) Language patterns discriminate mild depression from normal sadness and euthymic state. *Frontiers in psychiatry*, vol. 9, p. 105. DOI: <http://doi.org/10.3389/fpsy.2018.00105>.
- Stange 2016 – Stange U. (2016) Emotive interjections in British English: A corpus-based study on variation in acquisition, function and usage. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 245 p. DOI: <http://doi.org/10.1075/scl.75>. Available at: <https://pdfdrive.to/download/emotive-interjections-in-british-english-a-corpus-based-study-on-variation-in-acquisition-function-and-usage>.
- Uchida 1997 – Uchida S. (1997) Immediate contexts and reported speech. *UCL Working Papers in Linguistics*, 1997, no. 9 (29), p. 147. Available at: <https://www.phon.ucl.ac.uk/home/PUB/WPL/97papers/uchida.pdf>.
- Volkova, Panchenko 2018 – Volkova Ya.A., Panchenko N.N. (2018) Discourse variation of the concepts of destructive emotions. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 22, no. 1, pp. 175–194. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-175-194>. EDN: <https://elibrary.ru/yvikmv>.
- Waggoner 2010 – Waggoner J.E. (2010) Temperature-based metonymies for emotions in children and adults. *Psychological Reports*, vol. 106, issue 1, pp. 233–245. DOI: <http://doi.org/10.2466/PRO.106.1.233-245>.
- Wierzbicka 2009 – Wierzbicka A. (2009) Language and metalanguage: Key issues in emotion research. *Emotion Review*, vol. 1, issue 1, pp. 3–14. DOI: <https://doi.org/10.1177/1754073908097175>.
- Zhabotynska, Slyvka 2020 – Zhabotynska S., Slyvka N. (2020) Emotive speech acts and their discourse modifications in the literary text. *Discourse and Interaction*, vol. 13, no. 1, pp. 113–136. DOI: <http://doi.org/10.5817/DI2020-1-113>.
- Amosova 2013 – Amosova N.N. (2013) *Fundamentals of English phraseology*. 3rd edition. Moscow: Redaktsiya URSS, 180 p. (In Russ.)
- Andreeva 2020 – Andreeva M.I. (2020) Specificity of phraseological unit semantics: contextological approach (by the example of the phraseological unit «field day»). *Philology. Theory & Practice*, vol. 13, no. 5, pp. 270–274. DOI: <http://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.53>. EDN: <https://elibrary.ru/xzowmz>. (In Russ.)
- Apresyan 1995 – Apresyan Yu.D. (1995) Human image in language data: an attempt of systemic description. *Voprosy Jazykoznanija*, no. 1, pp. 37–67. Available at: http://issuesinlinguistics.ru/pubfiles/1995-1_37-67.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18801389>. EDN: <https://elibrary.ru/pvlfbl>. (In Russ.)

Arakin 2005 – *Arakin V.D.* (2005) Comparative typology of English and Russian languages. Moscow: Fizmatlit, 232 p. Available at: http://library.lgaki.info:404/2020/Аракин_Сравнительная_типология.pdf. (In Russ.)

Babenko 1989 – *Babenko L.G.* (1989) Lexical means of nomination of emotions in the Russian language. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 184 p. Available at: <https://klex.ru/mlm>. (In Russ.)

Sternin, Salomatina 2011 – *Sternin I.A. Salomatina M.A.* (2011) Semantic analysis of a word in a context. Voronezh: Istoki, 150 p. Available at: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Semasiologija/Semanticheskij_analiz_slova_v_kontekste.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=25560566>. EDN: <https://elibrary.ru/vniwwx>. (In Russ.)

Shakhovskiy 2009 – *Shakhovskiy V.I.* (2009) The categorization of emotions of lexico-semantic system. Voronezh State University Publishing, Voronezh, 190 p. (In Russ.)

Библиографический список

Andreeva, Makarova, Gorbunova, Lukina 2019 – *Andreeva M.I., Makarova O.Y., Gorbunova D.V., Lukina M.V.* Emotive metaphors in professional jargons // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2019. Vol. 907. P. 335–342. DOI: http://doi.org/10.1007/978-3-030-11473-2_35. EDN: <https://elibrary.ru/zppslg>.

Andreeva, Solnyshkina 2015 – *Andreeva M.I., Solnyshkina M.I.* Idiomatic meaning of idiom «halcyon days» in institutional discourse: A contextual analysis // *Journal of Language and Literature*. 2015. Vol. 6, no. 1. P. 306–310. URL: https://www.researchgate.net/figure/Semantic-Structure-of-Halcyon-Days_tbl1_282311450. DOI: <http://dx.doi.org/10.7813/jll.2015/6-1/56>.

Baeva 2021 – *Baeva A.* Metaphors from the names of parts of the human body (anthropomorphic metaphors) // *Knowledge – International Journal*. 2021. Vol. 48, no. 4. P. 665–667. URL: <https://ikm.mk/ojs/index.php/kij/article/view/4887>.

Barchard, Grob, Roe 2017 – *Barchard Kimberly A., Grob Kelly E., Roe Matthew J.* Is sadness blue? The problem of using figurative language for emotions on psychological tests // *Behavior Research Methods*. 2017. Vol. 49, no. 2. P. 443–456. DOI: <http://doi.org/10.3758/s13428-016-0713-5>.

Dobrovolskij, Piirainen 2010 – *Dobrovolskij D., Piirainen E.* Idioms: Motivation and etymology // *Yearbook of Phraseology*. 2010. Vol. 1, issue 1. P. 73–96. DOI: <http://doi.org/10.1515/9783110222623.1.73>.

Espinal 2010 – *Espinal M.T.* On classes of idioms and their interpretation. // *Journal of pragmatics*. 2010. Vol. 42, issue 5. P. 1397–1411. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.pragma.2009.09.016>.

Grondelaers, Geeraerts 1998 – *Grondelaers Stefan, Geeraerts Dirk.* Vagueness as a euphemistic strategy // *Speaking of Emotions: Conceptualisation and Expression*. Berlin: deGruyter, pp. 357–374. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/9783110806007.357>.

Hanks 2004 – *Hanks P.* The Syntagmatics of Metaphor and Idiom // *International Journal of Lexicography*. 2004. Vol. 17, issue 3. P. 245–274. DOI: <http://doi.org/10.1093/ijl/17.3.245>.

Kövecses 2013 – *Kövecses Z.* (2013) The Metaphor-Metonymy Relationship: Correlation Metaphors Are Based on Metonymy // *Metaphor & Symbol*. 2013. Vol. 28, issue 2. P. 75–88. DOI: <http://doi.org/10.1080/10926488.2013.768498>.

Lakoff, Johnson 1980 – *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors we live by*. Chicago: University Press, Chicago, IL, 1980, 276 p. URL: <https://sociosemiotics.net/files/Cognitive%20Linguistics%20-%20Lakoff,%20G%20&%20Johnson,%20M%20-%20Metaphors%20We%20Live%20By.pdf>.

Marmolejo-Ramos 2017 – *Marmolejo-Ramos Fernando et al.* Placing joy, surprise and sadness in space: a cross-linguistic study // *Psychological Research*. 2017. Vol. 81, issue 4. P. 750–763. DOI: <http://doi.org/10.1007/s00426-016-0787-9>.

McGlone 2007 – *McGlone M.S.* What Is the Explanatory Value of a Conceptual Metaphor? // *Language & Communication*. 2007. Vol. 27, issue 2. P. 109–126. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.langcom.2006.02.016>.

Naciscione 2010 – *Naciscione A.* Stylistic use of phraseological units in discourse. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. 309 p. DOI: <http://doi.org/10.1075/z.159>. URL: <https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/31773/625262.pdf?sequence=1>.

Němcová 2013 – *Němcová M.* Comparative analysis of English and French body idioms. Brno: LAP Lambert, 2013. 100 p. URL: <https://www.perlego.com/book/3315152/comparative-analysis-of-english-and-french-body-idioms-pdf>.

Pennebaker 1997 – *Pennebaker J.W.* Writing about emotional experiences as a therapeutic process // *Psychological Science*. 1997. Vol. 8, no. 3. P. 162–166. Available at: http://gruberpeplab.com/3131/Pennebaker1997_Writingemotional experiences.pdf.

Smirnova, Cumming, Sloeva, Kuvshinova, Romanov, Nosachev 2018 – *Smirnova D., Cumming P., Sloeva E., Kuvshinova N., Romanov D., Nosachev G.* Language patterns discriminate mild depression from normal sadness and euthymic state // *Frontiers in psychiatry*. 2018. Vol. 9. P. 105. DOI: <http://doi.org/10.3389/fpsy.2018.00105>.

Stange 2016 – *Stange U.* Emotive interjections in British English: A corpus-based study on variation in acquisition, function and usage. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2016. 245 p. DOI: <http://doi.org/10.1075/sci.75>. URL: <https://pdfdrive.to/download/emotive-interjections-in-british-english-a-corpus-based-study-on-variation-in-acquisition-function-and-usage>.

- Uchida 1997 – *Uchida S.* Immediate contexts and reported speech // UCL Working Papers in Linguistics. 1997. No. 9 (29). P 147. Available at: <https://www.phon.ucl.ac.uk/home/PUB/WPL/97papers/uchida.pdf>.
- Volkova, Panchenko 2018 – *Volkova Ya.A., Panchenko N.N.* Discourse variation of the concepts of destructive emotions // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22, no. 1. P. 175–194. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-175-194>. EDN: <https://elibrary.ru/yvikmv>.
- Waggoner 2010 – *Waggoner J.E.* Temperature-based metonymies for emotions in children and adults // Psychological Reports. 2010. Vol. 106, issue 1. P. 233–245. DOI: <http://doi.org/10.2466/PR0.106.1.233-245>.
- Wierzbicka 2009 – *Wierzbicka A.* (2009) Language and metalanguage: Key issues in emotion research // Emotion Review. 2009. Vol. 1, issue 1. P. 3–14. DOI: <http://doi.org/10.1177/1754073908097175>.
- Zhabotynska, Slyvka 2020 – *Zhabotynska S., Slyvka N.* Emotive speech acts and their discourse modifications in the literary text // Discourse and Interaction. 2020. Vol. 13, no. 1. P. 113–136. DOI: <http://doi.org/10.5817/DI2020-1-113>.
- Амосова 2013 – *Амосова Н.Н.* Основы английской фразеологии. 3-е изд. Москва: Редакция URSS, 2013. 180 с.
- Андреева 2020 – *Андреева М.И.* Специфика значения фразеологизма: контекстологический подход (на примере фразеологизма «field day») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 5. С. 270–274. DOI: <http://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.53>. EDN: <https://elibrary.ru/xzowmz>.
- Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67. URL: http://issuesinlinguistics.ru/pubfiles/1995-1_37-67.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18801389>. EDN: <https://elibrary.ru/pvlfbl>.
- Аракин 2005 – *Аракин В.Д.* (2005) Сравнительная типология английского и русского языков. Москва: Физматлит, 2005. 232 с. URL: http://library.lgaki.info:404/2020/Аракин_Сравнительная_типология.pdf.
- Бабенко 1989 – *Бабенко Л.Г.* (1989) Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1989. 184 с. URL: <https://klex.ru/m1m>.
- Стернин, Саломатина 2011 – *Стернин И.А., Саломатина М.А.* (2011) Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011. 150 с. URL: http://sternia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Semasiologija/Semanticheskij_analiz_slova_v_kontekste.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=25560566>. EDN: <https://elibrary.ru/vniwwx>.
- Шаховский 2009 – *Шаховский В.И.* (2009) Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2009. 190 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19927269>. EDN: <https://elibrary.ru/qubucf>.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'811.111

Дата поступления: 20.01.2022
рецензирования: 27.02.2022
принятия: 10.03.2022

Пьеса Б. Шоу «Пигмалион» в аспекте интердискурсивности

А.Б. Алексеев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: neuausstatten@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Аннотация: В статье изучается дискурс пьесы Б. Шоу «Пигмалион» с точки зрения теории интердискурсивности с применением методов критического, лингвопрагматического и социолингвистического дискурс-анализа. Дается авторское определение термина «интердискурсивность», в пространстве рассматриваемого произведения выделяются несколько гибридных дискурсов. В их числе: обыденно лингвистический, философский и педагогический дискурсы. Отмечается, что в силу их обыденного, неинституционального характера данные дискурсивные среды недостаточно подробно исследованы, хотя интерес к обыденным дискурсам в современной лингвистике неизменно растет, что определяет актуальность работы. Основным дискурсом пьесы «Пигмалион» признается обыденно педагогический, который тем не менее во многом детерминирован обыденной философией героя произведения Хиггинса, выступающего в роли учителя. Его ученица – Элиза Дулиттл – бедная девушка, цветочница, говорящая на диалектном варианте английского языка кокни. В ходе исследования установлено, что при широком понимании обыденно педагогического дискурса в него могут быть включены многие высказывания и иных героев произведения – друга Хиггинса Пикеринга, матери главного героя Миссис Хиггинс и т. д. Важнейшей лингвопрагматической оппозицией обыденно педагогического дискурса признается «вежливость – невежливость», выражаемая в коммуникативном пространстве в том числе в результате неравномерного распределения дискурсивной власти между учителем и учеником, которое в процессе обыденно-повседневного педагогического общения может в корне пересматриваться, выстраиваться, например, в пользу ученика. Отсутствие институциональных ограничений обогащает и речевое своеобразие изучаемой коммуникативной среды, гибридной по своему характеру, т. е. находящейся на пересечении различных дискурсивных практик.

Ключевые слова: интердискурсивность; власть; обыденный дискурс; педагогический дискурс; невежливость; речевой жанр; Пигмалион.

Цитирование. Алексеев А.Б. Пьеса Б. Шоу «Пигмалион» в аспекте интердискурсивности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 197–204. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-197-204>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

© Алексеев А.Б., 2023

Александр Борисович Алексеев – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация, 119571, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 82.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.01.2022
Revised: 27.02.2022
Accepted: 10.03.2022

B. Shaw's play «Pygmalion» in the perspective of interdiscursivity

A.B. Alexeyev

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russian Federation
E-mail: neuausstatten@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Abstract: In the article, discourse of B. Shaw's play 'Pygmalion' is studied from the standpoint of view of interdiscursivity theory with the use of methods of critical, linguopragmatic and sociolinguistic analyses. The author's definition of the term 'interdiscursivity' is given. Within the analyzed book, a number of discourses are singled out. Among them are mundane linguistic, philosophical and pedagogical discourses. It is pointed out that in the light of their mundane, non-institutional character, these discursive spheres have not been studied in detail even though the scientific interest to mundane discourses is growing. These considerations determine the importance of the undertaken research. The main discourse of B. Shaw's play 'Pygmalion' is recognized to be mundane pedagogical one. However, the latter is determined by the hero of the play Higgins's mundane philosophy who takes on the role of the teacher. His pupil is Eliza Doolittle, a poor flower girl, who speaks a dialect of the English language, viz. cockney. In the process of research, it is found out that if mundane pedagogical discourse is understood broadly, it can include the sayings of other characters of the book – Higgins's friend Pickering, Higgins's mother, etc. The most important linguopragmatic opposition of mundane pedagogical discourse is recognized to be 'politeness – impoliteness' which is expressed communicatively as the result of

uneven distribution of power between the teacher and the pupil which in the course of everyday mundane interaction may be significantly reviewed, for example be reversed in the pupil's favor. The lack of institutional limitations enriches the speech genre specificity of the studied discourse which is hybrid in its essence, i.e., located at the intersection of different discursive practices.

Key words: interdiscursivity; power; mundane discourse; pedagogical discourse; impoliteness; speech genre; Pygmalion.
Citation. Alexeyev A.B. B. Shaw's play «Pygmalion» in the perspective of interdiscursivity. *Vestnik Samarского университета. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 197–204. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-197-204>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Alexeyev A.B., 2023

Alexander B. Alexeyev – Candidate of Philological Sciences, senior teacher of the Department of English Language, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, 11957, Moscow, Vernadsky Avenue 82.

Введение

Термин «дискурс», уже ставший визитной карточкой одной из ключевых парадигм современной лингвистики, называемой либо антропоцентрической, либо коммуникативно-дискурсивной, может быть интерпретирован по-разному. М. Фуко, разработавший кратологическую междисциплинарную теорию дискурса, ставил под сомнение исключительно языковую природу дискурсивной деятельности и уделял внимание дискурсам как медиумам, преобразующим действительность, транслирующим знания (фр. *les savoirs*), а через них – власть (фр. *le pouvoir*). «Дискурсы – это не просто группы знаков... а практики, систематически формирующие объекты, о которых они говорят. Конечно, дискурсы состоят из знаков, но они делают нечто большее, чем просто используют эти знаки для обозначения вещей» [Foucault 1972, p. 49].

Трактуя дискурс прежде всего как лингвистический объект изучения, используя преимущественно лингвистическую методологию исследования, необходимо сделать акцент на соотносительности дискурсивной деятельности, с одной стороны, с функционированием основных социальных институтов, а с другой – возможности актуализации в ней обыденных, персональных черт. В первом случае речь идет об институциональных дискурсах, во втором – имеем дело с градуальной природой дискурсивной категории институциональности, которая может полностью отсутствовать в общении, например, в рамках ярко выраженного личностно-ориентированного дискурса, но также носить редуцированный характер, как это происходит во всех вариациях тейнмент-коммуникации – инфотейнменте, политейнменте, сайенсейнменте, спортейнменте и т. п. [Кривоносов 2016, с. 72; Грошева 2022, с. 31].

Под термином «интердискурсивность» условимся понимать (сложное) взаимодействие дискурсов, пересечение дискурсивных практик друг с другом, результирующее в становлении гибридных дискурсивных пространств, выделяемых – в духе австро-германской традиции изучения дискурса – исходя из тематического критерия [Кондакова, Принципалова 2021, с. 144]. Гибридные дискурсы обычно рассматриваются на примере коммуникативных сред, возникающих как след-

ствии наложения двух институциональных дискурсов – военного и политического, спортивного и политического, медийного и юридического и т. д., – но учитывая гибкость, подвижность категории «институциональность», несомненный интерес представляет рассмотрение разновидностей общения, совмещающих в себе институциональные и неинституциональные элементы.

Материал и теоретико-методологические предпосылки исследования

Материалом исследования послужил дискурс пьесы Б. Шоу «Пигмалион». Избрание именно данного литературного труда для изучения интердискурсивности продиктовано не только или, точнее, не столько его популярностью в литературоведческих и лингвистических кругах – вполне закономерной, если принимать во внимание богатство языка и идиом, используемых писателем в работе, – сколько разговорным характером речений героев пьесы, связанных, однако, с обсуждением серьезных лингвистических, педагогических и философских вопросов.

Педагогический дискурс рассматривается филологами разновидностью институционального общения. Неслучайно, что само слово «институт» относится как к сфере социологии, так и педагогики. С другой стороны, здесь, наверное, можно вести речь об омонимии, нежели некоем глубинном родстве двух понятий, ведь университеты (ВУЗы) являются лишь одними из многих социальных институтов. Сам же педагогический дискурс возник задолго до появления первых университетов в средневековье. Более того, очевидно, что он предшествовал появлению любых форм педагогических заведений (школ, детских садов и т. п.) и в этом своем изначальном качестве носил характер обыденного дискурса.

Обыденно педагогический дискурс можно определить следующим образом: разновидность педагогической практики, не наделенной какими-либо институциональными свойствами, протекающей на уровне (относительно) неформального общения между учителем (родителем, взрослым) и учеником (ребенком). Очевидно, что именно обыденный педагогический дискурс составляет основу (фр. *le cœur*) анализируемой пьесы.

Главными героями рассматриваемого литературного труда являются профессор фонетики Генри Хиггинс и цветочница Элиза Дуллитл. Встречаясь при весьма прозаических обстоятельствах – в толпе людей, ищущих укрытие от проливного дождя, – эти двое людей вступают в конфликт, который бы закончился ничем, если бы не внезапное продолжение. Возможно, находясь под впечатлением от талантов Хиггинса или будучи уязвленной колкими замечаниями в свой адрес, Элиза является на следующий день к нему домой и просит научить ее «хорошему» английскому языку. После некоторого колебания под влиянием своего друга Пикеринга ученый соглашается провести смелый педагогический эксперимент – за несколько месяцев преобразить бедную девушку и сделать из нее настоящую аристократку, что в конечном итоге у него, как минимум частично, получается.

Такой, казалось бы, незамысловатый сюжет тем не менее отнюдь не столь прост, поскольку за ним скрывается и сложная социолингвистическая ситуация в Англии начала XX в., и литературные и мифические аллюзии – о чем свидетельствует уже название пьесы, – и тонкие психологические мотивы поведения героев, и романтическая подоплека: Элиза влюбляется в своего учителя, но тот не отвечает ей взаимностью. Не представляется возможным осветить все эти аспекты в рамках одной статьи – более подробно остановимся на интердискурсивном характере рассматриваемого литературного труда. В качестве методологии исследования изберем прежде всего комплексный дискурс-анализ, базирующийся на постулатах прагма- и социо-лингвистик с привлечением ряда положений критической лингвистики (критического дискурс анализа, или КДА), позволяющих, в частности, уделить внимание распределению (дискурсивной) власти – в широком, фукианском понимании этой категории – между коммуникантами.

Обыденно лингвистический и философский дискурсы в пьесе Б. Шоу «Пигмалион»

Элиза Дуллитл говорит на диалекте английского языка – кокни. Его особенности достаточно подробно описаны. В их числе:

– заимствования из других – в своем большинстве для человека, жившего в начале XX в., – «малопrestижных» языков: цыганского (*chavvy* – ребенок), еврейского, в основном идиша (*schlemiel* – дурак), арабского (*bint* – девочка) и хинди (*dekko* – взгляд);

– рифмованная кодовость, по одной из версий доставшаяся диалекту в результате словотворчества криминальных элементов города, стремившихся таким образом скрыть суть своих разговоров: *use your loaf* – думай головой (голова на англ. *head*, рифмуется с *loaf of bread* – досл. буханка

хлеба); *bread and honey* – деньги (рифмуется с *money*)¹;

– пропуск некоторых звуков: ‘h’ – в начале слова (*‘alf* – вместо *‘half*’), ‘t’ – в конце слова (*‘lef* – вместо *‘left*’) и т. д.;

– искажение некоторых звуков, например, /ə/ и /ð/, заменяемых на /f/ и /v/;

– активное использование двойного отрицания (*I ain't done nufing!*);

– использование форм *‘done’* и *‘seen’* вместо *‘did’* и *‘saw’* [Давыдова, Уарова 2019, с. 77].

Хиггинс, интересуясь произношением девушки, останавливается, чтобы записать детали ее акцента. По ошибке, цветочница и окружающие ее люди, прячущиеся в укрытии от дождя, принимают профессора за полицейского, что вызывает общее волнение. Когда выясняется, что он не блюститель общественного порядка, любопытство толпы к его личности возрастает; оно подпитывается к тому же тем, что ученый демонстрирует неординарную способность определять, из какого региона страны происходит говорящий, основываясь исключительно на отличительных чертах его говора:

THE SARCASTIC BYSTANDER ...Do you know where I come from?

THE NOTE TAKER [*promptly*] Hoxton.

Titterings. Popular interest in the note taker's performance increases.

THE SARCASTIC ONE [*amazed*] Well, who said I didn't? Bly me! You know everything, you do (Shaw 2022, p. 15).

Хиггинс проявляет естественный для человека его профессии интерес к тому, как употребляют вокруг него люди язык, как произносят слова, какими из них пользуются, – в результате чего в канву анализируемого произведения включаются элементы (обыденно) лингвистического дискурса, который, на наш взгляд, можно также именовать *наивным лингвистическим дискурсом* – в тех случаях, когда, как в следующем примере, люди, не наделенные какими-либо (глубокими) языковедческими познаниями, делают замечания по поводу языка, дают дефиниции определенным словам, комментируют характерные черты произношения окружающих и т.п.:

THE BYSTANDER. It's all right: he's a gentleman: look at his boots. [*Explaining to the note taker*] She thought you was a copper's nark, sir.

THE NOTE TAKER [*with quick interest*] What's a copper's nark?

THE BYSTANDER [*inept at definition*] **It's a well, it's a copper's nark, as you might say. What else would you call it? A sort of informer** (Shaw 2022, p. 13).

Ср.: LIZA (*in the same tragic tone*). But it's my belief they done the old woman in.

MRS HIGGINS (puzzled). **Done her in?** ...

MRS EYNSFORD HILL. **What does doing her in mean?**

¹ Ученые, занимаясь исследованием социолектов и диалектов, выделяют конспиративную функцию языка. Кокни весьма хорошо демонстрирует ее.

HIGGINS (*hastily*). **Oh, that's the new small talk. To do a person in means to kill them** (Shaw 2022, p. 83–84).

Наблюдатель за общением Хиггинса и Элизы вступает в разговор, делая важное замечание: Хиггинс не констебль, а джентльмен. При этом человек, таким образом обратившийся к Хиггинсу, употребляет сленговое выражение 'copper's park'. Лингвист незамедлительно реагирует и просит пояснить, что оно означает. Не без труда коммуниканту удается найти (приблизительное) объяснение использованной им лексической единице. Убеждаемся в справедливости одного из социолингвистических принципов, согласно которому «использование специфических ... слов может проходить незаметно и даже вызывать удивление, когда на это обращается внимание: а что, можно сказать как-то иначе?» [Борисова 2022, с. 65]

Во втором приведенном речевом фрагменте тоже сталкиваемся с металингвистическими комментариями: с одной стороны, собеседники, не владеющие английским сленгом, недоумевают, что значит лексема 'do in', с другой – лингвист (в лице Хиггинса) весьма точно и, в отличие от только что рассмотренного примера, несбивчиво объясняет им смысл произнесенного Элизой.

Ряд (противоречивых) высказываний по поводу языка и конкретных языков делает Хиггинс. Наверное, современные читатели пьесы «Пигмалион», а тем более лингвисты, не согласятся со всеми из них. Удивляет, например, что главный герой пьесы, будучи ученым, занимающимся проблемами фонетики, в том числе на материале санскрита (THE NOTE TAKER [*eagerly*] ... Do you know Colonel Pickering, the author of **Spoken Sanscrit?** (Shaw 2022, p. 21)), относится с пренебрежением к полиглотам и их языковым штудиям:

HIGGINS: He can learn a language in a fortnight – knows dozens of them. **A sure mark of fool. As a phonetician, no good whatever** (Shaw 2022, p. 100).

При этом фонетика для него – это еще хобби; другое же любимое его занятие – философствование. Именно поэтому темы счастья, смысла жизни, морали, успеха и т. д. поднимаются в канве анализируемого произведения. Вот одно из философских высказываний:

THE NOTE TAKER. ... The science of speech. That's my profession: also my hobby. **Happy is the man who can make a living by his hobby!** (Shaw 2022, p. 19).

Используя инверсию (Happy is the man...), говорящий утверждает, что человек, который профессионально занимается тем, что он любит (досл. своим хобби), счастлив.

В связи со сделанными замечаниями предложим термины *философского* и *обыденно философского дискурса*. Первый, конечно же, не является новым, хотя интерес лингвистов к теме философского дискурса значительно уступает энтузиазму, с которым исследуют политический, юридический, религиозный, педагогический, медицинский и т. д. дискурсы. Объяснений этому положению

дел может быть несколько. Во-первых, философская коммуникация – это, как правило, общение письменное, т.е. посредством книг, научных статей и т. п., а в дискурсивных исследованиях до сих пор имеет место точка зрения, что дискурс, в отличие от текста, носит устный характер. Лекция, посвященная философским вопросам, будучи гибридным типом дискурса, все же, как правило, может быть квалифицирована (преимущественно) педагогической коммуникативной средой. Следовательно, второй проблемой на пути к подробному лингвистическому освещению философского дискурса является тот факт, что философский дискурс гибридируется с педагогическим и научным дискурсами или вовсе является их субдискурсом, в результате чего последние привлекают больше внимания ученых. Отметим и то, что философский дискурс часто предельно сложен и требует для его анализа специальных знаний. Наконец, есть мнение, что философская коммуникация доступна лишь образованным людям, обычно только ученым-философам.

В обыденном дискурсе термин «философствование» приобретает вовсе отрицательные коннотации, становится фактически синонимом «умничанья», производящим, если говорить словами О.Р. Муталова, «чрезмерную нагрузку на когнитивные системы» [Муталов 2022, с. 8]. Для обывателя философ не всегда мудрый человек, порой – эксцентричный, непрактичный, «чудаковатый» собеседник или – если речь идет о выдающихся личностях – интеллеktуал, мыслитель «не от мира сего». Причем доля правды в таком, конечно же, стереотипном видении фигуры философа есть. Однако при этом игнорируется, что, согласно известному картезианскому принципу 'Cogito ergo sum', наделяющему размышление экзистенциальным статусом, почти каждый более или менее образованный индивид, в той или иной степени склонный к (само)рефлексии, своего рода философ. По Б. Паскалю, человек – «мыслящий тростник» (фр. un roseau pensant), что также подчеркивает, с одной стороны хрупкость человеческого состояния, а с другой – указывает на склонность людей думать, мыслить, мудрствовать.

Приведем еще примеры философских высказываний Хиггинса:

(1) HIGGINS [*becoming excited as the idea grows on him*] What is life but a series of inspired follies? The difficulty is to find them to do. Never lose a chance: it doesn't come every day (Shaw 2022, p. 35).

(2) HIGGINS. How can she [Liza]? She's incapable of understanding anything. Besides, do any of us understand what we are doing? If we did, would we ever do it? (Shaw 2022, p. 42).

(3) It is these little things that matter, Pickering. Take care of the pence and the pounds will take care of themselves is as true of personal habits as of money (Shaw 2022, p. 51).

Подробное изучение обыденно философского дискурса выходит за рамки настоящей статьи, но

уже из приведенного материала видно, что одной из тактик, актуализируемой в этой коммуникативной среде, является постановка риторических вопросов на серьезные, экзистенциально важные темы; второй – референция к народной мудрости, изложенной в пословицах, поговорках, в том числе с применением языковой игры и лингвокреативом.

Некоторые особенности обыденно педагогического дискурса пьесы «Пигмалион»

Как отмечалось ранее, центральным дискурсом произведения Б. Шоу «Пигмалион» является обыденно педагогический дискурс. На первый взгляд, его основными участниками выступают Хиггинс (учитель) и Элиза Дуллитл (ученица), что в общем и целом верно. Однако мы склонны расширять категорию педагогического дискурса и включать в него высказывания других персонажей пьесы, руководствуясь определением педагогического коммуникативного пространства, даваемым О.Е. Павловой и О.С. Сахно: культурная среда, инкорпорирующая многообразные аспекты – особенности родного и иностранного языков, поведения, культуры речи и т. д. [Павловская, Сахно 2022, с. 28]. По нашему мнению, Хиггинс выступает часто не в роли учителя, а человека, которому самому следовало бы перевоспитаться, – на это указывают и Миссис Хиггинс (мать главного героя), и его домработница Миссис Пирс, и, как ни странно, сам профессор, который признается в своей некоторой застенчивости и инфантильности:

HIGGINS: You know, Pickering, that woman has the most extraordinary ideas about me. **Here I am, a shy, diffident sort of man. Ive never been able to feel really grown-up** and tremendous, like other chaps. And yet she's firmly persuaded that I'm an arbitrary overbearing bossing kind of person. I cant account for it (Shaw 2022, p. 51).

Миссис Хиггинс в свою очередь обращается к сыну посредством лексем, имеющих семантику «ребенок», в чем проявляется ее материнское начало, но тем самым образ незрелого, избалованного мужчины усиливается:

MRS HIGGINS. You **silly boy**... (Shaw 2022, p. 89).

Ср.: MRS HIGGINS. Do you know what you would do if you really loved me, Henry?

HIGGINS. Oh bother! What? Marry, I suppose.

MRS HIGGINS. No. Stop fidgeting and take your hands out of your pockets. (With a gesture of despair, he obeys and sits down again). **Thats a good boy**... (Shaw 2022, p. 75).

О том, что Хиггинс – плохой учитель, – высказывается Элиза:

LIZA. ...You see it was so difficult for me with the example of Professor Higgins before me. I was brought up to be just like him, unable to control myself, and using bad language on the slightest provocation [Ibid, p. 136].

В данном случае наблюдаем одну из важнейших черт обыденно педагогического дискурса – нефор-

мальный характер отношений между учителем и учеником (ученицей). Это позволяет делать замечания подобного рода, а в отдельных случаях – ученику возвышаться над учителем, что в институциональном педагогическом дискурсе, как правило, недопустимо².

С точки зрения кратологической теории дискурса интеракция между участниками педагогического процесса может быть описана в терминах «власть» и «стратегии власти». Так, С. Милз приводит достаточно интересные примеры из реального общения между начальниками и их подчиненными (секретарями). Автор устанавливает, что вместо употребления прямых, несмягченных волеизъявлений («Сделай!»; «Напиши!» и т. п.) – сигналов власти – в профессиональном дискурсе предпочтение отдается в пользу конструкций в согласительном наклонении, как в следующем диалоге, где именно начальник прибегает к вежливости:

BOSS: *I wonder... if ...er... could you possibly ... you know, this report thing here... could that be sort of sent out // this afternoon.*

SECRETARY: // *Well. I've got a lot of work on // but I suppose...*

BOSS: *I'd really appreciate it thanks* (... indicates pause, // indicates simultaneous speech) [Mills 2004, p. 36].

Ср.: BOSS: *I want this letter typed up by the afternoon post.*

SECRETARY: *Yes, certainly* [Mills 2004, p. 36].

Важно понимать, что в обыденно педагогическом дискурсе оппозиция «учитель – ученик» не устраняется, и роли, которые исполняет каждый из участников педагогического процесса, по сравнению с институциональным педагогическим общением, как правило, кардинальным образом не меняются. Даже более того – именно в обыденно педагогическом дискурсе – учитель может брать на себя больше коммуникативной власти, поскольку он не испытывает каких-либо институциональных ограничений. Это отражается в том числе на экстралингвистической стороне интеракции учителя и ученика, к примеру, возможности использования телесных наказаний³:

HIGGINS. We want none of your Lissson Grove prudery here, young woman. Youve got to learn to behave like a duchess. Take her away. Take her away, Mrs Pierce. **If she gives you any trouble, wallop her.**

LIZA (*springing up and running between Pickering and Mrs Pearce for protection*). No! I'll call the police, I will (Shaw 2022, p. 35).

Ср.: LIZA (*rising reluctantly and suspiciously*). Youre a great bully, you are. **I wont stay here if I**

² Необходимо отметить, что поскольку педагогический дискурс – это культурный феномен, отношение к учителю будет варьироваться от культуры к культуре.

³ В прошлом телесные наказания были допустимы и даже обязательны в педагогической практике. До сих пор сохраняются культуры (в основном в Африке, но также в Азии, например, в такой развитой стране, как Сингапур), где телесные наказания в школах – норма.

don't like. I wont let nobody wallop me. I never asked to go to Bucknam Palace, I didn't. I was never in trouble with police, not me. I'm a good girl –

MRS PEARCE. **Don't answer back, girl.** You don't understand the gentleman. Come with me. ... (Shaw 2022, p. 43).

Хиггинс выступает в анализируемом фрагменте дискурса как сторонник строгих методов воспитания, допускающих применение в образовательных целях физической силы. Ключевая лексема в данной связи – ‘wallop’ (бить, колотить, задать трепку). Элиза не принимает подобные правила, по сути, языковой игры (в широком, витгенштейновском понимании этого термина) и протестует: она обратится в полицию. Речевой жанр (РЖ) ответа девушки – «предупреждение», – что свидетельствует о ее претензии на определенную степень дискурсивной власти (или уважения), которая, если поддерживать мнения Ж.-Ф. Лиотара, доступна для каждого коммуниканта, ведь «самый обездоленный никогда не бывает лишен власти над сообщениями, которые проходят через него и его позиционируют...» [Лиотар 1998, с. 45].

То, что Элиза обладает, как минимум, некоторой дискурсивной властью, показывает и второй диалог, приведенный в качестве примера. В нем наблюдаем, что ученица позволяет себе отвечать профессору в достаточно грубой форме (You're a great bully), спорить с ним; она все делает с неохотой и подозрением – об этом свидетельствует авторский комментарий.

В целом для обыденно педагогической практики свойственны различные формы невежливости, изучение функциональных возможностей которых, на наш взгляд, актуально. В одной из своих работ, посвященной невежливости в политическом дискурсе, мы выделили пять ее основных функций. В их числе: «функция дискредитации, функция самопрезентации, функция политической диверсии, лудическая функция, катаргическая функция» [Алексеев 2022, с. 127].

В обыденно педагогическом дискурсе, по всей видимости, невежливость главным образом используется катаргически (др-греч. κάθαρσις – очищение), т.е. как результат (чрезмерной) эмоциональной реакции:

LIZA. Oh, youve no feeling heart in you: you don't care for nothing but yourself. (*She rises and takes the floor resolutely*). Here! Ive had enough of this. I'm going (*making for the door*). You ought to be ashamed of yourself, you ought (Shaw 2022, p. 40).

Как видно, Элиза наделяет своего учителя целым рядом нелестных характеристик, стыдит его – это является уже сигналом дискурсивной власти, – так что на момент коммуниканты как бы меняются местами: в роли провинившегося ученика оказывается Хиггинс. Используя терминологию Дж. Калпепера, в рассматриваемом эпизоде наблюдаем нападение на лицо качеств (англ. quality face) и отношений (англ. relation face) [Culpeper 2011].

Поскольку анализируемая коммуникативная среда – личностно-ориентированный дискурс, –

в ней наиболее очевидным образом проявляется языковая личность говорящего, со всеми ее недостатками, предубеждениями и заблуждениями. Невежливость может быть лишь отражением последних:

HIGGINS (*with the roar of a wounded lion*). Stop. ... This is what we pay for as elementary education. This **unfortunate animal has been locked up for nine years in school** at our expense to teach her to speak and the language of Shakespeare and Milton. And the result is Ahyee, Ba-yee, Ca-yee, Da-yee. (To Eliza) Say A, B, C, D (Shaw 2022, p. 70).

Хиггинс употребляет зооморфную метафору по отношению к своей ученице, фактически приравнивая ее к животному, и хотя фраза внушает скорее жалость к бедной девушке, чем неприятие, очевидно, что она дискриминирует ее. За ней – скрывается в корне ошибочная (обыденная) педагогическая философия Хиггинса, согласно которой учитель не обязан обращать внимание на чувства ученика или ученицы. Главное – достижение педагогического результата:

PICKERING (*in good humored remonstrance*). Does it occur to you, Higgins, that the girl has some feelings?

HIGGINS (*looking critically at her*). Oh no, I don't think so. Not any feelings that we need to bother about. ... (Shaw 2022, p. 39).

Таким образом, видим, что обыденно педагогический и философский дискурсы взаимодействуют самым непосредственным образом.

Порой невежливость возникает и по ошибке (фр. faux pas):

HIGGINS. Oh, have I been rude? **I didn't mean to be** (Shaw 2022, p. 78).

Более подробное изучение невежливости не входит в задачи настоящего исследования.

Необходимо учитывать, что не менее важна для обыденно педагогической коммуникации вежливость. Типичным вежливым и неотъемлемым РЖ успешного педагогического дискурса является похвала:

PICKERING: **Good. Splendid, Miss Doolittle** (Shaw 2022, p. 70).

Ср.: HIGGINS: By Jupiter, she's done it at first shot. Pickering: we shall make a duchess of her. (*To Eliza*) Now do you think you could possibly say tea? Not ta-yee, mind: if you ever say ba-yee ca-yee da-yee again you shall be dragged round the room three times by the hair of your head. (*Fortissimo*) T,T,T (Shaw 2022, p. 70).

Еще одним вежливым РЖ, как правило, актуализируемым именно в обыденно педагогическом дискурсе, можно считать «утешение», часто переосекающимся с РЖ «похвала»:

PICKERING: No, no. Never mind crying a little, Miss Doolittle: **you are doing very well**; and the lessons wont hurt. I promise you I wont let him drag you round the room by your hair (Shaw 2022, p. 71).

В связи с тем, что обыденно-педагогический дискурс, как отмечалось ранее, – коммуникация личностно-ориентированная, допускающая ак-

центуацию невежливости, в ней встречаемся и РЖ «примирение» («попытка примирения»):

HIGGINS (*snatching a chocolate cream from the piano, his eyes suddenly beginning to twinkle with mischief*). Have some chocolates, Eliza.

LIZA (*halting, tempted*). How do I know what might be in them? I've heard of girls being drugged by the like of you.

Higgins whips out his penknife; cuts a chocolate in two; puts one half into his mouth and bolts it; and offers her the other half.

HIGGINS. Pledge of good faith, Eliza. I eat one half: you eat the other. (*Liza opens her mouth to retort: he pops the half chocolate into it*). You shall have boxes of them, barrels of them, every day. You shall live on them. Eh? (Shaw 2022, p. 40–41).

Пытаясь достигнуть соглашения с Элизой, Хиггинс предлагает ей шоколад. В характерной для нее манере девушка относится к действиям учителя с недоверием, даже старается оскорбить / уязвить его (I've heard of girls being drugged by **the like of you**), но – невольно – принимает от него подарок. Чтобы дальше задобрить свою ученицу, профессор рисует перед ней картину светлого и счастливого будущего:

HIGGINS: ... And you shall marry an officer in the Guards, with a beautiful moustache: the son of a marquis, who will disinherit him for marrying you, but will relent when he sees your beauty and goodness – (Shaw 2022, p. 41–42).

Заключение

Попытка классификации дискурсов в известной степени представляет собой условный акт, проводимый в исследовательских целях, лишь приближающий лингвистов к пониманию сути изучаемых коммуникативных явлений, но не дающий окончательного ответа на вопрос, где проходят границы дискурсивных сред, поскольку, скорее всего, в отличие от текста, дискурсы лимитированы только во времени и пространстве – это достаточно точно выражается термином М.М. Бахтина, стоявшего у истоков дискурсивной лингвистики, – «хронотоп». Вполне логична в данной связи точка зрения, что, на самом деле, мы всегда имеем дело с национальным дискурсом: любые тематические вариации последнего не образуют замкнутые коммуникативные пространства и постоянно приходят в сложное, временами иерархически организованное взаимодействие друг с другом, в результате чего актуальность приобретают такие терминологические единицы, как «гибридный дискурс», «субдискурс», «интердискурсивность».

Материалы исследования

Shaw 2022 – *Shaw B. Pygmalion (a book for reading in English)*. Moscow: GLOSSA-PRESS, 2022. 224 p.

Библиографический список

Culpeper 2011 – *Culpeper J.* (2011) *Impoliteness. Using language to cause offence*. Cambridge: Cambridge Press, 2011. 292 p. URL: https://www.tadkiroatun.id/wp-content/uploads/2020/09/Buku-08-Jonathan-Culpeper-Impoliteness_-Using-Language-to-Cause-Offence-2011-Cambridge-University-Press-libgen.lc_.pdf.

В статье была рассмотрена интердискурсивность пьесы Б. Шоу «Пигмалион», которая возникает прежде всего в свете определенной нестыковки серьезных, экзистенциально важных вопросов, поднимаемых в ней, и обыденно-повседневной дискурсивной практики, что побуждает нас выделить изначально гибридные среды общения, а именно: обыденно лингвистический, философский и педагогический дискурсы. Каждый из них, взятый в отдельности, уже несет в себе совмещение, как минимум, двух дискурсов – обыденного и соответствующего ему профессионального. Причем интерес к обыденным дискурсам среди лингвистов неизменно растет – достигнуто понимание не только широкой представленности данных дискурсивных феноменов, но и их иногда витальной значимости для функционирования общества, отнюдь не меньшей, чем если бы мы вели речь об институциональных дискурсах. Действительно, большинство знаний, особенно в первые годы жизни, ребенок получает в результате неформальной интеракции в семье. Виртуальный политический дискурс, носящий часто обыденный характер, с распространением Интернета проникает почти в каждый дом. Обыденно медицинский дискурс, принимающий разные формы, оказывает непосредственное влияние на здоровье людей.

Проведенное исследование показало, что, помимо гибридации педагогического и обыденного дискурсов, в произведении Б. Шоу можно выявить философские и лингвистические мысли, которые в своей совокупности тоже образуют обыденные дискурсивные среды, оказывающие непосредственное влияние на педагогическую практику. Так, многие высказывания / действия учителя Хиггинса объяснимы лишь с точки зрения философии, которой он придерживается, и лингвосоциальных предубеждений, свойственных его (языковой) личности и английскому обществу начала XX в. в целом.

Предпринятое исследование не претендует на исчерпывающий анализ обыденно педагогического дискурса. Тем не менее было установлено, что важнейшей прагмалингвистической оппозицией данного коммуникативного пространства выступает *вежливость – невежливость*. Как и в любом ином дискурсе, особенно обыденном, в интеракции между учителем и учеником – при центральности этих ролей для педагогического общения в принципе, – разворачивается сложная борьба за обладание дискурсивной властью, определяющая многие аспекты коммуникации, в том числе ее речевые особенности.

Foucault 1972 – *Foucault M.* The archeology of knowledge and the discourse on language. New York: Pantheon, 1972. 254 p. URL: https://monoskop.org/images/9/90/Foucault_Michel_Archaeology_of_Knowledge.pdf.

Mills 2004 – *Mills S.* Discourse. London: Routledge, 2004. 168 p. URL: <https://analepsis.files.wordpress.com/2011/08/discourse-sara-mills.pdf>.

Алексеев 2022 – *Алексеев А.Б.* О функциях невежливости в политическом дискурсе // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. № 3 (47). С. 118–129. DOI: <http://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.47.3.10>. EDN: <https://elibrary.ru/kyodjw>.

Борисова 2022 – *Борисова Е.Г.* Язык поколений. Как говорят пожилые // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. № 3 (47). С. 63–71. DOI: <http://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.47.3.05>. EDN: <https://elibrary.ru/grgcle>.

Грошева 2022 – *Грошева А.В.* Политейнмент-дискурс: к определению понятия // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 4 (46). С. 31–37. DOI: <http://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10404>. EDN: <https://elibrary.ru/xcsqyl>.

Давыдова, Уарова 2019 – *Давыдова К.А., Уарова О.В.* Особенности развития диалекта кокни в английском языке // Казанская наука. 2019. № 5. С. 76–78. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41110787>. EDN: <https://elibrary.ru/eaqnc>.

Кривоносов 2016 – *Кривоносов А.Д.* Публичная среда и публичные коммуникации в эпоху Интернета // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1. С. 68–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publicnaya-sreda-i-publichnye-kommunikatsii-v-epohu-interneta>.

Лиотар 1998 – *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. Пер. с фр. Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. 160 с. URL: http://rebels-library.org/files/liotar_sostojanie_postmoderna.pdf.

Муталов 2022 – *Муталов О.Р.* Относительные предложения с эргативной конструкцией в даргинском литературном языке // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. Т. 47, № 4. С. 7–13. DOI: <http://dx.doi.org/10.36622/AQMPJ.2022.54.76.001>. EDN: <https://elibrary.ru/hspegi>.

Павловская, Сахно 2022 – *Павловская О.Е., Сахно О.С.* Формирование языковой личности студента в условиях мультикультурализма и полилингвальности // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3. С. 25–31. DOI: <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2022.26.93.004>. EDN: <https://elibrary.ru/hjsbsp>.

References

Culpeper 2011 – *Culpeper J.* (2011) Impoliteness. Using language to cause offence. Cambridge: Cambridge Press, 292 p. Available at: https://www.tadkiroatun.id/wp-content/uploads/2020/09/Buku-08-Jonathan-Culpeper-Impoliteness_-_Using-Language-to-Cause-Offence-2011-Cambridge-University-Press-libgen.lc_.pdf.

Foucault 1972 – *Foucault M.* (1972) The archeology of knowledge and the discourse on language. New York: Pantheon, 254 p. Available at: https://monoskop.org/images/9/90/Foucault_Michel_Archaeology_of_Knowledge.pdf.

Mills 2004 – *Mills S.* Discourse. London: Routledge, 168 p. Available at: <https://analepsis.files.wordpress.com/2011/08/discourse-sara-mills.pdf>.

Alexeyev 2022 – *Alexeyev A.B.* (2022) On the functions of impoliteness in political discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no. 3 (47), pp. 118–129. DOI: <http://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.47.3.10>. EDN: <https://elibrary.ru/kyodjw>. (In Russ.)

Borisova 2022 – *Borisova E.G.* (2022) Language of generations. The way the elderly speak. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no 3 (47), pp. 63–71. DOI: <http://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.47.3.05>. EDN: <https://elibrary.ru/grgcle>. (In Russ.)

Grosheva 2022 – *Grosheva A.V.* (2022) Politainment discourse: to the definition of the concept. *Sign: Problematic Field In Mediaeducation*, no. 4 (46), pp. 31–37. DOI: <http://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10404>. EDN: <https://elibrary.ru/xcsqyl>. (In Russ.)

Davydova, Uarova 2019 – *Davydova K.A., Uarova O.V.* (2019) Features of the development of the cockney dialect. *Kazan Science*, no 5, pp. 76–78. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41110787>. EDN: <https://elibrary.ru/eaqnc>. (In Russ.)

Krivososov 2016 – *Krivososov A.D.* (2016) Public environment and public communication in the Internet era. *Verhnevolzhski philological bulletin*, no. 1, pp. 68–74. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/publicnaya-sreda-i-publichnye-kommunikatsii-v-epohu-interneta>. (In Russ.)

Lyotard 1998 – *Lyotard J.-F.* (1998) The Postmodern Condition. Translated from French. Saint Petersburg: Aleteiya, 168 p. Available at: http://rebels-library.org/files/liotar_sostojanie_postmoderna.pdf. (In Russ.)

Mutalov 2022 – *Mutalov R.O.* (2022) Relative clauses with an ergative construction in the Dargin literary language. *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, vol. 47, no. 4, pp. 7–13. DOI: <http://dx.doi.org/10.36622/AQMPJ.2022.54.76.001>. EDN: <https://elibrary.ru/hspegi>. (In Russ.)

Pavlovskaya, Sakhno 2022 – *Pavlovskaya O.E., Sakhno O.S.* (2022). Student's linguistic personality formation in the context of multiculturalism and multilingualism. *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, no 3 (46), pp. 25–31. DOI: <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2022.26.93.004>. EDN: <https://elibrary.ru/hjsbsp>. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-1-205-209

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ

УДК 94 (47)

Дата поступления: 29.11.2022
рецензирования: 30.12.2022
принятия: 10.03.2023

Наполняя историческое знание личной и народной памятью: о новых публикациях трудов А.Н. Минха

Л.М. АртамоноваСамарский государственный институт культуры, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: artamonovoi@mail.ru. ResearcherID (Web of Science): B-1804-2017.
Scopus ID: 55968740500. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>

Аннотация: Рецензия посвящена публикации двух рукописей краеведа и общественного деятеля А.Н. Минха из Государственного архива Саратовской области. Они ранее были известны небольшому числу исследователей. Доступные для широкого круга читателей, эти книги расширят круг исторических знаний за счет источников, относящихся как к жанру личных воспоминаний, так и бытовавших в народной фольклорной традиции. Такое обогащение отечественной науки стало возможным благодаря стараниям фольклориста и мемуариста XIX – начала XX вв. и в результате добротной археографической и источниковедческой работы современных ученых из Саратова. «Записки о Крымской войне» дополняют новыми деталями картину одной из трагических и героических страниц прошлого России. «Разбой и клады Низового Поволжья» дают пищу для размышлений историкам, этнографам, филологам, всем, кто трудится на междисциплинарном поле изучения устных форм народного творчества и коллективной памяти. Затронутым в новых саратовских публикациях темам посвящена большая литература, однако труды А.Н. Минха не могут остаться незамеченными и занимают в ней достойное место. «Записки» дополняют новыми деталями знание о Крымской войне, в том числе о её отражении в зеркале общественного мнения, исторической памяти и культурной традиции. «Разбой и клады» расширяют базу изучения заселения Поволжья за счет материалов фольклора, «устной истории» и археологии. Опубликованные рукописи характеризуют Минха как ученого, расширявшего пространство исторического знания источниками, порожденными личным опытом и сохранившимися в коллективной памяти.

Ключевые слова: историография; история Поволжья; источниковедение; архивы; историческая память; фольклор; мемуары.

Цитирование. Артамонова Л.М. Наполняя историческое знание личной и народной памятью: о новых публикациях трудов А.Н. Минха // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 205–209. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-205-209>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Артамонова Л.М., 2023

Людмила Михайловна Артамонова – доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии, музеологии и искусствоведения, Самарский государственный институт культуры, 443010, Российская Федерация, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.

SCIENTIFIC REVIEW

Submitted: 29.11.2022
Revised: 30.12.2022
Accepted: 10.03.2023

Filling historical studies with personal memory and folk memory: new publications of the works by A.N. Minh

L.M. Artamonova Samara State Institute of Culture, Samara, Russian Federation
E-mail: artamonovoi@mail.ru. ResearcherID (Web of Science): B-1804-2017.
Scopus ID: 55968740500. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>

Abstract: The article is devoted to the publication of two manuscripts by local historian and public figure A.N. Minh from the State Archives of the Saratov Region. A small number of researchers previously knew them. Available to a wide range of readers, these books will expand the range of historical knowledge through sources related to personal memoirs and existed in the folklore tradition. It became possible thanks to the efforts of the folklorist and memoirist of the XIX –

early XX centuries and as a result of the good archaeographic and source study work of modern scientists from Saratov. «Notes on the Crimean War» adds new details to the tragic and heroic pages of Russia's past. «Robberies and Treasures of the Lower Volga Region» give food for thought to historians, ethnographers, philologists, and everyone who works in the interdisciplinary field of studying the oral forms of collective memory. A large literature is devoted to the topics touched upon in the new Saratov publications, but the works by Minh cannot go unnoticed, they occupy a worthy place in it. «Notes» supplement knowledge about the Crimean War with new details, including its reflection in the public opinion, historical memory and cultural tradition. «Robberies and Treasures» expands the base for studying the Volga region at the expense of folklore, «oral history» and archeology materials. Published manuscripts characterize Minh as a scientist who expanded the space of historical knowledge with sources generated by personal experience and preserved in the collective memory.

Key words: historiography; history of the Volga region; source studies; archives; historical memory; folklore; memoirs.
Citation. Artamonova L. M. Filling historical studies with personal memory and folk memory: new publications of the works by A.N. Minh. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 205–209. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-205-209>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Artamonova L.M., 2023

Ludmila M. Artamonova – Doctor of History, professor, professor of the Department of Cultural Studies, Museology and Art History, Samara State Institute of Culture, 167, Frunze Street, Samara, 443010, Russian Federation.

Введение

Современники всегда отдавали должное научной и публикационной активности краеведа и общественного деятеля Александра Николаевича Минха (1833–1912). Даже накануне своей кончины тот, как писал его саратовский коллега Н.Ф. Хованский, несмотря на плохое здоровье, «не оставлял своей любимой работы» над изучением археологии, истории, географии (Хованский 1911, с. 22). К некрологу, опубликованному в столичной «Живой старине», был приложен список из его 87 публикаций XIX – начала XX вв., напечатанных в изданиях научных обществ и учреждений, а также в газетах и журналах, как массовых, так и специального профиля (Коновалов 1913; Список 1913).

Опубликовано было далеко не все научное наследие, оставленное А.Н. Минхом. Среди неизданных рукописей, имевших важное источниковое и историографическое значение для изучения России в целом и Поволжья в частности, вызывавших особое внимание, назывались, прежде всего, две: «Записки о Крымской войне» и «Разбой и клады Низового Поволжья». Вплоть до самого последнего времени звучало мнение о необходимости их научной публикации [Пиреев 2018, с. 77–82; Майорова 2020, с. 265].

К глубокому удовлетворению научной общественности и всех любителей старины, обе рукописи недавно вышли в свет. Подготовку к изданию «Записок» осуществили А.И. Пиреев, начальник отдела публикаций и использования документов Государственного архива Саратовской области (ГАСО), А.С. Майорова, доцент Саратовского государственного национального исследовательского университета им. Н.Г. Чернышевского (СГНИУ), и Г.Н. Скорочкина, заместитель начальника управления по делам архивов управления делами правительства Саратовской области [Минх 2019, с. 25].

В издании «Разбой и кладов» участвовала целая группа сотрудников ГАСО и СГНИУ. Кроме перечисленных выше следует назвать также А.В. Быкова, Р.И. Ишмухамедову, Н.И. Лаврентьеву, Ю.В. Майорову, С.А. Прохорова, Н.Н. Чечневу, М.Н. Шашкину, М.Н. Булычева, М.В. Зайцева. Основным объемом публикаторской работы выполнил Ю.Г. Степанов, главный архивист ГАСО [Минх 2021, с. 19].

Обе рукописи сохранились в ГАСО в фонде Саратовской губернской ученой архивной комиссии (СУАК). Они имеют непростую историю написания. Особенности состава и структуры этих памятников учтены в ходе тщательной археографической проработки в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» 1990 года.

Основная часть

В исторической науке продолжается изучение фактов и явлений, связанных с важной страницей российской и всемирной истории, какой была Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. [Климина 2017, с. 126–127]. «Записки о Крымской войне» Минха дополняют новыми деталями знание о тех трагических и героических событиях, в том числе в актуальных сейчас ракурсах её отражения в зеркале общественного мнения, исторической памяти и культурной традиции [Смирнов 2022, с. 34].

По имеющимся сведениям, существовали разные экземпляры или редакции рукописей Минха о Крымской войне. Все они, кроме саратовской, до нас не дошли [Минх 2019, с. 20–22].

Внешне «Записки» напоминают дневник, но, как установили исследователи, форма поденных записей, которые, якобы, велись с 9 августа 1854 г. по 15 июня 1856 г. – имитация. На самом деле эти воспоминания были составлены в 1864 г. на основе писем автора к родным в военные годы. Текст сопровождается схемами, планами, рисунками са-

мого автора, которые являются дополнительными интересными графическими и изобразительными источниками. Черно-белые рисунки при публикации включены в текст, а те, что были выполнены автором в цвете, воспроизведены в цветном же изображении в специальном разделе книги «Рисунки А.Н. Минха к рукописи».

Над «Записками» Минх продолжал работать и после их составления. Необходимые пояснения по этому поводу и материалы к истории текста содержат имеющиеся в книге добротные Комментарии, Словарь военных терминов, Именной и Географический указатели, Список сокращенных слов и многочисленные иллюстрации.

В содержательном плане «Записки» содержат повествование о поездке в 1854 г. добровольца Минха в Чугуев, где пребывал штаб драгунской дивизии, его зачислении юнкером в один из полков, в составе которого он был отправлен под Евпаторию. Там он и нес службу в 1855–1856 гг., а самыми примечательными военными эпизодами, в которых принял участие и описал, стали сражения при Черной речке и Федюхинских высотах, а также ряд боев в районе аула Саки, села Чеботари и других местах театра военных действий. Отдельные фрагменты «Записок» посвящены Минхом сестрам милосердия, истории города Севастополя, а также передававшимся устно «анекдотам» о высказываниях военачальников А.С. Меншикова и С.А. Хрулева. В записях, датированных 1856 годом, описывается ситуация в войсках накануне и после заключения Парижского мира, а также отъезд автора из Крыма.

В отношении подробностей военной службы и поездок, крымских и иных впечатлений Минха можно согласиться с составителями в том, что автор старательно запечатлел многие интересные и ценные подробности. Однако следует быть осторожным в отношении к его оценочным суждениям. Вряд ли молодой юнкер позволял себе те резкие высказывания в отношении воровства интендантов и эскадронных командиров, покупок наград, а тем более филиппики в адрес бездарного руководства страной и армией императором Николаем I, которые имеются в записях, датированных 1855 годом [Минх 2019, с. 19, 80, 123]. Несомненно, что эти мысли Минх высказывал почти 10 лет спустя, когда составлял «Записки», уже будучи деятелем Великих реформ и лично проводя их в жизнь в качестве мирового посредника. Его высокая активность на этом общественном поприще прямо свидетельствовала о либеральных политических пристрастиях провинциального интеллигента. Минх, как и многие патриоты, вышел из Крымской компании убежденным сторонником реформ. Однако это не означает, что во время службы офицер мог позво-

лить открытые заявления о злоупотреблениях в управлении войсками или несогласии с действиями верховной власти, доверив их бумаге.

Некоторые сюжеты и источники «Разбоев и кладов Низового Поволжья» затрагивались Минхом в ранее опубликованных работах, например, в «Историческом очерке начала заселения Саратовского уезда» или в «Народных обычаях, суевериях, предрассудках и обрядах крестьян Саратовской губернии». Однако для его исследовательского метода было характерно, что в процессе изучения той или иной проблемы «ученый обращал внимание на вновь открывавшиеся ее аспекты» в своих последующих сочинениях. Так получило свое продолжение и обращение Минха к истории вольной колонизации и связанной с ней теме «возникновения и постоянного пополнения разбойного элемента» [Майорова 2021, с. 268–269].

Два экземпляра рукописи «Разбои и клады Низового Поволжья» были в 1892 г. отосланы в Русское географическое общество (РГО) и в Общество истории, археологии и этнографии при Казанском университете. Один из них до сих пор хранится в Научном архиве РГО в Санкт-Петербурге, по поводу другого, который в архивных фондах Казани не обнаружен, высказано предположение, что он был возвращен в Саратов, сохранился в ГАСО и является тем самым, который взят в основу рассматриваемой публикации [Минх 2021, с. 17].

Как и «Записки о Крымской войне», рукопись «Разбоев и кладов» много раз дополнялась и редактировалась Минхом. Сделанные на полях или написанные на отдельной странице авторские пометки и дополнения составляют около 40 % от объема текста всей рукописи. Она в итоге приобрела весьма сложную структуру, включающую основную часть, 5 приложений и 62 дополнения. Автор предполагал со временем ее упорядочить перед публикацией, но не успел это намерение исполнить. Для соблюдения «логики повествования и авторской мысли» все собранные А.Н. Минхом материалы были сведены составителями в единый текст [Минх 2021, с. 18].

Условно для лучшего восприятия текст разбит на 4 части, в начало каждой вынесены подзаголовки вошедших в нее основных сюжетов. Ему предпослано обстоятельное Предисловие, а завершают Комментарии, словарь устаревших слов и выражений, Именной и Географический указатели, Список сокращенных слов. Здесь также выделен раздел «Рисунки А.Н. Минха к рукописи». В качестве иллюстративного материала приложены еще фотографии из альбома «Спутник по Волге и ее притокам Каме и Оке» начала XX века.

Составители обращают основное внимание на то, что в отличие от ряда своих коллег (Д.Л. Мордовцева, Н.Ф. Хованского и др.), занимавшихся

схожей проблематикой, но «излагавших данные только из архивных источников», Минх «широко использовал народную историю (предания, легенды) и свои находки (остатки землянок, валов и пр.)» [Минх 2021, с. 9]. Таким образом, он расширил источниковую и методологическую базу исследования за счет материалов фольклора, «устной истории» и археологии, проявив зачатки подхода, который вполне современно и справедливо можно считать междисциплинарным.

Составители считают, что в целом «Разбой и клады» написаны в соответствии со ставшей «традицией саратовских краеведов» упоминать «об антикрепостническом крестьянском движении» при объяснении причин как вольной народной колонизации, так и бунтов, грабежей, «воровства» на Волге [Минх 2021, с. 9–11]. Это мнение обоснованно, но требует уточнений. Так, термин «антикрепостнический» в значении «антифеодальный» появляется не в XIX в., а в советский период. Сами составители отмечают социальное, этническое, конфессиональное разнообразие здешних бунтовщиков и разбойников, а также причин, толкавших к бегству и преступлениям не только крестьян.

Следует иметь в виду, что еще сотрудники Минха по СУАК отмечали наличие в устной традиции излишней переоценки роли беглецов в истории Поволжья, хотя «нет никаких оснований преувеличи-

вать значение этого элемента» (Герасимов 1923, с. 340). Современные же исследователи отмечают отсутствие четкой грани между народной и правительственной колонизацией, показывают возможности легализации на новых местах жительства самовольных «сходцев», включая беглых [Смирнов 2011, с. 192]. Криминальные действия были далеко не единственной практикой выживания в Поволжье, обращение к ним обуславливалось не только и не столько социальными или экономическими факторами, но и причинами психологического, субъективного свойства. Даже в бунтах и иных массовых выступлениях можно разглядеть проявления не только объективных интересов, но и манипуляцию сознанием, как личностным, так и коллективным.

Заключение

В целом опубликованные рукописи характеризуют Минха как ученого, расширявшего пространство исторического знания источниками, порожденными личным опытом и извлеченными из коллективной памяти народа. Его находки и наблюдения требуют дальнейшего освоения, которое облегчено введением их в широкий читательский круг и научный обиход, благодаря усилиям саратовских архивистов и краеведов, показавших замечательный пример современной эдиционной практики.

Материалы исследования

Герасимов 1923 – *Герасимов А.А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов: Друкарь, 1923. 375 с.

Коновалов 1913 – *Коновалов Ф.П.* Александр Николаевич Минх. (1833–1912 г.) // Живая старина. Периодическое издание отделения этнографии Императорского РГО. СПб., 1913. Вып. I–II. С. 201–208.

Список 1913 – *Список трудов А.Н. Минха* // Живая старина. Периодическое издание отделения этнографии Императорского РГО. Санкт-Петербург, 1913. Вып. I–II. С. 208–212.

Хованский 1911 – *Хованский Н.Ф.* Минх Александр Николаевич // 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. Краткие биографии. Саратов, 1911. С. 21–22.

Библиографический список

Климкина 2017 – *Климкина Э.В.* Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг.: современное прочтение // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сборник материалов IV Поволжского научного конгресса. Самара: СаГА, 2017. С. 126–132. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29068293>. EDN: <https://elibrary.ru/utscqir>.

Майорова 2021 – *Майорова А.С.* Изучение А.Н. Минхом истории заселения Саратовского Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, № 2. С. 264–269. DOI: <http://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-264-269>. EDN: <https://elibrary.ru/gjwwkk>.

Майорова 2020 – *Майорова А.С.* История Саратовского края в трудах А.Н. Минха // Историкографический сборник: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 256–266. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42863935>. EDN: <https://elibrary.ru/fkffnn>.

Минх 2019 – *Минх А.Н.* Записки о Крымской войне / предисл., коммент. А.И. Пиреева. Саратов: СГЮА, 2019. 276 с.

Минх 2021 – *Минх А.Н.* Разбои и клады Низового Поволжья / публ. Ю.Г. Степанов. Саратов: СГЮА, 2021. 336 с.

Пиреев 2018 – *Пиреев А.И.* Записки А.Н. Минха о Крымской войне // Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 77–82. URL: <https://rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/6139/milevskiy-minh-zapiski-o-krymskoy-voyne>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=32361954>. EDN: <https://elibrary.ru/ynjikv>.

Смирнов 2011 – *Смирнов Ю.Н.* Легализация беглых и самовольных переселенцев в ходе колонизации юго-востока Европейской России в XVIII – первой половине XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2011. № 2. С. 191–195. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19434413>. EDN: <https://elibrary.ru/qjhjif>.

Смирнов 2022 – *Смирнов Ю.Н.* Особенности цензурной политики во время Крымской войны 1853–1856 гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 4. С. 33–37. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-4-33-37>. EDN: <https://elibrary.ru/rvstg>.

References

Klimkina 2017 – *Klimkina E.V.* (2017) The Crimean (Eastern) War of 1853-1856: a modern interpretation. In: *Foreign policy interests of Russia: history and modernity: collection of materials of the IV Volga scientific congress*. Samara: SaGA, pp. 126–132. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29068293>. EDN: <https://elibrary.ru/ymcqir>. (In Russ.)

Mayorova 2021 – *Mayorova A.S.* (2021) A.N. Minh's study of the history of the Saratov Volga region settlement. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, vol. 21, no. 2, pp. 264–269. DOI: <http://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-264-269>. EDN: <https://elibrary.ru/gjwwkk>. (In Russ.)

Mayorova 2020 – *Mayorova A.S.* (2020) History of the Saratov region in the works by A.N. Minh. Historiographic collection: interuniversity collection of scientific works. Saratov: Saratovskii istochnik, pp. 256–266. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42863935>. EDN: <https://elibrary.ru/fkflnn>. (In Russ.)

Minh 2019 – *Minh A.N.* (2019) Notes about the Crimean War. Foreword, commentaries by A.I. Pireev. Saratov: SGYuA, 276 p. (In Russ.)

Minh 2021 – *Minh A.N.* (2021) Robberies and treasures of the Lower Volga region. Compiled by Stepanov Yu.G. Saratov: SGYuA, 336 p. (In Russ.)

Pireev 2018 – *Pireev A.I.* (2018) Notes by A.N. Minh about the Crimean War. *Otechesvennye arkhivy = Domestic archives*, no. 1, pp. 77–82. Available at: <https://rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/6139/milevskiy-minh-zapiski-o-krymskoy-voyne>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=32361954>. EDN: <https://elibrary.ru/ynjikv>. (In Russ.)

Smirnov 2011 – *Smirnov Yu.N.* (2011) Legalization of fugitive and unauthorized immigrants during the colonization of the southeast of European Russia in the XVIII – first half of the XIX centuries. *Rus', Rossiya. Srednevekov'e i Novoe vremya*, no. 2, pp. 191–195. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19434413>. EDN: <https://elibrary.ru/qjhjif>. (In Russ.)

Smirnov 2022 – *Smirnov Yu.N.* (2022) Some features of censorship policy during the Crimean War of 1853–1856. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 28, no. 4, pp. 33–37. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-4-33-37>. EDN: <https://elibrary.ru/rvstg>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ

УДК 94 (470)

Дата поступления: 18.10.2022
рецензирования: 25.11.2022
принятия: 10.03.2023

Рецензия на монографию: Bonwetsch B. Mit und ohne Russland. Eine familiengeschichtliche Spurensuche. Essen: Klartext-Verlag, 2017. 168 S. ISBN 978-3-8375-1770-5 = Бонвеч Б. С Россией и без нее / пер. с нем. Л. Башкиной. Москва: Издательство «ИстЛит», 2019. 240 с. ISBN 978-5-6042416-0-8

С.И. Дубинин

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: dubinin.si@ssau.ru. Web of Science Researcher ID: P-3522-2015. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6248-9812>

Аннотация: В рецензии рассматривается последняя прижизненная монография известного немецкого историка Бернда Бонвеча (1940–2017) «С Россией и без нее», посвященная многоаспектному исследованию истории его семьи и родственных кланов в контексте немецко-русских связей XIX–XX веков. Данное изыскание отмечено уникальными фрагментами по истории группы российских немцев (т. н. «имперских немцев») в Среднем Поволжье и в Самарском крае в частности. Историко-мемуарная книга Б. Бонвеча, имеющая подзаголовок «исследование семейной истории», соединяет ряд хронологических очерков, отмеченных интересными персоналиями и аналитикой социальных, гендерных и конфессиональных групп немцев России и их этнических субкультур. Цельное по своему замыслу изыскание профессора Бонвеча, базируясь на уникальных мемуарных и личных документах, резюмирует сложность и многообразие отношений Германии и России в переломные моменты современной истории.

Ключевые слова: Бернд Бонвеч; немцы в России; «имперские немцы»; российские немцы; Поволжье; германо-русские связи; история семьи; источники личного происхождения.

Цитирование. Дубинин С.И. Рецензия на монографию: Bonwetsch B. Mit und ohne Russland. Eine familiengeschichtliche Spurensuche. Essen: Klartext-Verlag, 2017. 168 S. ISBN 978-3-8375-1770-5 = Бонвеч Б. С Россией и без нее / пер. с нем. Л. Башкиной. Москва: Издательство «ИстЛит», 2019. 240 с. ISBN 978-5-6042416-0-8 // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 210–213. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-210-213>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дубинин С.И., 2023

Сергей Иванович Дубинин – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC REVIEW

Submitted: 18.10.2022
Revised: 25.11.2022
Accepted: 10.03.2023

Review of the monograph: Bonwetsch B. Mit und ohne Russland. Eine familiengeschichtliche Spurensuche. Essen: Klartext-Verlag, 2017. 168 S. ISBN 978-3-8375-1770-5 = Bonwetsch B. With and without Russia / translated from German by L. Bashkina. Moscow: Izdatel'stvo «IstLit», 2019, 240 p. ISBN 978-5-6042416-0-8

S.I. Dubinin

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: dubinin.si@ssau.ru. Web of Science Researcher ID: P-3522-2015. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6248-9812>

Abstract: This review considers the last lifetime monograph of the famous German historian Bernd Bonwetsch (1940–2017) «With and without Russia», dedicated to a multifaceted study of the history of his family and its kindred clans in the context of German-Russian relations of the XIX–XX centuries. This research is marked by unique fragments on the history of a group of Russian Germans (the so-called «imperial Germans») in the Middle Volga region and in the Samara region in particular. B. Bonwetsch's historical and memoir book, subtitled «family history research», combines a number of chronological essays marked by interesting personalities and analytics of social, gender and confessional groups of Russian Germans and their ethnic subcultures. The research of Professor Bonwetsch, integral in its design, based on

unique memoirs, summarizes the complexity and diversity of relations between Germany and Russia at the turning points of modern history.

Key words: Bernd Bonwetsch; Germans in Russia; «imperial Germans»; Russian Germans; Volga region; German-Russian relations; family history; sources of personal origin.

Citation. Dubinin S.I. Review of the monograph: Bonwetsch B. *Mit und ohne Russland. Eine familiengeschichtliche Spurensuche*. Essen: Klartext-Verlag, 2017. 168 S. ISBN 978-3-8375-1770-5 = Bonwetsch B. *With and without Russia / translated from German by L. Bashkina*. Moscow: Izdatel'stvo «IstLit», 2019, 240 p. ISBN 978-5-6042416-0-8. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 210–213. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-210-213>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Dubinin S.I., 2023

Sergei I. Dubinin – Doctor of Philology, professor, head of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Среди современных гуманитариев написание научных исследований о судьбах своей семьи не слишком распространено, а историки не являются здесь исключением. В этом отношении монография «С Россией и без нее» (2017 г.) профессора Бернда Бонвеча (Bernd Bonwetsch, 1940–2017), личность которого знаменательна для российской исторической германистики, стала по-своему уникальным и амбициозным проектом.

Бернд Бонвеч происходил из семьи предков сохранявших германское гражданство немцев, переселившихся в Россию в середине XIX века. Этот большой семейный клан проживал в разных регионах Поволжья. В начале Первой мировой войны семья была вынуждена продать свой бизнес и вернуться в Германию, осев в Берлине, где в 1940 г. в семье инженера Курта Бонвеча родился Бернд. В семье уже не говорили по-русски, и Бернд самостоятельно решил изучать славистику и историю России. В 1962–1967 гг. он штудировал историю, славистику и сравнительную педагогику в университете Гамбурга и в Свободном университете Берлина. В 1968–1969 гг. он завершил образование как архивовед в Калифорнийском Стэнфордском университете (США). В 1972 году Бернд Бонвеч защитил диссертацию в Гамбурге, начав с 1973 года научно-педагогическую деятельность в Институте восточноевропейской истории университета в Тюбингене. В 1980–2003 гг. он заведовал кафедрой восточноевропейской истории в Урском университете (Бохум).

В конце 1990-х гг. Бонвеч инициировал создание межвузовского «Западносибирского центра германских исследований». В 2003–2009 гг. он в должности директора-основателя Германского исторического института в Москве (ГИИМ/ДНИ) заложил основы и внес большой вклад в сотрудничество между ГИИМ и российско-германской Комиссией историков. Бернд Бонвеч сделал во многом своей жизненной задачей служение делу взаимопонимания между Германией и Россией, а не только между историками и гуманитариями обеих стран [Корнева 2018, с. 91–92, 96].

Предметом научных интересов профессора Бонвеча, отмеченных весомыми публикациями¹,

в основном была современная история России. На рубеже 1990-х годов он был одним из первых немецких авторов, которому удалось поработать в российских архивах, а владение русскоязычными источниками позволило расширить диапазон изысканий и по истории немцев России. Трагические последствия для германо-российских отношений мировых войн во много стали акцентом изысканий по данной теме.

В жанровом отношении рецензируемая монография Б. Бонвеча представляет собой синтез научного изыскания и «романно-мемуарной формы» изложения с прологом (представление «действующих лиц») и эпилогом, а также истории путешествия большой немецкой семьи, что делает ее прочтение особенно увлекательным. Текст образован автономными очерками-эссе, а нарратив сосредоточен на персоналиях в их жизненной перспективе, на исторических деталях, комментариях реалий. Русский перевод книги Б. Бонвеча был издан посмертно (2019 г.) репрезентативно с отдельным воспроизведением фотодокументов (см. рис.).

Основная часть

Содержание книги Бонвеча разбито на отдельные историко-культурологические сюжеты, воплощенные в очерках и в аналитических обзорах: *Манящая чужбина. Воспоминания деда и другие источники. Немцы в России. С Кавказа на Волгу. Семья Бонвеч. Управляющий в Усолье: Рудольф Бёттихер. Саратовские предприниматели: Роберт Эрт и Август Штраат. Все вместе. Дачи в Баранниковом овраге. Немецкий или русский? Первая мировая война и изгнание имперских немцев. Эпилог. Комиссия по делам репатриации. «После России». Берлин – Шарлоттенбург. После 1945 года. Жизнь «без России».* Приложение включает родословные и биографические сведения о членах трех родственных семейств – Бонвеч, Эрт и Штраат.

Как справедливо отмечают авторы русского перевода книги Бонвеча, ее сюжет помогает понять, что в историческую науку его, как и некоторых ученых из поколения «детей войны», во многом привело эмоциональное желание понять глубину, прочувствовать и объективировать коллизии германо-российских отношений в XX веке (с. 5–6).

¹ https://de.wikipedia.org/wiki/Bernd_Bonwetsch.

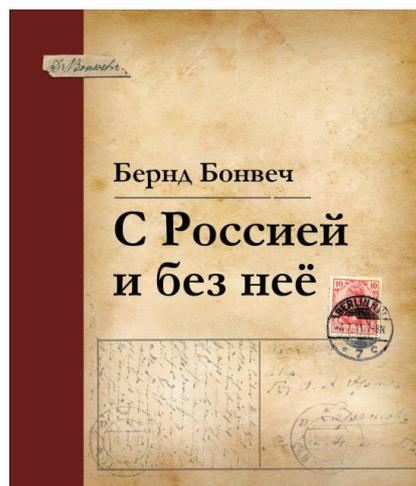

Рисунок – Обложки оригинала (2017 г.) и перевода (2019 г.) книги Б. Бонвеча
 Figure – Covers of the original (2017) and translation (2019) of the book by B. Bonwetsch

Сам автор начал предисловие со слов: «Эта книга появилась на свет благодаря участию многих людей», подчеркнув продуктивность именно коллегиального характера подобных исторических изысканий и отметив, что издательство „Klartext“ (г. Эссен) закономерно включило книгу в серию «Публикации по культуре и истории в Восточной Европе. Т. 50» (с. 9–10).

Заслуживает внимания многосторонняя аргументация Бонвечем ключевого тезиса исследования о неоднородности и разновекторности развития сообществ «немцев России» (глава «*Немцы в России*»). Они представлены российскими немцами (потомки аграрных колонистов XVIII века и поселян-собственников середины XIX века), т. н. «имперскими немцами» (сохранявшими германское гражданство, находившимися на службе в России), этно-конфессиональными общностями (меннониты, гернгуттеры), локальными субэтническими общностями (балтийские или «остзейские» немцы), группами/диаспорами обрусевшей городской немецкой интеллигенции, предпринимателей, духовенства и бюрократии.

Автор активно вводит в аналитический обиход и систематизирует семейную мемуаристику немцев в России, а также критически исследует документы, опубликованные на разнообразных личных и коллективных (землячества) интернет-форумах потомков и сообществ российских немцев.

Семейство Бонвечей и родственные ему кланы в основном позиционировались именно как «имперские немцы» и рассматриваются в монографии на протяжении трех-четырех поколений. В этой связи мы сделаем два хронологически разделенных содержательных акцента.

Так, несомненный интерес для истории Самарского и соседних регионов (Симбирск, Саратов) в первую очередь имеет раздел книги «*Управляющий в Усолье: Рудольф Бёттихер*». Главной источниковой базой для Бонвеча здесь по-прежнему

явились уникальные документы и мемуарные тексты личного происхождения (письма, семейные альбомы, записи воспоминаний и др.).

Продолжительная деятельность и инициативы управляющего огромным имением (вотчиной) графа В.П. Орлова-Давыдова в Усолье Рудольфа Генриха Бёттихера (Bötticher, 1819–1878) и сменившего его сына Пауля (1851–1912) упоминаются в исследованиях самарских краеведов [Усольское собрание... 2015, с. 169–170, 173]. Б.Бонвеч детализирует аспекты новаторской деятельности немецкого управляющего, который был сторонником наемного труда, в контексте пореформенных преобразований в России, трансформаций аграрного управления и развития фермерского хозяйства.

Цитируемые Бонвечем записки Хелены Эрт (Бёттихер), старшей дочери управляющего, «Воспоминания из моей жизни» (рукопись, 79 с., 1935 г.) содержат многообразные сведения об особенностях хозяйствования, о быте, традициях и верованиях местных народов, о языковой среде и этносознании семьи управляющего, об укладе провинциальной дворянской жизни в имении². Некоторые представители семейства управляющего Бёттихера и родственных кланов проживали в Самаре, пересекаясь в частности с другими «немецкими персоналиями», например, с Оскаром-Карлом Кёницером, что представляет несомненный интерес для исследования [Савченко, Дубинин 1994, с. 7, 84].

Второй акцент хотелось бы сделать на главе монографии «*После России*». Здесь Бонвеч дает беспристрастный анализ трагичной ситуации после 1918 года с т. н. «возвращенцами» – представителями трех рассматриваемых в книге кланов «бывших имперских немцев», переживших тяготы

² На кафедре немецкой филологии Самарского университета на материале этого источника выполнена магистерская работа А.Б. Драгуновой «Концепт «Родина» в языковой картине мира немцев в России» (2021 г.).

репатриации в Германию и кризисную ситуацию в стране после Первой мировой войны. Историк стигматизирует этот процесс как «изгнание» и пытается ответить на вопрос о причинах эволюции и радикализации взглядов родственников, об истоках активной поддержке многими членами семьи нацистского движения, о членстве в НСРПГ, которое саркастически обозначено как «партийное помешательство Бонвечей», многие из которых «с гордостью носили свой партийный значок» (с. 193–194).

Автор отмечает, что накануне прихода нацистов к власти: «<...> политические симпатии всех вернувшихся из России немцев не были на стороне республики. <...> Им было присуще национальное консервативное мышление» (с. 170). В ситуации дефицита семейных документов периода Третьего рейха Б.Бонвеч обратился к материалам Федерального архива (Центральная картотека членов НСРПГ), проанализировав партийные учетные карточки родственников и объективно представив отдельные персоналии и коллективные настроения.

Заключительный раздел монографии Бонвеча «Жизнь “без России”» содержит, несмотря на

очевидные печально негативные констатации, определенный оптимистический импульс в первую очередь для самого автора как ученого-историка и гуманитария, который своим исследованием и подвижничеством попытался возместить эту «утрату».

Заключение

Монография Б. Бонвеча представляет несомненный интерес для исследователей, занимающихся проблемами германо-российских отношений, историей, этно- и лингвокультурой немцев России, а также историей Среднего Поволжья. Эта книга – не просто история семьи Бонвечей, но и попытка разобраться в себе, объяснить свой путь как историка, понять, почему Россия притягивала ее автора всю жизнь. К сожалению, в целом работа ученого осталась не оконченной: Бонвеч продолжал поиски, намечал новые сюжеты и родственные связи, собрав дополнительный материал, планируя расширенное переиздание книги.

Именно таких личностей как профессор Бонвеч сегодня так остро не хватает в сфере германо-российского научного сотрудничества.

Библиографический список

Корнева 2018 – *Корнева Л.Н.* История России и Германии в судьбе немецкого ученого // *Historia Provinciae – журнал региональной истории.* 2018. Т. 2, № 2. С. 91–110. DOI: <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-2-5>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uzexwu>.

Савченко, Дубинин 1994 – *Савченко И.А., Дубинин С.И.* Российские немцы в Самарском крае. Самара: Самарский университет, 1994. 100 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30078319>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zifhof>.

Усольское собрание... 2015 – *Усольское собрание* графов Орловых и Орловых-Давыдовых в историческом и культурном ландшафте Самарской луки / сост. Н.А. Бессонова. Самара: Офорт, 2015. 548 с. ISBN 978-5-473-01002-2.

References

Korneva 2018 – *Korneva L.N.* (2018) The history of Russia and Germany in the destiny of the German academic. *Historia Provinciae – zhurnal regional'noy istorii – Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 2, no. 2, pp. 86–103. DOI: <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-2-5>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uzexwu>. (In Russ.)

Savchenko, Dubinin 1994 – *Savchenko I.A., Dubinin S.I.* (1994) Russian Germans in the Samara Territory. Samara: Samarskii universitet, 100 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30078319>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zifhof>. (In Russ.)

Usolskoe collection... 2015 – *Usolskoe collection* of counts Orlov and Orlov-Davydov in the historical and cultural landscape of the Samara bow. Compiled by N.A. Bessonova. Samara: Ofort, 548 p. ISBN 978-5-473-01002-2. (In Russ.)

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ

УДК 81'27

Дата поступления: 16.01.2023
рецензирования: 17.02.2023
принятия: 10.03.2023

«Женское» в эпистолярном наследии. Рецензия на книгу Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова: Лингвоперсонологические портреты жительниц Северного Прикамья на основе региональных эпистоляриев первой половины XX века: Материалы и исследования / науч. ред. Л.Л. Мазитова. Соликамск: РТО СГПИ филиал ПГНИУ: ООО «Типограф», 2022. 199 с.

Л.М. Пантелеева

Пермский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», г. Пермь, Российская Федерация
E-mail: liliya_pant@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5815-1288>

Аннотация: Рецензируемая монография посвящена лингвоперсонологическому анализу феминной языковой личности, являющейся рядовым представителем своей эпохи. Исследование строится на материале эпистоляриев уральских жительниц дореволюционного периода и советского времени. В связи с тем что информативность привлеченных к исследованию эпистоляриев неодинакова, лингвоперсонологический анализ производится с акцентированием различных аспектов. В книге решаются задачи по выявлению конституирующих черт лингвоперсон, определению набора гендерно маркированных признаков в речевом поведении, реконструкции исторической личности адресата, характеристике психоэмоционального состояния адресанта. Часть из представленных методик разработана непосредственно авторами и существенно обогащает теорию языковой личности, а введенные в научный оборот женские письма представляют собой довольно редкие источники как по характеру создания, так и по отбору архивами для хранения.

Ключевые слова: лингвоперсонология; лингвогендерология; лингвоисточниковедение; женский эпистолярный

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 19-412-590001 «Вариативность региолекта: территориальный, социальный и когнитивный аспекты».

Цитирование. Пантелеева Л.М. «Женское» в эпистолярном наследии. Рецензия на книгу Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова: Лингвоперсонологические портреты жительниц Северного Прикамья на основе региональных эпистоляриев первой половины XX века: Материалы и исследования / науч. ред. Л.Л. Мазитова. Соликамск: РТО СГПИ филиал ПГНИУ: ООО «Типограф», 2022 // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 214–218. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-214-218>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

© Пантелеева Л.М., 2023

Лилия Михайловна Пантелеева – кандидат филологических наук, научный сотрудник департамента иностранных языков, Пермский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 614070, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Студенческая, 38.

SCIENTIFIC REVIEW

Submitted: 16.01.2023
Revised: 17.02.2023
Accepted: 10.03.2023

«Female» in the epistolary heritage. Review on the book: Logunova N.V., Mazitova L.L. Linguopersonological portraits of the female resident of the Northern Prikamye on the basis of regional epistolaries of the first half of the XX century: Materials and research; Mazitova L.L. (Ed.). Solikamsk: RTO SGPI filial PGNIU: ООО «Tipograf», 2022. 199 p.

L.M. Panteleeva

Higher School of Economics Campus in Perm, Perm, Russian Federation
E-mail: liliya_pant@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5815-1288>

Abstract: The monograph under review is devoted to the linguopersonological analysis of a feminine linguistic personality, which is an ordinary representative of her time. The study is based on the material of the epistolaries of the inhabitants of the Urals, written in the pre-revolutionary period and the Soviet era. Since the information content of the epistolaries involved in the study is not the same, the linguopersonological analysis is carried out with an emphasis on various aspects. The book solves the problems of identifying the constitutive features of linguopersons, determining a set

of gender-marked features in speech behavior, reconstructing the addressee's historical personality, and characterizing the sender's psycho-emotional state. Some of the presented methods were developed directly by the authors and significantly enrich the theory of linguistic personality, and women's letters introduced into scientific circulation are quite rare sources both in terms of the nature of creation and selection by archives for storage.

Keywords: linguopersonology; linguogenderology; linguistic and source studies; female epistolary.

Acknowledgements: The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Perm Territory within the framework of the scientific project № 19-412-590001 «Regiolect Variability: Territorial, Social and Cognitive Aspects».

Citation. Panteleeva L.M. «Female» in the epistolary heritage. Review on the book: Logunova N.V., Mazitova L.L. Linguopersonological portraits of the female resident of the Northern Prikamye on the basis of regional epistolaries of the first half of the XX century: Materials and research; Mazitova L.L. (Ed.). Solikamsk: RTO SGPI filial PGNIU: ООО «Типограф», 2022. 199 p. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 214–218. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-214-218>. (In Russ.)

Conflict of interest information: the author declares no conflict of interest.

© Panteleeva L.M., 2023

Liliya M. Panteleeva – Candidate of Philological Sciences, Researcher at the Department of Foreign Languages, Higher School of Economics Campus in Perm, 38, Studencheskaya Street, Perm, 614070, Russian Federation.

Введение

В 2022 году в свет вышла монография Н.В. Логуновой и Л.Л. Мазитовой «Лингвоперсонологические портреты жительниц уральской провинции на основе региональных эпистоляриев первой половины XX века: Материалы и исследования». Это издание, несомненно, заслуживает специального обсуждения, поскольку исследование затрагивает одну из проблем современной гендерной лингвоперсонологии – портретирование феминной языковой личности, являющейся рядовым представителем своей эпохи. Значимость этой проблемы обусловлена тем, что совокупность феноменологических описаний составляет фактологическую базу для широких обобщений в отношении типичных проявлений социальности в том или ином историко-культурном контексте. Сама же проблема обостряется по мере сужения круга источников от настоящего к прошлому.

Обсуждаемая книга является одиннадцатым по счету монографическим изданием коллектива. При этом книжные публикации авторов появлялись в направлении от сугубо лингвоисторико-ведческих изданий: [А про то барону Строганову ведомо было... 2006; Памятники деловой письменности конца XVIII века... 2009; Монастырский быт и уклад XIX века... 2011; Николаевская церковь... 2011], к комплексным – лингвоисторико-ведческим и лингвоперсонологическим – работам с акцентированием лингвоантропологического и языковедческого (лингвопрагматического, нормативно-функционального, историко-лексикологического) аспектов: [Речевое пространство... 2011; Система образования на Урале... 2013; Речевая культура... 2015; Светское и духовное... 2017; Языковая личность в зеркале эпохи... 2019; Человечество на войне... 2022; Логунова, Мазитова 2022].

Основная часть

Рецензируемая монография имеет утвердившуюся в издательской практике коллектива структуру: материалы и исследования. В первой части книги публикуются письма уральских жительниц

дореволюционного периода и советского времени, во второй части – приводится разноаспектный лингвоперсонологический анализ эпистолярия с учетом гендерно маркированных особенностей речевого поведения адресантов. Издание сопровождается алфавитно-частотным указателем лексики текстов.

Лингвоисторико-ведческая основа монографии (включая как сами тексты писем, так и указатель лексики) выполнена с учетом строгого соблюдения графических, орфографических и справочных принципов публикации письменного наследия. Авторы обращаются к документам, находящимся на хранении в фондах муниципальных краеведческих музеев – соликамского и чердынского, а также к выложенным в интернете эпистолярным текстам, создатели которых проживали в уральском регионе. 86 писем, введенных в научный оборот, представляют собой одну из немногих подборок женских эпистоляриев о повседневности – учебной и рабочей, дореволюционной и советской, тыловой и военной. По времени создания эти автографы относятся к тому кругу источников, которые производились людьми и сохранялись архивами гораздо в меньшей степени, чем тексты мужского авторства. По опыту архивной работы авторов монографии, «речевая продукция женщин по отношению к мужской составляет пропорцию приблизительно 1:4» (с. 130, здесь и далее указаны страницы из рецензируемой книги).

Лингвоперсонологическая глава монографии состоит из нескольких параграфов. В первых двух излагаются принципы исследования и характеристика источников. Авторами обзорно представлены установленные лингвогендерологами показатели феминности в речевых произведениях; приводятся сведения о содержании и истории эпистолярных архивов, подвергнутых изучению.

В следующих параграфах данной главы осуществляется разноаспектное аналитическое описание языковых личностей женщин. В фокус исследования попадают прежде всего женские нарративы: письма (1930–1951 гг.) сестер Зина-

иды и Серафимы Лапаевых к матери, переписка (1909–1917 гг.) учениц Соликамской женской гимназии, письма (1941 г.) учительницы Л.Г. Давыдовой мужу, письма (1942–1944 гг.) жительниц Урала ближайшим родственникам. Также анализу подвергается мужской нарратив с целью реконструкции женского портрета, отраженного в нем. Материалом этого параграфа выступают письма (1941–1946 гг.) Т.В. Антипина жене, М.Я. Швецово-вой.

В каждом из параграфов исследовательская оптика выстроена индивидуально, поскольку информативность материала в рассматриваемых кейсах разная. Среди значимых факторов, ограничивающих возможности исследования гендерно детерминированных показателей речевой продукции, авторы справедливо отмечают отсутствие затекстовой информации о языковой личности и невозможность некоторых процедур: сопоставления женских писем с мужскими по времени и обстоятельствам коммуникации, расширения наличного объема материала, изменения параметров коммуникативной ситуации.

На материале частной переписки сестер Лапаевых исследователи выявляют конституирующие черты лингвоперсон в трех ракурсах: 1) особенностей употребления языковых единиц разных уровней, 2) уровней общей и письменной речевой культуры, 3) отраженных в письмах аксиологических установок. Длительность переписки позволяет авторам монографии проследить также и динамику в речевом поведении Зинаиды и Серафимы. Выстроенные по совокупности фактов лингвистические портреты адресантов отличаются обстоятельностью психолого-языковой характеристики исторических личностей.

В эпистолярных гимназисток и соликамской учительницы Л.Г. Давыдовой лингвисты выявляют набор гендерно маркированных признаков в речевом поведении языковых личностей. Приметы женской речи последовательно устанавливаются в первом случае – в области морфемики, лексики, синтаксиса, графики, тематики и внешних параметров писем (почерка и элементов украшения письма), во втором – в области тематики, языковых способов выражения оценки, чувств и эмоций, характеристики состояний, особенностей использования интенсификаторов и диминутивов. Авторами подчеркивается, что степень проявления феминности у разных языковых личностей неодинакова, следовательно, различна и степень выраженности феминности в тексте. Обращается внимание и на то, что установить маркеры феминности в тексте непросто, т. к. гендерно обусловленные маркеры речи подчас «тесно переплетаются с другими факторами, определяющими как содержание, так и форму коммуникации» (с. 113).

На материалах писем Т.В. Антипина жене, М.Я. Швецово-вой, реконструируется ее историческая личность. (Как отмечают авторы, воссоздать языковую личность адресата не представлялось

возможным, поскольку в их распоряжении не было речевой продукции М.Я. Швецово-вой.) Специфические черты ее портрета выявляются с опорой на смысловые блоки в письмах адресанта. Значимыми для характеристики адресата признаются фрагменты текстов об обстоятельствах жизни Марии, взаимных оценках коммуникантов или их самооценках, отношениях коммуникантов, советах жене. Все эти аспекты портретирования удалось наблюдать благодаря высокому уровню речевой культуры Т.В. Антипина и его уверенному владению эпистолярным жанром. Однако, по признанию самих исследователей, портрет Марии, отраженный в речевой продукции мужа, носит отчасти гипотетический и субъективный характер, поскольку лишен возможности сравнения с речевыми произведениями адресата.

Способы выражения психоэмоционального состояния адресанток выступили объектом внимания в параграфе, посвященном письмам военного времени. Проанализировав содержание женских писем, адресованных близким родственникам, исследователи заключают, что доля эмоциональной составляющей в них неодинакова: «[е]сть индивиду, для которых передача своего состояния не является значимой интенцией, но если они находятся в близких отношениях с адресатом, то их подлинные чувства выражаются в неявной, подтекстовой форме. Для других описание своих состояний представляется важным, и они открыто вербализуют свои чувства и переживания. Часть из таких адресантов осознает ограниченность своих возможностей в глубине и точности передачи всего спектра переживаемых психоэмоциональных состояний. Они включают в свои послания поэтические тексты, созвучные их настроению (а если могут, порождают их сами)» (с. 129).

В целом исследование, посвященное речевой продукции носительниц обыденного сознания, представляет большой интерес для антропологических направлений лингвистики. В работе развернуто и убедительно показана зависимость между качествами речевой продукции и рядом экстралингвистических факторов: *личностных* (гендер, возраст, психотип, личностные качества, уровень образования, уровень развития личности, жизненный опыт, субкультурная принадлежность, мотивы и интенции, эмоциональное состояние, тип мышления, картина мира и образ Я, коммуникативная роль, отношение коммуникантов), *историко-культурных* (исторический контекст, обстоятельства жизни, тип ситуации), *технических* (объем текста, тип носителя).

Выполненное монографическое исследование невозможно рассматривать в отрыве от предшествующих работ коллектива. В нем применен ранее освоенный и детализированный авторами подход к описанию языковой личности, заключающийся в выявлении 1) целей коммуникации и формы общения, 2) реализации той или иной коммуникативной роли, 3) характера отношений между коммуникан-

тами, 4) эмоционально-психического настроения коммуникантов. Авторы опираются на свои предыдущие наблюдения о закономерностях реализации естественной письменной речи и многомерном эмоциональном профиле человека, оказавшегося в экстремальных условиях военного времени.

Опыт предшествующих исследований был развит в данной работе за счет реализации гендерного аспекта, а также выстраивания комплексной сравнительной характеристики двух исторических языковых личностей (на примере писем сестер Лапаевых). Кроме того, исследование содержит образец анализа гендерно маркированных проявлений речевого поведения, осуществляемого на стыке лингвоперсонологии и интерпретационной лингвистики. Лингвоперсонологическая методика была скорректирована для случаев реконструкции личности адресата, т. е. ситуаций, когда его черты выявляются на основе анализа речевой продукции адресанта. «В этих условиях выявление черт личности адресата осуществляется с опорой на тематические блоки из писем адресанта, которые релевантны для выполнения этой задачи» (с. 82).

Монография удачно выстроена: в тексте легко ориентироваться благодаря последовательной и

четкой структуре рассуждений, подробному объяснению исходных принципов и методологии исследования в каждом из параграфов. Работу с лексикой источников значительно облегчает алфавитно-частотный указатель знаменательных и служебных частей речи.

Заключение

Разноаспектный подход к анализу «женского» в эпистолярном наследии демонстрирует широту возможностей лингвоперсонологии в изучении человека. Результаты данного исследования имеют значение для теории языковой личности, поскольку обогащают ее новыми методиками анализа, позволяющими реконструировать историческую личность адресата на основе речевой продукции адресанта, а также устанавливать корреляцию между разными стратегиями передачи настроения и доминирующими интенциями. Прикладная значимость работы обоснована возможностью применения разработанных методик и полученных выводов в нескольких междисциплинарных областях (лингвоперсонологии, лингвогендерологии, лингвоантропологии) и образовательной практике.

Библиографический список

- А про то барону Строганову ведомо было... 2006 – *А про то барону Строганову ведомо было... Памятники деловой переписки XVIII-XIX вв.* / сост. Л.А. Белова, Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова. Усолье: Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых», 2006. 200 с.
- Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова 2022 – *Логунова Н.В., Мазитова Л.Л.* Лингвоперсонологические портреты жительниц уральской провинции на основе региональных эпистоляриев первой половины XX века: Материалы и исследования / Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова; науч. ред. Л.Л. Мазитова. Соликамск: РТО СГПИ филиал ПГНИУ: ООО «Типограф», 2022. 199 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49189470>. EDN: <https://www.elibrary.ru/euujya>.
- Монастырский быт и уклад XIX века... 2011 – *Монастырский быт и уклад XIX века: рукописные материалы Соликамского Святотроицкого мужского монастыря* / сост. Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова; науч. ред. Н.В. Логунова. Соликамск: СГПИ, 2011. 220 с. URL: <https://rucont.ru/file.ashx?guid=d393acad-a784-4d5e-8a66-31097521c3f1>.
- Николаевская церковь... 2011 – *Николаевская церковь. Новоусольские документы первой трети XIX века* / В.А. Цыпуштанов, Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова. Усолье: МУК УИАМ «Палаты Строгановых», 2011. 112 с.
- Памятники деловой письменности конца XVIII века... 2009 – *Памятники деловой письменности конца XVIII века: из архива Соликамского Святотроицкого мужского монастыря* / сост. Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова; науч. ред. Н.В. Логунова. Соликамск: РИО СГПИ, 2009. 248 с.
- Речевая культура... 2015 – *Речевая культура жителей Северного Прикамья в начале XX века: материалы и исследования* / Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова; науч. ред. Л.Л. Мазитова. Соликамск: РТО СГПИ (филиал) ПГНИУ, 2015. 377 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25334350>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vikemt>.
- Речевое пространство... 2011 – *Речевое пространство Северного Прикамья в синхронии и диахронии* / Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова, Л.М. Пантелеева, М.В. Толстикова; науч. ред. Л.Л. Мазитова. Соликамск: СГПИ, 2011. 269 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20199091>. EDN: <https://www.elibrary.ru/raaldd>.
- Светское и духовное... 2017 – *Светское и духовное в пространстве регионального текста XVIII – XIX веков: материалы и исследования* / Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова, Л.М. Пантелеева; науч. ред. Н.В. Логунова. Соликамск: РТО СГПИ филиал ПГНИУ: ООО «Типограф», 2017. 284 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30616518>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ztznbv>.
- Система образования на Урале... 2013 – *Система образования на Урале и уровень образованности населения региона до 1917 года* / Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова, Е.В. Протасова; науч. ред. Е.В. Протасова. Соликамск: СГПИ, 2013. 223 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23567172>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tvssux>.
- Человек на войне... 2022 – *Человек на войне: «взгляд из окопа» (лингвоперсонологический анализ частных эпистолярных архивов периода Великой Отечественной войны)*: материалы и исследования / Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова; науч. ред. Н.В. Логунова. Соликамск: РТО СГПИ филиал ПГНИУ: ООО «Типограф», 2022. 635 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49533388>. EDN: <https://www.elibrary.ru/fcwsgd>.

Языковая личность в зеркале эпохи... 2019 – *Языковая личность в зеркале эпохи (по рукописным и печатным источникам первой половины XX века): материалы и исследования / Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова; науч. ред. Л.Л. Мазитова. Соликамск: РТО СГПИ филиал ПГНИУ: ООО «Типограф», 2019. 273 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37282463>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uyxaor>.*

References

And Baron Stroganov knew about that... 2006 – *Belova L.A., Logunova N.V., Mazitova L.L. (2006) And Baron Stroganov knew about that... Monuments of business correspondence of the XVI–XIX centuries]. Usolye: Usol'skii istoriko-arkhitekturnyi muzei «Palaty Stroganovykh», 200 p. (In Russ.)*

Logunova, Mazitova 2022 – *Logunova L.V., Mazitova L.L. (2022) Linguopersonological portraits of women of the Ural province based on regional epistolaries of the first half of the XX century; Mazitova L.L. (Ed.). Solikamsk: RTO SGPI filial PGNIU: ООО «Типограф», 199 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49189470>. EDN: <https://www.elibrary.ru/euyjya>. (In Russ.)*

Monastic life and lifestyle of the XIX century... 2011 – *Logunova N.V., Mazitova L.L. (2011) Monachism and lifestyle of the XIX century: handwritten materials of the Solikamsk Holy Trinity Monastery; Logunova N.V. (Ed.). Solikamsk: SGPI, 220 p. Available at: <https://rucont.ru/file.ashx?guid=d393acad-a784-4d5e-8a66-31097521c3f1>. (In Russ.)*

Nicholas Church... 2011 – *Tsyppushtanov V.A., Logunova N.V., Mazitova L.L. (2011) Nicholas Church. Novousolye documents of the first third of the XIX century. Usolye: MUK UIAM «Palaty Stroganovykh», 112 p. (In Russ.)*

Monuments of business literature of the end of the XVIII century... 2009 – *Logunova N.V., Mazitova L.L. (2009) Monuments of business literature of the end of the XVIII century: from the archive of Solikamsk Holy Trinity Monastery; Logunova N.V. (Ed.). Solikamsk: RIO SGPI, 298 p. (In Russ.)*

Speech culture... 2015 – *Logunova N.V., Mazitova L.L. (2015) Speech culture of the inhabitants of the North Prikamye in the beginning of XX century: documents and research; Mazitova L.I. (Ed.). Solikamsk: RTO SGPI (filial) PGNIU, 377 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25334350>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vikemt>. (In Russ.)*

Speech space... 2011 – *Logunova L.V., Mazitova L.L., Panteleeva L.M., Tolstikova M.V. (2011) Speech space of Northern Prikamye in synchrony and diachrony; Mazitova L.L. (Ed.). Solikamsk: SGPI, 269 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20199091>. EDN: <https://www.elibrary.ru/raaldd>. (In Russ.)*

The secular and the spiritual... 2017 – *Logunova N.V., Mazitova L.L., Panteleeva L.M. (2017) The secular and the spiritual in regional text of XVIII–XIX centuries: materials and research; Logunova N.V. (Ed.). Solikamsk: RTO SGPI filial PGNIU: ООО «Типограф», 284 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30616518>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ztnbv>. (In Russ.)*

System of education in the Urals... 2013 – *Logunova N.V., Mazitova L.L., Protasova E.V. (2013) System of education in the Urals and the level of education of the population of the region until 1917; Protasova E.V. (Ed.). Solikamsk: SGPI, 223 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23567172>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tvssux>. (In Russ.)*

Person at war... 2022 – *Logunova N.V., Mazitova L.L. (2022) Person at war: «the view from the trenches»: the study private epistolary archives of the Great Patriotic War from the point of view of linguistic personology): materials and research; Logunova N.V. (Ed.). Solikamsk: RTO SGPI filial PGNIU: ООО «Типограф» RTO SGPI filial PGNIU: ООО «Типограф», 635 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49533388>. EDN: <https://www.elibrary.ru/fcwsgd>. (In Russ.)*

Language personality in the mirror of the era... 2019 – *Logunova L.V., Mazitova L.L. (2019) Language personality in the mirror of the era (according to handwritten and printed sources of the first half of the XX century): materials and research; Mazitova L.L. (Ed.). Solikamsk: RTO SGPI filial PGNIU: ООО «Типограф» RTO SGPI filial PGNIU: ООО «Типограф», 273 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37282463>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uyxaor>. (In Russ.)*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в выпусках журнала «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология» (прежнее название – «Вестник Самарского государственного университета») принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть **оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.**

В журнале публикуются научные статьи теоретического, исследовательского и практического характера, обзоры, рецензии и отзывы на научную литературу по профилю журнала.

Тематика журнала: исторические науки и археология (5.6.1; 5.6.2; 5.6.5), педагогические науки (5.8.1; 5.8.7), языкознание (5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) двойное слепое рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Правила оформления

Текст статьи

• Статья предоставляется на русском или английском, французском, немецком и испанском языках в электронном виде (на сайте <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp> или по эл. почте murzinova.tatjana@yandex.ru), заполняется лицензионный договор.

• Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.

• Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, звание, должность, место работы, индекс и адрес места работы, электронная почта, ORCID – регистрация на сайте www.orcid.org), аннотация, ключевые слова, названия рисунков и таблиц, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.

• Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.

• Объем основного текста не должен превышать 30 страниц. Аннотация создана по IMRAD (200–250 слов), ключевых слов – не менее 8, текст статьи структурирован (минимальная структура – введение, основная часть, заключение)

• **Рисунки и таблицы** предполагают наличие названия на русском и английском языках и сквозную нумерацию.

• **Библиографический список** на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по алфавиту и содержит только научную литературу (источники, архивные документы, диссертации, словари помещаются в источники фактического материала только в русском варианте в круглых скобках, иностранные – на языке оригинала), сначала размещается иностранная литература, потом русская, по образцу: Иванов 2018 – *Иванов В.В.* Название. Город (полностью): Издательство, год. X с. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [Иванова 2017, с. 28; Память истории... 2019]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

• **Reference** оформляется по гарвардскому стилю, но без транслитерации и квадратных скобок. Например, Roediger, Wertsch 2008 – *Roediger H.L. and Wertsch J.V.* (2008) Creating a new discipline of memory studies. *Memory Studies*, vol. 1, issue 1, pp. 9–22. DOI: <http://doi.org/10.1177/1750698007083884>. Saveleva, Poletaev 2005 – *Saveleva I.M. and Poletaev A.V.* (2005) «Historical memory»: on the issue of the boundaries of the concept, in *Phenomenon of the past*. Moscow: GU VShE, pp. 170–220. Available at: http://istorex.ru/page/saveleva_im_a_v_poletaev_av_istoricheskaya_pamyat_k_voprosu_o_granitsakh_ponyatiya. (In Russ.) Если у журнала есть английское название, то оно указывается курсивом, если его нет, то курсивом дается транслитерированное название, если журнал указывает и транслитерированное, и английское названия, то они даются курсивом через знак «=»: *Vestnik Samarskogo... = Vestnik of Samara...* Желательно указывать DOI или URL. Наличие иностранных источников (около 30 %) говорит о знакомстве автора с освещением проблемы статьи за рубежом.

Допускается не более 30–40 источников в научной статье, 70–100 – в обзоре.

Графика

• Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат JPEG.

• Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Подробные требования, шаблон статьи размещены на сайте журнала <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp>. Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

Редакция журнала